

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2010
№2

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, О.Б. Неменский, М.В. Ремизов,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей,
И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА» В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ Русский национализм: теория и практика (Н.Шалимова, С.Сергеев, К.Бенедиктов, О.Неменский, Н.Холмогорова, П.Святенков, М.Ремизов)	3
ТЕМА НОМЕРА. НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ	
Совместимы ли русский национализм и демократия? Экспертный опрос	16
Александр Храмов	
Национализм и модернизация	30
Александр Горянин	
Своими путями. Русские демократические традиции. Статья первая	46
Дмитрий Саввин	
Старообрядчество как модель развития русского гражданского общества	65
Сергей Сергеев	
Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов	78
Александр Севастьянов	
Национал-демократия — не национал-социализм	119
МИРОВОЙ ОПЫТ	
Олег Кильдюшов	
Немецкий национал-либерализм как зеркало русского национального движения	141
Александр Родригес	
Национализм и пути исламской демократии	158
Елена Галкина	
От этнонационализма к исламской демократии: иранский опыт	181
ИНТЕРВЬЮ	
Глеб Павловский	
«Где бы взять национальную интеллигенцию?»	198
ПОЛЕМИКА	
Александр Елисеев	
Реальная демократия против «великой лжи»	205
ПУБЛИКАЦИИ	
Максим Брусиловский	
«Русская Правда» — живой организм»	212
Русская Правда. Хартия прав и свобод русского народа	214
ОТКЛИКИ	
Елена Чудинова	
Крепостное право как либеральный миф	218
Сергей Сергеев	
По поводу статьи Елены Чудиновой	223
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Книжное обозрение	226
Авторы номера	238
Summary	240

Русский национализм: теория и практика

«НАЦИОНАЛИЗМ — ЭТО НЕ ПОДВОРОТНЯ, А ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА»

14 апреля с.г. в здании Государственной Думы РФ в рамках работы клуба «Русский интерес» состоялась презентация первого номера журнала «Вопросы национализма», прошедшая в формате «круглого стола». Некоторые из прозвучавших выступлений мы публикуем ниже.

Надежда Шалимова, шеф-редактор журнала «Вопросы национализма»

Русским националистам пора выходить из ниши низовой пропаганды на новый уровень — на диалог с интеллектуальной элитой и на диалог с властью.

Разговор на языке интеллектуалов — это разговор, прежде всего, теоретический. С ними нужно говорить на языке описания, исследования, изучения, на академическом языке или хотя бы на языке, понятном академической среде.

Язык, на котором говорят с властью, — это язык заявлений, меморандумов, обращений и т.д. Это язык, сказанное на котором власть может игнорировать, но она по крайней мере его понимает.

Миф о том, что национализм — это мировоззрение маргиналов, невежественных людей, одержимых предрассудками — не выдерживает критики, но мы должны доказать, что именно интеллектуалы, отвергающие наши взгляды, демонстрируют узколобость и провинциализм. Это мы должны быть их судьями, а не они нашими.

Но для того чтобы занимать подобную позицию — мы должны обосновать право на нее. Первый шаг по этому пути — это теоретический журнал, по-

священный национализму, показывающий, что мы способны на саморефлексию. Мы способны на понимание самих себя — нами движут не инстинкты, а продуманная интеллектуальная стратегия. Мы знаем, чего мы хотим, и мы знаем, почему мы этого хотим. У нас есть разногласия, но мы умеем вести теоретическую дискуссию: как между собой, так и с оппонентами.

Что касается власти, она должна понять: мы способны выражать и отстаивать интересы русского народа. Выражение, формулирование интересов сейчас является не менее важной задачей, чем практические действия по их утверждению. Более того, второе невозможно без первого. Вопреки известному противопоставлению «слов» и «дел» (на котором, в частности, построена единая российская пропаганда; «Единая Россия», которой нечего сказать людям, позиционирует себя именно как «партия реальных дел»), мы понимаем, что слово само по себе уже является делом. Разумеется, в том случае, если это слово соотносится с социальной реальностью, описывает ее, а не перевирает.

С нашим появлением «улица» больше не «корчится безъязыкая», как говорил Маяковский. Ей есть чем «кричать и разговаривать». При этом мы не являемся голосом улицы в прямом смысле слова: мы обдумываем то, что люди чувствуют, являясь выразителями их чувств и мыслей. Причем мы выражаем эти чувства и мысли на том языке, на котором говорит интеллектуальное большинство мира.

Именно поэтому властью созданы мощнейшие препоны для распространения наших взглядов. Можно сосчитать на пальцах одной руки печатные и электронные СМИ, в которых вопросы русской нации и русского национализма обсуждались бы иначе, чем в резко негативном плане. Выходило и выходит огромное количество публикаций, осуждающих и дискредитирующих русский национализм, причем иногда с нарушением всех интеллектуальных норм, всех норм академической дискуссии, интеллектуальной честности, здравого смысла. Но при этом практически не слышно голоса самих националистов. По большому счету, дискуссия идет в одном направлении: наши враги обсуждают между собой, как еще нас оклеветать.

Можно совершенно определенно говорить о предательстве интеллектуалов. Российские интеллектуалы предали народ — выступая на стороне тех, кого на словах презирают, на стороне власти. *Интеллектуалы предали свой народ, предали его интересы из-за тупого страха перед национальными устремлениями русского народа.* Причем такое предательство интеллектуалов уникально для славянского мира, ибо, например, в Польше или Чехии интеллектуалы всегда принимали сторону народа. Славянские интеллектуалы — ярые националисты. В приличной стране неприлично быть антинационально настроенным.

Уродства нашей жизни, все ее неурюстройства и т.д. проистекают в том числе из этого фундаментального предательства интеллигенции.

Мы отказываемся в нем участвовать.

Нас не много, но мы есть. И доказательством тому, что мы есть, является вся наша деятельность: от правозащиты и издания журнала и книг — до создания (в перспективе) своей партии. *Все это свидетельство того, что существует часть интеллектуального сословия, которая является частью своего народа.*

Сергей Сергеев, научный редактор журнала «Вопросы национализма»

Задача нового журнала понятна — быть теоретическим органом русского национализма. В этом смысле «ВН» — издание уникальное в отечественной периодике. Но можно поставить и вопрос о его *сверхзадаче*. Я бы определил последнюю следующим образом: «ВН» — *орган Русского Националистического Просвещения.*

Употребляю слово «Просвещение» в обоих смыслах (ибо широкое распространение знаний о таком мифологизированном и демонизированном предмете как национализм — дело чрезвычайно важное), но все же особый акцент делаю именно на том его значении, которое связано с известной мировоззренческой системой, основанной французскими энциклопедистами и по сей день являющейся (несмотря на ее явные «сумерки») идеологической основой Современности. Речь, разумеется, не о том, чтобы нам взять себе в духовные наставники Дидро и Гольбаха, а о том, что русскому национализму необходимо создать столь же всеобъемлющую (и столь же влиятельную) идеологическую систему, как и французское Просвещение. Необходима Русская Энциклопедия, материалы для которой, надеюсь, будут собираться посредством нашего журнала.

Победа в умах обычно предшествует победе политической. Мечтается о том, чтобы русские интеллектуалы походили на своих германских собратьев в конце XIX столетия, как это описано у Ральфа Дарендорфа: *«В имперской Германии были национал-националисты, как Трейчке, национал-социалисты, как Шмоллер, национал-либералы, как Вебер, и множество версий и оттенков этих позиций, но все группы исповедовали примат национального».*

Если бы все группы русских интеллектуалов исповедовали «примат национального», мы, те, кого, по Дарендорфу, можно назвать «национал-

националистами», считали бы половину своего дела сделанным.

Русский национализм должен пронизывать все направления политической мысли. Но какова его магистраль? *Вне всякого сомнения, это национал-демократия.* Нам бессмысленно сегодня быть консерваторами. Консервировать в сегодняшней России нечего. Заниматься консервированием уместно находясь у власти, нахождение в оппозиции само по себе предполагает демократические дискурс и практики.

Отсюда следует и пересмотр истории русской мысли в поисках предшественников. Вряд ли нам сегодня созвучны славянофилы и Леонтьев. Зато совершенно по-новому смотрятся декабристы с их проектами русского национального демократического государства, с их этосом самостоятельного и ответственного гражданина своего Отечества.

Кирилл Бенедиктов,
писатель, политолог

Одна из наиболее тревожащих тенденций нашего времени — размывание понятия «русская нация».

В 1990–1991 гг. Ельцин и его команда взяли курс на создание концепции нации «россиян», которая, по их мысли, должна была населять РСФСР и отличаться и от «новой исторической общности людей», наследия СССР, и от наций, требовавших самоопределения советских республик (латышей, грузин, молдаван и т.д.). В то время казалось, что это прогрессивная инновация, позволяющая русским освободиться от космополитических трендов советской эпохи, основанных не на национальном самосознании, а на классовой идентичности. Увы, очень скоро стало ясно, что группировка, взявшая в свои руки власть в новой России, менее всего заинтересована в возрождении русского национального духа.

За образец была взята американская концепция гражданской нации (с важнейшим ее элементом — концепцией

«плавильного котла», где из множества фрагментов различных культур, представленных иммигрантами, выплавляется некая национальная общность). В послании Ельцина парламентариям (1994) четко указывалось, что национальные проблемы будут «сглаживаться на основе нового, заложенного в Конституции понимания нации как согражданства».

Таким образом, был совершен выбор между этнической и гражданской концепцией нации — в пользу последней. Для государства, которое даже по строгим международным стандартам является моноэтническим (русские составляют более 80% населения России), подобный выбор стал роковым.

С этого момента слово «русский» начало приобретать скорее негативный оттенок — поскольку явное демографическое преобладание русских делало их национальную идентификацию неприемлемой с точки зрения концепции «гражданской нации» россиян. *В нынешней России почетно и безопасно быть чеченцем, татаринном или евреем, но русские, подчеркивающие свою национальную принадлежность, уже довольно давно чувствуют себя не слишком уютно.* По словам бывшего министра РФ по делам национальностей (1995–2000 гг.) В.А. Михайлова, «слово “русский” у нас звучит только в негативном плане. “Русский характер”, “русская идея”, “русская культура”, “русское самосознание” — этого не услышишь. В этом отношении все другие народы в более выгодной ситуации...».

В результате там, где официальная пропаганда говорит о достижениях страны, мы в 100% случаев слышим слова «российский» и «россияне», а там, где речь идет о негативных примерах, свободно используется слово «русский» («русская мафия», «русские олигархи», «русский фашизм»). При этом не стоит сомневаться, что «россияне кавказского происхождения», так же как татары, чувашаи и т.д., не забывают

о своих корнях и всегда подчеркивают свою национальную идентификацию. Лишь русские волей государственной идеологии обязаны идентифицировать себя как безликих «россиян», предавая тем самым свою героическую историю и великую культуру.

Важнейшей задачей современного русского национализма является возвращение легитимности понятию «русский», борьба с термином «россияне» в качестве идентификационного маркера гражданской нации, населяющей РФ. В идеале нужно добиться отказа от концепции гражданской нации и возвращения к идее нации-государства, оберегающей малые нации от внешних и внутренних угроз.

Когда слову «русский» будет возвращено его прежнее достоинство, когда фраза великого русского полководца Суворова «*Мы русские! Какой восторг!*» будет восприниматься совершенно естественно, как нечто неоспоримое, когда русские люди вспомнят о своем великом прошлом и прочувствуют его всем сердцем, когда слово «россияне» будет обозначать то, что оно и должно было означать с самого начала: нации, находящиеся в культурной и политической орбите русского народа и пользующиеся привилегией иметь гражданство Великой России, — лишь тогда можно будет говорить о русском национальном возрождении. Не раньше.

Олег Неменский, историк, политолог

Дискуссии о нации и национализме в современном русскоязычном мире становятся все более активными и заметными, втягивая в себя представителей самых разных взглядов, что само по себе свидетельствует об актуальности этой темы, ее растущей значимости для общества и государства. Даже действующая российская власть заявила свой национальный проект (создания «российской нации»), что стало символическим признанием со стороны Кремля национальной перспективы будуще-

го. При этом русская ситуация в этом плане имеет ряд очень своеобразных черт, определяющих как уникальность тех проблем, с которыми приходится сталкиваться, так и характер хода самих дискуссий о нации, их восприятия в широких кругах. Определяются они главным образом тем местом, которое отводилось русскому народу в предшествующую эпоху, в Советском Союзе.

В первую очередь надо заметить, что у русских по сей день фактически нет своей традиции националистической мысли. Ранний русский национализм, формировавшийся в начале XX в., после 1917 г. попал под жесткий запрет, а большинство его деятелей были уничтожены. Удар был столь сильным, что существенного развития он не получил даже в эмигрантской среде. Не возродился он и за годы советской власти.

Замечу, это принципиально отличало русскую ситуацию от любого другого народа бывшей Российской империи: для всех остальных националистическая мысль была не только признана, легализована, но и получила официальный и «единственно верный» статус. Более того, во многих случаях националистические идеологии сознательно создавались на почти пустом месте, то есть для народностей, никакой потребности в национальных формах мысли еще не испытывавших. Почти все советские нации были созданы сверху, и националистическая мысль, при определенных идеологических ограничениях (борьбе с «буржуазным национализмом») просто декретировалась. На нее работали не только представители национально-сознательной интеллигенции, но и вся сфера гуманитарной науки страны.

Советский Союз представлял собой огромную националистическую фабрику. Она принимала на свои станки гигантские и весьма разрозненные массы этнических групп, а на выходе выдавала вполне современного вида нации. Нации с хорошо усвоенным национальным самосознанием, с норми-

рованными и неплохо развитыми литературными языками, со всеми формами национальной политической жизни, а в большинстве случаев и с решенными (довольно жесткими способами) проблемами с различного рода меньшинствами. В этом смысле распад Союза был логическим завершением всего начатого в 1917 г. процесса, ведь националистическая форма мысли обязательно требует в качестве закономерного итога национального суверенитета и независимости.

Единственный (из крупных) народ, которому в СССР было отказано во всей этой процедуре создания современной нации, — русский. И сделано это было глубоко осознанно и теоретически обоснованно. Сдерживание «старшего брата», то есть запрет на его политическую субъектность, одновременно с прославлением прогрессивного характера «национализма малых наций», являлось залогом сохранения единства страны: этнически русские люди составили в советском доме своего рода связующий материал для создаваемых кирпичиков-наций, которым в свою очередь был предоставлен максимум национальных прав. Так и РСФСР оказалась единственной ненациональной союзной республикой, которая даже внутри себя, имея немало национальных автономий, не допускала какого-либо подобия форм русской нации (что полностью унаследовано и современной РФ).

Националистическая мысль была для русских абсолютно табуированной сферой. Утверждалось снисходительное отношение к любым проявлениям национализма «малых народов», но «национализм большой нации» отождествлялся с нацизмом. Ассоциация, при всей своей крайней неадекватности, однозначно пугающая: любой русский человек чувствовал крайнюю чуждость нацистской идеологии русской культуре, а кроме того, она была признана преступной международным сообществом и именно благодаря героической победе

нашего народа в Великой Отечественной войне. Такая ассоциация делала любой росток русской национальной мысли общественно осуждаемым, да и просто преступным в глазах самой же русской общественности. А то, что нация является победившей формой государственной и международной жизни в Европе, причем во многом как раз благодаря исходу Второй мировой войны, говорить было не принято. Этому способствовал официально принятый примордиалистский подход в национальном вопросе: утверждалось древнее существование всех наций, а государственная националистическая практика описывалась лишь как законная «реализация права наций на самоопределение». Право, которое для русских утверждалось как ненужное. В конечном счете русский народ самоопределяется в «дружбе с другими народами», а не в политической субъектности.

Впрочем, ассоциации национализма и нацизма помогал и весь советский дискурс «национальности», принятый как официальный и имевший даже выражение в законах. Советское понятие «национальности», окончательно закрепленное Конституцией 1936 г., имело корни (как и коммунизм) как раз в немецкой общественной мысли первой половины века, то есть действительно обладало своего рода «зарядом нацизма». «Национальность» мыслилась как биологическая категория, наследуемая «по крови» от родителей (хотя бы от одного из них) и составлявшая важнейшее качество гражданина, пожизненно закрепленное в его паспорте. В рамках таких понятий любой проект «русской нации» действительно оказывался близок немецкому нацизму — и это, кстати, та опасность, которая актуальна для русских по сей день.

Распад Союза застал русских врасплох: в параде суверенитетов постсоветских наций русские участия не принимали. А идейная реакция на происходящее свелась к развитию советских же понятий, только теперь полно-

стью распространяемых на все народы бывшего СССР: осуждение национализма в любых его проявлениях, и уже не важно — больших наций или малых. Правда, с этим осуждением русские остаются одиноки. Да и до его практической реализации дело не дошло: национальные автономии в РФ не только сохранили, но и упрочили свои национальные формы.

Между тем западная социологическая мысль за вторую половину XX в. проделала огромный путь в осмыслении главного феномена западной жизни современной эпохи — нации. Современная националогия очень глубоко осмыслила то, что представляют собой и как складываются нации, став одновременно и фактическим обоснованием современных форм национальных и межнациональных отношений. С некоторой раскачкой в 1990-е гг. российское общество все же начало проявлять интерес к этой области: стали переводиться классические западные исследования, писаться обзоры и аналитика, осваивающие чуждый дискурс нации.

Эта догоняющая работа по ознакомлению и адаптации западной мысли о нации второй половины XX в. — также важнейшее свойство современных российских дискуссий о нации, заметно меняющее их тон и содержание на протяжении прошедших двух десятилетий. Собственно, российская гуманитарная и политическая общественность (правда, еще довольно малая ее часть) начинает заново знакомиться с тем, что такое нация и национализм, какую роль они играли в истории и какое место они занимают в современном мироустройстве. Осваиваются модернистская и конструктивистская парадигмы националогической мысли, различения между этническими и гражданскими национализмами, специфическая проблематика современных споров о нации.

Это своего рода ученический этап русского осмысления феномена нации, и он еще далек от завершения. Однако он необходим и актуален для ученых и

общественных деятелей самых разных идейных направленностей — как национальной, так и *анти*национальной. И в этом же плане большое значение имеет и ознакомление с наследием русского дореволюционного национализма, оставившим после себя немало текстов, до сих пор плохо знакомых русскому обществу. Их изучение и новая актуализация крайне важны для возобновления прерванной традиции мысли, одновременно давая мощный толчок ее новому развитию.

При этом для русских дискуссий о нации имеет принципиальное значение ряд очень своеобразных проблем, точнее сказать — вызовов, на которые русская общественная мысль вынуждена реагировать и искать свои варианты ответов.

В первую очередь таким вызовом является украинство и близкие к нему, отчасти реализованные или только задуманные проекты (белорусская нация, казакство). Искусственное создание коммунистической Москвой на основе западнорусского населения новых наций, введение в сознание русского народа Западной Руси новых форм идентичности и даже новых самоназваний раскололо русский народ и поставило под вопрос все его традиционное самосознание, его представление о себе и своей истории. Не случайно то, что происходит сейчас на Украине, столь чувствительно воспринимается в России, а «оранжевая революция» оказала на внутрироссийскую государственную и общественную жизнь чуть ли не большее влияние, чем на украинскую. Вызов украинского национализма, процессы украинизации и противостояния им на Украине — важнейшая тема всей русской мысли, во многом задающая ее тематику и направленность.

Другой вызов для современной русской национальной мысли, оказывающий на нее огромное воздействие, — это западная русофобия. Старая советская пропаганда мирного сосуществования и интернационализма, равно

как и крайне европоцентричная модель марксистской истории не давали услышать проблему укорененной в западной культуре русофобии: негативное отношение принято было объяснять политическими противоречиями холодной войны и антагонизмом с капиталистическими элитами. По-настоящему тема русофобии (в том числе и внутренней) стала актуальной только в 1990-е гг., и с тех пор общественный интерес к ней только растет. Большую роль играют многочисленные теперь контакты с западными народами, а также значительное присутствие продуктов западной культуры в русскоязычном информационном пространстве. Последние годы также большое значение приобрели публикации переводов статей западных СМИ о России и русских, ставшие здесь одними из самых читаемых текстов. Негативный внешний имидж, открытые проявления неприязни и ненависти к русским, которые трудно объяснять только политическими противоречиями, заставляют по-новому взглянуть на международные отношения и положение русских и России в мире.

Большое значение в этом процессе приобрела Польша: ее политика в отношении России и ее соседей, выступления ее деятелей в СМИ и с трибун международных форумов, стиль ее журналистов писать о России. Еще недавно почти не замечаемая страна стала приобретать для русских все более значимый образ «враждебного иного». Во многом именно это создает общественный запрос на появление политики, основанной на понятиях о русских национальных интересах.

На этом фоне приобретает все большую значимость и цивилизационная тематика. До сих пор нет более-менее общего представления о месте русского народа среди других народов. Но возрастающая активность мусульманского мира (в том числе и внутри России) и отторжение со стороны Запада вызывают массовый интерес к специфике русской культуры и русской исторической

судьбы. И здесь *важнейшим вопросом является также и то, насколько национальные формы жизни, собственно «нация», согласуются с нашей культурой, имеющей корни в Православии и в историческом опыте жизни на Восточно-Европейской равнине.* Ведь нельзя не заметить определенную чуждость русской культуре западной по происхождению идее нации, что находит свое выражение в нежелании принимать соответствующий дискурс со стороны целого ряда консервативных мыслителей современной России.

Но важнейший вызов — тот, что современная Россия и все постсоветское пространство так и не обрели своих завершенных форм: вполне очевидно, что местные государственности, созданные еще большевиками, очень несовершенны и им предстоит трудный период внутреннего реформирования, а наверняка и кардинальных трансформаций. Даже весьма успешные советские национальные проекты не были доведены до цельных форм и нередко теперь находятся в кризисе. Для такой же страны, как современная Россия, понятие о «нации» может оказаться еще более значимым, чем для ее соседей, и в первую очередь это из-за того, что она не наследует даже советского национального проекта. При этом *русские остаются последним крупным народом Европейской части света, не обладающим не только своим nation-state, но и самыми простыми институтами самоуправления хотя бы на уровне культуры.* Примечательно, что такую неизбежность национального будущего признает даже официальная российская власть (например, В. Сурков в своей книге «Национализация будущего» написал: «Суверен-демократический проект относится к числу допускающих будущее, и не какое-нибудь, но отчетливо национальное»), выступая со своими проектами, хотя их крайняя спорность уже и стала общепризнанной.

Дискуссии о нации и национализме становятся важнейшим фоном и со-

держанием русской общественной жизни, привлекающим к себе все больше внимания. И несомненно, что именно в этих спорах рождается наше будущее. «Нация возникает с того момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть» (Т. Эриксен). И особенно важным представляется то, что эта «группа влиятельных людей» понимает при этом под «нацией», как она представляет себе ее природу и свойства. То, как будет проходить дискуссия о природе нации в современном российском обществе, определит в результате то, каким это общество будет завтра. И облик будущей нации будет напрямую зависеть от того, на основании каких понятий общество будет формировать свою национальную жизнь.

Наталия Холмогорова,
исполнительный директор Русского
Общественного Движения (РОД),
ответственный секретарь журнала
«Вопросы национализма»

Здесь уже говорилось о том, что русский национализм в современном отечественном сознании дискредитирован. Соответственно, *на том месте, где должны были бы находиться политические практики националистов, много лет зияла какая-то черная дыра.* Если возникал вопрос: «Кто такие русские националисты и чем они занимаются?» — в ответ на него в сознании обычного среднего человека мгновенно являлись карикатурные картинки, сформированные массмедиа. Националист-теоретик, мыслитель — с горящими глазами и с капустой в бороде, сидя на заплыванной кухне, строчит очередной безумный проект коренного переустройства России, проект, который никто, кроме него самого или, в лучшем случае, пары-тройки таких же безумных единомышленников, никогда не прочтет. Националист-практик — здоровенный тупой гопник в темном перулке нападает на всех, чья внешность кажется ему недостаточно русской или

просто не нравится; в голове у него одна мысль — кого бы еще побить.

Эти ядовитые карикатуры так долго и с такой силой навязывались обществу, что их гипноз воздействовал даже на самих националистов. Разумеется, были люди (честь им и хвала!), которые и в 90-х, и на рубеже веков вели или пытались вести созидательную работу на национальной почве; но в целом национально-ориентированная часть общества была охвачена чувством подавляющей беспомощности. Ощущение тотального поражения и, еще хуже, тотального одиночества и разобщенности доминировало среди националистов. Либо сидеть на кухне и тешить себя фантазиями, либо брать в руки арматуру и переходить к индивидуальному террору — любые иные пути, любые способы легальной общественной и политической деятельности казались невозможными и невыносимыми.

Но в первой половине 2000-х происходит перелом. С чем он связан — еще предстоит выяснить будущим историкам. Мы, те люди, с которыми это произошло, можем лишь констатировать факт: *начиная примерно с 2005 года активная общественная и политическая деятельность в «белом» поле для националистов перестает быть уделом героев-одиночек — она становится трендом.* Одна за другой появляются националистические организации «нового типа» — нацеленные на активную, публичную и вполне легальную деятельность.

Что именно изменилось в сознании националистов, какие ментальные, идеологические перемены позволили перейти к освоению новых практик? Опять-таки — это вопрос для будущих исследователей. Находясь внутри процесса, трудно его анализировать. Назову лишь два основных фактора.

1. *Переход от ориентации на идеалы — к ориентации на интересы.* Соответственно, в центр сознания ставятся не идеалы и догмы, коренящиеся в прошлом, а актуальные проблемы

настоящего и цели, относящиеся к будущему. Основной добродетелью для националиста становится не верность идеалам, а способность решать проблемы, ставить себе цели и успешно их достигать.

2. Переход от ориентации на власть и отчужденно-пренебрежительное отношение к народу — к ориентации на народ.

Этот второй пункт особенно важен, поскольку трудно считать националистами в полном смысле слова людей, отчужденных от собственного народа, воспринимающих его как какую-то аморфную массу, которую надо «железной рукой загнать в светлое будущее», или, в лучшем случае, как пассивный объект воздействия. Отчасти с этим связана комическая тщетность былых националистических мечтаний о «приходе к власти» — и, в частности, неудачи националистического партстроительства.

Уже стало банальностью, что «националистическую партию в России создать невозможно, поскольку власть этого не позволяет и никогда не позволит». Формально это правда: действительно, в последние десять лет национально-ориентированные партии неизменно либо запрещаются, либо им по надуманным причинам отказывают в регистрации. И это, безусловно, очень плохо. Но какой грустный парадокс заключен в этой картине: партия, выражающая интересы многомиллионного народа, резко оппозиционная к существующей власти, видит смысл своего существования в том, чтобы получить от этой власти разрешение жить и действовать! Власть отвечает: «Нет, не разрешаю». «Да-а?! — говорят националисты. — Ну ладно... Тогда мы пошли». И, поникнув головами, грустно расходятся. Народ безмолвствует. Десятки тысяч людей из партийных списков, права и интересы которых, казалось бы, явно ущемлены этим запретом, — тоже безмолвствуют. Все это заставляет думать, что перед нами — не

политическая деятельность, а какая-то симуляция.

Но в последние годы ситуация меняется. Если прежние националисты ставили перед собой задачу «прийти к власти», предполагая, что существующая власть должна этот приход либо по доброте душевной допустить, либо каким-то волшебным образом проморгать, — *националисты нового поколения понимают свою задачу иначе. Они стремятся сформировать достаточно многочисленный класс политически активных русских, осознающих свои национальные интересы, способных стремиться к власти, объединяться и вместе добиваться своих целей. Говоря коротко — стремятся создать нацию.*

Что делается для этого? Сейчас, в начале пути, работа по нациестроительству ведется в двух направлениях. Оба их можно проиллюстрировать примерами из жизни той организации, которую я представляю и членами которой многие здесь присутствующие являются, — Русского Общественного Движения.

Первый путь — то, что обычно называется правозащитой. В современном языке это слово имеет очень широкое значение, но в русском движении под правозащитой понимается нечто вполне определенное: помощь конкретным людям, пострадавшим от явно несправедливых действий органов власти или национальных диаспор, борьба с конкретными проявлениями незакония и несправедливости по отношению к русским в отечественном законодательстве и правоприменении. РОД возник именно как правозащитная организация, сложившись вокруг знаменитого «дела Иванниковой». И в дальнейшем большинство наших проектов — это были проекты, связанные с помощью конкретным людям.

Однако мы не ставим себе целью сделать какими-то единственными всенародными заступниками, супергероями, к которым все бегут за помощью. На это не хватило бы наших сил — а

главное, такая цель бессмысленна в свете нашей основной задачи. Мы стремимся к распространению нашего стиля работы и наших методов — к тому, чтобы и рядом с нами, и в других городах России возникали аналогичные ячейки активных национально-мыслящих людей, ставящих своей целью помощь русским и защиту русских от конкретных опасностей и бед. И это работает! Независимые отделения РОДа складываются в других городах; другие организации перенимают правозащитные темы и методы; наконец, возникают новые организации, по нашему примеру выбравшие своей основной задачей правозащиту в той или иной форме и успешно идущие этим путем.

Правозащита — конечно, не вполне политическое действие; однако ее можно назвать подготовительным этапом будущего политического движения. Месседж правозащиты обращен к обществу; она использует ценности и риторические приемы, положительно окрашенные в общественном сознании. Защита справедливости, помощь людям, попавшим в беду, — это ценности, важные и понятные «народным массам», в отличие от каких-нибудь идеологических или расологических дискуссий. Таким ценностям легко симпатизировать, вокруг них легко объединяться. А месседж «то же самое можешь делать и ты», распространение методик и призыв следовать нашему примеру — это то, что вычлениет из «массы» активных и целеустремленных людей будущих лидеров массового Русского Движения, дает им опыт общественной работы и первоначальные навыки.

Второй путь строительства нации — это формирование дискурса русского национализма. Хотелось бы подчеркнуть, что речь не идет о пропаганде. Националистическая пропаганда — развитой жанр, существующий давно, активно и без особой пользы. Уже два десятилетия националисты «ходят в народ» со своей пропагандой. Годами одни пишут зажигательные тексты про

«антирусский режим», другие эти зажигательные тексты читают и получают от них эстетическое наслаждение. Уже все, кто хоть минимально интересуется этим вопросом, точно знают, кто, кому и за сколько продал Россию. Вот только никакого практического результата от этих сведений не видно.

Формирование дискурса — это нечто иное. Это создание идеологической и риторической системы, которая сделает русский национализм полноценным направлением общественно-политической мысли.

Это прежде всего выработка ответов на конкретные актуальные вопросы российской действительности — ответов не демагогических, не лозунговых, обусловленных не мечтами или фантазиями их авторов, а действительными потребностями общества, представляющих собой, по сути, пункты будущей политической программы Русского Движения. Пример такого ответа на актуальный вопрос — наше недавнее обращение по кавказской проблеме.

Это выработка культуры дискуссии. Националисты не могут и, разумеется, не обязаны обо всем думать одинаково — но наши дискуссии должны вестись на достаточно высоком уровне, с неизменным взаимным уважением, так, чтобы все стороны могли извлечь из них пользу. То же касается и дискуссий с представителями других политических течений. Этой задаче посвящены несколько родовских или близких к РОДу проектов: в 2006–2008 гг. — открытый клуб «Русские Чтения», в 2008–2010 гг. — закрытый экспертный клуб «Русский интерес». Надеюсь, что плодотворным обсуждениям различных неоднозначных проблем найдется место и в нашем новом журнале.

Наконец, это создание системы уровней или ступеней дискурса. *Зрелая идеологическая система должна уметь говорить об одном и том же разными словами, обращаясь к разной аудитории.* До сих пор национализм более

или менее владел культурой «низовой» пропаганды, причем пропаганды «для своих». Сталкиваясь с необходимостью объяснить основные принципы национализма людям посторонним, находящимся «не в теме», или перевести дискуссию на высокий научно-философский уровень, националисты оказывались в затруднении. *К частичному решению этой проблемы призван журнал, который мы здесь сегодня представляем.*

Павел Святенков, политолог

Мне кажется неверным противопоставление практики и теории в выступлении Наталии Холмогоровой. Конечно, можно сказать, что предшествующие годы русское национальное движение занималось бесплодным теоретизированием. Однако неудача теоретизирования часто показывает не нищету теории как метода, а крах конкретного направления политической мысли. Заметим, что русское национальное движение в России до недавних пор было маргинализировано и занимало нишу, обязательно соотносимую с фашизмом. Если националист, то обязательно любитель Гитлера. Между тем националистами были не только Гитлер, но и Махатма Ганди, а также Джавахарлал Неру. Национальная теория и традиция не сводятся к фашизму. Больше того, по многим параметрам они ему противостоят.

Аналогичным образом *провал патриотов 90-х годов обусловлен тем, что они постоянно проповедовали «жесткую руку», диктатуру, не задумываясь над тем, чья это будет диктатура и над кем.* У них все время выходило, что это будет диктатура неизвестно кого (и это еще мягко сказано) над русским народом. А поскольку патриоты в массе своей были русскими, теория неизбежно приводила их к садомазохистской игре — прославлению плети, кнута и чужого сапога на своей шее. В мягкой форме та же идеология сводилась к прославлению пассионариев, то есть «людей длинной воли», убийц, которые

будут править и владеть нами, покуда их не сменят следующие убийцы. И так без конца.

Все то, что происходило в русской национальной мысли в 90-е и ранее, показывает не бессмысленность теории как таковой, а бесплодность прославления антирусской диктатуры, которым по неразумению занимались патриоты.

Для русского национального движения важно понять, что либерализм, демократия и современность не враждебны нашему народу. Какая, казалось бы, банальная мысль! Но в 90-е годы ее исповедовали немногие. Патриоты потому и потерпели крах и сошли с исторической сцены как массовое движение, что не смогли понять губительности авторитаризма. Особенно такого, который противостоит русскому народу и пытается превратить его в тягловую силу для очередной «империи».

Патриоты 90-х все время апеллировали к начальству и все время проигрывали. Но ведь обращение к «вождям» прямо следует из патриотической доктрины. Раз русских нет, а единственное, что нам нужно, — диктатура, нужно просто идеологически «обработать» диктатора — и все получится. Но не получалось, конечно, никогда.

И здесь очень любопытен пример Русского Общественного Движения, начавшего свою деятельность именно с теории. Что лежало в основе? Гипотеза о том, что возможна русская правосознания. Сама идея, что у русских могут быть права, в середине «нулевых» казалась дикой, абсурдной. Тем же патриотам она просто не приходила в голову. Но эта идея, сочетающая либеральную доктрину прав с отстаиванием национального достоинства, оказалась продуктивной. Больше того, сегодня, пожалуй, ее можно назвать мейнстримной.

О чем это говорит? О том, что *эффективная практическая деятельность может начаться только с теории. Другое дело, что теория должна быть правильной.* И если это произойдет, все начнет получаться «самой собой».

Михаил Ремизов, Президент института национальной стратегии

Я хотел бы поддержать Кирилла Бенедиктова в том, что размывание русской идентичности — одна из наиболее болезненных для нас проблем. Но я хочу добавить, что осознание этого факта должно некоторым образом переориентировать политическую стратегию русского национализма.

Сегодня русский национализм сфокусирован преимущественно на проблеме, которую можно обозначить как «право народа на собственное государство». «Россия должна принадлежать русским» — такова, насколько я помню, аутентичная формулировка лозунга в версии Александра III, и она точно отражает повестку национализма. Повестку борьбы за преобразование России в национальное государство. Не буду отрицать ее значимость. Но все мы понимаем сложности ее реализации.

Национализм, выдвигающий на первый план вопрос о праве на государство, оказывается основным противником существующего государства и вызывает довольно широкую негативную консолидацию в обществе. Это не только неприятно и опасно для отдельных участников движения, это крайне неблагоприятно с точки зрения его базовой миссии. *Если цель национализма — собрать нацию, а не партизанский отряд, то он должен действовать в рамках негласного общественного консенсуса, исподволь его формируя и трансформируя.* Если сегодняшний клинч с государством вызывает такую широкую негативную консолидацию — отнюдь не только со стороны заведомых недругов, — значит, пропущены какие-то важные промежуточные этапы.

Я согласен с тем, что прозвучало в выступлении Наталии Холмогоровой: все, что может быть сделано до и помимо постановки вопроса о государственной власти, должно быть сделано. Все резервы роста, которые есть в рамках существующей системы, должны быть использованы. Поэтому, *прежде чем*

говорить о «праве на государство», давайте попробуем реализовать другое право, которое является более фундаментальным и бесспорным, — «право на идентичность». Применительно к коллективным общностям оно, по сути, равнозначно праву на жизнь, поскольку речь идет о возможности народа воспроизводить себя в поколениях с помощью тех или иных культурных текстов, системы образования, повседневных практик, формирующих этническую идентичность.

Ужас ситуации в том, что сегодня русские эти возможности все больше и больше утрачивают. В публичном пространстве наша национальная самоидентификация табуирована. И это не директивный запрет, а преимущественно самоцензура.

Могу привести пример. Пару лет назад на одной выездной встрече мы с коллегами обсуждали концепцию будущего Ярославского форума — тогда еще идея обсуждалась на губернаторском уровне, а не на президентском. Естественно, вспомнили исторический бэкграунд, связанный с «Русской Правдой» Ярослава Мудрого. Так вот, модератор обсуждения, убежденный академическими седидами и совершенно русский профессор, сообщая губернатору об итогах обсуждения, физиологически не мог выговорить «Русская Правда» и говорил «Российская правда».

Конечно, это курьез, поскольку абсурдность ситуации ясна любому человеку, сохранившему хотя бы обрывочные воспоминания из школьного курса истории. Но если говорить о том, к чему эта тенденция может привести, например, в самом школьном образовании и воспитании детей, то будет уже не смешно. *Сегодня в школе, в массовой культуре, в СМИ российская идентичность подается как замена русской, а не как надстройка над ней. Но все другие народы России воспринимают общероссийскую идентичность — независимо от того, как они к ней относятся — именно как надстройку над*

базовой, этнической идентичностью. Соответственно, только в случае с русскими этническое самоопределение оказывается в вынужденной оппозиции к государственному. Кто-то реагирует на это конформистски, принимая замену «русского» на «российское», кто-то, напротив, отвергает «российскую» идентичность как враждебную.

В обоих случаях возникает нездоровая ситуация, при которой название нашей страны или различные производные от него оказываются политическим антонимом к нашему этническому самоназванию.

Эта ситуация абсолютно нетерпима. Она означает для нас семантическое поражение.

Я думаю, чтобы выйти из этой ситуации, русским стоит освоить языковой ритуал двойной идентичности. То есть *принять как норму сосуществование «российской» идентичности на общегосударственном, общегражданском уровне и русской — на национально-этническом*. То есть отдать кесарю кесарево, но себе забрать все остальное.

И это остальное будет неизмеримо больше. Потому что *русская этническая идентичность — это не этнографическая идентичность, а национальная, выразившая себя в форме национальной высокой культуры*. Та великая культура, которой мы привыкли гордиться, является именно русской. «*Российская культура*» — так можно назвать сферу ведомственного подчинения Министерства культуры. Или «*Фабрику звезд*». То же самое касается нашей исторической памяти. Вроде бы история России писалась как «история государства Российского». Как история князей, царей, генсеков. Но если попытаться представить ее себе как нечто целостное, то есть как рассказ, сфокусированный вокруг некоего «главного героя», то таковым может быть только русский народ. *Если после многочисленной смены государственно-территориальных форм и идеологий что-то продолжает нас связывать с нашей историей (а*

это, несомненно, так), то именно заключенное в ней этническое начало.

Я говорю это к тому, что культурных ресурсов русской идентичности более чем достаточно, чтобы обеспечить ей необходимую гравитацию. Необходимо лишь снять с нее табу, которое существует не только в официальной цензуре, а в сознании обывателя. Для этого *мы должны сделать абсолютно привычным и естественным тот факт, что у русских есть своя этническая идентичность и свои этнические интересы наряду с общегражданскими. Что сам факт их наличия не является вызовом по отношению к государству и другим народам России, а является неотъемлемым правом этнического сообщества*. Сформировать культуру их обсуждения и признания (собственно, в этом ценность журнала, клуба, который нас сегодня собрал).

Если это удастся сделать, то, уверен, и с правом на государство дело будет обстоять намного лучше.

В завершение хочу отметить, что этот неприятный парадокс — мы боремся за свое место, за элементарное признание в стране, которую именно мы, как народ, собрали, одушевили в ходе нашей истории — касается не только русского национализма, но национализма как такового. Будучи одной из сил, создавших современный мир, сделавших современность тем, чем она является, он вдруг оказывается маргиналом, изгоем, который оказывается под вечным подозрением и прячется, как сегодня было сказано, по подворотням.

Но давайте хотя бы мы не будем приносить эти правила игры. Давайте будем напоминать себе и другим о некоем праве первородства. О том, что *национализм — это не подворотня, а скорее уж Триумфальная арка*. О том, что *ни демократия, ни социальное государство, ни современные системы образования, ни многое другое были бы немыслимы без этого внутреннего национального принципа*. И если он будет утрачен, здание современности непременно рухнет.

СОВМЕСТИМЫ ЛИ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ?

Экспертный опрос

Валерий Соловей,
доктор исторических наук, профессор

Для доказательства того, что демократия и национализм не только не антагонистичны, но, наоборот, дружественны и неразрывно связаны, соблазнительно прибегнуть к историческому методу. Возникновение и строительство национальных государств, национально-освободительные движения и проч., с конца XVIII в. и по сей день демонстрируют нам впечатляющий ряд не просто сотрудничества, а значительного совпадения самих субстанций национализма и демократии. Фундаментальный вывод из исторического опыта следующий: *если национализм был обвенчан с демократией, он добивался политического успеха, если противостоял ей, то в конечном счете проигрывал* (несмотря даже на временные успехи).

Однако, как говорил герой одного английского романа, не надо рассказывать о прошлом, которое и так хорошо известно, лучше расскажите о будущем. Это будущее вырастает из сегодняшнего дня, где для нас особенно интересны и важны два обстоятельства. Во-первых, безальтернативность демократии если не как формы политического устройства, то хотя бы как легитимирующего мифа. От Народно-демократической республики Корея и Ливийской Джамахирии до Исламской республики Иран, Российской Федерации, Венесуэлы и проч. подавляющее большинство современных стран прижигает на верность демократии.

Наблюдатели, мнящие себя искишенными знатоками политиками, цинично полагают, что демократия не более чем клетка, в которую надо поймать птичку. Но ведь эта птичка, которая в нашем случае зовется русским народом, относится к демократии — не к слову, а к стоящим за ним ценностям и принципам — вполне серьезно. В подавляющем большинстве своем русские — это во-вторых — страстно жаждут социальной справедливости, свободы национальной жизни и права самим решать собственную судьбу. То есть они хотят всего того, что и составляет квинтэссенцию демократии, причем демократии социальной.

Если русские националисты действительно русские и действительно националисты, если они желают своему народу блага, то не имеют права игнорировать и презирать магистральное устремление собственного народа, устремление, которое по своей сути демократично.

Однако приверженность демократии для русского национализма — не только моральный выбор и проявление солидарности с собственной этнической группой, но и рациональный политический расчет. Союз национализма, демократии и идей социальной справедливости (только не в коммунистическом духе!) — единственный идеологический синтез, способный породить в современной России массовую динамику. Лозунг «Свобода, Нация, Справедливость» (в любом порядке перечисления) имеет гораздо

больше шансов на положительный отклик в обществе, чем отдельно взятые лозунги «Нация», «Справедливость», «Свобода».

Предельно огрубляя, выбор следующий: если вы всерьез боретесь за политическую власть, то, оставаясь националистами, обязаны стать еще демократами и сторонниками социальной справедливости. Если вы выступаете за реставрацию самодержавной монархии, евразийской империи и прочий откровенно или завуалированно антирусский бред, то вы не занимаетесь политикой, а имитируете ее.

Дмитрий Андреев, политолог

Симбиоз национализма и демократии может быть продуктивным для обоих компонентов только в том случае, когда речь идет о монокультурных и однородных в этническом отношении государствах. Например, о Польше. Или — на противоположном конце Евразии — о Японии. С западноевропейскими обществами, которые принято считать эталонными демократиями, уже сложнее. Здесь задействованы колоссальные пропагандистские ресурсы для подмены естественного национализма титульного народа политкультурным суррогатом — гражданственностью, чтобы хотя бы как-то противостоять тоталитаризму иммигрантских анклавов. Однако бесплодность подобного искусственного цивилизма очевидна. Обретя заветное гражданство, иммигранты не становятся французами, англичанами и немцами. Напротив, они обращают полученные вместе с заветным паспортом колоссальные социально-политические возможности на безукоризненное с точки зрения формальных демократических норм отеснение местных «аборигенов» от власти и собственности.

Две тысячи лет назад варвар изо всех сил стремился стать римлянином и уже в качестве именно римлянина бороться

за место в жизни. Сегодня налицо обратная ситуация — новый варвар хочет оставаться варваром, но при этом пользоваться всеми благами сытой и обустроенной Европы — от соцпакета до Интернета — за счет налогов, аккуратно выплачиваемых законопослушными бюргерами. А в перспективе — кстати, совсем недалеко — превратить этих самых бюргеров в функциональную службу, антропомассу, стремительно сокращающуюся в результате депопуляции и неспособную воспрепятствовать утверждению на пространстве от Атлантики до Рейна и от Балтики до Альп новой культурной идентичности. То есть совершенно очевидно, что на Западе национализм и демократия не совместимы. Автохтонный европеец никогда в жизни не предпочтет — поборится или же просто не сможет — сохранить собственную культурную идентичности слепому поклонению химере демократии. Последняя же в свою очередь будет все больше и больше становиться инструментом культурной стерилизации Старого Света от рудиментов умирающей европейской культуры. Похожая ситуация и по другую сторону Атлантики. Американское гражданство не в силах перевоспитать «латиносов», вожделевущих о Великой Мексике. Да и с «расовым миром» «васповцев» и «афроамериканцев», как оказывается, не все в порядке.

Зачем же нам повторять чужие ошибки и заниматься выведением нежизнеспособного гибрида — русского национализма с демократическим лицом? Для такого гибрида нужны совершенно иные государственные границы и принципиально другой состав населения. Самым правильным решением в нашей ситуации стал бы отказ как от национализма, так и от демократии — благо, что ни то, ни другое у нас еще толком не прижилось. Однако столь сильный ход — дело не сегодняшнего дня, а в лучшем случае отдаленного будущего. Русский на-

ционализм сейчас — растущая (или же целенаправленно выращиваемая?) величина, во многом закономерная и естественная (хотя при этом лишенная примитивизма толпы и поражающая своей организованностью) реакция на внешнее управление, топорно маскируемое под демократию, которая в свою очередь в новом веке старательно расписывается в патриотические тона. Поэтому уже сама постановка вопроса о совместимости русского национализма и демократии приводит к двум суждениям. Если русский национализм — пускай ущербная, но все же подлинная, не имитационная попытка сопротивления внешнему управлению, то его приручение к демократическим ценностям неизбежно выхолостит и обесмыслит эту попытку. Если же русский национализм — просто очередной параллельный сценарий внешнего управления, то пропаганда его совместимости с демократией — это тот поводок, за который при случае можно будет осадить политизделие, если оно возомнит себя субъектом, способным принимать решения.

Удивительно только, что на фоне, казалось бы, явной непригодности бывших европейских империй к одновременной адаптации национализма и демократии Россию пытаются развести по столь примитивной и устаревшей схеме. Подобной концептуальной беспечностью проектантов русского демократического национализма грех не воспользоваться.

Александр Кустарев, социолог

Совместим ли русский национализм с демократией? Приступая к импровизированным рассуждениям на указанную тему, поясним, что на сей раз будем понимать под демократией *только* политический строй с такими свойствами: а) всеобщее избирательное право; и б) многопартийность. То есть либеральную представительную демократию. Впрочем, это, я думаю,

совпадает с интуитивным пониманием большинства тех, кто сейчас это читает.

Теперь приступим к самой импровизации. Сначала посмотрим, помогает ли демократия в борьбе с разными проявлениями национализма как синдрома общественного поведения.

Если «национализм» — это дискриминационные практики в пользу одних этнических групп и в ущерб другим, то это нарушение прав человека (равенства возможностей) и в той мере, в какой соблюдение прав человека коррелирует с демократией, подобная практика может считаться несовместимой с демократией. В условиях демократической конституции больше вероятность, что такая практика будет объявлена нелегальной. Но будет ли антидискриминационное законодательство соблюдаться более последовательно и эффективно в условиях демократии, я сказать затрудняюсь. Мне даже кажется, что попытки выяснить это кончатся ничем из-за того, что эмпирия в данном случае слишком хаотична, а если ее обобщение все-таки возможно, то оно не имеет никакой прогностической силы. Соответствующим образом индоктринированный диктатор *завтра* может бороться с любой дурной практикой (злоупотреблением) решительнее и успешнее, чем *сегодня* самоуправляемая нация, тем более что *вчера* такое уже бывало, о чем враги демократии, кстати, и не перестают нам злорадно напоминать.

Если «национализм» — это установка (в виде политического требования или действующего законодательства) на формально-легальное ограничение иммиграции, затрудненное предоставление полного гражданства иммигрантам и ограничения в правах неграждан, то напрямую это демократии не противоречит, коль скоро любой коллектив может быть конституирован как демократия и в то же время оставаться частично и даже полностью закрытым для посторонних. Право

клуба ограничивать доступ в него по каким угодно критериям неоспоримо, коль скоро сам клуб легален. Суверенное национал-государство легально. Можно объявить его нелегальным и тем более поставить под сомнение целесообразность его легальности, но пока оно легально, оно имеет право давать или не давать свое гражданство кому хочет. Что думают об этом недопускаемые в «клуб», но желающие в него вступить посторонние, не имеет никакого значения.

Можно подозревать, что закрытый характер коллектива косвенно неблагоприятен для его демократии, поскольку этически коррумпирует коллектив и по импликации подрывает эффективность демократии, но это лишь подозрение. Подозревать можно и прямо противоположное. Во многом это зависит от особенностей конкретного коллектива.

Но если мы понимаем национализм как идеологию, вдохновляющую проект самоорганизации популяции («множества» — *multitude*, как нас теперь приучают это называть) на исторически и легально закрепленной за ним территории в виде «национал-государства» (*nation state*), то вопрос о его совместимости с демократией становится проблемой конституции.

Тогда, прежде всего, следует напомнить, что становление современного национал-государства было жестко связано с политической эмансипацией масс, то есть превращением подданных государя в граждан государства, в электорат, в коллективного референдаря (на ежедневном референдуме, как говорил Эрнест Ренан) и в суверена. В таком государстве нация и демократия — это эпифеномены друг друга, или, если угодно, содержания друг друга как формы и формы друг друга как содержания. Как сказал бы наш поэт: *нация и демократия — близнецы-братья, / друг от друга им никуда не деться; / мы говорим: нация, подразумеваем — демократия, /*

мы говорим: демократия, подразумеваем — нация...

Но на самом деле совместимость национализма и демократии проверяется в границах партикулярных коллективностей. Большинство из них с самого начала искусственно, то есть они настолько разнородны, что в принципе должны бы сепарироваться. И национализм каждой из них предполагает не только суверенитет и единство «народа», но еще и культивирует своеобычие своей агентуры. Педалирование этой стороны националистического проекта оказалось необходимо именно в борьбе за независимость таких агентур.

И это привело к серьезной реконструкции проекта национал-государства. Концептуализация нации как демократии *par excellence* оказалась не единственно возможной.

Сперва возникла потребность, а потом появилась возможность концептуализировать нацию как особую культурматериальность, отличную от других. И среди выбираемых отличительных признаков (рядом с эпическим мифом, тотемами и табу) неизбежно оказался и традиционный опыт самоорганизации, то есть политического строя. Демократия из естественного скелета нации превратилась в особенность некоторых наций.

Соблазнительность недемократических национал-государственных проектов (подкрепляемых некоторыми новыми теориями нации, то есть авторитетом науки, и маскируемых разными толкованиями «демократии»), похоже, сейчас возрастает в связи с тем, что авторитет демократии (напомню: либеральной представительной демократии) сейчас вовсе не так высок, как это было 200, или 100, или даже 50 лет назад. Поводов для этого много, и я не буду сейчас их перечислять. Замечу только, что даже там, где она была, она имманентным образом перерождается в свою противоположность.

В соблазн концептуализировать себя как недемократическую нацию, как

мне кажется, впадает сейчас все более обширный сегмент российской просвещенной публики. Отсюда и сомнения в совместимости русского национализма с демократией — злорадные или восторженные.

Эти сомнения имеют достаточно оснований, если судить по опыту последних двух столетий, поскольку превратить исторически-географическое российство из империи в нацию-демократию не удалось. Не удалось в 1905–1917 гг.: от первоначального проекта отступали все дальше назад. После 1917 г. этого даже не пытались сделать, выдвинув проект «народной демократии» («однопартийной», или «тоталитарной демократии» как это называл Яков Тальмон).

Но не следует забывать, что попытка царизма преобразовать империю в нацию в XIX в. на скелете «недемократической» (не будем уточнять, какой именно) конституции не удалась тоже.

Что же получается? *Русскую нацию (национал-государство) не удавалось до сих пор сформировать ни как «демократию», ни как «недемократию»?* Российство в этом смысле остается не более чем сверхэтносом? Что же в таком случае представляет собой российская государственность?

Строй, существующий в России сейчас — по балансу критики в его адрес со всех сторон, да и по объективным параметрам — «ни рыба ни мясо». Как это прикажете понимать, как долго это будет продолжаться что из этого фитуса в конце концов выйдет? Или это тупик?

Я не думаю, что это тупик. Я думаю, что, наоборот, это продуктивный хаос. Но остановимся на этом месте и не будем прогнозировать дальнейшую эволюцию российского конституционализма. Заметим лишь, что проблема эффективной самоорганизации российского не сводится к выбору между «демократией» и «недемократией» и будет решена не теоретиками и проек-

тантами (хотя и не без их каталитического участия), а в ходе исторического процесса усилиями разных агентур, преследующих свои материальные и духовные интересы. Некоторые контуры этого процесса, наверное, уже можно различить, если вооружиться адекватной оптикой.

Сергей Беляков, историк, литературный критик

Обычно интеллигенция играет «руководящую и направляющую» роль в национальных движениях. Наша либеральная интеллигенция, к сожалению, воспринимает все национальное с предубеждением, хотя либерализм вовсе не исключает национальное чувство. В начале XX в. кадеты были вполне либеральными националистами. Но в национальном вопросе наши либералы наследуют вовсе не Струве и Милюкову, а Ленину. Именно Владимир Ильич заложил основы национальной политики, которых придерживались, с оговорками, все семьдесят с лишним лет советской власти. Ленин призывал подавлять прежде всего «великорусский шовинизм», причем обвинял в нем Дзержинского и Орджоникидзе. Национализм малых народов он считал не столь опасным. Успешна ли такая модель национальной политики? Судите сами. Советский Союз развалился. Развалилась и социалистическая Югославия, где маршал Тито использовал как раз ленинскую модель.

Я за либерализм, ведь это идеология свободы. Но, к сожалению, в России пытаются создать лабораторно-чистую модель либерализма, то есть такой либерализм, которого не может быть в природе, как нет в природе идеального газа, а есть водород, азот, гелий и так далее. Жизнеспособный либерализм в Англии, Франции — где угодно — опирался на национальное чувство. Например, Джон Лильберн, один из основоположников либерализма, его герой и мученик, был солда-

том армии Кромвеля, протестантом и англичанином.

Если перенести либеральную модель идеального общества, состоящего из атомизируемых индивидов, в реальную жизнь, то произойдет катастрофа. Общество атомов-индивидов — это путь либо к анархии и хаосу, либо к закреплению общества новым авторитарным режимом. Ведь атом-индивид, лишенный поддержки какой-либо группы, беззащитен. Гражданское общество как раз и состоит из множества групп, объединений, ассоциаций. А чтобы эти группы существовали, надо поступиться частью своей свободы, своих прав. Теория общественного договора, с которой, собственно, начинается либерализм, как раз и предусматривает такое сознательное и добровольное ограничение собственной свободы.

На каких облаках живут либералы? Неужели не понимают, что либерализм, оторванный от национальной почвы, обречен на поражение? Ведь слово «либерал», как и слово «демократ», уже давно стало ругательством. Сколько еще исторических поражений надо потерпеть российскому либерализму, чтобы наконец опомниться, оглянуться, пересмотреть старые догматы, отказаться от мифов и прекратить стращать самих себя пугалом русского национализма?

Беда нашей страны вовсе не либерализм, а либералы. Почему-то они не понимают, что любовь к Родине вовсе не исключает любовь к свободе. В этом нет злого умысла, либералы не ведают, что творят. Их действия определяют инерция мышления, неадекватность, незнание истории и страх. Они заражены болезнью, которую я назвал бы ксенофобией наоборот. Хлебом не корми либеральных журналистов, дай только поискать мифический русский фашизм. Неонацизм в России есть, но его влияние на самом деле ничтожно, а преступники-неонацисты почти все уже сидят по тюрьмам, чего нельзя сказать о вино-

вниках массового истребления русских на Северном Кавказе.

Многие либералы отличаются поразительным равнодушием к судьбе русских. Елена Масюк и покойная Анна Политковская предпочитали не замечать истребления русских в Чечне. В этом они солидарны с Рамзаном Кадыровым. Мол, или не было ничего, или ничего мы не знаем. Хотя Чечня в 1990-е лишилась практически всего русского населения. Документов и воспоминаний — море! А ведь русских притесняли и убивали и в соседней Ингушетии, и в далекой Туве, я уж не говорю о странах СНГ. Но наша либеральная интеллигенция всегда готова защищать кого угодно, только не своих, не русских. Пока либералы не избавятся от этой извращенной ксенофобии, им нечего рассчитывать на поддержку народа. *Будущее нашего либерализма в «национальном повороте».* Если он случится, у либерализма появится исторический шанс. Нельзя же всерьез надеяться на поддержку народа, который ты не знаешь, не любишь и не готов взять под защиту. В «национальном повороте» заключен и рецепт выживания нации.

Проще всего сказать: «мы за толерантность и мультикультурализм», «мир-дружба», «пусть расцветают сто цветов». У нас так и делают чиновники, политики, ученые. И я с радостью повторил бы за ними, если бы не помнил, что вот так вот славил у нас интернационализм и «нерушимую дружбу народов». А потом дружба народов оказалась мифом, на Кавказе и в Средней Азии вспыхнули настоящие межнациональные войны, по стране разбрелись десятки тысяч беженцев.

Боюсь, что чиновники и ученые, получавшие за пропаганду мультикультурализма западные гранты и наше госфинансирование, будут жить где-нибудь на Мальдивах, когда на улицах Москвы, Петербурга, Орла, Петрозаводска, Екатеринбурга начнутся кровавые межэтнические столкновения. *Вовсе не обязательно русских с «кав-*

казцами». Вероятнее, армян с азербайджанцами или ингушей с осетинами. И страна распадется. Защищать ее будет некому, потому что те же русские вряд ли станут бороться за страну, где даже язык все чаще называют «российским», а словосочетание «русский патриотизм» скоро, кажется, начнут произносить шепотом, оглядываясь по сторонам.

Поэтому наша власть, от правительства до ФСБ, должна не питаться сказками о дружбе народов, а серьезно изучать межэтнические отношения. Не подавлять национальное самосознание русских. Не закрывать глаза на происходящее в национальных республиках. Но искать способ, как заставить работать на единство страны национализм русских, чеченцев, казанских и сибирских татар, осетин и всех прочих. Потому что *убить национализм можно только с нацией*. Искусственно ослабляя национальное самосознание русских, шельмуя русских, преступно отождествляя национальную гордость русских с фашизмом, мы убиваем и саму Россию.

Власть и либеральная интеллигенция должны понять, что без опоры на русский национализм Россия погибнет. А с Россией исчезнет и либеральная интеллигенция. Не все же смогут перебраться на Запад, да и что еще будет с Западом лет через тридцать?

Если у России есть будущее, то оно только в просвещенном либеральном русском национализме.

Русский националист в наши дни — не фашист и не погромщик, а современный, культурный, свободомыслящий деловой человек.

Виталий Куренной,
научный редактор журнал «Логос»

Ответ «да» на поставленный вопрос верен, но совершенно бессодержателен. Так как и «демократия», и «русский национализм» — очень многозначительные понятия, а их комбинаций

и того больше. Но если говорить совсем грубо, то «национальное государство» и «демократическое государство» — это синонимы. Ибо, если в чем и заключается практический смысл идеи «нации», так в том, что эта идея уравнивает граждан, предписывая им равный онтологический статус — в отличие от сословных или иных дифференциаций. Нация возникает, когда это онтологическое равенство ее членов становится неотъемлемым фактором общественного самосознания (разумеется, реальная политическая трансформация/революция может не совпадать с демократизацией духа). Соответственно, политический механизм, с которым могут согласиться эти равные субъекты, принимая на себя различие ролей подданных и властвующих, — это демократия, если, конечно, не тешить себя разными пустыми романтическими фантазиями.

Принципиальная связь национализма и демократии не должна, однако, заслонять то обстоятельство, что действительно важнейшим элементом этой самой демократии является ее процедурная часть. Ведь и нынешняя политическая система России является вполне демократической — хотя и в особом процедурном смысле. Назовем эту демократию, скажем, телевизионно-аудиторной. Насколько же я понимаю смысл заданного вопроса о совместимости русского национализма и демократии, он подразумевает-таки некий дефицит демократии (заключаю от обратного: раз есть журнал «Вопросы национализма», то национализм, видимо, какой-никакой есть, т.е. не в этом проблема). Получается, заданный вопрос подразумевает, что необходимо изменить процедуру демократии в пользу какой-то другой.

Еще один азбучный нюанс про демократию: *демократию нельзя понимать только как власть большинства*. Такого рода демократия в условиях современного (массового) общества и национального государства может за-

канчиваться фашизмом (т.е. открытым попранием прав меньшинств). Хотя уже Джону Стюарту Миллю стало понятно, что проблема современной демократии — это вовсе не проблема обеспечения власти большинства, а соблюдения прав меньшинств. *Соблюдение прав меньшинств — это не главное в современной демократии, но оно является ее принципиальным индикатором.*

Если расценивать нынешнюю систему как не вполне демократическую, а, скажем так, представляющую собой власть меньшинства над большинством, то нетрудно заметить источники латентной легитимности и базовую стратегию самооправдания установленной системы. Переход к более демократичным формам демократии сдерживается именно ввиду предполагаемого сценария установления режима если не прямо фашистского, то уж точно популистского типа (феномен Жириновского давно подтвердил возможность такого варианта). Соответственно, нынешняя политическая фаза определяется (косвенно) как режим чрезвычайного положения (так прямо не говорится, а предпочитают эвфемизмы, вроде «ручного управления»), установленного до тех пор, пока политическая система не стабилизируется настолько, что сможет без опасных популистских кренов воспроизводиться в более демократическом режиме демократии.

Вопрос, однако, заключается в том, кто и как определяет, что фазу чрезвычайного положения пора завершать и переходить к более демократической демократии. Ибо есть подозрение, что из этой фазы сегодня просто невозможно выйти.

Егор Холмогоров,
главный редактор интернет-сайта
«Русский обозреватель»

Идея, что этнополитическая общность, нация, является высшей ценностью в государстве, а ее права и

интересы — превыше всего, голос нации — решающий, — это именно демократическая идея. Не случайно, что носители последовательного элитарного и антидемократического мировоззрения всегда отрицали и национализм. И, напротив, «национализация» многих монархических и аристократических институтов в XIX в. была своеобразной формой их демократизации, позволявшей до какого-то момента избежать принятия институтов представительной демократии. Например, для многих европейских монархий (в частности — русской) быть национальными значило быть демократичными, не идя при этом на поводу у либералов и революционеров.

Таким образом, противопоставлять национализм и демократию как таковые никакой возможности нет. И русского национализма это касается так же, как и любого другого.

Однако дальше начинаются проблемы, связанные с тем, что демократия как таковая есть политическая абстракция. Это даже не политический строй, а элемент конструкции политического строя — элемент власти большинства, элемент политической субъектности большинства народа. Никакой *чистой* демократии, где народ, как большинство, действительно бы правил сам собой, не существует. Поэтому «демократий», то есть политических режимов, в которые встроены элемент народовластия, довольно много и они достаточно разнообразны. Это и политический режим США, и политический режим Великобритании, и политический режим Венесуэлы, и политический режим Ирана, и политический режим Китая, и политический режим Украины.

Однако когда в современном мире говорят «Демократия» с большой буквы, разумеются обычно только «западные демократии», то есть США и их союзники и совокупность тамошних политических ценностей, норм и режимов. Совместимость русского нацио-

нализма с западной демократией вызывает массу вопросов, прежде всего потому, что нет уверенности, что сама западная демократия считает себя совместимой с русским национализмом. По крайней мере, те силы в России, которые выступают в роли аутентичных представителей западных демократий и признаны таковыми и там (что выражается в форме грантов, наград, повышенного внимания западной прессы), ни с какой другой политической идеологией не ведут столь ожесточенной войны, как с русским национализмом.

Любая совместимость — понятие обоюдное. Значит, если западные демократии не считают, что русский национализм совместим с ними, то придется сделать вывод, что и русский национализм не совместим с западной демократией. Насильно мил не будешь. Поэтому особенное отвращение на мой, к примеру, взгляд, вызывают идеологические продукты, которые являются помесью «стокгольмского синдрома» и банальной смердяковщины, попытки как-то так перестроить и переформатировать русский национализм, чтобы он, возможно, был бы приемлем для западных демократий. Обычно это переформатирование достигается за счет насыщения русского национализма русофобскими элементами, за счет попыток отделить русских от русской истории, русской государственности, русских национальных интересов. Вырабатывается особый тип человека, который кричит, что он русский националист, но при этом ненавидит все русское, поскольку именно это русское и мешает ему соединиться с вожделенной «Нормальной Жизнью Западного Человека».

В качестве национализма эта психологическая перверсия рассматриваться не может, поскольку концепция *нации* в отличие от концепции *народа* предполагает восприятие определенной общности не только как *поголовья*, но вместе с *историей, культурой, самосознанием*, то есть всем тем, что

мешает русским быть принятыми вполне современными западными демократиями.

Таким образом, на вопрос: *совместим ли русский национализм с современной западной демократией?* — придется однозначно ответить: *нет! Не совместим.* Не совместим потому, что западная демократия — это не *институт*, а *сообщество*, в котором русских никоим образом видеть не хотят, и меньше всего там хотят видеть русских националистов.

Здесь возникает определенный парадокс. Если для кого-то конечной целью является вхождение в западный мир и жизнь по западным стандартам, то он категорически не может придерживаться русского национализма и добиваться торжества демократии в России, поскольку эта идеология будет лишь отдалять его от цели. Для вхождения России в западный мир и пользования его благами наиболее успешны были недемократические, репрессивные по отношению к русским режимы, которые заставляли с собой Запад считаться. И, напротив, реализация русскими националистических принципов как демократических отдалит Россию от Запада и культурно, и политически. *Русская демократия и западная демократия для России находятся на противоположных полюсах политической реальности — не надо себя обманывать.*

Олег Неменский, историк, политолог

Национализм является демократическим явлением по определению, так как это идеология и движение за политические права широких слоев населения, за свое право на участие в управлении государством. Но более того, сама по себе нация есть неизбежная форма современного демократического общества.

Такова природа любой власти в любом обществе, что следует она не целям абстрактного общественного бла-

га и гармонии, а интересам каких-то конкретных социальных слоев и групп. Широкие народные массы обыкновенно в это не верят и искренне надеются, что глава страны думает о них, заботится — советская историография любила называть это «наивным монархизмом». А на самом деле люди во власти заботятся об интересах собственно тех, кто привел их к власти или благодаря кому они эту власть удерживают. Это нормально, так было и будет всегда. И есть только один способ сделать власть действительно озабоченной народным благом — для этого надо, чтобы она делегировалась обществом в целом, то есть его большинством с согласия меньшинств, и зависела от него всего. Это, собственно, и называется демократией.

Модель классической полисной демократии в наше время актуальна только на уровне, к примеру, деревенского самоуправления, так как это демократия «обществ знакомых людей», а не целых стран. Но для целых стран, для государств нужны другие формы демократии. И дело совсем не только в «прямой» и «представительской» ее формах. А дело в том, что субъект демократии — «демос» — в такой ситуации являет собой уже не «общество знакомых людей», а «большую социальную группу». Таким большим коллективам людей для поддержания единства требуется быть «воображаемыми сообществами», то есть иметь особое самосознание, закрепленное в самоназвании. Люди относят себя к нему не благодаря факту знакомства, а благодаря своей идентичности. Кроме того, такой общности нужно представлять собой целостность: не только политическую, но и культурную. Ведь невозможно «воображать сообщество», которое не являет собой ничего цельного. У такого сообщества и общие интересы могут быть только либо временными либо «общечеловеческими» (сыто есть и т.д.), никак само это общество не формирующими.

И вот здесь сама логика демократии приводит к понятию нации. Значит, функционирование демократии современного типа оказывается возможным только при наличии цельного по культуре и самосознанию общества, которое и является главным субъектом власти, делегируя свою волю политикам. Вот это и есть нация. А если объединить Китай и Россию или Польшу с Германией — демократии не будет, так как общество такого государства будет не цельно и у него не может быть «воли народа». Поэтому у поляков есть Польша, а у немцев — Германия.

Всегда в таких случаях, когда население страны не являет собой целостность и потому не способно вообразить себя единым народом, «вообразить» народ приходится самой власти. Как и фантазировать о том, какова воля этого народа. И, как ни странно, эта воображаемая воля всегда оказывается тождественна интересам конкретных лиц и корпораций, которых эта власть на деле представляет. Так складывается система авторитарная, не демократическая. В своем развитии, если власть действительно сильна, эта система ведет к тоталитаризму, так как декретируемая сверху «воля народа» становится идеологией, которая навязывается обществу, а все несогласные с ней оказываются «врагами народа». Впрочем, чаще случается революция или какой-нибудь другой политический слом, так как вся эта система очень хрупка. И такова судьба всех обществ с «декоративной» демократией, то есть с действующими процедурами политической демократии, но без того демоса, который выражает через нее свою волю.

Поэтому *идея демократии без нации всегда провальная.*

**Эдуард Лимонов, писатель, лидер
Национал-большевистской партии**

Надо сначала определиться с терминологией. Национализм какой? Если

национализм имперский, тогда проблема упрощается, и тогда нет никаких особенных противоречий между общепринятой демократией и имперским национализмом. Если национализм этнический, то есть основанный только на национальности, — то это вообще явление странное. Сейчас, по-моему, нет ни одного чисто этнического государства, кроме Израиля.

Когда создавалась Национал-большевистская партия, мы давали определение, кто есть русский. Там четко звучало, что русскость определяется не по крови, а по принадлежности к русской цивилизации, по принадлежности к русской истории, языку, к тем, кто проливал свою кровь или готов пролить свою кровь за Россию. То есть это близко к тому, что существует в классических национальных государствах, например во Франции. В этническом национализме, хоть русском, хоть другом, я не вижу ничего умного. Возьмем пример того же Израиля. Его история неудачна. Сегодня Израиль живет на пороховой бочке, думали, что это с годами сгладится, но ничего не сглаживается, противоречия все острее, страна окружена огромным количеством врагов — вот как не надо делать. При всем уважении к этому сильному народу, сильному государству.

Россия никогда не была мононациональным государством. Надо смотреть на это как на реальность, как на данность. Наш национализм весь интеллектуален, он таким был (славянофилы тоже интеллектуалы), таким и остался, и не имеет ничего общего с реальностью. *Тем более в XXI веке это никак не пройдет. Об этом надо забыть.*

Мы в свое время с Дугиным занимались этим ничуть не меньше, чем эта новая волна националистов. Когда я увидел, как политик-практик, что ничего не совершишь с помощью этих идей, то мы стали делать ударение на иных вещах. Наш национализм был очень прагматичный и реалистичный, и таким он сегодня остается. Мы никог-

да не отказывались от ряда тех идей, которые были выработаны в 90-е годы, но мы приглушили эту тему еще в конце 90-х, потому что поняли, что власть это делает более успешно, а мы будем выглядеть на ее фоне просто бледно. И мы прекрасно поняли также силу левых идей, а поскольку мы все-таки создавались как партия лево-правая, то у нас были широкие возможности для маневра.

Даже если посчитать, что у нас 20 миллионов мусульман — куда вы их денете? Можно выстроить теорию, можно стремиться к победе этой теории, но есть реалии, которые не могут быть осуществлены. Мы с Чечней-то не могли справиться, в которой меньше миллиона населения, и до сих пор не смогли. Не можем же мы их уничтожить, как врага — значит, нужно с ними жить, выстраивать отношения. Любого назначь завтра руководителем государства, он вынужден будет мыслить шире, вынужден будет отказаться от любых идеологий и перейти на позицию чистейшего прагматизма: как удержать государство, как удовлетворить всех, как найти общую идею для всех, чтобы они не вцепились друг другу в глотки.

Я не понимаю, чего русские националисты добиваются. Вот говорят, нужно русское государство. Но Путин, Медведев, Ельцин, большая часть министров — русские. Кто им мешает? Предлагаю вообще отказаться от такого взгляда на мир, потому что он нелеп. Пока я не видел ни одной — может, я незнаком с этим вопросом — русской общины, которая жила бы и добилась каких-то успехов в области хотя бы демографии. Православие дряхлое, никуда не годное. Православный национализм у нас тоже не прижился. А вокруг чего, собственно, эти русские будут сплачиваться? Наибольших успехов хотя бы в организации подобной партии добился, конечно, Баркашов. Все-таки были реальные тысячи людей. Но дальше никуда это не уехало.

Несмотря на все благие намерения русского национализма (а есть не только благие намерения), но уже одно то, что русские автоматически претендуют, может, не на какие-то особые права, но на признание себя людьми первого сорта, вызовет контрреакцию со стороны всех других, кто не захочет становиться людьми второго сорта. И еще у нас огромное количество не то чтобы полукровок, но такой смеси кровей, и непонятно, что с ними дальше будет. Можно достать словарь этносов Российской Федерации и точно сказать, чего у нас сколько. У нас многие зачисляются в русские только потому, что так принято. Именно из-за желания хотя бы ментально принадлежать к людям первого сорта.

Нация — это продукт творчества, продукт истории, это производное от государства, а не наоборот. У нас практически то же самое — когда у нас появилось государство большое, тогда стали появляться русские, до этого был черт знает кто. То же самое и с Китаем, который вобрал в себя все что угодно. Любая нация, европейская, какая угодно — механизм один и тот же. Если мы не можем замирить Кавказ, то это не проблема национальная, это проблема государства, которое не может с ним справиться, не может справиться с территорией, которая не была ассимилирована до конца, лишь поверхностно притянута, и поэтому все зависит от силы кишков государства и руководителей этого государства. Поэтому стоит огромная проблема перед российским государством, что лучше: либо вести столетнюю войну, либо найти пути присоединения, либо эти люди уйдут. Тут проблема еще и моральная, проблема уязвленного самолюбия российской государственности: они от нас уходят, мы не хотим их отпустить. То есть, с одной стороны, левой ногой отпустили пятнадцать республик, да еще и каких — с богатыейшими недрами Казахстан малонаселенный, плодородную Украину, все за одну ночь. А с

другой стороны — вцепились в крохотную Чечню под предлогом каких-то несуществующих там запасов нефти, каких-то ноль целых хрен сотых от мирового производства.

С ассимиляцией сейчас ничего не выйдет. Пропущено историческое время. Не создали советского человека, не смогли. А если бы создали, это было бы здорово. Это была бы новая нация, сверхнация. Тогда можно было бы с большей правдивостью говорить о каком-то племенном или мононациональном государстве. Нации, они не на бумаге существуют и создаются не на бумаге. И если кто-то хочет создать такой сверхнарод, как россияне, то это должно произойти исторически, в огне боев, защиты большого Отечества и так далее. Я не вижу сегодня никаких предпосылок для подобного становления. Это останется совершенно искусственным определением в словарях, но вряд ли оно выживет. Разумней было бы говорить о гражданах России, гражданин России — вот это было бы более честно и не искусственно.

Меня, честно говоря, абсолютно не интересует проблема национализма и демократии, ни с какой точки зрения. Я даже не размышляю в таких категориях, это очень старомодно. У России есть огромные внутренние проблемы. У нас у всех есть проблемы, а главное, у нас нет возможности влиять на судьбу страны. «Национализм и демократия» — это вопрос для Севастьянова, он, по-моему, ответил на этот вопрос, целую книгу написал. А я практик, и для меня практика — это победа над существующим порядком вещей. Основная проблема — власть, как ее получить, как ее добиться в условиях полицейского государства.

Константин Крылов, главный редактор журнала «Вопросы национализма»

На некоторые вопросы приходится отвечать пространно и начинать изда-лека — потому что их простая вроде

бы постановка связана с целым рядом невысказанных предположений, которые надо проговорить, прежде чем идти дальше.

Прежде всего: как связаны национализм и демократия в мировой истории? Ответ прост. Были и есть недемократические, но при этом националистические режимы. Но *не существует успешных и состоявшихся демократических режимов, которые были бы созданы ненационалистическими силами.*

Это касается и тех стран, которые сейчас почитаются образцом толерантности. Так, например, американский народ, начавший свою историю с глобальной этнической чистки доставшегося ему континента, практиковавший рабовладение и считавший себя «новым Израилем, союзом избранных», именно в эту малосимпатичную эпоху построил — разумеется, для себя — образцовое демократическое государство, на которое сейчас равняется весь мир. Или взять такую страну, как современная Германия, идеология которой основана на идее «исторической вины нации»: немцы тщательно сохраняют институты, созданные в период открытого немецкого национализма. Именно эти институты позволили восстановить разрушенную войнами страну и создать процветающую новую Германию.

Современный европейский опыт показывает: уже состоявшаяся демократия может (какое-то время) функционировать в условиях «национализма на запасном пути», когда соответствующие идеи, чувства и эмоции вытеснены в общественное подсознание, а то и подавляются. Но вот *создать* ее, построить действующие демократические институты, ввести в обиход подобающие обычаи и вырастить соответствующее самосознание — могут только сознательные националисты.

Попытки же построить работающую демократию на антинациональных принципах обычно приводят к тому,

что демократия вырождается или гибнет. Кстати сказать, современная Россия — в высшей степени наглядный пример того, что происходит, когда демократические идеи предлагаются вместе с национальным унижением в нагрузку.

Следующий вопрос. Допустим, демократии нужен национализм. Но нужна ли демократия для реализации национальной идеи? Особенно в России? Были ведь примеры успешных «диктатур развития», опирающихся на национальную мобилизацию, но не на классические демократические институты. Подобным программам сочувствуют и у нас, добрым словом помяная то китайский путь, то корейскую модернизацию, то какой-нибудь фантастический план стремительного подъема твердой рукой.

Эту точку зрения подкрепляют два соображения, а точнее, комплекса.

Первый родом из девяностых. Само слово «демократия» и все с ним связанное было чудовищно дискредитировано именно в эти годы. Люди, испытавшие на своей шкуре ельцинскую «швабоду», всегда будут относиться настороженно ко «всем этим словам». Но это лечится. Потому что объяснить тому же человеку девяностых, что демократия и расстрел парламента — две вещи несовместные, все-таки можно.

Второй старше и оттого вреднее. Я имею в виду распространенное среди отечественной интеллигенции (а еще более среди начальства) мнение, что именно русский менталитет категорически несовместим ни с каким *liberté, égalité, fraternité*. Русские по природе своей рабы и звери, понимающие и любящие только сапог и плетку, и любая попытка дать волю русским национальным чувствам обязательно приведет к ужасной и кровавой анархии, а потом к еще более кровавой диктатуре.

Не разбирая сейчас подробно предпосылки и следствий этого расистского мифа (это не ругательство, а точное определение: речь идет именно

о расизме и именно о мифе), скажу лишь, что демократизм русского национального движения признавали и его яростные ненавистники. Сам Ленин, один из самых последовательных врагов русского народа, писал о «глубоком демократизме» черносотенного движения. Если же отвлечься от книг и поговорить с так называемыми «простыми людьми», то выяснится, что им вовсе не хочется жить при сатрапии, а беззаконие и всевластие начальства они люто ненавидят.

Кстати сказать, во многих странах, принявших демократическую форму общественного устройства, нет и не

было такого стремления к свободе и правам. Для многих из них демократия — средство (например, средство достижения экономического благосостояния или хороших отношений с западным миром), но не ценность, важная сама по себе. *Русские же воспринимают права именно как ценность, которой они несправедливо лишены.*

Впрочем, в таких вопросах одного желания мало. Нам еще предстоит «учиться демократии настоящим образом». Нам — это прежде всего самим националистам.

Хватит ли у нас времени на учебу — покажет ближайшее будущее.

Фонд поддержки и развития гражданского общества «РОД»

создан в марте 2009 г. решением активистов

Русского общественного движения.

Президент Фонда — известный публицист,
деятель русского национального движения К.А. Крылов.

Дата государственной регистрации Фонда «РОД» — 15 мая 2009 г.

Свою деятельность Фонд осуществляет на основе
Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях».

Целью деятельности Фонда «РОД» является содействие развитию
русского гражданского общества, поддержка русского национального
движения, привлечение на благотворительной основе средств для
финансирования общественно значимых программ и проектов.

Реквизиты Фонда развития и поддержки гражданского общества «РОД»

Полное наименование: Фонд развития и поддержки гражданского общества
«РОД». Сокращенное наименование: Фонд «РОД»

ОГРН 1097799008977, ИНН 7705043648, КПП 770501001

Юридический адрес: 115093, Москва, ул. Б. Серпуховская, д. 44, ком.19

Банковские реквизиты : КБ «Интеркоммерц» (ООО) г. Москва

Р/с: 4070 3810 7000 0000 3564

К/с: 3010 1810 5000 0000 0684

БИК: 044552684

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

НАЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Теория и перспективы либерального национализма

**Либеральный национализм:
актуальность на постсоветском
пространстве**

В России в последнее время заговорили о необходимости модернизации. И если эта модернизация мыслится не как декоративная, а как полноценная, то она не может не вызвать интереса и к национально-государственному строительству. В Европе модернизация и становление национальной государственности были двумя сторонами одного процесса, соответственно, если и мы хотим встать на путь модернизации и попытаться наверстать упущенное, то невозможно игнорировать второй, национальный аспект модернизации.

Однако всякий раз, когда речь заходит о национальном строительстве, в ответ звучат рассуждения о том, что нации в современном мире «устарели». Разговоры о наступлении «постнациональной эры» связаны главным образом с процессами евроинтеграции. В евроинтеграции, однако, принимают участие вполне сложившиеся, зрелые европейские национальные государства. В других регионах национальные государства все еще находятся в состоянии становления. Эти регионы не могут войти в «постнациональную эру» потому, что в полной мере еще не вошли в эру наций: человек не может «постареть» до своего рождения. Для стран, движущихся по пути догоняющей модернизации, вопросы национально-государственного строительства еще стоят на повестке дня, что доказывают события последних двадцати лет.

Национальный фактор продолжает играть определяющую роль в жизни

целого ряда регионов. Распад СССР, «бархатный развод» чехов и словаков, серия последовательных и кровавых распадов бывшей Югославии, окончившаяся (и окончившаяся ли?) признанием независимости Косова в 2008 году — о какой «постнациональной эре» тут можно говорить?

В этот же ряд можно поставить недавнее признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Здесь решающую роль сыграл тоже этнонациональный принцип: необходимость признания суверенитета этих республик Москва аргументировала правом югоосетинской и абхазской наций на государственную независимость перед лицом угрожавшего им со стороны Грузии геноцида (мнима или реальна была эта угроза — другой разговор). «Единственный способ сохранить эти народы — признать их в качестве субъектов международного права», — сказал Дмитрий Медведев 26 августа 2008 года в интервью телеканалу Russia Today. Впервые национальный принцип, согласно которому уже почти два столетия перекраивается политическая карта Европы, во всей полноте был применен и на постсоветском пространстве. Впервые было признано, что в случае необходимости (пусть и острой необходимости, хотя понятно, что степень этой остроты всегда будет определяться субъективными критериями) нации, не имеющие на постсоветском пространстве собственной государственности, вправе потребовать ее создания.

Кто мог бы выдвинуть подобные требования в первую очередь? Практиче-

ски все крупные народы постсоветского пространства уже наделены собственной государственностью — или в рамках независимых государств, или в рамках национально-территориальных образований в их составе. В силу ряда исторических причин политической субъектностью до сих пор не обладает лишь один крупный народ — русские. В контексте европейского (и не только) опыта это не может не восприниматься как нонсенс. Поэтому рано или поздно вопрос о создании русской национальной государственности будет поставлен во всей полноте.

Приведет ли победа русского национального движения к этническим чисткам и установлению диктатуры, чем запугивают общественность некоторые деятели, или, напротив, поспособствует либерализации политических порядков и экономического уклада? Это зависит от идеологии, которая будет лежать в основе русского национально-освободительного движения. В этой связи и надо задаться вопросом о возможностях либерального национализма¹.

В последние двадцать лет вопрос о либеральном национализме снова и снова поднимался (и неизменно порождает полемику) именно перед лицом вновь образовавшихся национальных государств или в связи с перспективой их образования. Среди прочих авторов, писавших на эту тему, можно назвать Яэль Тамир², Дэвида Миллера³

и Майкла Линда⁴, чьи тексты, посвященные обоснованию либерального национализма, увидели свет как раз во время дезинтеграции Югославии и возникновения новых национальных государств на Балканах. Признание суверенитета Косова вновь пробудило интерес к национализму и его либеральной рецепции — тут стоит упомянуть статью Джерри Мюллера⁵.

К сожалению, признание суверенитета Южной Осетии и Абхазии руководством России, апеллировавшим к опыту Косова, не привлекло достаточного внимания к потенциалу национальных движений и национально-государственного строительства на постсоветском пространстве⁶, в особенности к его возможным либеральным аспектам. Данной статьей мы отчасти попытаемся восполнить этот пробел. Мы вкратце рассмотрим теорию либерального национализма и, кроме того, тезисно очертим возможные варианты либерального прочтения концептов русской национальной идеологии.

Либеральный национализм: гражданский или культурный?

Само словосочетание «либеральный национализм» говорит о том, что он может быть вычленен из многообразия прочих, нелиберальных национализмов. Попробуем наметить признаки либерального национализма, по которым его можно отличить от всех прочих.

¹ Нам представляется, что вместо словосочетания «либеральный национализм» можно было бы использовать понятие «национал-либерализм» и, шире, «национал-демократия», тем более что в этом случае удалось бы избежать негативных ассоциаций, связанных со словом «национализм». Однако, ввиду распространенности термина «либеральный национализм» в англоязычной литературе, в данной статье мы остановились на нем.

² *Tamir Y.* *Liberal Nationalism.* Princeton, N.Y., 1993.

³ *Miller D.* *On Nationality.* Oxford, 1995.

⁴ *Lind M.* *In Defense of Liberal Nationalism* // *Foreign Affairs.* 1994. № 3. P. 87–100. Русский перевод: М. Линд. В защиту либерального национализма // *Панорама-форум.* 1996. № 1.

⁵ *Muller Jerry Z.* *Us and Them* // *Foreign Affairs.* 2008. № 2. P. 18–35.

⁶ В качестве исключения можно назвать: *Дробижева Л. М.* *Возможен ли конструктивный национализм? // Россия в глобальной политике.* 2008. № 6. С. 176–199. Правда, в этой статье не уделено внимания возможностям русского либерального национализма.

Часто либеральный национализм пытаются определить через противопоставление «хорошего» гражданского (civic) и «плохого» культурного (cultural) национализмов. Последний понимает нацию как культурное и языковое единство, в то время как либеральные националисты якобы должны придерживаться концепции гражданского национализма, признавать всех без исключения граждан страны членами единой нации, дабы способствовать плюрализму и терпимости, избегать этнических конфликтов и дискриминации.

Пожалуй, наиболее настойчиво, порой даже в утрированной форме, противопоставление гражданского и культурного (этнокультурного) национализмов проводит В. А. Тишков в своих многочисленных работах на эту тему.

Тишков стремится показать, что в мировой практике, в противоположность маргинальному этнокультурному национализму, общераспространен национализм гражданский, трактующий нацию как «согражданство», «совокупность граждан». Из этого Тишков выводит, что государственные и национальные границы *заведомо* совпадают, а каждый гражданин *автоматически* входит в состав «гражданской нации»⁷. Этот тезис, утверждающий вторичность нации по отношению к государству, выглядит неубедительным в свете всей европейской истории XIX–XX вв., когда существующие государственные границы неоднократно пересматривались именно в силу их несоответствия национальным (вспомним хотя бы многочисленные конфликты Германии с прилегающими государствами на этой почве). В своей статье

Джерри Мюллер⁸ описывает многочисленные случаи вынужденного обмена населением между различными европейскими государствами с целью унификации их этнического состава. «Вследствие этого массового процесса этнического размежевания во многом был достигнут идеал этнического национализма: теперь у каждой европейской нации было свое государство, а каждое государство состояло почти исключительно из представителей одной национальной группы». В рамках теории «гражданской нации» Тишкова практически вся история строительства европейских национальных государств выглядит абсурдной — зачем нужны были эти крайне затратные меры по этнокультурной гомогенизации населения, если априори все граждане государства входят в состав одной нации?

«Этнический национализм основан на идеологии исключения и отрицания многообразия, а гражданский национализм основан на идеологии солидарности и признания многообразного единства»⁹, — постулирует В. Тишков. Но даже Франция, классический пример гражданского национализма, обыкновенно противопоставляемый немецкому этнокультурному национализму, в действительности десятилетиями проводила политику жесткой языковой, культурной, административной гомогенизации населения, политику, построенную на «исключении и отрицании многообразия». Без дополнительных мер, направленных на культурную и языковую унификацию, провансальцы, бургундцы, бретонцы и др. исключительно в силу общего гражданства никогда бы не образовали единой французской нации.

⁸ Muller Jerry Z. Us and Them // Foreign Affairs. 2008. № 2. P. 18–35.

⁹ Тишков В. А. О российской нации и национальной идентичности в России // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения. 2007. № 72.

⁷ На этом основании он не только Россию, но даже Советский Союз предлагает считать национальным государством. См.: Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ // Pro et contra. 2007. С. 21–41.

Культурный элемент во французской нации не менее силен, чем в немецкой¹⁰. В 1918 году, когда Эльзас и Лотарингия были воссоединены с Францией, их немецкое население никто не спешил признавать полноправной частью французской нации. Напротив, немцы, которые, по логике В. Тишкова, должны были с изменением границ автоматически стать французами, были вынуждены покинуть эти территории. А к тем, кто остался, применялись жесткие ассимиляционные меры со стороны французской администрации, которая отнюдь не считала, что для того, чтобы стать частью французской нации, достаточно просто получить французское гражданство.

Как отмечает В. Коротеева¹¹, «деление на этнические и гражданские нации преследует как описательные, так и оценочные цели», причем, как видно из выше сказанного, последние явно преобладают над первыми. Рассмотренная дилемма заведомо идеологизирована (скажем, В. Тишков не скрывает, что «гражданский национализм» понадобился ему для того, чтобы легитимизировать существующую российскую государственность) и контрпродуктивна: произвольное отнесение той или иной нации к «гражданскому» и «культурному» типу не позволяет понять, почему же в одних случаях права человека соблюдаются (этнокультурный подход часто хорошо сочетается с либеральным государством), а в других случаях — нет (т.н. «гражданские нации», вроде китайской, любимого примера В. Тишкова, могут отличаться высоким уровнем несвободы). Соответственно, через попросту неработающее противопоставление граждан-

ского и культурного национализмов либеральный национализм определить невозможно.

Либеральный национализм: индивидуум, не сводимый к нации.

Более подходящим для оценки того или иного национализма как либерального/нелиберального является анализ предлагаемого им понимания отношений нации и индивидуума. Нелиберальный национализм воспринимает нацию в качестве верховной ценности, интересы нации полагает в качестве достаточного критерия моральных суждений («все, что в интересах нации, морально оправдано»). Для нелиберального национализма существование индивидуума имеет смысл исключительно в рамках служения нации, индивид ценен лишь в силу принадлежности к нации, и потому та имеет право потребовать от индивидуума все, что угодно: пожертвовать семьей и собственной жизнью, совершить преступление и т.д.

Напротив, в рамках либерального национализма индивидуум воспринимается как вполне самостоятельная ценность, наряду с интересами нации существуют общечеловеческие ценности и моральные обязательства, не сводимые к обязательствам по отношению к нации. Национальное самоопределение не может противоречить самоопределению индивидуума, отсылками к национальным интересам не могут быть оправданы ограничение неотъемлемых прав и свобод личности. Действует принцип персональной ответственности: с человека нельзя спрашивать за деяния, совершенные другими людьми, только потому, что он принадлежит вместе с ними к одной нации. Либеральные националисты аргументируют ценность и политическое значение национального начала тем, что национальная идентичность составляет заметную часть идентичности индивидуума. Индивидуумы идентифицируют себя в качестве членов определенной нации, следовательно,

¹⁰ См. напр.: *Martigny V. The Importance of Culture in Civic Nations: Culture and the Republic in France // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2008. № 3. P. 543–559.*

¹¹ *Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997. № 3. С. 185–203.*

эта нация имеет право на политическое самоопределение. То есть аргументация в данном случае отсылает именно к конкретным личностям, а не к ценности некоей коллективной общности как таковой. «Индивидуальная идентичность заслуживает уважения. Так как национальная культура является определяющей частью идентичности индивидуума, национальная культура также заслуживает уважения <...> Если мы ценим свободное самоопределение индивидуумов, то должны ценить и свободное самоопределение нации в той мере, в какой национальное государство способствует индивидуальному самоопределению»¹².

Заметим, вышесказанное никак не заложено в противопоставлении гражданского и этнокультурного национализмов. Гражданская нация вполне может руководствоваться тоталитарными категориями и требовать от индивидуума безоговорочного подчинения, вменяя ему в обязанность беспрекословное служение интересам страны и «обществу граждан». Напротив, понимание нации в этнокультурном смысле может предполагать и ценность индивидуального начала. Нация в этнокультурном смысле всегда имеет ограниченное количество членов, и в ее интересах не растрчивать их, тогда как гражданская нация (в понимании В. Тишкова) потенциально безгранична и, скажем, убыль своих членов в результате военного конфликта всегда может компенсировать расширением границ, приобретая, таким образом, новых граждан, которые автоматически, вне зависимости от культуры и языка, становятся членами гражданской нации.

Либеральный национализм между Просвещением и Романтизмом

Однако рассматриваемое отношение индивидуума и нации в свете тео-

рии либерального национализма сразу поднимает более фундаментальные вопросы о соотношении либерализма и национализма как таковых. Не является ли словосочетание «либеральный национализм» оксюмороном в силу того, что либеральная идеология и идеология национализма противоположны в самой своей первооснове? Либерализм укоренен в Просвещении, провозгласившем самоценность индивидуума, его прав и свобод. Напротив, национализм надо выводить из эпохи Романтизма, деятели которого, будучи негативно настроены по отношению к просвещенческим ценностям, акцентировали внимание на принадлежности каждого человека к определенной культурной традиции, которую следует сохранять и культивировать. Существует мнение, что либерализм, апеллирующий к индивидуальной свободе и ориентированный на универсальные ценности морали и разума, по сути своей противостоит национализму, поощряющему партикуляризм, опирающемуся на иррациональное чувство приверженности человека «истокам», на принадлежность человека к тому или иному народу, определяемую самим фактом рождения, «кровью и почвой», а не свободным личностным выбором.

Поэтому еще сравнительно недавно было принято видеть в национализме исключительно трибализм (как об этом писал К. Поппер), архаизм, стихийность, пережиток племенных инстинктов — короче, полную противоположность духу и разуму эпохи Просвещения. Во многом этому взгляду способствовали сами деятели национальных движений, во что бы то ни стало желавшие отсчитывать историю своих наций с древнейших времен (скажем, в немецком национализме были крайне популярны отсылки к свободолюбию германских племен, боровшихся против римлян). Националисты считали, что чем «древнее» нация, тем лучше: поэтому каждая

¹² Vincent A. Liberal Nationalism: an Irresponsible Compound? // Political Studies. 1997. № 2. P. 275–295.

«уважающая себя нация» спешила обзавестись историей, уходящей вглубь веков (румыны воспринимали себя в качестве наследников даков, поляки ассоциировали себя с сарматами и т. д.). Необходимой составляющей идеологии национализма был тезис о «естественности наций», изображавшихся чуть ли не предвечными компонентами Божьего замысла и уж, во всяком случае, воспринимавшихся в качестве необходимых продуктов длительного, измеряемого многими столетиями исторического развития, в ходе которого сформировались отличительные особенности национального характера. В итоге даже противники национализма поверили этой «древности» и «естественности» наций, но только сделали из нее выводы о враждебном прогрессу и цивилизации характере национального начала.

Только в последние десятилетия XX века усилиями Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, Б. Андерсона и других исследователей национализма, разработавших т. н. «конструктивистскую парадигму», стало понятно, что нации появились (были «изобретены») совсем недавно, в начале XIX века. Согласно известному тезису Геллнера, не «нации порождают национализм, а национализм — нации». Некорректно утверждать, будто нации «складывались», «вызревали» на протяжении столетий и лишь «пробудились» в XIX веке, это существенно искажает историческую перспективу. Нет, нации — продукт эпохи Модерна, пришедший на смену религиозным, локальным, племенным идентичностям предшествующих эпох. Нация начинается вовсе не с народной иррациональной стихии, а с группы интеллектуалов, придумывающих концепцию нации и распространяющих ее через систему образования, через газеты и популярную литературу. Процесс формирования наций вовсе не был стихийным и непроизвольным, он потребовал сознательных организационных усилий и был весьма затратным. Не-

грамотного крестьянина, пришедшего в город из глухой деревушки и говорящего на одном из местных диалектов, надо было обучить единому национальному языку, при этом внушив ему, что он принадлежит к той же самой нации, что и выходцы из других регионов страны. Разумеется, одним из главных аргументов в процессе национального строительства была именно «естественность нации» и ее многосотлетняя история. Этот аргумент оказался настолько сильным, что не только неграмотные крестьяне, но и многие интеллектуалы не смогли разглядеть тут современный конструктивизм и продолжали видеть в нации некий артефакт стихийных племенных инстинктов...

Впрочем, то, что нации сконструированы, вопреки мнению многих, вовсе не означает, что их вообще «не существует». Напротив, нации существуют именно потому, что они были изобретены. И многим вполне «естественным реальностям» остается только мечтать о той эффективности, с которой функционируют изобретенные нации, начиная с XIX в. и по сей день. «Геллнер настолько озабочен тем, чтобы показать, что национализм прикрывается маской фальшивых претензий, что приравнивает “изобретение” к “фабрикации” и “фальшивости”, а не к “воображению” и “творению”... Сообщества следуют различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются»¹³.

Именно в свете конструктивистской парадигмы концепция либерального национализма обретает завершенность. Разрушается старое противоречие между свободным выбором индивидуума (постулат либерализма) и непроизвольно сложившейся коллективной общностью (постулат национализма), к которой он должен

¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 31.

принадлежать. Нация конструируется не историей, природой и безличными силами, она конструируется конкретными (чаще всего высокообразованными) индивидуумами при помощи вполне рациональных методик и практик. Нация — итог индивидуального творчества, какой будет нация (какие ей припишут отличительные черты, какой политический строй сочтут наиболее ей соответствующим) определяют именно конкретные люди, делающие вполне осознанный выбор. Разумеется, этот выбор может быть неудачным и даже преступным, что случалось в истории XX в., но таковы уж риски, которые несет с собой человеческая свобода.

Конечно, отдельный индивидуум не может своим сиюминутным решением определить, какой будет вся нация в целом. Индивидуум рождается в определенной нации и во многом должен считаться с национальной идентичностью, существовавшей до него и не им созданной. Но в этом нет ничего противoliberalного. В конце концов, каждый вновь родившийся гражданин современного государства тоже находит себя в рамках сложившихся либеральных институтов и должен принимать их как данность. Никто непосредственно не подписывает «общественный договор», он подписан за нас¹⁴. Но это не отменяет свободы выбора и возможности влиять на текущее состояние дел. Сама теория общественного договора была создана для того, чтобы показать, что власть не учреждена божественным началом и не существует естественно и неизменно. Напротив, теория общественного договора означает, что власть определяется людьми и придумана для нужд людей, поэтому нет ничего противоестественного в том, чтобы реформировать ее в случае необходимости и подстраивать под себя.

Аналогично «воображенный», «изобретенный» характер наций говорит о том, что нации существуют для людей, а не люди — для наций. В рамках наций индивидуумы призваны решать собственные социальные и политические задачи, и потому именно от их осознанного выбора и зависит, какой будет та нация, к которой они себя относят. В этом и заключается суть либерального национализма.

Либеральный национализм и единство Модерна: нация, не сводимая к индивидуумам

С другой стороны, не стоит воспринимать нации исключительно в инструментальном ключе и считать их сугубо вторичным приложением по отношению к первичной реальности конкретных индивидуумов. Именно на подобном допущении исключительно инструментального характера наций, существующих будто бы только для того, чтобы обслуживать индивидуальные запросы, строится большая часть критики в адрес либерального национализма. А именно, нации пытаются сопоставить с другими сообществами — более локальными (вроде городской или деревенской общины) или более универсальными (вроде католической церкви). Наряду с нацией важными для индивидуальной идентичности оказываются другие типы общностей. Зачастую в плоскости ненациональных (религиозных, региональных) сообществ лежат и индивидуальные интересы. Тогда почему именно нация предпочтительнее всего остального? «Националисты должны предоставить критерий, посредством которого ценность национального сообщества можно было бы сравнить с другими типами сообществ»¹⁵. Критики вопрошают: почему бы тогда семейным группам и религиозным объедине-

¹⁴ См. *Tamir Y. Liberal Nationalism*. Princeton, N.Y., 1993. P. 125–130.

¹⁵ *Buttle N. Critical nationalism: a liberal-prescription? // Nations and Nationalism*. 2000. № 1. P. 111–127.

ниям, играющим в жизни конкретных индивидуумов не меньшую роль, чем играет их принадлежность к той или иной нации, не предоставить право политического самоопределения, раз его требуют для наций?

Подобные возражения, противопоставляющие сугубо инструментальную и изобретенную нацию множественности интересов «реального» индивидуума, основаны на до сих пор неизжитой метафизичности мышления. Новоевропейскому человеку еще сложно мыслить вполне исторически, распознавая за каждой без исключения сущностью ее «археологию» (в смысле М. Фуко), ее историческую обусловленность. Мы охотно признаем, что нечто изобретено, сконструировано, возникло в такую-то историческую эпоху, но при этом не можем избежать искушения рядом с этим изобретенным поставить некую метафизическую реальность-саму-по-себе, которая не имеет истории и к которой надо сводить все исторически сконструированное¹⁶. Нам сложно представить, что индивидуум (субъект) был изобретен и сконструирован не в меньшей степени, чем были сконструированы нации.

Изобретение нации и изобретение индивидуума произошло в рамках единого проекта Модерна. И именно поэтому самоопределение индивидуума можно поставить в один ряд именно с самоопределением нации, но не с самоопределением религиозной общины, например, которая совсем не с Модерна ведет свой отсчет. *Индивидуумы появились вместе с нациями.* Индивидуума создала индустриализация, вырывая людей из структур традиционного аграрного социума, в котором

субъектностью обладали семья, приход, деревня, цех, но никак не отдельный человек. Новая, национальная идентичность была призвана связать разрозненных индивидуумов в новое целое, объединенное уже не столько структурно, сколько через общую идеологию и культуру. Формирующаяся нация пополнялась появившимися индивидуумами и одновременно стимулировала их появление, ускоряя процесс разрушения традиционных обществ посредством культурной унификации. «Повсеместное наступление современности зависело от разрушения множества слабо связанных локальных структур и их замещения культурой, основанной на мобильности, анонимности, образованности, индивидуализированности (identity-conferring). Это явилось условием, сделавшим национализм определяющим и всепроникающим»¹⁷.

На примере Великой французской революции можно четко проследить, как идея «народного суверенитета» и единой нации, которой «естественно» должна принадлежать власть и во имя единства которой должны быть преодолены сословные, религиозные и региональные разделения, приводилась в жизнь параллельно с идеей индивидуума, обладающего — опять же «естественно» — свободой (прежде всего от религиозных и сословных ограничений) и неотъемлемыми правами.

Параллелизм нации и индивидуума был общепризнан. Нации воспринимались в качестве собирательных индивидуумов, обладающих характерными особенностями и законными интересами. Требования свободы самоопределения нации и требования свободы самоопределения индивидуума в литературе XIX века выдвигались как единое целое. Одно было немыслимо без другого. «Права личности могли под-

¹⁶ Так произошло, например, с конструктивистским подходом к науке, когда «изобретенная» наука была сведена к «реальному» социуму, и только в последнее время усилиями Бруно Латура, предложившего концепцию симметричной антропологии, этот перекокс мышления начинает выправляться.

¹⁷ Gellner E. Nation and Nationalism. Oxford, 1983. P. 86.

крепляться аналогичным концептом национальных прав, которые требовали нации в качестве “коллективных индивидуумов”. Это было логическим развитием, а не отрицанием либеральной доктрины»¹⁸.

И индивидуум, и нация были «изобретены» в рамках проекта Модерн, индивидуум и нацию нельзя разводить и противопоставлять, оба эти понятия в равной степени либеральны и, если угодно, прогрессивны. Одно не существует без другого. Кровавые события XX века, в особенности фашистская антипросвещенческая политика 20–40-х годов, эксплуатировавшая национальный дискурс, поставили модернизационный потенциал национализма под вопрос. Но сейчас в западной мысли вновь возвращаются к осознанию теснейшей связи нации Модерна. Доктрина «либерального национализма», сформулированная в Европе в 90-е годы, знаменует собой не столько переосмысление национализма, сколько возвращение к его исходной точке — *идея нации изначально была либеральной идеей*.

Даже в Европе модернизационный потенциал национализма не исчерпан. Что уж и говорить о России, в которой, в силу исторических особенностей ее развития, он до сих пор остается практически неиспользованным. Если Россия не застрянет в очередной раз в колее «особого пути», а все же вступит на путь полноценной модернизации, то рано или поздно она столкнется с вопросом о необходимости построения национального государства, что может потребовать весьма серьезного преобразования самих основ российской государственности. Европа к началу XXI века в основном завершила национально-государственное строительство, а Россия как всегда запазды-

вает и вынуждена будет «догонять». Национализм в России обычно трактуется как угроза, хотя его (разумеется, в либеральном прочтении) имеет смысл воспринимать именно в рамках догоняющей модернизации, в свете развития современных демократических институтов, эффективной экономики и гражданского общества.

Нация и модернизация: демократия

Становление практик и институтов современного государства, формирование посттрадиционного общества параллельны складыванию нации. Нельзя сказать, что тут первично, и что — вторично. Как формирующееся национальное сознание помогает двигаться к современному государству, так и модернизация является непременным условием становления нации. Поэтому приведем некоторые примеры тех модернизационных задач, которые позволяет решить обращение к национальному сознанию, при этом помня о недопустимости исключительно инструменталистской трактовки нации (нация не может существовать исключительно в качестве средства, она должна пониматься и в качестве цели).

Д. Миллер сформулировал две такие основные задачи. «Общая национальная идентичность является предпосылкой для достижения таких политических целей, как социальная справедливость и совещательная демократия»¹⁹. И именно эти две задачи, во многом уже решенные в европейских государствах, в данный момент крайне актуальны в России, которая как всегда «запаздывает». Как же становление и самоопределение нации позволяет делать важные шаги на пути к подлинной демократии и социальной справедливости?

Современная представительная демократия напрямую связана с идеей нации. Источником суверенитета

¹⁸ Janowski M. Wavering Friendship: liberal and national ideas in nineteenth century East-Central Europe // Ab Imperio. 2000. № 3–4. P. 69–90.

¹⁹ Miller D. On Nationality. Oxford, 1995. P. 162.

в европейских государствах, начиная с XIX в., становилась нация, постепенно вытесняя идеи о сакральной или династической легитимности власти. Власть законна не потому, что она «от Бога», или потому, что она по праву принадлежит законному наследнику престола. Власть в государстве, осознаваемом как национальное, легитимна потому, что исходит от нации. *Государства континентальной Европы становились демократическими тогда, когда они становились национальными.* Правительство легитимно потому, что оно действует в национальных интересах и осуществляет волю нации, которая выражается во всеобщих демократических выборах.

Аналогично антиколониальные демократические революции происходили под знаком национального самоопределения — свобода нации означает право каждого ее члена участвовать в определении судьбы нации посредством демократических выборов. «Историческая связь между демократической идеей и идеей национального самоопределения едва ли случайна — только демократическое государство позволяет быть уверенным в том, что самоопределение, о котором мы говорим, подлинно национально, в противоположность самоопределениям класса или правящей клики»²⁰.

В России же, в которой взамен национального самоопределения желаемым предлагается включаться в состав «многонациональной российской нации», демократия не может восприниматься с точки зрения реального национального самоуправления и самоопределения, особенно на всероссийском уровне. Напротив, демократия ощущается многими всего лишь как некий абстрактный «мировой стандарт». Который к тому же необходимо «адаптировать» к российским реалиям, выстраивая демократию «по-своему», «по-русски», что зачастую просто-

напросто призвано оправдать многочисленные злоупотребления и общую неразвитость демократических процедур. В национальном государстве общепринятые демократические стандарты воспринимаются в качестве своих собственных потому, что они позволяют выявить волю данной конкретной нации. Напротив, в наднациональном государстве демократия видится лишь как навязанный извне образец, а за «свою собственную» она выдается через искажение ее универсальных механизмов, что объявляется «адаптацией к местным условиям». Проще говоря, за неимением национального содержания, которое можно вложить в демократическую форму, начинают менять саму эту форму — ведь надо же сделать демократию «своей» (каким бы ни было общество, оно все равно нуждается в идентичности).

Понимание того, что демократическое правление призвано выражать волю нации, могло бы дать стимул к развитию демократических процедур, к преобразованию их в более честные и прозрачные и уж, во всяком случае, сделало бы всех граждан государства предельно чувствительными к фальсификациям выборов (ведь при этом искажаются не столько универсальные стандарты демократии, сколько воля конкретной нации).

Далее, демократический процесс предполагает возможность свободного обсуждения текущих проблем и приоритетов развития общества. Без обмена мнениями и конструктивной дискуссии бессмысленны как сами демократические выборы, так и работа органов представительного правления. Однако эта дискуссия предполагает единый язык и единую систему культурных координат, короче говоря, принадлежность к единой нации. В многонациональном же государстве сложнее добиться взаимопонимания и консенсуса, так как не существует единого пространства для дискуссии. Каждая нация ставит проблемы

²⁰ Op. cit. P. 89–90.

на собственном языке, причем здесь речь идет, прежде всего, о культурной коммуникации: неизбежная в ходе политического процесса апелляция к культурным моделям и историческим образам одной нации в лучшем случае ничего не будет значить для другой, в худшем, будет вызывать межнациональную напряженность. При этом единое пространство обсуждения становится невозможным, у каждой нации появляются собственные лидеры, совершенно неактуальные для других, постоянно присутствует элемент взаимного подозрения: не действует ли государство в том или ином случае в интересах одной нации и в ущерб другой? Когда государство не совпадает с нацией и государственные интересы не совпадают с национальными, выработка общих приоритетов устойчивого развития легко скатывается к политике уступок различным этническим группам, определяемых сиюминутными тактическими соображениями. В итоге свободная дискуссия подменяется системой сделок, а правительство начинает действовать по принципу «разделяй и властвуй», при этом интересы одних этнических групп часто становятся приоритетными по отношению к интересам других. Именно эти рассуждения позволили Д. С. Миллю в свое время сказать, что *«свободные институты почти невозможны в стране, состоящей из разных наций»*²¹.

В национальных государствах именно нация является важнейшим противовесом авторитаризму, гарантией того, что правящей элите не удастся вопреки интересам граждан удерживать власть: всем взывающим к «сильной руке» противостоит суверенитет нации. В наднациональных же государствах о национальном суверенитете речь не идет, превалируют отсылки

к «единству и неделимости» разнородного по своему составу государства, нуждающегося в «сильной руке» для того, чтобы сохранить свое единство. Кроме того, в полиэтническом государстве нация вместо того, чтобы противостоять антилиберальным поползновениям государства, будет противостоять другим нациям, уповая на то, что именно благосклонная «сильная рука» позволит ей занять благоприятное положение и ограничит устремления других наций. Например, многонациональность Австро-Венгрии и Югославии долгое время оставалась одним из важнейших тормозов для становления там демократии. Различные национальные элиты, с подозрением и враждебностью относящиеся друг к другу, предпочитали уповать на авторитарную власть в надежде, что им удастся использовать ее против других наций. Как утверждает Майкл Линд, *«сохранение целостности многонационального государства и его демократизация часто оказываются несовместимы... Попытка удержать воедино и демократизировать даже относительно либеральное многонациональное государство, чье население не объединено чувством национальной солидарности, может оказаться пустой тратой времени»*²².

Наконец, единая национальная идентичность позволяет обеспечить стабильное функционирование демократии. Если вся политическая система априори действует в национальных интересах (хотя у разных сил могут быть разные представления о путях их реализации), то правящая партия не станет без веских на то доказательств обвинять оппозицию в неких подрывных и инспирированных из-за рубежа действиях и в случае проигрыша на выборах спокойно отдаст ей власть.

²¹ Малинова О. Ю. Либеральный национализм (середина XIX — начало XX века). М., 2000. С. 28.

²² Линд М. В защиту либерального национализма // Панорама-форум. 1996. № 1.

Нация и модернизация: государство благосостояния

Другим аргументом в пользу либерального национализма является современная концепция социально ориентированного государства, которая предполагает национальное прочтение демократической государственности.

В послевоенных европейских странах стремительно возросли социальные обязательства власти. Пособия по безработице, по уходу за ребенком, пенсии, многочисленные социальные выплаты и льготы — все это позволило европейским правительствам, не проводя радикальных реформ рыночной экономики, как того требовали левые, «укротить» капитализм и построить государство благосостояния (*welfare states*). В таких государствах, по словам Хабермаса, «публика “на входе” представляет собой граждан, а “на выходе” — клиентов»²³.

Государство благосостояния строится на перераспределении доходов, осуществляемом при помощи соответствующей налоговой политики. Предприниматели и прочие экономически активные слои населения своими налоговыми отчислениями обеспечивают достойный уровень жизни социально не защищенных лиц: несовершеннолетних, пенсионеров, безработных.

Встает вопрос: как это согласовать с принципами классического либерализма, согласно которым общество в целом улучшается не за счет непосредственной заботы об общей пользе, а за счет деятельности индивидуума, заинтересованного в эффективном достижении своих собственных, «эгоистичных» целей? Как оправдать обязательства, налагаемые государством благосостояния на свободного индивидуума?

Это противоречие не разрешить ссылками на моральные принципы. Ведь если, строя государство благосостоя-

ния, мы апеллируем к универсальному моральному критерию справедливости (доходы следует подвергать умеренному перераспределению в пользу социально не защищенных лиц, потому что это справедливо), то почему тогда перераспределение осуществляется лишь в рамках того или иного государства? По словам Миллера, следуя универсальному критерию справедливости, «мы будем обязаны перераспределить ресурсы таким путем, чтобы ими мог воспользоваться в равной мере каждый обитатель земного шара — поэтому существующее в мире неравенство подразумевает необходимость масштабного перераспределения ресурсов богатых стран в пользу бедных»²⁴.

Тем же вопросом задается и Я. Тамир: «Почему мы отдаем приоритет “наименее защищенным членам нашего общества” перед голодающими детьми Эфиопии? Почему гражданство в либеральных странах в большинстве случаев основано на праве рождения и на родстве, а не на выборе? Почему либеральное государство благосостояния перераспределяет блага среди собственных граждан, при этом игнорируя нужды нечленов?»²⁵

Государство благосостояния предполагает «существование относительно закрытого сообщества, члены которого заботятся как о благосостоянии друг друга, так и о будущих поколениях»²⁶, иначе говоря, оно предполагает существование нации. Индивидуум, признавая свою принадлежность к данной нации (в силу рождения, воспитания, самосознания), имеет по отношению к остальным ее членам *особые* обязательства, которые не отменяют общечеловеческих моральных норм, но в то же время сами не могут быть отменены апелляцией к неким

²⁴ Miller D. On Nationality // Nations and Nationalism. 1996. № 3. P. 409–422.

²⁵ Tamir Y. Liberal Nationalism. Princeton, N.Y., 1993. P. 117–119.

²⁶ Op. cit. P. 118.

²³ Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 109.

универсальным принципам. Индивидуум готов за счет своих налоговых отчислений поддерживать достойный уровень жизни старшего поколения, помогать безработным и обеспечивать выплату пособий на ребенка потому, что эти старики, эти безработные и эти дети принадлежат вместе с ним к одной нации, разделяют одну с ним культуру и будут способствовать ее передаче из поколения в поколение. Возмещая сложившееся социальное неравенство из своего кармана, индивидуум понимает, что тем самым он делает более комфортной собственную жизнь, стимулируя взаимное доверие и способствуя развитию своей нации (как указывалось выше, для либерального национализма важно, что национальная идентичность составляет важную часть идентичности индивидуума). Иначе сложно совместить принципы социально ориентированного государства с либеральными принципами индивидуальной свободы.

Соответственно, государство благосостояния наилучшим образом работает в условиях государства-нации и плохо работает в условиях подчеркнуто многонационального государства. «Когда одно государство заключает в себе две или больше национальности, проблема состоит не только в осуществлении системы распределительной справедливости, но и в ее легитимации в глазах населения. С помощью каких аргументов можно было убедить успешных словенцев, что они должны были субсидировать вложения в Сербию или Черногорию в рамках Югославской федерации? Каждое сообщество чувствует, что имеет право на ресурсы, произведенные его собственными членами, оно согласится уступить их государству только тогда, когда будет уверено, что они не будут растрочены на другие сообщества»²⁷.

Если говорить о российском опыте, то достаточно сложно убедить, например, русского жителя Европейской России в том, что он должен нести повышенное налоговое бремя для того, чтобы оплачивать многодетность и безработицу в регионах Северного Кавказа. В условиях такой большой многонациональной территории, как Россия, перераспределение ресурсов воспринимается скорее как их «размазывание». Перераспределение эффективно в сравнительно культурно и хозяйственно гомогенном государстве. В многонациональном государстве же оно не срабатывает: скажем, пособие на ребенка и материнский капитал, призванные стимулировать рождаемость, практически не меняют ситуации в стремительно депопулирующих регионах Центральной России, но зато поощряют многодетность в и без того многодетных семьях Северного Кавказа. Едва ли на таких условиях большинство граждан России согласится работать над построением государства благосостояния: «пусть уж лучше каждый сам за себя, чем повышенные налоги, которые уйдут неизвестно кому». Когда за счет собственных налоговых отчислений одна нация вынуждена фактически финансировать другую, это неизбежно вызывает недовольство и нежелание «работать на чужих». Примерно так происходило в СССР: руководство Горбачева, поставленное в тупик неравномерностью демографического и экономического развития многонациональной территории, было вынуждено заговорить об «иждивенчестве» отдельных союзных республик (прежде всего это касалось Средней Азии).

Государство благосостояния, применительно к России, может быть построено, вопреки мнению многих россиян, не путем отмены результатов приватизации и возврата к принципам социалистической экономики, а путем создания национального государства с конкурентноспособной рыночной

экономикой. В целом однородный национальный состав позволит резко повысить эффективность вложений в развитие человеческого потенциала. Общие территория, инфраструктура, ресурсы больше не будут восприниматься «ничьими» и «бесхозными». Ответственность за них будет нести уже не «федеральный центр» необъятной многонациональной страны, а члены конкретной нации, заинтересованные в том, чтобы жить в условиях государства благосостояния европейского типа.

Русский либеральный национализм

Чтобы вышеизложенные рассуждения о либеральном национализме не выглядели совсем уж отвлеченно, набросаем конспективно два возможных либеральных прочтения русского национализма, оставив за скобками их соотношение с прочими (консервативными, государственническими, православными) трактовками. Эти две концепции либерального национализма, противоположные друг другу, можно обозначить как имперскую и антиколониальную.

Классическим примером имперского направления может служить публицист и идеолог Конституционно-демократической партии П. Б. Струве, отстаивавший в 1910-х годах именно национальный либерализм. Струве считал, что «в России либерализм для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным. В национализации русского либерализма есть историческая необходимость»²⁸. При этом общая демократизация и либерализация в его глазах были средством усиления мощи «Великой России». Демократизация власти, согласно Струве, позволила бы ослабить центробежные тенденции в государстве и вывести Российскую империю на новую ступень развития. Собственно, либеральный империа-

лизм и был сутью концепции «Великой России», сформулированной Струве.

При этом Струве, осознавая полиэтническую природу империи, не хотел отказываться от ставки именно на русское национальное самосознание. Он четко различал русское и российское («ни один русский иначе, как слегка иронически, не скажет про себя, что он “российский” человек») и призывал не «обесцвечивать русских в российских»²⁹.

Русские воспринимались Струве в качестве «скрепляющего элемента Империи». «Государство-Империя опирается на нацию». «Многонародные государства, лишённые национального ядра, их скрепляющего», не могут считаться Империями, «каковы бы ни были их размеры и какое бы государственное устройство они не имели»³⁰ (Струве приводил в пример Швейцарию и Австро-Венгрию, которой отказывал в праве считаться империей).

Итак, с одной стороны, империя, чтобы быть могущественной, должна основываться на демократических и либеральных порядках. С другой стороны, империя опирается на национальное ядро, которым для России являются русские. Синтезом этих концепций и была предложенная Струве доктрина имперского либерального национализма.

Однако существует и противоположный подход к пониманию отношений русской нации и имперского полиэтнического государства. Российская империя, вслед за ней Советский Союз (и в некотором смысле современная Россия) по отношению к империям в традиционном смысле этого слова являлись «империями наоборот». Имела место «внутренняя колонизация» — империя существовала не за счет эксплуатации нерусской периферии, а за счет эксплуатации русского центра.

²⁸ См. сборник: *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. М., 2003. С. 236.

²⁹ Там же. С. 221.

³⁰ Там же. С. 231–236.

«Русское ядро», скреплявшее империю, по словам П. Струве, в то же время было наиболее эксплуатируемым. Метрополия и колонии в российской истории как бы поменялись местами — и колонизируемыми в составе российского государства оказались именно русские.

«В отличие от классических империй с заморскими колониями в разных концах света, колонизация России имела центростремительный характер <...> Европейские империи эксплуатировали завоеванные территории, извлекая оттуда свои доходы и тратя часть на их усмирение и развитие. Российская империя, наоборот, предоставляла своим колониям экономические и политические льготы. Со времен Александра I западные владения располагали большими правами и свободами, чем центральные губернии. Крепостное право было ограничено или отменено в Эстонии, на Украине, в Башкирии раньше, чем у русских крестьян <...> Империя колонизовала собственно русское население»³¹.

Когда империя после ее временного коллапса в 1917 г. была воссоздана в виде Советского Союза, «внутренняя колонизация» резко усилилась. Русский центр в СССР выступал в качестве основного донора для союзных республик, в рамках «выравнивания республик» финансовые средства на развитие окраин направлялись из бюджета РСФСР. Соответственно, Россия существовала в качестве «внутренней колонии».

Распад империй начинается с колониальной периферии. Так как Россия была «внутренней колонией», то нет ничего удивительного в том, что

фактический распад СССР начался из центра, начался с того момента, как РСФСР провозгласила свой суверенитет (ситуация в Прибалтике определяющего влияния на систему не имела). Об этом часто забывают, но одной из важнейших причин коллапса СССР было «антиколониальное движение» в РСФСР. Борис Ельцин стал популярен во многом благодаря своей антиколониальной риторике. Русские и Россия воспринимались в качестве жертв колониальной политики, и потому никого не удивляло ельцинское противопоставление «диктата центра» и интересов суверенной России. Да, географически Россия была в центре, но фактически в СССР являлась колониальной периферией.

«Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей и ответственности. Прежде всего это относится к России. <...> Нельзя мириться с тем положением, когда по производительности труда республика находится на первом месте в стране, а по удельному весу расходов на социальные нужды — на последнем, пятнадцатом. <...> Сегодня центр для России — и жестокий эксплуататор, и скупой благодетель, и временщик, не думающий о будущем. С несправедливостью этих отношений необходимо покончить»³² (Из выступления Б. Ельцина на I съезде народных депутатов РСФСР, 21 мая 1990 г.).

Антиколониальный дискурс, уже сыгравший столь важную роль двадцать лет назад, едва ли потерял свою актуальность и в современных российских реалиях; так, Россия по многим параметрам продолжает быть правопреемником СССР, русские регионы, несмотря на социальную неустроенность, продолжают служить донором

³¹ Эткнд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–299. См.: *Его же*. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74.

³² Горбачев—Ельцин: 1500 дней политического противостояния. М., 1992. С. 187–188.

для республик Северного Кавказа. Поэтому можно предположить, что русский национализм примет не имперское, а антиколониальное направление, русское население «внутренней колонии» вступит в новую фазу противостояния «диктату центра», чтобы обрести наконец свое государство. В особенности антиколониальная направленность актуальна для либерального национализма — демократизацию

и либерализацию вообще сложно совместить с имперскими притязаниями, тогда как, напротив, в XX веке демократические движения зачастую являлись также национальными и одновременно антиколониальными.

Как будут развиваться события на постсоветском пространстве, покажет время. В любом случае либеральный национализм не стоит списывать со счетов.

Елена Семенова НА ЭТНИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Елена Семенова — русская писательница, поэтесса, историк, редактор информационного портала «Архипелаг Святая Русь» (<http://www.rys-arhipelag.ucoz.ru>). Ее новая книга посвящена свежим, незажившим ранам русского народа — трагической судьбе русских на постсоветском пространстве.

«Братством народов» прожужжали уши всем. Но вот что характерно: советскими стали преимущественно русские люди. Ни грузины, ни армяне, ни киргизы, ни иные народы не забывали своего исконного имени, не забывали ни на мгновение, что они — грузины, армяне, киргизы... Да, все национальные республики подчинялись советским законам, но оставались национальными. И понятие советский человек олицетворялось в основном русскими...

...Вдруг выяснилось, что никакого советского братства не было и нет, а «братские народы» все это время копили в себе зерна шовинизма, удобренные некогда большевиками, и ненависть к «оккупантам», причем понимая под таковыми не столько Советский Союз, сколько Россию, не столько коммунистов, сколько русских. Платой за иллюзии «братства» стала русская кровь, хлынувшая на окраинах гибнущей державы...»

Судьба русских в Средней Азии, Закавказье, Молдавии, на Украине; равнодушие «родины-мачехи» к русским беженцам и переселенцам; национальная политика современной Российской Федерации — эти и другие «горячие» темы ярко обрисованы в новой книге Елены Семеновой.

Книга готовится к печати.

Заявки на приобретение книги «На этнической войне» можно направлять по адресу:
Москва, 119017, ул. Пятницкая, 37
E-mail: Nat.holmogorova@gmail.com

Александр Горянин

СВОИМИ ПУТЯМИ

РУССКИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Статья первая

Сперва общие констатации.

Демократия (народовластие) — умозрительный и недостижимый идеал общественного устройства, к которому тем не менее нужно стремиться, постоянно совершенствуя политический процесс.

Ни одна из современных «демократий» не является наследницей рабочавладельческой демократии греческих полисов. Их повсеместно и непреодолимо разделяет множество тиранических веков.

В наши дни более других приблизились к демократии страны, общественное устройство которых обеспечивает (при всех возможных оговорках) наиболее адекватную обратную связь между управляющими и управляемыми. В странах данного типа система принятия решений учитывает мнение большинства. Или пытается учитывать. Связь между управляющими и управляемыми осуществляется через полномочное представительство управляемых.

Полномочное представительство — главный инструмент народовластия и достижения баланса интересов. В наши дни таким инструментом являются избираемые народом органы государственного управления и местного самоуправления, а кое-где и судебные органы.

Монополий, патентом или авторским правом на институты полномочного представительства (равно как и на правовое государство, разделение властей, органы коллективного при-

нятия решений, гражданские свободы, механизмы обратной связи, конституцию, парламентскую республику и прочие демократические атрибуты и ценности) не обладает ни одна страна.

Уважая трудный путь других стран в направлении демократического идеала, нам следует знать и уважать свой, российский путь к той же цели.

Ясно увидеть свое можно лишь на фоне чужого. С этого и начнем.

* * *

Называя ту или иную страну демократической, мы делаем аванс любой из них. Чаще других «передовиком» демократии справедливо называли Англию. Но даже о ней можно говорить как о «демократической стране» лишь начиная с последних лет царствования Георга V (на троне в 1910–1936). До этого, констатирует английский историк Росс Маккибин (*Ross McKibbin. Class and Culture. England 1918–1951. London, 1998*), Англия «могла считаться “свободной” или даже “конституционной” (при отсутствии конституции. — А.Г.), но не, или пока еще не, “демократической”». Всего одна подробность: право голоса, не обусловленное замужеством и достижением 30-летия, английским женщинам было даровано лишь в 1928 году (кстати, позже российских, получивших такое право от Временного правительства).

«Первые полудемократические институты в Британии», — напоминает другой современный английский исто-

рик и политолог Доминик Ливен, — *начали появляться в 1830-е годы, приобретало влияние общественное мнение*». Подобные датировки способны смутить немало российских либералов. Еще больше их должны изумить выводы Георгия Дерлугьяна, профессора Северо-Западного университета в Чикаго, поясняющего (*Известия*, 18.01.06), что *«американская демократия начинает (!) становиться полноценной только в 1960-е (!) годы*». Важно лишь не забывать, что демократическое созревание 1960-х было следствием всего предшествующего развития США — конституции 1776 года, гражданской войны 1860-х годов, усиления законодательной ветви власти, борьбы профсоюзов, прессы. Это был Путь. Каждому народу дорог свой путь, плоды которого не свалились с неба, а добыты в борьбе.

У собирателей в ходу глагол «застарить» — то есть с помощью особых приемов добиться того, чтобы картина, рисунок, статуэтка, ковер казались более древними, чем они есть. Но заставляют не только предметы, застаривают политические понятия — причем из тех же соображений: чтобы задрать цену, играя на благоговении перед древностью. Именно по этой методике нас неустанно стращают сугубой древностью западноевропейских демократий. Многим на Западе хотелось бы, чтобы мы признали их строителями Акрополя на том основании, что они раньше нас сфотографировались на его фоне.

Особенно хорошо смотрятся в этой роли новые члены Евросоюза. «Мы, люди Европы, люди западной цивилизации, — говорят нам финские, латышские, венгерские, румынские и т. п. нотабли, сглатывая горделивый ком в горле, — у нас, знаете ли, совершенно другой, чем у вас, менталитет, другие традиции». Скоро к ним по праву присоединятся их албанские, боснийские, турецкие, а то даже и косовские коллег.

(Не хочу быть неверно понятым. Румыны, албанцы, финны, латыши, македонцы, турки, грузины и т. д. в ходе своей истории несомненно создавали собственные демократические институты и веками жили при них. Потребность в демократическом управлении — в природе людей, и это избавляет все народы без исключения от повинности непременно виснуть на подоле умозрительной Западной Демократии. То же относится и к либерализму. Английский профессор Пол Сибрайт и его ученики вполне доказательно утверждают, что либерализм есть общее духовное наследие практически всех народов и культур, существующих сегодня на свете.)

От нас ждут, что мы сделаем примерно такой завистливый вывод: у них, у благословенных «людей Европы», всегда были многопартийные демократии, выверенные идеологии, осмысленное политическое планирование, а посему мы, отсталые, должны есть их глазами и поступать, как они нам внушают. Именно в этом скрытый посыл большинства из бесчисленных (но написанных под копирку) статей о России, переводами которых нас ежедневно балуют сайты вроде «ИноСМИ.Ру» и «ИноПресса.Ру».

На самом же деле говорить о «народовластии» и «народном представительстве» былых веков не приходится, о какой бы стране ни шла речь. Почтительный миф об Англии породило то обстоятельство, что английский парламентаризм на протяжении почти всего XIX и почти всего XX веков служил образцом для других стран мира (сегодня это едва ли так). В чем причина? Об этом стоит рассказать.

Экскурсия в Англию

В Средние века в Англии, как и по всей Европе, дела решались на сельском сходе, на собрании «сотни», на вече (folk moot). К VII в. сложился witan (или witenagemot) — аналог боярской Думы. «Британская энциклопедия» (14th ed., vol. 23, p. 686) по-

ясняет, что «его состав определялся по королевскому произволу» («*Its composition was determined by the king's pleasure*»). В 1066 г. Англия была завоевана франкоязычными норманнами, при которых, восемь королей спустя, появился прообраз английского парламента. Тот же источник (vol. 17, p. 316), крайне трепетный в вопросах национального величия, описывает это так: *«Англо-саксонские землевладельцы и крестьяне были ограблены, в их усадьбах поселились захватчики. Король объявил всю английскую землю своей собственностью по праву победителя; он пожаловал воинам долю в этой добыче, сделав их держателями поместий на жестком условии обязательной военной службы. Англию смирял меч, страна оказалась во власти чужеземного короля, чужеземного дворянства, чужеземного воинства... witenagemot сменился чисто феодальным советом новой земельной знати. Magna Carta (написанная на латыни Великая Хартия 1215 г. — А.Г.) сыграла крайне малую (если вообще какую-либо) роль в становлении парламента...»*.

Упомянутый феодальный совет (Commune consilium regni nostri) состоял из королевских вассалов — держателей земли, а также из духовенства. Советовался король с почтенным собранием почти исключительно о том, как бы выколотить из страны еще денег, не ущемив при этом крупных баронов, которых побаивался. Поэтому для престоноародья изобретались все новые поборы, и их надо было доводить до сведения общин. Делалось это через «присяжных» — представителей общин, присягнувших говорить правду. Как поясняет «Британика» далее, *«идея, будто вопросы о налогах требовали согласия общин, очень позднего происхождения. Присяжные, посланные своими соседями, свидетельствовали о наложении на народ [к примеру] Саладиновой десятины [сбор средств на крестовые походы], их согласия*

никто не спрашивал и оно не требовалось — их ставили в известность». В 1265 г. бароны, восстав против короля Генриха III, впервые позвали на «Commune consilium» представителей городов. Тогда и прозвучало слово «парламент» — языком знати продолжал оставаться французский, а во Франции так назывался королевский суд. Впрочем, единичное собрание 1265 г. не может быть признано парламентом, даже если его назвали так.

(Слова меняют свое значение в веках. Встретив слово «вратарь» в старорусском тексте, мы не вправе делать вывод, что во времена Всеволода Большое Гнездо наши предки играли в футбол. Это слово означало охранника у дверей церкви, не впускавшего в нее нехристей и подозрительных лиц.)

Как бы то ни было, когда тридцать лет спустя, в 1295 г., король Эдуард I вернулся к идее сословного органа, он опять назвал его парламентом — слово прижилось. До конца своего правления Эдуард созывал парламенты еще несколько раз, чем (великий король!) заложил основу важнейшего политического института своей страны. *«Но институтом, безраздельно ведающим налогами, — продолжает «Британика», — парламенту еще только предстояло стать»*. Короли созывали парламент лишь по какому-то конкретному поводу, после чего его участников отправляли восвояси. В следующий раз их собирали не раньше, чем монарх вновь испытывал нужду в поддержке и совете.

В 1322 г. король Эдуард II издал указ о том, что дела королевства подлежат рассмотрению *«в парламенте королем при согласии прелатов, графов, баронов и общинников»*. «Британика» пишет об этих общинниках так: *«...не ведая о своей будущей силе, они смиренно жались в надменном совете королевства... Скромные купцы из маленьких городков немели перед гордыней и важностью своих знатных коллег. Они понимали, что вызваны сюда*

с одной целью — обложить налогами самих себя и своих земляков. Заседания были для них мукой, их дела страдали; поездки [в Лондон и домой] были сопряжены с лишениями и опасностями. Неудивительно, что они увиливали от сомнительной чести, многие пустились в бега, оставив неблагодарный пост... Нет свидетельств, да и не могло быть, чтобы три сословия когда-либо голосовали вместе. Подлежащие обсуждению вопросы зачитывались по сословиям, подчеркнуто раздельно, хотя ответ королю давался единый. Поскольку обсуждения были краткими, они могли вестись порознь в той же палате, однако со временем было найдено удобным удалить общинников в отдельное помещение, а именно в часовню Вестминстерского аббатства».

После 1343 г. хроники начинают говорить о двух Палатах — лордов и общин, но все решала первая — невыборные лорды и епископы. Положение изменил Генрих IV Вшивый (Henry The Lice-ridden), созвавший за 14 лет своего правления несколько парламентов. Он созывал их сугубо ради разверстки новых налогов (чтобы издать новый закон или отрубить голову архиепископу Йоркскому, совещаться с парламентом ему не требовалось), но в 1407 г. этот король провозгласил, что все, связанное с налогами, должно сперва получать одобрение Палаты общин — чтобы податное население видело: это не король из нас пьет кровь, а наши же присяжные. Другой целью Генриха было окоротить лордов. Как бы то ни было, случайно найденная модель помогла Англии стать тем, чем она стала. От нижней палаты теперь что-то зависело, и мало-помалу членство в ней превратилось в желанное и выгодное, она наполняется людьми «благородного» происхождения. В Палате лордов заседали большие господа, в Палате общин — господа поменьше. Перейдя в начале XV в. с французского языка на английский, они сразу осмелели. Шаг

за шагом они приучали королей править с согласия парламента, а не одними указами, но... тут на сто с лишним лет пришла династия Тюдоров, которые перестали обращать на парламент внимание.

После Тюдоров, начиная с Елизаветы I (правила в 1558–1603), английский парламент вновь обретает властные черты, но вряд ли сегодняшний студент-политолог посчитал бы это учрежденное парламентом. Король (1603–1625) Яков I мог не созывать парламент по семь лет, мог разогнать его. У Карла I (1625–1649) период беспарламентского правления длился одиннадцать лет.

И все же английский парламент выжил — в отличие от родственных ему институтов в других европейских странах — кортесов, генеральных штатов, соборов, сметенных абсолютизмом. В 1659 г. остаток разогнанного военным диктатором Кромвелем парламента объявил себя учредительной властью, а через год реставрировал ликвидированную было монархию, но теперь уже ограниченную. В Англии не стало источника абсолютной власти. Не то чтобы в стране появился парламент в нынешнем смысле слова, просто под этим именем закрепилось более влиятельное, чем прежде, собрание богатых и сильных. Представляя менее полутора процентов населения страны, они решали за закрытыми дверями (все происходящее в парламенте оставалось секретным до XIX в.) свои дела. Но уже то, что парламент стало невозможно обойти, закладывало фундамент будущей «Вестминстерской системы», послужившей образцом для остального мира.

Впрочем, еще в первой половине XIX в. представительство в этой стране сохраняло архаические (на современный взгляд) черты. Палата общин представляла не общины, а «150 тысяч джентльменов», в основном землевладельцев. Участники «чартистского движения» требовали, среди прочего, чтобы парламент созывался еже-

годно. Реформы проводились после долгих битв, но проводились: была запрещена продажа депутатских мест, узаконены партии («тори» и «виги»), расширился электорат — если в 1832 г. право голоса имели 1,7% населения страны, то в 1867-м эта цифра выросла до 7,3 процента; в 1874 г. впервые было применено тайное голосование (до того оно было открытым: на избирательном участке вы объявляли, кому отдаете голос). Кстати, оно и сегодня «полуоткрытое». Избирательные бюллетени в современной Великобритании снабжены номерами. Если нужно, легко узнать, за кого вы голосовали, но это, как утверждают, никому не нужно.

Англичане проложили лыжню, шедшим следом было легче. В континентальной Европе партии нового типа, близкого к современному, начали формироваться после волны революций 1848 г. на основе возникших в революционную пору клубов и кружков. Между 1840-ми годами и Первой мировой войной, т. е. на протяжении примерно семидесяти лет, парламентские системы и политические партии оформились и были постепенно узаконены почти во всех христианских странах, включая Россию.

Пикейные жилеты нашего ТВ сильно удивились бы, узнав, что в Англии на выборах 1900 г. было 243 безальтернативных округа (из 669). Или что между 1922 и 1948 гг. в этой стране существовала практика дополнительных «бизнес-голосов», стоивших 10 фунтов стерлингов. Или что их любимец Черчилль называл выборы «несчастьем, препятствующим социальному, нравственному и экономическому развитию».

Князь на договоре

История России — это история успеха. Ничто не предвещало, что малочисленный юный народ, поселившийся в первые века нашей эры среди глухих лесов дальней оконечности тогдашне-

го мира (в краю хоть и благодатном, но страшно далеко от существовавших уже не одну тысячу лет очагов цивилизаций), что этот окраинный, незаметный поначалу народ выйдет на первые роли в мире, создаст сверхдержаву и самое большое по территории и ресурсам государство.

Успех такого масштаба не мог достаться легко. В своем развитии Россия пережила от трех до восьми — считают по-разному — исторических катастроф. Четырежды прерывалось у нас развитие представительных органов (впрочем, оно прерывалось в любой стране, особенно если ей, как России, больше тысячи лет), но всякий раз, что замечательно, они начинали отстраиваться по прежней или обновленной модели. Становление и развитие механизмов представительства в России, как и других демократических механизмов, — плод ее саморазвития, вполне равноценного другим известным моделям демократической эволюции. Я начал с истории английской модели, чтобы было с чем сопоставить российский исторический опыт.

Еще в VI в. Прокопий Кесарийский писал¹ о наших предках: «...славяне и анты не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве» (т. е. в демократии). Каждый слышал и о «боярских республиках» Руси — правда, ходячие представления о них, мягко говоря, неточны. Вполне начитанные люди удивляются, слыша, что вече — это отнюдь не буйная толпа, решавшая спорные вопросы кулачным боем на мосту через Волхов. Раскопки показывают: вечевая площадь имела размеры 40х50 метров, причём из летописного рассказа 1359 г. о вечевом отрешении от должности посадника Андреяна Захарьинича видно, что участники Веча не стояли, а сидели. То есть собрание выглядело вполне по-парламентски.

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 297.

Вместимость Веча, согласно расчетам академика В.А. Янина, никак не выше пятисот человек. Это много, один край не услышал бы другой, но выступления проходили со «степени», возвышенного места, то есть упорядоченно. Председательствовал на Вече степенной посадник. Летописцы не поясняют (для их современников это было лишнее) состав Веча, его устройство, права и процедуры. Усилиями поколений ученых почти все это удалось установить из контекста. Большинство историков согласны, что принимать участие в Вече и иметь право решающего голоса могли лишь те, кто владел дорогой землей, недвижимостью или другим заведомо ценным имуществом. Да и немецкие источники XIV в. называют Вече «тремястами золотыми поясами».

«Голосовать», «отдавать голоса» — очень старые понятия в русском языке. Они родились в то время, когда мнение по обсуждаемому поводу выражалось «голосом» — устно и открыто. Но нельзя не упомянуть и о том, что в Новгороде находят берестяные грамоты с перечислением в родительном падеже нескольких лиц — с отчеством, а то и с именем деда. Что это? Должников записывали совсем иначе, по-другому выглядят и поминальные списки. Археолог А.В. Арциховский первым догадался, что это избирательные бюллетени. К тому же мнению пришли В.А. Янин, Н.А. Подвигина и другие исследователи.

Принятое на Вече решение («приговор») записывалось в грамоту, к которой прикладывалась княжеская, а в XV в. — только вечевая печать. В начале вечевой грамоты перечислялись имена архиепископа, посадника, тысяцкого, далее говорилось: *«и бояре, и жити люди, и купце, и черные люди, и весь господин Государь Великий Новгород, вся пять концов, на Веце, на Ярославле Дворе, побелеваша...»* Такое перечисление заставляет думать, что в состав Веча входили

представители всех сословий и всех вечевых собраний новгородских концов («кончанских»).

То, что все происходило под открытым небом, усиливало демократическое начало Веча, это была гласность в полном смысле слова. В.А. Янин предполагает, что *«обстановка напоминала конец 80-х — начало 90-х годов у нас, когда собрание могло переходить в митинг. Новгородцы ощущали свою причастность к государственным делам, они были грамотными в основной своей массе»*. Простолюдны сидели на деревьях, заборах, крышах домов, криками поощрения или возмущения оказывали давление на боярскую партию, торговую партию, московскую партию, литовскую партию, поддерживали того или иного кандидата в посадники, в тысяцкие, в архиепископы.

В архиепископы, это не оговорка. Система выборного правления в Новгороде и Пскове была заметно демократичнее, чем в близких, казалось бы, по устройству «вольных имперских городах» Германии. В Новгороде и Пскове выбирали не только посадника и тысяцкого, но и архиепископа, чего не было в Германии. Эта духовное лицо было наделено в русских «боярских республиках» значительными властными полномочиями. Архиепископ хранил государственную казну и печать, ведал архивом, руководил летописанием и записями гражданских актов, мирил враждующие стороны, представлял Новгород во внешних сношениях, скреплял печатью договоры и грамоты Новгорода, а с первой половины XIV в. также ведал всеми тяжбами по земельным делам, заверял своей подписью и печатью сделки, касавшиеся земельной собственности. Он вершил не только церковный суд — «во владычне комнате» в его резиденции три раза в неделю заседал суд высшей инстанции при участии десяти присяжных заседателей (по боярину и по купцу от каждого конца), куда дела поступали на «до-

клад» (окончательное решение) или «пересуд» (пересмотр)².

Наряду с упорядоченным Вечем продолжал жить старый обычай, по которому в вечевой колокол мог позвонить каждый. До революции в детские книги для чтения входило новгородское предание, где речь шла о боевом коне, который не раз спасал своего хозяина, дружинника князя, но состарился, ослеп, и конюший его выгнал. Была морозная ночь, конь забрел на Ярославово дворище, где висел вечевой колокол. Пеньковая веревка колокола пахла съестным, и конь начал ее жевать. Сбежались поднятые звоном горожане и постановили: заставить хозяина принять коня обратно и содержать, пока тот жив.

Такие истории не рождаются там, где они невозможны. Сомневаться в существовании вечевого колокола нет причин — а раз так, значит, он «звучал на башне вечевой» (цитируя Лермонтова) не только «во дни торжеств и бед народных», но и по сугубо частным поводам — даже в связи с каким-то затянувшимся бытовым спором.

Вече могло быть и стихийным. В.О. Ключевский говорит об этом так: *«Когда народ подозревал или видел со стороны выборных властей либо всего правящего класса замыслы или действия, казавшиеся ему преступными или опасными, тогда вече, преобразуясь в верховное судилище, получало не всенародный, а протонародный состав, представляло одну лишь Торговую черную сторону во главе с боярами демократической партии. Так как движение в таких случаях шло против наличных властей, то оно получало вид народного мятежа... К такому средству, как известно из истории средневековой Европы, прибегал не*

один Новгород». (Обратите внимание на выражение «бояре демократической партии».)

Говоря о вечевой демократии, вспоминают обычно Новгород, Вятку (в вечевые времена — Хлынов) и Псков, и это понятно: здесь она сохранялась дольше всего. Но вечевых городов было, по подсчетам дореволюционного историка В.И. Сергеевича, больше шестидесяти. Вот неполная половина этого списка: Брянск, Владимир, Галич Дмитровский, Дмитров, Дорогобуж, Изборск, Киев, Козельск, Кострома, Курск, Ладога, Минск, Москва, Муром, Нижний Новгород, Переяславль Залесский, Полоцк, Пронск, Путивль, Ростов Великий, Рязань, Смоленск, Стародуб Владимирский, Суздаль, Тверь, Торжок, Устюг Великий, Чернигов, Ярославль. В список Сергеевича вошли лишь те города, о вечевом строе которых он нашел прямые упоминания в летописях, но это не значит, что Веча не было в других городах. Вечевой строй, в чем согласны историки, был явлением всеобщим, а не трех русских земель. Вече призывало и, что особенно важно, изгоняло князей. Помимо Новгорода и Пскова, изгнания отмечены в Киеве, Полоцке, Галиче, Владимире, Суздале и еще в десятке городов.

Но что это вообще за республика с князем? Князей новгородцы приглашали скорее в качестве военачальников, хотя даже это не главное. Они могли призвать на престол ребенка, еще не способного сидеть на коне, — его призывали, по предположению В.Л. Янина, как символ связи с другими княжествами Русской земли. Эти княжества жили по сходному обычаю, но лишь Новгород довел до совершенства систему отношений, которую трудно назвать иначе, кроме как республиканской с князем «на договоре». Договор назывался «ряд» или «докончание». Латинского слова «республика» в новгородском обиходе не было. Возможно, новгородцы никогда его не слышали, а услышь — не обязательно усвоили бы.

² В новгородской «Судной грамоте» 1456 года сказано: «...судити всех равно, как боярина, так и житъего, так и молодчеге человека». Это ли не демократический принцип судопроизводства?

Решительный прорыв к республике датируется здесь еще первой половиной XII в. Этот прорыв и последовавшие за ним три с половиной века Новгородской республики — важная глава мировой политической истории. Полномочия, владения и доходы приглашенного князя были сильно урезаны, его резиденция из Детинца (кремля) со временем перевели за город (на Городище). Согласно договору (их сохранилось немало), князь не имел права распоряжаться государственными доходами и расходами, не имел отношения к сбору налогов. Ему запрещалось вершить суд за пределами города, издавать законы, объявлять войну и заключать мир. «Докончания» категоричны: *«А без посадника ти, княже, суда не судити, ни грамот даяти»*. Князь не мог заключать договоры с иноземцами без согласия новгородцев и даже охотиться и рыбачить за пределами отведенных ему угодий. Гарантией соблюдения договоров служил запрет князю и его людям приобретать землю в Новгороде, управлять новгородскими волостями и раздавать в них землю. Князь олицетворял независимость Новгорода, защиту и правду. Дискредитация такого представления о себе грозила нерадивому князю изгнанием, что неоднократно и случалось. Новгородцы проявляли завидное постоянство в своем стремлении выбирать князя по своей воле и превратить его в военачальника, чиновника, посредника, мирового судью.

Не было конституции или не было слова «конституция»?

У советских авторов можно было прочесть, что Вече ничего не решало, все решали бояре в узком кругу. Откуда же брались народные страсти? Почему противостояние по одному-единственному вопросу могло длиться по две недели (как это было в 1218 г.), переходя в драку (как это случалось много раз) пока не *«сошлись братья все единодушно»*? Станут ли драться

люди, которые «ничего не решают»? А «сошлись единодушно» потому, что пришли к договоренности.

Легко объяснимо и стремление к единодушию. Русские понятия о совести и справедливости не позволяли новгородцам признать законным положение, когда архиепископ, посадник, тысяцкий, бояре и (процитирую еще раз) *«житьи люде, и купце, и черные люде, и весь господин Госудафь Великий Новгород, вся пять концов, на Вече, на Ярославѣ Дворѣ»* провозглашают акт, с которым не согласна изрядная часть тех, от чьего имени он принимается.

Мнений много (*«На одном Вече да не одне речи»* — это новгородская поговорка!), и само слово «вече» родственно словам «вещать», «совещаться» и «совет», — но решение должно убедить всех. А значит, убеждали не только кулаками, была какая-то культура компромисса — то, чего нередко так не хватает сегодня.

Вече издавало и отменяло законы; устанавливало размеры податей и повинностей; решало вопросы войны и мира; призывало князя в Новгород, судило о его «винах» и в случае невыполнения им условий договора о княжении указывало ему «путь чист» из Новгорода; избирало и отстраняло посадника, тысяцкого и архиепископа; ведало назначением и смещением других должностных лиц; распоряжалось финансами, устанавливало денежные сборы, вводило торговые правила и льготы; объявляло войну и заключало мир; избирало представителей власти в новгородских владениях, принимало жалобы на них, а в случае их неправильных действий наказывало виновных; осуществляло контроль за судебными сроками и исполнением решений; в случаях, волновавших весь город, вело непосредственное разбирательство дел.

Во главе непосредственного и повседневного управления в Новгороде стоял посадник — первое по важности

сти должностное лицо (некто вроде президента), избиравшееся на Вече из представителей знатных боярских фамилий. Посадник был председателем на Вече, контролировал деятельность князя, выполнял вместе с ним важнейшие функции (командование вооруженными силами, суд), ведал администрацией, внешней политикой, следил за взысканием податей с населения. Новгород делился на пять концов (частей), в каждом конце и на каждой улице созывалось свое вече, избирались кончанские и уличанские старосты. Еще в XIII в. за должность посадника или за то, чтобы его скинуть, концы могли сражаться стенка на стенку, но уже в XIV посадник стал избираться мирно, а главное — ежегодно. С 1354 г. выбор производится из числа пяти кончанских посадников, причем соблюдалась ротация. Такой порядок стал следствием реформы управления, проведенной посадником Онцифором Лукиничем. (После этого, сообщает летописец, *«отступился посадничества Онцифор Лукинич по своей воле»* — какой пример нынешним государственным мужам!)

Вторым среди должностных лиц Новгорода был тысяцкий. Тысяцкого также избирали на Вече, он традиционно представлял интересы «житых» (средние землевладельцы и домовладельцы) и «черных» людей. Около середины XIV в. число тысяцких достигло пяти (по числу концов), один из них ежегодно избирался в степенные тысяцкие. Тысяцкий был помощником посадника по военным и торговым делам и вторым человеком в войске, возглавлял «сотских», ведавших десятью сотнями жителей. Тысяцкий курировал торговлю и суд по торговым тяжбам, сбор налогов, организацию ополчения.

Реформой 1416—1417 гг. число посадников было увеличено втрое, а «степенные» посадники стали избираться на полгода. Посадников становится 24, а перед присоединением Новгорода к

Московскому Великому княжеству — 36. Это была уже коллегия посадников.

Перед тем как вынести тот или иной важный вопрос на Вече, он обсуждался в Совете господ. В 1439 г. архиепископ Евфимий построил специальное помещение для Совета, сохранившееся без перестроек до наших дней, — ныне оно называется Грановитой палатой Новгородского кремля. Как установил В.А. Янин, на момент постройки зала заседаний в Грановитой палате в состав Совета господ входили архиепископ, архимандрит, 24 посадника, 6 тысяцких, 2 купеческих старосты, игумены пяти монастырей, сотские, кончанские и уличанские старосты — то есть около пятидесяти человек. Возглавлять Совет было самой важной из светских обязанностей архиепископа. Площадь зала заседаний Совета господ равна 165 квадратным метрам. Если «гласных», т. е. имеющих право голоса, было 40–50 человек, это означает, что на каждого приходилось 3,5–4 квадратных метра, что близко к нормам нынешней Государственной Думы. Судя по тому, что при раскопках Новгорода находят избирательные бюллетени на бересте, в каких-то случаях выборы должностных лиц бывали близки к современным.

Можно ли говорить о двухпалатном законодательном органе, состоящем из Совета господ (который Янин называет новгородским сенатом) и Веча? Пусть об этом судит ученое сообщество. Подозреваю, что после того, как советские историки много десятилетий искали в истории Новгорода главным образом доказательства классовой борьбы, она (история) нуждается в новых, более глубоких разысканиях — благо, простор для поисков велик.

«Новгородским словом», т. е. законом, признавалось постановление, состоявшееся на Вече в присутствии городских властей; *«иначе (поясняет В.О. Ключевский) решение Веча являлось незаконным, мятежным актом, поступком неразумной черни, как вы-*

разился Совет господ в одном документе». Однако все решения Веча должны были иметь вид народной воли, и это заставляло Совет господ, хочешь не хочешь, делать шаги навстречу этой воле. Именно так в политике рождается дух компромисса, умение приходить к договоренности. Ключевский подмечает важную особенность новгородской жизни, вынуждавшей верхи договариваться с низами: «При постоянном антагонизме между вечевой простонародной массой и правительственной знатью не простонародью приходилось добиваться соглашения с правительством, а, наоборот, боярам проискамы привлекать на свою сторону часть простонародья, чтобы придать решению веча вид народной воли».

Кончанские посадники представляли не только концы, но и приписанные к концам обширные территориальные единицы, «пятинны». То есть представительство было у всех территорий. Новгород был федерацией концов, а Новгородская земля — федерацией пятин. В.А. Янин дает объяснение новгородскому федерализму: «Новым городом (т. е. Новгородом) стала крепость, построенная на месте здешних же, но более древних поселков, которые были основаны разными народами. Один из них, Славно, принадлежал племени новгородских словен, второй, Людин с Прусской улицей, — другому славянскому племени, кривичам, а третий, Неревский, — чуди, угро-финскому племени. В каждом из этих племен было свое древнее народное собрание, и его пережитком могли стать кончанские веча, когда эти поселки стали концами города. Но город в целом — это федерация концов... Общеповгородское вече, собиравшееся на Ярославском двореце, — орган, составленный из представителей концов, которые к моменту образования федерации уже заняли в них господствующее положение».

Это объяснение хорошо согласуется с географией Господина Велико-

го Новгорода. Пятинны расходились клиньями в пять сторон от Новгорода. Только Деревская и Шелонская пятинны были вполне русскими. От Неревского конца (в древности чудского) на север простиралась Водская пятинна, примерно соответствующая нынешней Ленинградской области. Здесь, помимо славян, потомков кривичей, жили воть, чудь и ижора. В Обонежской пятине, располагавшейся восточнее Водской и тянувшейся к Белому морю, как и в прилежавшей к ней с востока новгородской Заволоцкой волости (Двинской земле), наряду с русскими поморами, жили карелы и заволоцкая чудь. Карельский элемент присутствовал также в Бежецкой пятине. То, что каждый новгородский конец имел живые связи со своей пятинной и мог отстаивать ее интересы, весьма содействовало прочности новгородского государственного организма.

На пике могущества республики новгородские земли простирались на огромные расстояния — от Балтики до Урала и даже (Югорская земля) за Урал, от Белого моря и норвежских владений на Мурманском берегу до Верхней Волги и Волго-Окского междуречья. Средневековый Новгород — носитель государственного суверенитета одного из крупнейших государств тогдашней Европы.

Переход от прямой демократии к представительной (делегированной) мучителен и многократно в истории кончался крахом первой без достижения второй. И в Новгороде, и в Пскове в вечах уже участвовали посланцы с делегированными полномочиями. Механизм делегирования действовал, был всем понятен, мог развиваться.

Вече, князь, архиепископ, посадник, тысяцкий... В русских вечевых городах не читали Монтеスキе (до его рождения оставалось еще несколько столетий), но разделение властей было в них политической реальностью. Но и это еще не все. Подводя итог теме новгородского представительства, нельзя не

отметить, что в политическом устройстве Новгорода присутствовали несомненные признаки конституционного строя. К этим признакам относятся преемственность основных правовых актов и невозможность их произвольного изменения, последовательное соблюдение процедур, закрепляющих сложившееся государственное и общественное устройство, регламентирование деятельности должностных лиц условиями договоров, никем не оспариваемое уважение к устоям государства. Хотя слова *конституция, демократия, парламентаризм, федерация* и *республика* новгородцам известны, скорее всего, не были, они жили в согласии с сутью этих слов. Что же до «государственной вывески», им было достаточно горделивого имени Господин Великий Новгород.

С ростом городов Вече почти повсеместно утрачивало эффективность и отмирало — где само собой, где вследствие ордынского завоевания, где из-за превращения княжеской власти в наследственную. Лишь в Новгороде, Пскове и Вятке (последний случай гораздо менее изучен) Вече выжило — но лишь потому, что

1) на решающем этапе сумело отстоять свое верховенство над княжеской властью,

2) не выпустило из рук право решать главные государственные вопросы,

3) сохранило гибкость и способность к переменам.

В Вятской земле вообще не было князя. Верховная исполнительная власть принадлежала земским воеводам, которых выбирало Вече из числа местных бояр.

Жители трех названных русских земель чувствовали себя причастными к управлению и поэтому были политически активны — ведь все органы здешнего управления были производны от Веча, их деятельность базировалась на вечевых решениях, и любой из них мог быть отстранен от власти волей Веча. Политическое развитие имело здесь

тенденции как к демократической, так и к олигархической (наподобие Венеции или Генуи) эволюции. Шанс узнать, куда вело это развитие (точнее: три версии развития), не дала Москва.

Правовая преемственность

Главный закон русских земель на протяжении веков, «Русская Правда», был принят около 1015 г. под давлением новгородского Веча. Историки находят баснословной ту версию рождения этого документа, которую нам сообщает летопись. А именно, что сперва новгородцы, не поладив с варяжской дружиной князя Ярослава, «*перебили варягов во дворе Поромоньем*», после чего взбешенный Ярослав в расправился с виновниками гибели своих дружинников, но уже наутро обратился к новгородцам на Вече со слезами раскаяния и просьбой о помощи против Святополка Окаянного; после же победы над Святополком Ярослав отплатил новгородцам, даровав им «Правду» и «Устав».

Вольности, которые Ярослав узаконил для новгородцев, на самом деле были добыты в долгих предшествующих столкновениях горожан с князьями, пытавшимися расширить свои полномочия и судить по личному усмотрению. Отныне приглашаемые в Новгород князья присягали на «Ярославовой грамоте» и целовали крест «на всей воле новгородской». Прочитую Н.И. Костомарова: «*Эта грамота давала или, лучше сказать, возвращала Новгороду старинную независимость — право самоуправления и самосуда, освобождала Новгород от дани, которую он платил великому князю киевскому, и представляла Новгороду с его землей собственную автономию. Мы имеем много грамот новгородских с половины XIII века до конца XV, — каждая заключает в себе, в главных чертах, повторение предыдущей: они ссылаются на грамоту Ярослава, как на свой первообраз. Новгород, охраняя свою независимость*

и гражданскую свободу, постоянно указывал на Ярославовы грамоты как на свою древнюю великую хартию»³. Каждый новый князь был обязан либо подтверждать новгородские вольности и льготы, либо отказываться от мысли сесть князем в Новгороде.

Нечто подобное имело место и в Западной Европе: бароны, купцы и горожане вырывали у короля те или иные вольности, и преемники короля уже были не вправе от них отступить: не позволяла грамота (хартия, «привилегия», «кондиции», устав и т. д.). Подобные документы, как и ранние сборники законов, — прообраз будущих конституций. Вся история феодальных времен — что на Востоке, что на Западе — говорит о том, что льготы никогда не «даровались» просто так, любую льготу управляемые вырывали у управляющих.

Нормы «Русской Правды», регулирующие те или иные стороны жизни, постепенно меняясь, переходили в более поздние своды законов. Историк А.А. Зимин привлек внимание к самой, быть может, важной особенности «Русской Правды»: она легла в основу правовых актов, отстоящих от нее на столетия, — таких, как Судебник 1497 г. и «Литовский статут» (кодекс Западной или Литовской Руси XVI в.).

К «Русской Правде» примыкали, дополняя ее, княжеские уставы и уставные грамоты. То, что их, как и «Русскую Правду», многократно переписывали вплоть до XVII в. (до наших дней дошла, естественно, лишь малая часть списков), говорит о следующем: во-первых, «Русская Правда», уставы и уставные грамоты использовались по прямому назначению — в качестве руководств по вопросам государственного управления, судопроизводства, налогообложения, наследства и т.д., а

во-вторых, на протяжении столетий никому не приходило в голову начать с чистого листа, преемственность законов подразумевалась сама собой.

Судебник 1497 г., первый кодекс, обнародованный уже для всего Русского централизованного государства от имени верховной власти, в свою очередь, лег в основу Судебника 1550 г. Конечно, нормы XI в. к тому времени безнадежно устарели, но выкинуть предшествующие законы и без оглядки на них написать новые — такое явно противоречило миропониманию людей средневековой Руси. Это говорит об их уважении к силе и к букве закона, это говорит о том, что историческая Россия — страна стойкой правовой традиции.

Развитие огромной и сложной страны не бывает прямолинейным. Новгородско-псковско-вятский путь общественного развития не стал российским. Собирателем русских земель выступило Великое княжество Московское, присоединявшее к себе княжество за княжеством. Собиратели почти никогда не заимствуют порядки присоединяемых, они приносят свои. Москва была жестким собирателем. Вечевые порядки были ликвидированы в Новгороде в 1478 г., в Вятке — в 1490-м, в Пскове — в 1510-м⁴, вечевые колокола сняты и отвезены в Москву. Там, в Московском Кремле, уже отбивали новое время колокола, привезенные ранее из Твери, Ярославля, Рязани, Суздаля, Переяславля и других прежде вольных городов. Такова была плата за объединение страны, за рывок к великой державе.

России не было суждено прийти к парламентаризму по кратчайшей прямой, через совершенствование Веча.

³ Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М., 1994. С. 31–32.

⁴ Примерно в эти же годы сходному занятию — «собиранию Италии», притом куда более жестокими методами, чем наш Иван III, предавались папа Александр VI Борджиа и его сын Чезаре Борджиа, герцог области Романья. Преуспели они меньше, чем Иван III.

Судьба назначила ей испробовать, по пути к этой цели, другие, более извилистые колеи. Не хотелось бы, вместе с тем, присоединяться к известному мнению, будто новгородский путь был «хорошим», а московский — наоборот. Вот образчик данной мысли: *«На примере Новгородской республики можно до конца XV в. следить за той исконной русской исторической судьбой, которая явилась бы судьбою всей страны, не будь исторического вызова, брошенного Руси нашествием монголов, и русского ответа на него, выраженного в московской централизации»*⁵.

Во времена упадка Киевской Руси и после ее распада русский народ в своем историческом творчестве создал несколько видов (или подвидов) государственности: Московскую Русь, Галицкую Русь, Литовскую Русь, обширные вечевые республики Новгород, Псков, Вятку (Хлынов), вечевые города. Несомненную альтернативу Киеву, а затем Москве в разное время представляли Полоцкая земля, Рязань, Тверь, Смоленск XII–XIV вв., Поморье (так называемые «Поморские города» в XV–XVII вв.). Менее изучены и известны Тмуторокань (именно такое написание рекомендует академический «Словарь-справочник “Слово о полку Игореве”»⁶), Черная Русь, Терский городок, старообрядческая Ветка, Стародуб, Керженец, государственные образования периода Гражданской войны 1918–1922 гг., не говоря уже об уникальных казацких демократиях. В централизованном государстве, естественно, должен был победить какой-то один тип государственности. Им стал тип московский, переросший затем в петербургский.

Представлять московский тип развития как ориентированный в строго деспотическом направлении (что часто делается) — заблуждение или лукавство⁷.

Любое общество сознательно или инстинктивно переустраивает себя. Давление низов на верхи — залог развития и преобразований. Любое общество движется — почти всегда трагически медленно и никогда не прямо — к большей справедливости, к расширению прав низов, к усилению демократического начала. Московская версия развития не стала исключением.

Дума — орган «стеснения государя»

Вече, известный большинству европейских народов демократический институт, ни у одного из них не был единственным органом коллективного принятия решений. В любом государственном образовании имелась верхушка, располагавшая множеством рычагов для отстаивания своих групповых интересов. Для князя (конунга, герцога, короля) было бы опасно не прислушаться к мнению знатных вассалов, своей дружины, имущественной верхушки, духовенства. Отсюда появление законосовещательных советов. В Средние века подобными советами обзавелись, видимо, большинство больших и малых монархов — по крайней мере в Европе. Английский парламент, до появления в XIV в. Палаты общин, был советом королевских вассалов-баронов, прелатов и представителей городов. Русская Дума состояла из «княжьих мужей», духовенства и «старцев градских». То есть имела тот же состав.

⁵ Петров А.В. О вечевом народовластии в древнем Новгороде // Исследования по русской истории: Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.—Ижевск, 2001. С. 57.

⁶ Словарь-справочник «Слово о полку Игореве»: В 6 выпусках. Л., 1984. Вып. 6.

⁷ Трудов второго рода довольно много, но от внимательного читателя не ускользнет, что за очередной «критикой исторического опыта» нашего отечества, обычно не стоящей (или стоящей?) бумаги, на которой она напечатана, неизменно прячутся (но торчат) личные счеы по отношению — не к отечеству, нет — к «этой стране».

Ранние русские князья все важные решения принимали не иначе как после совета с дружиной. Князь Святослав, может быть, и принял бы христианство, но дружина такое решение отвергла. Наоборот, обращение в новую веру Владимира состоялось после одобрения боярами. Уже в первые века русской истории появляется такое понятие, как Дума. Тот или иной князь решается на что-то важное не иначе, как «сдумав с мужами».

Идея Думы хорошо согласуется с представлениями средневековой Руси о власти. Историки уже давно выяснили, что от начала нашей письменности и до конца XVII в. (т. е. до общеевропейской победы абсолютизма) нет ни одного русского политического текста, в котором царская власть понималась бы как абсолютная, ничем не ограниченная. Единственное исключение — доктрина второй половины (1564–1584) царствования Ивана IV Грозного, хотя и с этим царем не все так просто. Для отечественных мыслителей на протяжении почти шести веков до Петра I «советное» начало было необходимой составляющей верховной власти. Дума была непререкаемым органом при князе, великом князе, царе, она утверждала авторитет их власти, направляла их деятельность, сдерживала царское «самоволие».

Дума присутствует в «Поучении» Владимира Мономаха, написанном около 1117 г.: «Я хвалю Бога, когда сажусь думать с дружиною». Для Мономаха «садиться думать с дружиною» — постоянное, привычное, обязательное занятие. В «Сказании о князьях Владимирских» Владимир Мономах произносит такие слова: «Съвет ишу от вас, моя полаты, князей и бояр, и воевод, и всего над вами христолюбиваго воинства». Мономах просит совета у своей Палаты.

Вполне современное слово «думцы» впервые появляется уже в конце XII в. (или начале XIII) в «Слове» и в «Молении» Даниила Заточника — правда,

об этом мало кто знает: древнерусский текст читают редко, а в переводе это понятие передано, совершенно напрасно, словом «советчики». Этот литературный памятник пользовался большой любовью, до наших дней дошло множество списков-версий, причем в некоторых Даниил в числе «думцев» великого князя желает видеть деятельных людей, выдвинувшихся не в силу происхождения, а благодаря службе.

В отдельных княжествах (Муромо-Рязанском, Черниговском) сила боярской Думы была настолько велика, что в них не смогла сложиться сильная княжеская власть. Первые бояре были вольными дружинниками князя. Позже бояре превратились в состоятельных людей, землевладельцев, несших службу у того или иного удельного князя по вольному уговору с ним и занимавших на этой службе высокие должности. Они составляли его обычный совет, с которым он «думает об устройении Земли». То есть составляли Думу.

Независимость боярских суждений при обмене мнениями в Думе у князя обеспечивалась достаточно просто: недовольный князем боярин всегда мог «отъехать» от него к другому князю, это не считалось ни изменой, ни постыдным поступком; если отъехавший к другому князю боярин владел землей в княжестве первого, он оставался ее хозяином. Но княжеств делалось все меньше, в централизованном Русском государстве отъезжать стало не к кому. Однако, как показал А.Л. Янов (не путать с В.Л. Яниным), утратив такую возможность, бояре обрели другую — выход на политическую арену, они превратились в правительственный класс: в XV веке боярство становится высшим служилым чином.

Обладатель такого чина, имея и другие обязанности, обязан был заседать в Думе, становился постоянным «думником» или «думцем». Вторым «думным» чином было околичничество. Околичничие — это тоже были бояре,

но не из особо знатных родов. Кроме того, Дума не могла обходиться без думных дьяков и подьячих.

Приведу оценку, данную Думе В.О. Ключевским: *«С X и до XVIII в. боярская Дума стояла во главе древнерусской администрации, была маховым колесом, приводившим в движение весь правительственный механизм; она же большею частью и создавала этот механизм, законодательствовала, регулировала все отношения, давала ответы на вопросы, обращенные к правительству. В период наиболее напряженной своей деятельности, с половины XV и до конца XVII в., это учреждение было творцом сложного и во многих отношениях величественного государственного порядка, установившегося на огромном пространстве Московской Руси, того порядка, который только и сделал возможными смелые внешние и внутренние предприятия Петра, дал необходимые для того средства, людей и самые идеи; даже идеи Петра, по крайней мере основные, наиболее плодотворные его идеи, выросли из московского государственного порядка и достались Петру по наследству от предшественников вместе с выдержанным, удивительно дисциплинированным политически обществом, руками и средствами которого пользовался преобразователь».*

К этой тщательно выверенной характеристике трудно что-либо прибавить. Единственное уточнение: современники не употребляли выражение «Боярская Дума», редко говорили и просто Дума, а чаще выражались описательно: *«и бояре, и окольные, и думные люди»*, тогда как книжники называли Думу Синклитом или Палатой. Иногда, в переписке с Литвой, Дума называла себя Радой.

Дума была правительственным учреждением — ее члены не только давали «экспертные заключения», как бы мы сказали сегодня, но и сами возглавляли «пути» — что-то вроде отраслевых управлений. Появление в XVI в.

системы «приказов», т. е. министерств, не принизило роль Думы. Крупные приказы возглавили думные бояре и окольные, более мелкие — думные дворяне.

В нарушение принципа разделения властей (тогда, впрочем, еще не провозглашенного), Дума и «законодательствовала», и отправляла правительственные функции, приводя «в движение весь правительственный механизм». Роль Думы резко возросла при малолетстве великих князей, а позже — царей.

Дума, собиравшаяся по понедельникам, средам и пятницам, не была «ручным» органом. Думцы не просто оглашали свои соображения, но и отстаивали их. Подробные стенограммы в те времена еще не велись, но известно, что ее заседания проходили в прениях, достигавших порой большого накала. «Встречи», то есть возражения царю, были обычным явлением. Об Иване III рассказывали, что он любил и даже поощрял «встречу». Из слов Ивана Грозного в письме Курбскому видно, что «встречи» в Думе его деда доходили до *«поносных и укоризненных словес»* государю.

Вообще, представления о том, что бояре только и делали, что отбивали царям поклоны, пришли из дурной литературы. Даже при таком опасном самодуре, как Петр I, они умели отстаивать свою точку зрения. На обеде у Лефорта иностранным послам удалось увидеть конец одного совещания царя с боярами. Царь явился на обед с боярами прямо с заседания и за столом продолжал прерванное обсуждение дел. По горячности и упрямству, с какими бояре отстаивали перед царем свои мнения, иностранцы сочли это совещание скорее громкой ссорой. Иоганн Корб, секретарь австрийского посольства, из дневника которого почерпнут этот эпизод, находил подобную горячность в разговоре с монархом «в высшей степени неуместной».

Умели они отстаивать свою точку зрения и при Иване Грозном. Лучший знаток русского XVI в. Р.Г. Скрынников в своей книге «Начало опричнины» (Л., 1966), говоря о принимаемых Думой решениях, не зря употребляет выражения: царю «удалось добиться» от Думы, царю «удалось провести» через Думу.

Статья 98 Судебника 1550 г. налагала юридический запрет на принятие царем новых законов без согласия Думы. Она устанавливала, что *«дела государевы новые, в сем Судебнике не писанные»*, должны вершиться *«с государева доклада и со всех бояр приговора»* и только тогда получали силу закона. Боярский приговор стал санкцией, без получения которой новый закон не мог прибавляться к Судебнику.

Неудивительно поэтому, что думские решения завершаются не только формулой *«Великий государь говорил, а бояре приговорили»*. Они порой завершаются совсем иначе: *«Великий государь говорил, а бояре не приговорили»*⁸.

Бывало, что царь устранился от решения, отдавая его на откуп Думе. Так, в 1510 г. Василий III предоставил Думе решить политическую судьбу Пскова: *«творити, как себе сдумали»* (т. е. поступить по своему усмотрению). Арест псковских властей, таким образом, лежит на совести Levs, это следствие «думного приговора».

Дума сама ведала порядком рассмотрения вопросов. В конце 1552 г. Иван IV, уезжая из Москвы, наказал Думе *«промыслить о казанском строении»*, а потом *«сидеть о кормлениях»*, т. е. о замене кормлений⁹ денежными выплатами. Поскольку думцев гораздо больше волновал вопрос о кормле-

ниях, им они и занялись, а *«казанское строение поотложили»*, за что на них жалуется летописец.

В 1573 г., во время войны со Швецией, царь написал боярам из Новгорода *«о свейском деле поговорити, как с свейским королем вперед быти»*. Дума «приговорила» вступить с шведским королем в переговоры, приостановив военные действия. Это было очень ответственное решение.

Звание думного человека не было наследственным по закону: в думные чины жаловали, этим Дума отличалась от английской Палаты лордов, членство в которой просто переходило от отца к сыну. Иногда царь собирал не всю Думу, а только тех ее членов, которым он доверял как себе. Это делалось для предварительной подготовки важных решений, особенно в вопросах спорных и щекотливых, способных вызвать *«крик и шум велик и речи многие во боярех»*. Могла быть и другая причина: например, обсуждение дел царской семьи или дворцовых. Иногда же Ближняя дума — в некоторых документах ее именуют именно так — созывалась вместо Большой ради соблюдения тайны, во избежание нежелательных утечек (думское делопроизводство, поясняет Ключевский, соединенное с некоторыми формальностями, сообщало делу известную гласность). Кстати, присягая царю, бояре, окольничие и все думные люди обязывались *«государские думы и боярского приговору до государева указу никому не фроносить и не сказывать»*.

Когда в 1553 г. царь Иван, тогда еще не прославивший Грозным, опасно заболел, он поспешил составить духовное завещание и привести бояр к присяге новорожденному царевичу. Но сначала в Думу были вызваны лишь некоторые бояре. На примере этого случая Ключевский показывает, как действовала Ближняя дума: *«После заседания, полного шумных пререканий, большинство приглашенных присягнуло. Эту думу летописец ясно отличает*

⁸ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 39.

⁹ Кормлениями на Руси называли систему содержания должностных лиц (наместников, глав волостей) за счет местного населения, к XVI в. уже сильно устаревшую.

от Думы всех бояр, рассказывая, что на другой день царь призвал всех бояр и пригласил их к присяге. К началу тогдашнего 1553 года по думскому списку значилось 47 бояр и окольничих, не считая думных дворян и других членов Думы. На совет же «ближних людей» накануне приглашены были до 10 бояр, 1 окольничий, 1 думный дьяк и 2 думных дворянина... Склонить их в желаемую сторону значило обеспечить мирный успех дела, провести вопрос в Думе без шума». Обратите внимание: провести без шума. Не ясно ли, что «мирный успех» был гарантирован далеко не всегда, а «шум» был обычным делом¹⁰.

У Пушкина было замечательное ощущение русской истории. Профессиональный историк может повторить множество пушкинских суждений и характеристик, ничуть их не редактируя. Примечательны слова, вложенные поэтом в уста Бориса Годунова из одноименной трагедии. Умиравший царь напоминает сыну: «Ты с малых лет сидел со мною в Думе, / Ты знаешь ход державного правленья» — и требует от него «с твердостью сносить боярский ропот».

Ключевский называет Думу «политической силой, стеснявшей власть московского государя», добавляя, что эта сила «создана была успехами самой власти». Вот как он поясняет эту мысль: «Многочисленное и блестящее боярство Москвы явилось довольно случайно, составилось довольно искусственно и частью даже насильственно. Москва не имела бы такого боярства, если б не совершила такого успешного и повального упразднения самостоятельных местных прави-

тельств, существовавших на Руси. В Московском государстве цвет боярства составил из людей, которые или предки которых подверглись завоеванию, вооруженному или дипломатическому, из князей, сведенных с своих престолов...» По всем уцелевшим свидетельствам, бояре в большинстве своем были горделивы и заносчивы, ладить и договариваться с ними было нелегко.

Коллегиальное управление страной

Деление Думы на «чины» (бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки) сохранялось до конца ее существования. В первый чин, наиболее важный и престижный, назначались лица из представителей самых знатных родов. Но конечно же, большую роль играли личные и деловые качества — так возвысились Алексей Адашев и Иван Висковатов при молодом Иване Грозном, Артамон Матвеев и Афанасий Ордин-Нащокин при царе Алексее Михайловиче. В конце 70-х гг. XVII в. в составе Думы было 97 человек, из них 42 боярина (меньше половины), 27 окольничих, 19 думных дворян и 9 думных дьяков. Аристократический характер Думы размывался — в Думу попадало все большее количество дворян и дьяков.

Собираясь в обычном составе, Дума слушала доклады по различным вопросам просам государственного управления и давала на них резолюции. Подготовка оснований для резолюции лежала на докладчике или поручалась тому приказу, который мог дать нужные справки.

Случайно уцелела «шпаргалка» царя Алексея Михайловича, показывающая, как он готовился к заседаниям Думы. Это список вопросов, предлагаемых на обсуждение бояр, и наброски того, что будет предлагать он сам. Готовясь к заседанию, царь явно навел некоторые справки, записал цифры, пометил, какие еще вопросы надо будет выяснить в таком-то приказе: там об этом осве-

¹⁰ Интересная подробность: один из отказавшихся присягнуть, окольничий Федор Адашев, объявил больному царю, что не хочет повиноваться Романовым, которые будут управлять за малолетством Дмитрия; то, что Романовы через 60 лет станут правящей династией, никому тогда не приходило в голову.

домлены, сделают выписку, и по ней, поговорив с боярами, можно будет прийти к решению; по каким-то вопросам у царя не сложилось мнение и он не берется предугадать, что решат бояре; по другим он в колебаниях и уступит, если станут возражать. Он даже старается угадать возражения и заготовить ответы. К примеру, шведское посольство хочет послать в Швецию гонца за новыми инструкциями. *«Позволить не будет худа»*, — записывает Алексей Михайлович. Но ведь гонец сообщит шведам московские вести? *«Они давно все ведают и кроме сего гонца»*. По другим вопросам, как видно из записки, царь уже имеет твердое мнение, за которое он будет упорно бороться в Думе, если встретит сопротивление.

Часто при первом чтении возникала необходимость навести дополнительные справки, и тогда Дума приказывала доложить дело вторично. При втором чтении, случалось, возникали сомнения, верно ли думные дьяки изложили первое чтение. Крупный впоследствии дипломат (он четверть века, в 1570–1594 гг., возглавлял Посольский приказ) Андрей Щелкалов в молодые годы служил думным дьяком и был знаменит привычкой менять смысл указов по своему вкусу и разумению, за что не раз бывал наказан.

Дума XVI–XVII вв. унаследовала от времен удельных княжеств любовь к созданию всякого рода, как мы бы сказали сегодня, временных комиссий: «ответных» — для переговоров с иностранными послами, по местническим спорам (сложные разбирательства о том, кто знатнее), по земельным тяжбам, по делам управления на время отъезда царя из Москвы, «уложенных» — им поручалось составление проектов Уложений.

Дума выносила судебные решения и административные постановления, на которые нижестоящие власти не решалась бы по недостатку полномочий, по отсутствию или несовершенству закона. Дума проверяла и исправляла

действия подчиненных властей, толковала и редактировала закон, заменяла или отменяла его, давала новый закон, регулировала отношения, решала всякого рода «небывалые» дела, показывая, как надобно впредь решать их: ее судебный или административный приговор становился обязывающим прецедентом. То есть она во многом действовала, как сегодняшний Верховный суд Российской Федерации (или как Правительствующий Сенат Российской империи — до 1917 г.).

Важнейшие вопросы: о прекращении войны со Швецией, о преобразовании земского управления, о Казанском царстве и так далее — вполне могли решаться — и решались — Думой в отсутствие государя. Как ни удивительно звучит, но думские правила не требовали, чтобы «приговоры» Думы представлялись на утверждение царю. Царь отнюдь не председательствовал в Думе каждый день, большинство дел Дума решала окончательно и без него, докладывая лишь о том, что требовало «именного указа». Ключевский специально исследует этот вопрос в главе XXIV своего монументального труда. *«Было только два рода боярских приговоров, которые всегда или часто представлялись на утверждение государю, — пишет он. — Это приговоры Думы о местнических спорах (о том, кто знатнее. — А.Г.) и о наказании за тяжкие вины. Государь пересматривал такие приговоры, и пересмотр второго рода дел обыкновенно сопровождался помилованием виновного или смягчением его наказания»*.

Дума была организационной и необходимой частью Русского государства. Без нее страна не могла бы обходиться. Даже в 1565–1572 гг., когда Россия оказалась разделена на опричнину (управляемую Иваном Грозным и опричной Думой) и земщину (управляющуюся, в качестве правительства, «обычной» Думой), для принятия решений по наиболее важным вопросам опричные и земские думцы собирались вместе.

А.Л. Янов напоминает еще об одном важном обстоятельстве: *«В начале XVII века, когда конституционной монархией в Европе и не пахло»*, Дума приняла (4 февраля 1610 г.) *«вполне цельный основной закон конституционной монархии, устанавливающий как устройство верховной власти, так и основные права подданных»*, так называемую «конституцию Салтыкова».

Речь идет о Договоре об условиях избрания королевича Владислава русским царем. Договор предусматривал, сошлемся уже на Ключевского, *«не только сохранение древних прав и вольностей московского народа [sic!], но и прибавку новых... Права, ограждающие личную свободу каждого от произвола власти, здесь разработаны гораздо разностороннее, чем в [крестоцеловальной] записи царя Василия Шуйского: все судятся по закону, никто не наказывается без суда; каждому из народа московского для науки вольно ездить в другие государства христианские; вера есть дар Божий, и ни совращать силой, ни притеснять за веру не годится; государь делит свою власть с Земским собором и боярской Думой»*¹¹. Земскому Собору отводился *«учредительный авторитет»* и *«законодательный почин»*, боярской Думе — *«законодательная власть»*: вместе с ней государь занимается текущим законодательством, издает законы. *«Без согласия Думы государь не вводит новых податей и вообще никаких перемен в налогах»*.

«Конституция Салтыкова» (про Михаила Глебовича Салтыкова можно сказать, что он был одним из руководителей реформистско-либеральной партии своего времени, имевшей мно-

жество сторонников) после разгрома «тушинцев» стала восприниматься как навязанная извне, что скомпрометировало ее и не дало воплотить в жизнь, но, как подчеркивает А.Л. Янов, она *«явилась не на пустом месте, а отразила уходящую вглубь веков русскую либеральную традицию»*.

Нередко можно прочесть, что Дума была упразднена Петром I в 1711 г. Это неверно. Указа об упразднении Думы не было, Дума перестала существовать потому, что была расщеплена и растащена на другие учреждения. История предсмертных метаморфоз Думы поучительна, она ясно показывает, насколько любому государству необходима исполняемая конституция, Основной закон. Без него ни один государственный институт, даже самый древний и почтенный, не гарантирован от произвольного с собой обращения.

Начав заниматься государственными делами, Петр почти постоянно находится вне Москвы. После начала, в 1700 г., Северной войны из Москвы выбывает и все больше думных людей — командовать полками, управлять областями, смотреть за постройкой кораблей. С 1703 г. власть и вовсе раздваивается: теперь Дума — боярское московское правительство, а в Петербурге возникает новая столица со своими центральными учреждениями, носящими необычные имена. По списку 1705 г. из 59 бояр, окольных и прочих думных чинов в Москве находилось всего 28. Дума руководит из Москвы внутренним управлением, между тем как царь ведет дела войны и внешней политики. *«Из учреждения законодательного, — пишет В.О. Ключевский, — Дума все более превращается в учреждение распорядительное»*, то есть выполняющее волю Петра, первого истинного самодержца.

¹¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 42.

Димитрий Саввин

Старообрядчество как модель развития русского гражданского общества

Едва ли есть необходимость подробно останавливаться на соотношении таких понятий, как русский национализм и идеология русского гражданского общества. Собственно говоря, национализм (даже, по большому счету, в своей имперской ипостаси) — это и есть идеология национального гражданского общества, которое, в свою очередь, должно порождать собственное национальное государство. В связи с этим одним из ключевых вопросов теории и практики для современных русских националистов является вопрос о наличии (или отсутствии) в русской истории собственной, притом продолжительной, гражданской традиции. И, разумеется, вторым и столь же важным является вопрос о том, насколько эта традиция (если она имеется) была жизнеспособна и, так сказать, эффективна.

Для успешного ответа нам прежде всего необходимо отойти от попыток свести проблему к некому слишком уж простому общему знаменателю. Таковые попытки очень типичны для квази-имперской, а точнее, евразийской мысли, с одной стороны, с другой — для либералов-западников (или русофобов, по определению И. Р. Шафаревича). Соответственно, первые отвергают самую идею гражданского общества как «чуждую» русскому народу и русской истории; ей противопоставляется так называемый «имперский» идеал. Вторые, что весьма

примечательно, исходят примерно из тех же предпосылок — мол, русская история действительно не дала идеала гражданского общества как такового. А равно, в России никогда не было и нации европейского типа. Это единство весьма показательно, и оно признается наиболее откровенными представителями каждой из сторон. Борис Стомахин, последовательный русофоб, пишет об этом так: «Да, Россия и западная демократия — несовместимы, Россия и западный либерализм — несовместимы... Это правда... Если Россия несовместима с западными ценностями, с западной демократией и либерализмом — то пусть России не будет, а на ее бывшей территории будут западные ценности...». При сопоставлении стомахинских рассуждений с мыслями А. Г. Дугина об «анагогическом тоталитаризме общенародном» становится вполне очевидным, что за аксиому они берут один и тот же постулат, лишь диаметрально противоположным образом расставляя нравственные и историософские акценты.

Однако в этой-то аксиоме и заключается проблема вышеозначенных точек зрения. Дело в том, что аксиома эта совсем даже не аксиома, и даже не теорема, потому как реальные данные с ней не очень хорошо стыкуются. Говоря совсем коротко, сбой в логике квазиимперцев и западников начинается в силу своеобразного простран-

ственного и временного разрыва в их теоретических изысканиях. Гражданское общество Древней Греции и Рима — само по себе, гражданское общество эпохи Ренессанса и развития национальных государств — тоже само по себе, особняком стоит Восточная Римская Империя (Византия) и где-то там, на задворках, Русь. Между тем и государственные традиции, и социальные системы как Западной Европы, так и Византии, и Руси–России никогда не существовали в отрыве друг друга. Общение между их носителями всегда было достаточно интенсивным. Но хотя это и важно, гораздо важнее другое — все перечисленные цивилизационные и государственные системы восходят к одному корню, развивают одну и ту же (изначально) традицию. Традиция эта, правда, неоднократно подвергалась существенным изменениям и деформациям, но полностью не прерывалась никогда; в том числе и в период Средневековья. И корень ее был общим и для Западной Европы, и для Руси–России.

Со своей стороны, во избежание вышеназванного пространственно-хронологического разрыва мы будем вынуждены начать движение к основному предмету данной статьи издалика. Эта мера оправдывается лишь тем, что без хоть и весьма скупого и тезисного, но все-таки панорамного обзора от нас могут ускользнуть многие важные нюансы, и итоговые выводы будут попросту неадекватны.

Христианские истоки современного гражданского общества

Русская государственная традиция, через всеобщее принятие Православия в X в., была тесно связана с политической и гражданской культурой Византии, которую правильнее было бы называть Восточной Римской Империей. В свою очередь, Восточная Римская Империя была частью единой греко-римской ойкумены, распространявшейся на весь Средиземноморский

регион. Государственным идеалом, как видно из титульного наименования, была Империя.

В основу идеи Империи I–III вв. (как и предшествующих ей эллинистических монархий Александра и диадохов) была положена идея государства-космополиса, универсального и всеобщего. Единственной политической системой, которая объективно могла обеспечить существование такой универсальности, была абсолютная монархия. Идеал этой монархии и Александр, и все его идейные преемники заимствовали на Востоке, ибо на Западе ничего аналогичного (по степени эффективности) не было. Идея всеобщей монархии во главе с владыкой — живым божеством, была по самой своей природе несовместима с древним наследием гражданских обществ Греции и Рима. А эти гражданские традиции, в свою очередь, не стыковались с административно-политической системой империи-космополиса, созданной Александром. Соответственно, развитие Империи и гражданского общества напоминало сообщающиеся сосуды: рост одного означал умаление другого. И, поскольку старые гражданские традиции Рима и Афин не располагали политическим инструментарием, который позволял бы противостоять Империи, умалялось именно пространство гражданского общества. Ко времени Диоклетиана все гражданские атрибуты римского общества — правовые взаимоотношения граждан, представительная власть с обратной связью — были уже либо уничтожены, либо находились в стадии умирания.

В этой связи чрезвычайно важно то, что Диоклетиан, будучи весьма талантливым политическим деятелем, последовательно перестроившим Империю по стандарту эллинистической монархии, был также и самым последовательным и беспощадным врагом Христианской Церкви. И что особенно важно, насколько можно

судить по сохранившимся источникам, он, в отличие от многих гонителей Церкви былых времен, не испытывал личной ненависти к христианам. Мотивы были политическими. Эллинистический идеал империи-космополиса предполагает некое общечеловеческое всеединство в рамках государства (собственно говоря, Бенито Муссолини, выдвинувший тезис, что для фашизма не существует ничего вне государственной сферы, лишь повторил эту идею). Империя и только Империя, персонифицированная в Императоре-Хозяине (*Dominus*), могла определять ценностную иерархию и мировоззрение своих подданных. Христианство же претендует на духовную универсальность и абсолютную власть в религиозном и мировоззренческом отношении. В этом смысле оно угрожает лишить Империю и Императора права на ценностный диктат и тем самым разрушает идеал имперского всеединства (своеобразного тоталитаризма) и существенно ограничивает абсолютную власть кесаря — то есть уничтожает все то, над созданием чего трудился Диоклетиан.

Сменивший его Император Константин (прославленный Церковью как величайший из святых) радикально изменил политику Империи, даровав свободу Церкви и даже оказывая ей существенную поддержку (в том числе и финансово-материальную). Объективно это означало, что Христианство становится (по крайней мере в ближайшей исторической перспективе) господствующим вероисповеданием Империи. И в таком качестве определяет ценностную иерархию имперского общества: непосредственно в религиозной, духовной и нравственной сферах, а опосредованно — в сфере права и государственной политики. Император, по определению Константина, становился в Церкви «епископом для внешних дел», то есть ее защитником и гарантом ее материального благополучия. Он не был для Церкви

ни главой, ни тем более хозяином — все эти права, мистически, принадлежали только Христу Богу. Кроме того, именно св. Константин созвал первый Вселенский Собор, узаконив апостольскую практику соборного управления земной Церковью.

Созыв Вселенского Собора с политической точки зрения имел почти такое же важное значение, как и Медиоланский эдикт, снимавший запрет на исповедание Христианства. Ибо отныне Империей признавалось, что Божия воля о Церкви выявляется не как-либо иначе, а вследствие соборного решения. До этого, теоретически, у Императоров оставалась своеобразная лазейка: добиться того, чтобы им было дано право выступать в роли непогрешимого и высшего толкователя вероучения, и таким образом стать земным главой Церкви, вернув себе утраченную было монополию на идейный диктат. Вместо этого окончательно утверждается соборная практика принятия вероучительных определений и соборное управление Церковью.

Таким образом, следствием политики св. Константина стало:

- появление независимой от Империи системы общественных ценностей;
- появление не подчиненного (в духовно-идеологическом отношении) Империи социального института, являющегося носителем этих ценностей — Церкви;

- утверждение института Вселенских и Поместных Соборов, исключавших самую возможность претензий со стороны Императоров на то, чтобы вновь играть (уже в христианском амплуа) роль первосвященника-понтифика, трактующего волю небес.

Таким образом, стало активно формироваться общественное пространство, не входящее в государственную структуру. Здесь существовала своя система ценностей, принципиально независимая от государства. И именно это и называют обычно пространством гражданского общества. Простран-

ством же этим была Христианская Церковь.

Здесь важно также помнить: Церковь того времени была в социально-экономическом отношении весьма далека от, скажем, Московской Патриархии второй половины XX века. Она не сосредоточивалась исключительно и только на так называемом «культе». Церковь осуществляла огромную социальную работу (которую ей активно «сдавали» имперские власти) — держала благотворительные учреждения, больницы, приюты, школы, организовывала поставки продовольствия в голодающие районы и даже занималась погребением умерших бедняков, и т. д. и т. п. Что, повторюсь, позволяет в полной мере говорить о церковном пространстве как именно о пространстве гражданского общества — в отличие от коллегий языческих жрецов, сосредоточивавших свою деятельность исключительно на «культе».

Запад и Восток: революция и эволюция

Фактическое падение Западной Римской Империи в V в. ознаменовало также постепенный распад на Западе вышеописанной системы взаимоотношений Империи и Церкви. На Востоке же она не только сохранилась, но получила вскоре и официальный юридический статус. Правда, на протяжении всей истории Византии имперская власть стремилась к максимальной интеграции и подчинению себе всех церковных институтов. Но при этом всегда получала отпор, порой весьма чувствительный. Не вдаваясь в подробности, отметим: само перманентное противостояние имперских властей и различных церковных институтов наглядно демонстрирует то, что гражданское общество, выпестованное Церковью, было живо. И оно было способно сопротивляться властям в тех случаях, когда их действия противоречили тем ценностям, которые были уже традиционными для

этого общества, — то есть ценностям христианским.

На Западе же в это время происходила ревизия константиновского наследия. Постепенное укрепление власти пап — причем именно светской власти, чему на начальной стадии весьма способствовал Константинополь — привело к развитию концепции о церковном, а потом и о светском верховенстве римских епископов в пределах христианской ойкумены. Христианские монархи рассматривались как папские вассалы. Выше уже было отмечено, что если бы римские императоры провозгласили себя некими непогрешимыми «главами Церкви», подавив систему соборного управления Церковью, то это означало бы интеграцию церковных структур в систему Империи и сохранение идейной монополии за имперской властью (как это было при доминате Диоклетиана). Тут же была реализована обратная схема: Римская Церковь должна была превратиться во всемирную Империю, по сути дела, эллинистическую монархию, какой ее видел Александр Македонский. Во главе же ее должен был стоять монарх-папа, определяющий все: идеологию и мировоззрение, решающий вопросы политики и экономики. Полностью этот идеал не был реализован никогда. Но чем ближе к осуществлению своей мечты приближался Рим, тем сильнее становилось сопротивление ему. Действия Римско-Католической Церкви многими справедливо рассматривались как отказ от христианского вероучения, подмена неизменного, обязательного для всех Божиего закона волей папы. Так родилось движение за своего рода рехристианизацию Западной Европы, ставшее известным как протестантизм.

Разгар протестантизма «совпал» с рождением и бурным развитием национализма, с началом формирования гражданских обществ. Это, конечно, не было совпадением: это было следствием. Гражданское общество начинает формироваться тогда, когда

появляется некая устойчивая система ценностей, принципиально независимая от государственной власти. Идея протестантизма — очищение от «папизма» и возвращение к единому для всех, неизменяемому Божию Закону, данному в Библии, — и давала такую незыблемую систему ценностей. Собственно, именно Библия и стала высшим и неизменным мерилom общественных ценностей. В политической сфере эта идея вылилась в идею конституции: ведь если есть незыблемые ценности, то в государственной жизни должен быть и некий закон, исходящий из этих ценностей. И закон этот, исходящий, пусть и опосредованно, от Бога, должен стоять выше всякого человеческого произвола. Так зародилась концепция конституционного правления — идея верховенства закона. И почти все современные демократии, в том числе и самая великая из них — Соединенные Штаты Америки, выросли из этого библейского фундаментализма.

Исходя из этого, становится понятным, почему православный Восток, и в частности Русь–Россия, не знали протестантской революции и национализма в тех формах, которые наблюдаются в Западной Европе. Революционная борьба, вследствие которой на Западе вновь сложились предпосылки для формирования национальных гражданских обществ, была противостодействием стремлению папства к созданию новой абсолютной теократической монархии, подобной империям дохристианского периода. Эти папские амбиции разрушили традицию, идущую от св. Императора Константина, традицию, положившую начало формированию гражданского общества в христианской Римской Империи. Протестантизм был интуитивным, неосознанным, но при этом и вполне очевидным стремлением возвратиться к ней. Православные же страны не имели в этом нужды, ибо они этой традиции и не утеряли. Слияния Церк-

ви и государства так и не произошло и, так или иначе, на Востоке продолжало сохраняться некое гражданское пространство. Развитие здесь шло не революционным, но эволюционным путем.

Зарождение гражданского общества на Руси. Прп. Иосиф Волоцкий

Крещение Руси в X в., кроме прочего, привело к тому, что русское общество усвоило (более или менее сознательно) византийскую концепцию симфонии духовной и светской власти (Церкви и государства). Однако на Руси, парадоксальным образом, условия для взрвания собственного гражданского общества оказались много более благоприятными, чем в Византии. А именно:

— Концепция ограничения высшей государственной власти евангельским законом наложилась на неизжитые «варварские» традиции общинно-племенного управления (вече, пиры дружины, бывшие, в сущности, высшим княжеским совещанием, и т. п.). В Византии же эта идея вступала в противоречие с эллинистическим восприятием монарха как «земного бога».

— Изначальная слабость, в сравнении с Византией, государственной власти и последующая децентрализация ее, особенно усилившаяся в период монголо-татарского ига. Это делало невозможными попытки установить контроль над Церковью со стороны светской власти.

— Киевские митрополиты вплоть до XV в. находились в каноническом подчинении Константинополю и назначались на киевскую кафедру константинопольскими Патриархами (часто из числа греческих клириков). Это еще более затрудняло гипотетическое подчинение Церкви государству, ибо главный центр этой церковной власти находился далеко за пределами Руси.

— С самого начала Православная Церковь обладала почти полной монополией в культурной и научной сфере на Руси — в отличие от Византии, где

было мощное нехристианское культурное наследие. Это также укрепляло церковные позиции.

С другой стороны, княжеская власть была достаточно сильной, чтобы сделать невозможными гипотетические попытки подчинить себя церковной иерархии в политическом отношении (по схеме, реализованной на Западе папами). Равным образом Русское государство было и достаточно сильным для пресечения попыток интегрировать Русь в византийскую имперскую систему через принятие Православия. Таким образом, на Русской земле изначально имелись весьма неплохие предпосылки для развития собственного гражданского сознания. И весьма ярко они выявились в тот момент, когда Русское государство, окончательно покончившее с зависимостью от монголо-татарской Орды, вступило в пору своего бурного развития (XV в.). Великокняжеская власть в своем государственном строительстве ориентировалась на римский (византийский) имперский образец. И в этой ситуации коренным становился вопрос: сможет ли молодое русское гражданское общество, развивавшееся, как и в Восточной Римской Империи, на основе христианских ценностей, выжить? Не будет ли оно подавлено молодым империализмом?

Вскоре это выяснилось на практике, когда в 1470 г. появляется ересь жидовствующих. Со временем секта жидовствующих все более усиливает свои позиции: в 1479 г. ряд ее видных деятелей из числа священнослужителей был даже переведен на службу в Москву по личному решению Ивана III. Наконец, им удалось добиться того, что главой Русской Церкви стал тайный жидовствующий — митрополит Зосима (1490–1494). Характерной особенностью этой секты был ее элитарный характер; даже сам великий князь какое-то время относился к ней попустительски, а возможно, и симпатизировал. Жидовствующие посредством

того, что сейчас называют «административным ресурсом», активно завоевывали ключевые позиции в Церкви и государстве. В этот момент впервые остро стал вопрос: может ли простой народ и духовенство сопротивляться своим властям, духовным и светским, если их действия идут вразрез с народными идеалами (Православием)? И может ли это сопротивление быть успешным? В социально-политическом отношении деятельность Геннадия Новгородского и Иосифа Волоцкого была борьбой молодого русского гражданского общества против государственного ценностного диктата.

Как известно, после длительной борьбы ересь жидовствующих была разгромлена (более или менее). И в ходе этого противостояния прп. Иосифом Волоцким был создан уникальный богословский труд «Просветитель». Его значение для Русской Церкви будет огромным. Что же касается той роли, которую «Просветитель» сыграл для русского социума, то не будет преувеличением сказать, что данный труд стал идейным манифестом русского гражданского общества.

Вкратце главными идейными положениями «Просветителя» (интересующими нас в рамках данной статьи) были:

— Утверждение относительности ценности и полномочий царской (государственной вообще) власти: власть легитимна и полномочна только до тех пор, пока она верна евангельскому идеалу. В противном случае предписывается гражданское неповиновение: «Если ты поклоняешься или служишь царю, или князю, или начальствующему, то следует поклоняться и служить потому, что это угодно Богу... Если же некий царь царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи... — такой царь не Божий слуга, но дьяволов, и не царь, но мучитель... И ты не слушай царя, склоняющего тебя к нечестию или лукавству...».

— Утверждается идея ответственности всех православных христиан за судьбу Церкви и чистоту вероучения; это, в свою очередь, приводит к идее о наличии определенных прав на управление церковными делами и решение вероучительных вопросов за всеми православными, не исключая и мирян. Таким образом, блокировалась возможность формирования папистской системы.

Идеальным примером активной христианской позиции прп. Иосиф считает, среди прочих, св. мученицу Феодосию: «святая Феодосия... увидев, что спафарий трижды ударил секирой по образу Спаса Христа, немедленно сбросила лестницу на землю и предала спафария горькой смерти. Потом вместе с другими инокинями она отправилась в патриархию, и они побили камнями патриарха Анастасия, иконоборца...» Нечего и говорить, что идеология «Просветителя» не имела ничего общего с латинской концепцией полной покорности «церкви учимой» (мирян) иерархии — «церкви учащей».

Популярность и авторитет «Просветителя» на Руси, особенно в дораскольный период, были огромны. От времени его создания и следует начинать отсчет бытия того особо общественного самосознания, которое впоследствии получит наименование старообрядческого. Оно имело две яркие особенности, которые очень рельефно видны в «Просветителе». С одной стороны, труд прп. Иосифа (как, впоследствии, все старообрядческое мировоззрение) является органичным продолжением духовного и культурного наследия Греческой Церкви и Византийской Империи. С другой, это произведение было плодом национально-русской церковной мысли. Оно было создано исходя из потребностей русского общества, написано русским и для русских. Национально-русское богословское творчество и церковная культура становятся здесь своего рода новым этапом в развитии византийской цер-

ковности и христианской культуры. Такая концепция духовной и культурной преемственности имела исключительное значение для развития национального самосознания. На протяжении X–XV вв. Византия, Восточная Римская Империя, так или иначе задавала для Руси церковные и общекультурные стандарты. Это определяло зависимость русского общественного сознания от Византии. Теперь же собственная русская церковность, богословие и культура становились не вторичным элементом, а полноценным продолжением византийской традиции. Что означало для верующего русского народа абсолютную санкцию русского национализма — и, как следствие, его бурное развитие, причем во всех сферах — в Церкви, государстве, культуре и быте. Лаконичным и ярким обоснованием концепции такого православного русского национализма стало «Послание о неблагоприятных днях и часах», написанное (что характерно!) еще одним активным борцом с ересью жидовствующих — старцем Филофеем.

Последующее развитие русского гражданского общества вылилось в формирование соответствующих политических институтов, среди которых особую роль играл Земский Собор (впервые созванный в 1549 г.). Впоследствии Земские Соборы станут работать сравнительно регулярно (хотя, конечно, бывали и существенные перерывы). Во всяком случае, на протяжении XVI–XVII вв. Земские Соборы в России–Руси собирались 57 раз. В период кризисов их роль будет возрастать, при усилении царской власти и аристократического давления — падать. Но, так или иначе, само существование Земских Соборов является бесспорным доказательством развития русского гражданского общества, с которым государство считало нужным, так или иначе, выстраивать отношения. Институт этот был незнаком Византии, и был существенным шагом

вперед относительно византийского политического наследия.

Вскоре русское гражданское общество постигли серьезные испытания: государство погрузилось в Смуту. Смутное время стало своеобразным экзаменом, и экзамен этот был выдержан с честью. В период полного распада государственных структур, при почти полной несостоятельности старой элиты, которая готова была идти на любые уступки и компромиссы, именно русское гражданское общество восстановило национальную русскую государственность (символично, что вождь нижегородского ополчения вошел в историю именно как *гражданин* Минин). Закономерным следствием этого стало бурное развитие гражданских традиций и институтов после 1613 года.

Здесь важно отметить два момента.

1. Период русской истории от воцарения Михаила Романова до начала Никоновой реформы (1654 г.) стал временем утверждения и развития настоящего православного фундаментализма.

2. Одновременно это было время (особенно первые годы — 1613–1622) активной и почти непрерывной деятельности Земского Собора. И то и другое было проникнуто националистическим пафосом. О причинах подобной корреляции христианского фундаментализма и развития гражданских институтов см. выше.

Церковная «реформа» XVII века: перелом хребта гражданского общества

Среди причин, побудивших Царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона приступить к так называемой «реформе» в Русской Церкви, едва ли не самой важной была идея возрождения Византийской Империи во главе с московским Государем в форме абсолютной монархии. Следствием ее стала последовательная и бескомпромиссная борьба с русской националь-

ной церковной традицией и, более широко, борьба с русской национальной политической и гражданской культурой. Это был вызов, брошенный обществу, развивавшемуся на основе гражданских традиций «Просветителя». Последующая политика наследников Алексея Михайловича, в первую очередь Петра I, привела к окончательному утверждению новой для Руси-России государственной концепции: концепции всеобъемлющего государства, исключающего возможность существования каких-либо форм гражданского общества. Церковь должна была превратиться в государственный институт, а Император становился «крайним судьей» во всех вопросах, в том числе и в вопросах веры.

Новая государственная политика породила мощнейшую оппозицию, которая вскоре получила государственное наименование «старообрядчества». Однако данный термин не отражает полностью идейную и социальную суть этого движения. В сущности, так называемые старообрядцы были православными русскими националистами и традиционалистами, носителями иосифлянской идеологии. Строго говоря, Старообрядчество — это и есть историческое русское гражданское общество, которому государство своими «реформами» объявило войну.

Рассматривая идеологию старообрядцев начального периода (XVII — начало XVIII века), невозможно не отметить того, что старообрядческими вождями сразу же были верно диагностированы причины раскола. Сегодня в заявлениях первых радикальных старообрядческих лидеров о том, что «никониане» возрождали язычество и хотели «олатинить» Русь, часто видят лишь кликушество (притом кликушество противоречивое — мол, либо уж окатоличить, либо привести к язычеству). Но с политической точки зрения мы здесь видим очень точный и глубокий аналитический вывод. Выше уже говорилось о том, что полу-

чение Императорами верховной власти в Церкви возвращало бы им возможность мировоззренческого диктата — то есть то право, которое имелось в период языческого домината Диоклетиана и которое было отторгнуто константиновской соборной традицией. А папская борьба за верховную власть как в церковной, так и в государственной сфере означала также своеобразное возрождение идеологии эллинистической монархии (того же домината). И то, и другое было губительным для гражданского общества. И русское гражданское общество сумело эту опасность разглядеть, верно оценив, откуда происходит новая государственная концепция, сославшись на наиболее яркие и близкие примеры — языческую абсолютную монархию и папство.

Последующий, петербургский период русской истории явился временем постоянной борьбы между русской гражданской традицией и ее носителем — Старообрядчеством и абсолютной монархией западного (в духе Людовика XIV) типа. С небольшими перерывами и временными послаблениями эта борьба продолжалась до 1905 г., когда Императорским манифестом дискриминация старообрядцев была почти полностью прекращена.

Война, которую государство начало против национального гражданского общества (Старообрядчества), разумеется, повлекла за собой определенные потери. Но при этом она оказала и иное, парадоксальным образом благотворное влияние. Вследствие насильственного насаждения «никоновых новин» это гражданское общество (которое мы впредь будем именовать Старообрядчеством) сумело мобилизоваться и быстро переструктурироваться, одновременно начав идеологическую контратаку, выдвинув целый ряд блестящих богословов, публицистов и полемистов. В условиях постоянных репрессий, лишённые первоначально

всех гражданских прав (какое-то время, на основании печально знаменитых «Двенадцати статей» царевны Софьи, даже права на жизнь), старообрядцы сумели качественно развить собственную гражданскую идеологию и выстроить новые социальные институты, обеспечивающие выживание Старообрядчества. И подобная гибкость и динамизм уже сами по себе свидетельствуют о том огромном и всестороннем потенциале, которым обладало старообрядческое сообщество.

Старообрядческая гражданская мысль

Необходимо отметить, что в идеологическом отношении новый государственный курс и сопряженные с ним репрессии не застали русских традиционалистов врасплох. Идейное наследие прп. Иосифа Волоцкого, опыт противостояния пропольской элите и самоорганизации снизу в период Смуты — все это представляло собой довольно-таки солидный багаж. И ответом на церковно-государственную абсолютистскую реформу стало, как и заповедано в «Просветителе», гражданское неповиновение. В скором времени старообрядческими вождями (в первую очередь протопопом Аввакумом) была выдвинута уже принципиально новая для русского (и предшествующего ей византийского) общественного сознания идея: принцип свободы совести. В своем автобиографическом «Житии» Аввакум рассуждает так: «Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнудом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнудом, да висилицею в веру приводить... волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем жець и на висилицах вешать». И хотя сам Аввакум, как явствует из его текстов, все же не всегда был последовательным сторонником свободы совести, эта идея уже в нача-

ле XVIII столетия прочно укореняется среди старообрядцев. Следствием ее становится принципиально новая, неизвестная раньше русскому обществу концепция русской национальной идентичности.

До раскола русская национальная идентичность была фактически тождественна идентичности конфессиональной (Православное вероисповедание, юрисдикция Русской Церкви). Русский национализм базировался на той идее, что именно русский народ во всей полноте сохраняет Православие. Однако уже к концу XVII в. среди старообрядцев начинаются существенные вероучительные расхождения. Одно из старообрядческих течений приходит к выводу, что священство прервалось и отныне восстановлено быть не может (беспоповцы). Другая часть, в богословском отношении менее радикальная, признавала священство (поповцы). Беспоповский лагерь вскоре вновь разделился на тех, кто признавал возможность законного брака (поморцы-брачники), и тех, кто его отрицал (безбрачники-федосеевцы). Все три течения признавали друг друга еретическими и не считали себя принадлежащими к одной Церкви. Но тем не менее продолжали взаимодействовать и осознавали себя как носителей некой общей традиции и идеологии. Кроме того, несмотря на общее негативное отношение к «никонианам», старообрядцы продолжали осознавать себя с ними частью единого — русского — народа. Таким образом, впервые в истории русского гражданского общества в рамках Старообрядчества произошло разделение понятий конфессиональной и национальной идентичности. Самоидентификация приобрела как бы трехуровневый характер: 1) конфессиональный (собственное «согласие» или «соглас» — беспоповский или поповский и т. д.), 2) традиционалистский и гражданский (принадлежность к единой гражданской и культур-

ной традиции — Старообрядчеству), 3) национально-этнический (кровная принадлежность ко всему русскому народу). Само по себе это способствовало дальнейшему развитию (хотя, конечно, и ограниченному достаточно жестко рамками традиции) идейного плюрализма в старообрядческой среде. В целом уже в начале XVIII в. старообрядческое сообщество по основным своим социальным характеристикам становится идентичным гражданским обществам протестантских стран (Великобритании, Североамериканских колоний — будущих США, и т. д.). Вопрос о том, насколько это было позитивным явлением в стратегической перспективе, остается открытым. Однако в период жесточайшего террора и полного бесправия вышеописанное расширение мировоззрения было жизненно важным для сохранения единства русского гражданского общества иосифлянской традиции, для обеспечения его гибкости и политического динамизма.

Важным успехом Старообрядчества стало то, что оно смогло сохранить до-раскольные традиции русского образования, а с ними интеллектуальную самостоятельность. В сущности, традиции эти строились в основном на принципе самообразования, или начетничества. Систематическое школьное (университетское) образование западного типа на Руси было слаборазвитым. Главными достижениями Старообрядчества в этом отношении стало, во-первых, то, что самообразование-начетничество не только сохранилось, но и стало своего рода абсолютным идеалом. В старообрядческой среде сформировался своего рода «культ» книги и учения. Старопечатные и старые рукописные книги бережно собирались и сохранялись. Процент грамотных среди старообрядцев был в разы выше, чем среди «никониан»; самообразование (в первую очередь, конечно, богословское и богослужбное) рассматривалось как великая добродетель. Очевидно,

что эта особенность старообрядческого мировоззрения вытекала из иосифлянской традиции, предписывающей всем без исключения православным христианам изучать свою веру и бороться против ересей. Во-вторых, вопреки гонениям, старообрядцам удалось добиться существенных успехов в деле развития собственной школьной образовательной системы (в том числе даже в деле устройства высших школ). В качестве примера укажем лишь на то, что уже в XVIII веке в Выговской пустыни была создана такая высшая школа, в которой, наряду с православным богословием и рядом других собственно церковных дисциплин, изучалась философия.

Наконец, последней характерной чертой и идейной особенностью Старообрядчества была его приверженность идеалу соборности. Именно принцип соборности — единства христиан в Истине, реализуемый на практике через сохранение и развитие соответствующих (соборных) церковных и гражданских институтов, и был положен в основу внутренней самоорганизации Старообрядчества. Русское общество до раскола знало три основных типа властных институтов: 1) монархический и производные от него (все «государевы люди» и учреждения); 2) церковно-иерархические (епископская власть, как духовная, так и, в ряде случаев, светская); 3) соборные институты (церковные и земские — гражданские). Вопрос относительно первых прояснен выше. Что же касается вторых, то отсутствие у старообрядцев собственного епископата сделало невозможным развитие их внутри старообрядческого сообщества. Рамки традиции оставляли открытым только третий вариант. Потому-то Старообрядчество и стало структурироваться, воспроизводя традиционные соборные органы самоуправления, каковые можно считать также и самыми демократическими.

Социально-политическая самоорганизация старообрядцев

Уже в конце XVII столетия создаются основные старообрядческие центры, которые будут играть главную роль в структурировании Старообрядчества. Как правило, видными духовными вождями-старообрядцами создавался монастырь. Вокруг них вскоре собирались последователи — как священнослужители и монахи, так и миряне. И очень скоро «пустыня» становилась не только монастырем, но и интеллектуальным, и даже экономическим центром (в качестве примера, характеризующего масштабы последней, можно указать на то, что, например, Выговская пустыня держала на Белом море собственный торговый флот). Естественным образом они стали также и управленческими центрами. Институтами, которые принимали как конкретные решения, так и устанавливали какие-либо нормы в старообрядческой среде, явились соборы. В понимании самих старообрядцев это были соборы церковные. Однако они принимали решения по весьма широкому кругу вопросов и потому могут рассматриваться и как гражданские форумы, и как органы своеобразного гражданского самоуправления. Любопытно, что иногда в этих соборных заседаниях принимали участие и женщины из числа «благоговейных инокинь». Как правило, такие соборы были региональными. Но имелись прецеденты и общестарообрядческих Соборов, первые из которых собирались уже в 30-е гг. XVIII века.

Правовой основой соборного управления являлось каноническое церковное право. Причем через Кормчую книгу Старообрядчество унаследовало не только собственно церковное право, но и византийские стандарты социальных отношений (поскольку славянская Кормчая включала в себе и византийские гражданские законы). Таким образом, старообрядческое сообщество изначально строилось на основании

длительной гражданской традиции, восходящей еще к греко-римским стандартам.

Со временем развитие гражданского самоуправления вылилось в создание в 1900 г. (тогда еще де-юре нелегальное) института ежегодных Всероссийских Съездов старообрядцев. Этот орган занимался уже вопросами социально-экономического и политического порядка, в частности, ему едва ли не впервые удалось начать непосредственный диалог с императорским правительством о нуждах Старообрядчества. В то же время старообрядцы весьма активно проявили себя в политических партиях и движениях, причем почти исключительно в правомонархических. После падения Монархии в феврале 1917 г. будет активно развиваться проект создания особой старообрядческой партии, которая должна была представлять в Учредительном собрании интересы всех согласий старообрядцев. В годы Гражданской войны многие старообрядцы (и, что еще важнее, старообрядческие организации) принимали участие в Белом движении.

Отношение Старообрядчества к государству на первый взгляд кажется парадоксально толерантным (особенно в сравнении с религиозными войнами в Европе). Хотя случаи вооруженного сопротивления имели место (осада Соловецкого монастыря, стрелецкое восстание князя Хованского, казачье восстание Булавина и т.д.), все же их размах, учитывая масштаб репрессий, невелик. Очевидной причиной этого была идеология Старообрядчества, которая, наследуя византийской традиции, рассматривала царскую власть как священную и необходимую для утверждения Христианства (этот взгляд не разделялся лишь отдельными, самыми радикальными соглашениями). Старообрядцы были глубоко привержены имперскому идеалу. Этот идеал выработал в них, вопреки всем преследованиям, чувство глубокой сопричастности жизни всего русского

народа и судьбе русского государства. Таким образом (хотя это и может показаться, опять же, парадоксом), «имперство» старообрядцев стало важным фактором в развитии у них чувства этнического национализма, столь ярко проявляющегося у них и поныне и делающего необычайно жизнеспособной и устойчивой старообрядческую диаспору. Кроме того, именно монархическое имперское мировоззрение было причиной того, что старообрядцы с радостью вступали в конструктивный диалог с властями и в массе своей всегда находились на правом и даже крайне правом политическом фланге. Потому и основными способами сопротивления властям стали миграция в необжитые районы (фактически их колонизация) и эмиграция в иные государства. Активно использовались также экономические средства социальной самозащиты (начиная от взяток и заканчивая договорами с правительством, первые прецеденты которых были уже при Петре I), благо, экономические достижения старообрядцев давали для того достаточно ресурсов.

* * *

В социально-политическом отношении церковная «реформа» XVII в. (логическим продолжением которой стала государственная политика петербургского периода) была попыткой уничтожить национальное русское гражданское общество, основанное на иосифлянской традиции, восходящей, в свою очередь, к гражданским традициям Византии. В начавшейся борьбе это гражданское общество, не вполне удачно названное «Старообрядчеством», показало, с одной стороны, высокую устойчивость, гибкость и динамизм, позволяющие на протяжении столетий (!) успешно держать удар. С другой стороны, оно в целом избежало (в социально-политическом отношении) сектантской самоизоляции, неизменно демонстрируя готовность к конструктивному диалогу и активно-

му участию в государственном строительстве, а равно и способность к идейному развитию. Старообрядчество явилось преемником и наследником, последовательно: 1) гражданских традиций Восточной Римской Империи, развивавшихся благодаря христианским реформам св. Константина и его преемников, 2) национально-русской идеологии «Просветителя» и 3) до-раскольничьей социально-политической системы, выстроенной на основе соборности. Старообрядчество явило уникальный синтез православного традиционализма, русского национализма и гражданского, в сущности демократического сознания.

При взгляде на Запад мы видим там две основные модели гражданских обществ: 1) основанные на идее протестантского фундаментализма, и 2) антихристианскую революционную модель, апеллирующая к дохристианскому языческому наследию демократий Греции и римской республики (этот вариант была впервые реализован во Франции в 1789–1794 гг.). При сравнении с ними мы видим, что:

— русское гражданское общество, как минимум, имеет не менее длинную историю — самое малое с XV в. (тогда же формируется гражданское

общество протестантского типа в ряде стран Европы). Если же, с учетом преемственности традиции, вести отчет от эдиктов св. Императора Константина (IV в.), то русская гражданская традиция вообще была, на начало XX века, самой старой в Европе;

— русское гражданское общество имеет однозначно европейскую и христианскую генеалогию, но при этом сумело подняться до национально-самодостаточного уровня и самобытных форм;

— при длительных гонениях, в форме Старообрядчества, оно продемонстрировало 1) устойчивость и высокую выживаемость, 2) гибкость и способность к развитию, 3) демократичность и 4) ярко выраженный национальный характер.

Таким образом, мы можем утверждать, что русский народ имеет собственную уникальную традицию гражданского общества, главной формой которой является Старообрядчество. И дальнейшее развитие русской националистической мысли и русского национализма как политического движения едва ли может быть полноценным без учета и изучения старообрядческой традиции и опыта.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СВОБОДЫ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ДЕКАБРИСТОВ

Декабристскому сюжету в отечественной историографии посвящена огромная литература. И тем не менее даже сегодня, когда декабристоведение, освобожденное от тягостной опеки коммунистического официоза, явно обретает «второе дыхание» (достаточно назвать работы В.М. Боковой, П.В. Ильина, О.И. Киянской, В.С. Парсамова, С.Э. Эрлиха) современный историк называет проблему «национализма в декабристском движении» все еще «ожидающей глубокого исследования»¹. Увы, с этим невозможно не согласиться.

Специальных работ на указанную тему практически нет. Чуть ли не единственное исключение — отличная статья К.Ю. Рогова², но как характерно, что ее автор — «человек со стороны», не принадлежащий к сообществу патентованных специалистов по декабризму. Последние же, как правило (впрочем, следует отметить содер­жательную интернет-публикацию В.С. Парсамова о национализме П.И. Пестеля)³, довольствуются справедливыми, но слишком беглыми рассуждениями о том, что «элемент национальный и даже, можно сказать,

националистический был в декабризме вообще одним из основных <...> декабризм <...> на всем своем протяжении питался идеями российской великодержавности и национального самоутверждения»⁴. Но на это уже указывали и сами декабристы, и первые отечественные декабристоведы еще в позапрошлом столетии⁵; «резкий национализм» «первых дворянских революционеров» констатировал М.Н. Покровский⁶ и другие советские историки 1920–1930-х годов⁷; прогресс, право же, не велик.

⁴ Бокова В.М. От составителя // Декабристы и их время. М., 1995. С. 13.

⁵ «Патриотизм членов Общества был не только либеральный, но и русский <...> В некоторых мнениях это были непосредственные предшественники славянофилов»; «чувство русской народности» «господствовало в тайном обществе» (Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. 5-е изд. Пг., 1918. С. 408, 422). Первое издание цитируемого труда вышло в 1871 г. См. также: Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М., 1907. С. 259, 278, 282.

⁶ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 227. В другом месте, цитируя слова В.И. Семевского о том, что некоторые декабристы не были чужды национализму, Покровский иронически (и риторически) вопрошает: «Многие ли были ему чужды?» (Там же. С. 229).

⁷ Для Н.М. Муравьева «идея национализма <...> сделалась руководящим началом его жизненного мировоззрения» (Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 62).

¹ Долбилов М.Д. «...Считая себя обязанным в сем участвовать». Почему М.Н. Муравьев не отрекся от «Союза благоденствия» // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 211.

² Рогов К. Декабристы и «немцы» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26.

³ Парсамов В.С. Национальная идея П.И. Пестеля // www.conservatism.ru/parsamov/parsam2.doc

Между тем проблема декабристского национализма имеет не только научное, но и общественное значение. В современном российском массовом сознании (прежде всего в его «правопатриотическом» секторе) распространена «черная легенда» о декабристах как врагах России, агентах «мирового масонства» и проч. Этот вздор, конечно, характеризует лишь прискорбный уровень исторического невежества самих его пропагандистов и потребителей. Но с другой стороны, молчание историков-профессионалов по данному вопросу способствует распространению крайне вредного предрассудка: *борьба против любого правящего режима обязательно равняется национальной измене*. Что уж говорить о моральной стороне дела: когда героев величают предателями, «становится страшно за рассудок и нрав...».

Настоящая работа, не претендуя на исчерпывающее исследование заявленной темы (слишком уж велик массив источников по истории декабризма)⁸, предполагает все же раскрыть ее основные аспекты.

Поскольку в научном сообществе продолжается дискуссия о критериях принадлежности того или иного персонажа к декабристам, считаю необходимым сразу оговориться, что мой критерий чисто формальный: декабрист — это член того или иного тайного общества, признаваемого большинством специалистов как декабристское: Ордена русских рыцарей, Союза спасения, Союза благоденствия, Северного общества, Южного общество, Общества соединенных славян.

Государственный патриотизм

Национализм ни в коей мере не сводится к государственному патриотиз-

му, но последний (в тех случаях, когда речь идет о народах, уже создавших свое государство) — неотъемлемый элемент первого. Советские историки много писали о патриотизме декабристов, тщательно стараясь подчеркнуть его нетрадиционный для императорской России, «революционный» характер⁹. Это в каком-то смысле верно, но требует серьезных оговорок.

В сравнении с революционерами следующих поколений (не только с разночинцами, но и с дворянами Герценом и Бакуниным) мировоззрение декабристов отличается именно отчетливой преемственностью с традиционным имперско-великодержавным дворянским патриотизмом, окончательно сформировавшимся в эпоху Екатерины II, когда дворяне сделались единственными полноправными гражданами Российской империи¹⁰. Декабристы,

⁹ Впрочем, иногда приходилось с сожалением констатировать: «Надо признать, что в соответствии с объективно-буржуазным содержанием политической идеологии Пестеля его взгляды на национальный вопрос носили на себе печать великодержавности <...> Пестель не понимал значения национального развития угнетенных народов и не сумел найти путей к разрешению национального вопроса» (*Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С. 83).

¹⁰ «Декабристы были людьми XVIII века по всем своим политическим целям, по своему социальному оптимизму и по форме военного заговора, в которую вылилась их революция. Целая пропасть отделяет их от будущих революционеров: они завершители старого века, не зачинатели нового. Вдумываясь в своеобразие их портретов в галерее русской революции, видишь, до чего они, по сравнению с будущим, еще почвенны. Как интеллигенция своего века, они тесно связаны со своим классом и с государством. Они живут полной жизнью: культурной, служебной, светской. <...> Их либерализм, как никогда впоследствии, питается национальной идеей. <...> На них в последний раз в истории почил дух Петра» (*Федотов Г.П.* Трагедия ин-

⁸ Одно только «общее число архивных материалов», связанных с декабристским движением, «составляет полмиллиона листов» (*О'Мара П. К.Ф.* Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 28).

подобно своим отцам, отнюдь не чувствовали себя «лишними людьми», «государственными отщепенцами», не ощущали отчуждения от имперского государства, считали его «своим», а дела государственной важности — своими личными делами. Но под влиянием Отечественной войны 1812 г. (более ста будущих декабристов — ее участники, из них 65 сражались с французами на Бородинском поле)¹¹ дворянский патриотизм радикально трансформировался, обрел новое качество.

Об определяющей роли войн с наполеоновской Францией в формировании декабристской идеологии написано слишком много, чтобы подробно на сей счет распространяться. Отмечу только малоизвестное свидетельство М.И. Муравьева-Апостола, относившего зарождение декабризма к одному из эпизодов 1812 г., когда находившиеся в Тарутинском лагере молодые офицеры лейб-гвардии Семеновского полка (среди коих — сам Матвей Иванович, его старший брат Сергей, И.Д. Якушкин) отреагировали на слухи о возможном заключении мира с Наполеоном следующим образом: «мы дали друг другу слово, <...> что, невзирая на заключение мира, мы будем продолжать истреблять врага всеми нам возможными средствами»¹².

Таким образом, будущие члены Тайного общества уже тогда были готовы пойти на прямое неповиновение

телигенции // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 84). Известный советский исследователь декабризма мягко и обтекаемо формулирует: «в движении декабристов более, нежели в других (например, разночинском), освободительные идеи были связаны с патриотическими настроениями и в значительной степени вытекали из них» (*Федоров В.А.* Декабристы и их время. М., 1992. С. 42).

¹¹ См.: *Федоров В.А.* Указ. соч. С. 40.

¹² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 249. Д. 2. Л. 6.

верховой власти во имя интересов государства, истинными выразителями которых они себя ощущали. Служение Отечеству перестало быть для них синонимом служению монарху, их патриотизм — уже не династический, а националистический, патриотизм граждан, а не верноподданных¹³. С.Г. Волконский вспоминал, как после наполеоновских войн произошли кардинальные изменения в его сознании: «Зародыш обязанностей гражданина сильно уже начал выказываться в моих мыслях, чувствах, и на место слепого повиновения, отсутствия всякой самостоятельности в оных вродилось невольно от того, чему я был свидетелем в народных событиях в 1814 и 15 годах, что гражданину есть обязанности отечественные, идущие, по крайней мере, наряду с верноподданныческими»¹⁴. Переход от «народной войны» против «тирании», навязываемой извне,

¹³ Подобное умонастроение не было монополией лишь членов тайных обществ, оно господствовало среди значительной части военной и интеллектуальной элиты русского дворянства александровской эпохи. Широко известен эпизод, когда А.П. Ермолов в 1814 г. в минуту раздражения сказал младшим братьям императора, что русские войска служат не государю, а Отечеству, и пришли в Париж защищать Россию, а не для парадов. См. также строки из письма легендарного поэта-партизана Д.В. Давыдова (видимо, примыкавшего поначалу к Ордену русских рыцарей, но затем отошедшего от него и более не участвовавшего в тайных обществах) П.Д. Киселеву (1819): «Люди прошедшего столетия не поймут меня <...> Слова: отечество, общественная польза, жертва честолюбия и проч. — известны были только в отношении к власти, от которой ждали взгляда, кусок эмали или несколько тысяч белых негров» (цит. по: *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825. М., 1975. С. 157).

¹⁴ *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 348.

к борьбе против «тирании», навязываемой изнутри, казался совершенно естественным¹⁵: «Неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной, русские, спасшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе?» (М.П. Бестужев-Рюмин)¹⁶. Декабристская «революционность» непосредственно проистекала из их патриотизма: «предлог составления тайных политических обществ есть любовь к Отечеству» (С.П. Трубецкой)¹⁷; восстание 14 декабря было «делом исключительно патриотической политики» (В.С. Толстой)¹⁸.

Патриотизм стал для декабристов своего рода гражданской религией. А.Н. Муравьев, убеждая своего брата Н.Н. Муравьева (будущего графа Карского) служить на Кавказе, внушает ему (16 янв. 1817): «истинный добродетельный муж <...> питает некое презрение к тому, что не к прямой пользе Отечества его клонится. — Способности его развертываются, усиливается его любовь к родине, и он ищет всех средств быть истинным сыном Отечества»¹⁹. И.Г. Бурцов, преследуя прямо противоположную цель — отговорить того же адресата служить за пределами собственно России, также апеллирует к долгу перед Родиной:

«Всякий добродетельный гражданин должен поставить единою целию своей жизни — *принести Отечеству самую величайшую пользу*» (4 дек. 1817)²⁰. В другом письме (21 мая 1818) Бурцов, обличая «эгоизм, непростительный для гражданина вообще, а еще более для Россиянина», излагает настоящее исповедание патриотической веры: «Что будет с Отечеством, когда сыны его устремятся каждый за любимой мечтой, слабо или вовсе не будут исполнять гражданских обязанностей и дело общее предадут хищению порока? Что будет с нашей родиной, когда мужественные россияне не обрекут себя на жертву общественной пользе? В благоустроенных Государствах граждане должны нести *некоторые* обязанности, налагаемые обществом, а в Государствах возникающих, преисполненных зла и невежества, обыкновенные обязанности недостаточны — потребны *доблести*, потребно *отречение от собственных выгод* и стремление к общему всеобъемлющему делу целого»²¹.

Подлинный культ любви к Отечеству проходит красной нитью через дневники и письма Н.И. Тургенева²²

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Там же. С. 135.

²² Например, из дневника. «Нешаствны, нещаствны те, кот[орых] кровь не волнуется при мысли об Отечестве, и которые хладнокровно смотрят на происшествия, действующие на судьбу оногo. *Человек может всего лишиться: имения, друзей, родных; но Отечество для него всегда остается.* Благо оногo может его утешить, и при собственном нещаствии он отрет гор[ь]кие слезы, видя Отечество в благоденствии. Благо общее заменяет для него благо частное» (ноябрь 1811). «Вся цель жизни моей, все, что привязывает меня к жизни, все, что делает ее мне сносною — есть надежда о щастии и истинном величестве России. Начало сего щастия составит и все щастие собственной моей жизни. Спокойно оставлю землю, естли при смерти можно будет видеть, что святая, великая Россия начала наконец

¹⁵ См. подробнее: *Парсамов В.С.* К генезису политического дискурса декабристов. Идеология «народная война» // *Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы...*

¹⁶ Восстание декабристов. Т. 9. С. 117. (Далее этот источник — ВД).

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 22.

¹⁸ Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 29.

¹⁹ Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. Т. 1. М., 1975. С. 100.

(о котором у Пушкина сказано: «Одну Россию в мире видя...»; «он искренне, усердно любил Россию» — признает весьма консервативный и враждебный декабризму Ф.Ф. Вигель²³). М.Ф. Орлов в частном письме женщине (княгине С.Г. Волконской) проповедует: «Прежде всего, каждый русский должен быть русским во всем. Во всем должна господствовать идея родины. Именно ей он должен посвятить свои усилия, свои успехи, свои надежды»²⁴. К.Ф. Рылеев полагал для приема нового члена в Северное общество достаточным основанием то, что кандидат «пламенно любил Россию» и «для благ ее готов был на всякое самоотвержение»²⁵. Патриотическая экзальтация в Тайном обществе доходила иногда до такой степени, что Ф.Ф. Вадковский на одном из собраний выразил готовность принести в жертву родную мать, если того по-

идти к своему назначению, к своему гражданскому благополучию» (февр. 1816) (Дневники Н.И. Тургенева за 1811–1816 годы. СПб., 1913. С. 143–144, 319). «Итак с мыслию о тебе, о Россия, мое любезное и несчастное отечество! провожаю я старый и встречаю новый год. Ты — единственное божество мое, которое я постигаю и которое ношу в моем сердце, — ты одна только можешь порождать сильные чувства в моем сердце. Что люди? Где они? Я их не знаю. Я знаю только сынов твоих!» (31 дек. 1819) («Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983. С. 315). Брат Николая Ивановича Сергей, не принадлежавший к декабристскому движению, но близкий к нему идейно, записал в своем дневнике в 1816 г.: «пусть мир погибает, лишь бы Россия оставалась. Но пусть и Россия погибнет, если не может быть знаменитой и процветающей, то есть свободной» (цит. по: Ланда С.С. Указ. соч. С. 348).

²³ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. М., 2003. С. 820.

²⁴ Цит. по: Ланда С.С. Указ. соч. С. 179.

²⁵ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 462.

требует польза России²⁶. Конечно, это лишь фигура речи, но она очень характерна для декабристского дискурса. А вот пример уж явно не филологический, а экзистенциальный. П.И. Пестель в письме родителям незадолго до казни исповедально признавался: «Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое отечество, я желал его счастья с энтузиазмом», и — права современная исследовательница — «не верить этому признанию нет оснований»²⁷.

Именно государственный, националистически окрашенный патриотизм был основным источником оппозиции декабристов курсу Александра I после 1814 г.

Во-первых, их раздражение вызывала вдохновляемая и конструируемая императором легитимистская политика Священного союза — «подпорная, вспомогательная политика для восстановления государей», которая «была противна интересам России»²⁸, и на деле подчиняла последние интересам Австрии («ничто меня столько не оскорбляло, как явное сие господство и влияние Венского кабинета над нашим»²⁹), вообще преимущественное внимание Александра к общеевропейским делам в ущерб собственно российским, его частые и продолжительные отлучки из России: «Предоставив как будто законченные судьбы России двум-трем лицам, он презрительно отвернулся от нее и занялся Европой, которая казалась ему достойной его высокого внимания»³⁰; «душа его была в Европе»³¹. Именно этим вызван спе-

²⁶ Там же. С. 247.

²⁷ Киянская О.И. Пестель. М., 2005. С. 339.

²⁸ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 130.

²⁹ Слова А.В. Поджио (см.: Довнар-Запольский М.В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 192).

³⁰ Поджио А.В. Указ. соч. С. 130.

³¹ Записки, статьи и письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 10.

циальный пункт в первой редакция «Конституции» Н.М. Муравьева о том, что «Император ни в каком случае не имеет права выехать из пределов Отечества, даже в заморския владения отечества», «выезд Императора из России не иначе представляется, как оставлением оной и отречением от звания Императорского»³². Раздражали молодых победителей Наполеона и щедрые подарки европейским державам за счет России: «При вторичном занятии в 1815 году Парижа огромная контрибуция была взыскана с Франции, часть ее была издержана на покупку сукна солдатского в Англии, другая часть была отдана Австрии за претерпенные ею бедствия второго неприятельского нашествия. Огромная полоса России тогда еще представляла одни развалины от нашествия врагов в 1812 г. Крылов тогда написал басню: “Туча и море”»³³. Экономическая политика императора, явно приносящая пользу иностранной и ущерб отечественной коммерции, также вызывала их резкую критику³⁴.

³² Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 338. Среди прочих аргументов этого запрета: «в отделении от отечества Император может скорее следовать внушениям иностранных завистников и сделаться орудием их злоумышлений» (Там же). Советский историк комментирует: «Непопулярные поездки Александра I и предполагаемое влияние могущественного Меттерниха были несомненным источником этого националистического параграфа» (Там же. С. 223). Запрет на выезд императора за границу содержится и в документах Ордена русских рыцарей (см.: Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 145).

³³ Муравьев-Апостол М.И. «Непостижима дерзость безумцев» // Родина. 1991. №11–12. С. 90. В упомянутой басне И.А. Крылова «Туча» (1815) рассказывается о том, как дождевая туча, пролетев над «изнуренною от зною стороною», «большим дождем на море пролилась».

³⁴ В.И. Штейнгейль писал из заключения Николаю I: «Если Москва отрясла так скоро пепел с главы своей и вознеслась в новом

В среде декабристов господствовало убеждение, что Александр «ненавидит Россию»³⁵, которое не развеялось и спустя десятилетия. «История не успела еще рассмотреть действия первого Александра в отношении России. Это была, поверь, отвратительная личность. Еще в молодости он себя определил, когда писал Кочубею, что он был бы счастлив, переселившись с женой в Немечину», — писал в 1862 г. в письме племяннику престарелый М. Муравьев-Апостол³⁶. Возмущение деятельностью императора приняло особенно острый характер в связи с его польской политикой. Так называемый «московский заговор» 1817 г., когда среди членов Союза спасения впервые возникла идея цареубийства (А.Н. Муравьев предложил бросать жребий,

великолепии, то не столько помогла тому сия помощь, сколько состояние внутренней коммерции и промышленности, оживотворенных тарифом 1810 г., который издан был при увещательном манифесте, чтобы все обращали капиталы свои не в пищу чужеземной роскоши, но в пользу Отечества. Внезапно сей самый тариф в 1816 г. изменен в пользу Австрии, Польши и Пруссии изданием нового тарифа на 12 лет. Коммерсанты могли по крайней мере располагать свои спекуляции на сие Императорским словом определенное время; но и в этом ошиблись: в 1819 г. последовало новое всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию. Многие купцы обанкротились и народ через то лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей. Вскоре увидели ошибку, исправили ее тарифом 1823 г., но причиненный вред невозвратен. <...> Таким образом коммерция наша находится в паралитическом состоянии, тогда как у всех других держав преуспевает и процветает, особенно во Франции, которая в 1815 г. едва ли не в худшем состоянии была, нежели Россия» (Штейнгейль В.И. Соч. и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 211–212).

³⁵ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 16.

³⁶ Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С. 88.

о том, кто должен его совершить, а И.Д. Якушкин объявил, что «решился без всякого жребия принести себя в жертву») был вызван слухом о том, что Александр «намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить к Польше» и даже «ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву»³⁷. На фоне тех невероятных привилегий, которые Царство Польское получило благодаря явному расположению к ней императора (конституция, собственная армия и администрация, обильные финансовые вливания)³⁸, казалось вполне вероятным, что Александр «имел в самом деле намерение располагать достоянием России» — тем более, что прецедент уже был — «прежде он отделил Выборгскую губернию в состав великого княжества Финляндского»³⁹. Последний факт (и преимущества перед русскими «завоеванных финляндцев») тоже, кстати, вызывал активное обсуждение (и осуждение) в Тайном обществе⁴⁰.

С другой стороны, именно переговоры с Польским патриотическим обществом, на которых шла речь и о территориальных уступках полякам, вызвали тяжкое обвинение в приговоре Верховного уголовного суда лидеру Южного общества П.И. Пестелю («участвовал в умысле отторжения областей от империи»). Надо ли полагать, что позднее декабристы отказа-

лись от своего принципиального государственничества?

Пестель в «Русской Правде» определял границы России, исходя из двух принципов: 1) «права народности» (т.е. права того или иного народа на самостоятельное политическое бытие) и 2) «права благоугодства» (т.е. права больших государств подчинять себе малые народы, неспособные к государственной самостоятельности). Из всех народов империи только польский наделялся «правом народности»: «Что же до Польши касается, то пользовалась она в течение многих Веков совершенную Политическую Независимостью и составляла большое Самостоятельное Государство. Она могла бы и ныне сильное получить существование если бы соединила опять в общий Государственный Состав все свои части разобранные могущественными соседями. <...> И так: по правилу Народности должна Россия даровать Польше независимое существование».

Однако независимость Польша получала при неукоснительном соблюдении «правила благоудобства» для России:

«1) Чтобы Границы между Россиею и Польшею определены были Российским Правительством по правилу Благоудобства для России и Польша бы сему определению Границ ни в каком отношении не прекословила и приняла бы оное за неизменный Закон коренной.

2) Чтобы восстановление Польского Государства последовало не чрез собственное отторжение Польши от России, но чрез Правильную сдачу Российским Временным Вержховным Правлением губерний предназначенных к отделению в состав Польского Государства, новому Польскому Правительству<...>

3) Чтобы между Россиею и Польшею заключен был Тесный Союз на мирное и Военное Время; в следствие коего бы Польша обязалась все Войско свое присоединять на случай вой-

³⁷ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 17.

³⁸ Торговля Царства Польского «поддерживалась единственно путем транзита, разрешенного в ущерб русской торговле <...> Дороги Царства, его каналы, мосты, города, его храмы и крепости ремонтировались или строились за счет России. Вплоть до 1821 года доходов Царства не хватало для покрытия бюджетных расходов; и опять-таки именно Россия постоянно пополняла бюджет» (Лукин М.С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 118).

³⁹ Там же. С. 80.

⁴⁰ См.: ВД. Т. 20. С. 47.

ны к Российской Армии <...> Зато берет Россия Польшу под свое покровительство и служить будет ей Ручательством в неприкосновенности ея пределов, а тем паче ея существованию. Наконец,

4) Так как сношения между Государствами производятся чрез посредство их правительств и потому твердость и Дух сих Сношений преимущественно зависит от образования Правительств, то чтобы в следствие сего само Устройство польского Государства служило России залогом и обеспечением; а потому и постанвляются главными условиями сего Устройство без коих не должна Россия даровать Польше независимости следующие три:

А) Верховная Власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом как и в России <...>

Б) Назначение и выбор всех лиц и чиновников во все правительственные и присутственные места должны происходить по тем же точно правилам в Польше как и в России <...>

В) Всякая Аристократия, хоть на Бога и Имуществах, хоть на привилегиях и правах родовых основана должна совершенно навсегда быть отвергнута и весь народ Польской одно только Словие составлять <...>⁴¹.

Приведенный выше текст показывает, что нет ничего более нелепого, чем видеть в Пестеле некоего идеалиста-интеллекта, поборника польской свободы, каким позднее выступал Бакунин (и отчасти Герцен), логика Павла Ивановича — логика государственно-националистического прагматизма, применительно к данному вопросу хорошо сформулированная его ближайшим помощником М.Бестужевым-Рюминым: лучше «иметь благодарных союзников», чем «тайных врагов»⁴². В планируемом автором «Русской Правды» русском национальном го-

сударстве поляки, с их многовековой традицией самостоятельной государственности, развитой национальной культурой и комплексом «полноценных» европейцев по отношению к русским «варварам», были бы лишним и крайне вредным элементом (каковым, кстати, они являлись и в составе Российской империи). Просто «переварить», «русифицировать», при очевидной слабости наличного русификаторского потенциала (отсутствии «большой» русской нации), Польшу было невозможно.

Кроме того, в пестелевском проекте будущая независимая Польша контролируется Россией во всех отношениях, вплоть до формы правления и социального строя (порой этот проект кажется почти до деталей реализовавшимся пророчеством о практике взаимоотношений ПНР и СССР), что должно было свести к нулю весь возможный геополитический ущерб этого решения для русских интересов.

Уступка полякам части земель, считавшихся в России «возвращенными от Польши», — Гродненской губернии, Белостокской области, части Виленской, Минской и Волынской губернии — также диктовалась прагматическим, отчетливо этнонационалистическим аргументом: возвращались «области недовольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России»⁴³.

Наконец, свидетельством того, что Пестель не собирался в польском вопросе поступаться великодержавностью России, является то, что переговоры с Польским патриотическим обществом зашли в тупик именно по вине Павла Ивановича. Поляков оскорбил тон лидера Южного общества, о котором он так говорил на следствии: «Было за правило принято поставить себя к ним в такое отношение, что мы в них ни малейшее не нуждаемся, но что они в нас нужду имеют, что мы

⁴¹ ВД. Т. 7. С. 123–124.

⁴² Цит. по: *Довнар-Запольский М.В.* Тайное общество декабристов. М., 1906. С. 113.

⁴³ ВД. Т. 9. С. 63.

без них обойтись можем, но они без нас успеть не могут»⁴⁴.

Для своего времени это был очень радикальный проект, вызвавший недовольство многих соратников Пестеля, не только «северян» (Н. Муравьев, например, указывал, что не следовало «уступать приобретений и собственности России и входить в сношения с иноплеменниками <...> тем более, что уступка сия произошла бы совершенно чуждой, а впоследствии, вероятно, и враждебной России державе»⁴⁵), но и «южан», не согласных ни на малейшее сокращение территории империи. Оппоненты Пестеля считали, что Польша не только должна остаться в составе России, но, более того, нужно присоединить к империи и те ее части, которые находились под властью Австрии и Пруссии. Возмущение вызвал сам факт переговоров Пестеля и Бестужева-Рюмина с Польским патриотическим обществом (М.Ф. Орлов разорвал отношения с Бестужевым, сказав ему: «Вы не русский, прощайте»⁴⁶; М. Муравьев-Апостол писал брату Сергею: «Я первый буду противиться тому, чтобы разыграли в кости судьбу моей родины»⁴⁷). Но даже самые рьяные империалисты понимали, что статус кво Польши неприемлем для национальной России. Альтернативой пестелевскому национально-прагматическому «размежеванию» стало панславистское «слияние».

Наиболее детально панславистский вариант решения польского вопроса был сформулирован много позже 14 декабря в сочинении М.С. Лунина, написанном в Сибири, «Взгляд на польские дела г-на Иванова, члена Тайного общества Соединенных славян» (1840). Лунин одинаково не одобряет и поль-

ских повстанцев 1830–1831 гг., и правительственные репрессии: «Подобно тому, как конституционное Царство, построенное на песке, должно было привести к восстанию, так и восстание, изолированное, несвоевременное, вспыхнувшее по сомнительным поводам, лишенное необходимых для своего развития средств и поставившее себе химерические цели, должно было окончиться полным подчинением страны. <...> Все несомненно согласится, что хотя русское правительство и несет долю ответственности за беспорядки, оно не могло поступить иначе, как покарать виновников восстания и восстановить свой поколебленный авторитет <...> Ему дали на это право, взявшись за оружие. Однако позже оно встало на ложный путь гонений, облеченных в форму законности. Вместо того чтобы укрепить свой авторитет широкими милостями, правительство скомпрометировано, окружив себя жандармами, шпионами и палачами»⁴⁸. Будущее Польши видится Лунину в тесном взаимовыгодном союзе с Россией на правах автономии (по образцу Шотландии и Ирландии в составе Великобритании). Этот союз может стать основой «общественного движения, которое должно связать воедино славянские племена, рассеянные по Европе, и содействовать духовной революции, той, что должна предшествовать всякому изменению в политическом строе, чтобы сделать его выгодным»⁴⁹.

Менее известны высказывания А. Поджио, который мыслил в том же духе и на склоне лет, учитывая новейшие политические реалии. В письме М.С. Волконскому (сыну декабриста С. Волконского) от 4 марта 1868 г. он писал, что европейцы больше всего боятся «осуществления <...> проекта <...> о признании Польши и дарования ей, по примеру Венгрии, полной автономии (конечно, разумно без соб-

⁴⁴ Цит. по: *Киянская О.И.* Указ. соч. С. 100.

⁴⁵ *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 140.

⁴⁶ *Киянская О.И.* Указ. соч. С. 95.

⁴⁷ Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 221.

⁴⁸ *Лунин М.С.* Указ. соч. С. 120

⁴⁹ Там же. С. 124.

ственной армии). Тогда только запад вздрогнет и почувствует свое бессилие, свою ничтожность! Не усмиренная, а примеренная Польша грозит тем окончательным великим шагом, который должен поставить Россию во главу славянского, теперь рассеянного мира. Сплотить их на автономическом современном новом праве — вот наша единственная политика, цель великая, святая! Вот где наша сила и горе германцам и латинцам всем вкупе, если бы они восстали против такого рода обрусения!»⁵⁰.

Весьма характерно, что позиция Лунина и Поджио по польскому вопросу вызвала неприятие Герцена, целенаправленно создававшего свой миф о декабристах и тесно связанного с польским революционным движением. Цитированная выше работа Лунина не была опубликована в изданиях Вольной русской типографии, несмотря на актуальность темы и громкое имя автора; Герцен отозвался о ней неодобрительно: увы, даже и «передовые люди» «становились, не замечая того, на узкую государственно-патриотическую точку зрения»⁵¹. Старательно умалчивал Александр Иванович и о реакции декабристов в 1817 г. на слух о возможном отторжении западных русских губерний в пользу Польши⁵². Восхищавшийся сначала Поджио, с которым он был знаком лично, издатель «Колокола» вскоре разочаровался в нем из-за разногласий «на политику русского правительства»⁵³. С герценовскими купюрами и продолжает воспринимать декабристов массовое сознание.

Программные документы декабристов проникнуты заботой о территориальной целостности страны, о ее единстве и неделимости. В частности,

именно этой заботой продиктована резкая полемика Пестеля против федерализма в «Русской Правде». Федеративное государство потому, с его точки зрения, плохо, что уже в самом его устройстве содержится «семя разрушения»: «Каждая область составляя в федеративном Государстве так сказать маленькое отдельное Государство слабо к целому привязана будет и даже во время войны может действовать без Усердия к общему составу Государства; особенно естли лукавый Неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких нибудь особенных для нея выгодах и преимуществах. Частное Благо области хотя и Временное, однакоже все таки сильнее действовать будет на воображение ея Правительства и Народа нежели общее Благо всего Государства не приносящее может быть в то время очевидной пользы самой области <...> Слово Государство при таком образовании будет слово Пустое ибо никто нигде не будет видеть Государства но всякой везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться Любовью к одной своей области». Для России же федерализм особенно опасен: «Стоит только вспомнить из каких разнородных частей сие огромное Государство составлено. Области его не только различными Учреждениями управляются, не только различными Гражданскими Законами судятся но совсем различные языки говорят совсем различные веры исповедуют, жители оных различныя происхождения имеют, к различным Державам некогда принадлежали; и потому ежели сию разнородность еще более усилить чрез федеративное образование Государства, то легко предвидеть можно что сии разнородные Области скоро от Коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое Моущество, Величие и Силу, но даже может быть и бытие свое между большими или Главными Государствами». Приводит Пестель и исторический ар-

⁵⁰ Поджио А.В. Указ. соч. С. 356.

⁵¹ См.: Эрлих С.Э. История одного мифа. («Декабристская легенда» Герцена). СПб., 2006. С. 129.

⁵² Там же. С. 133.

⁵³ Там же. С. 158.

гумент — упадок русского государства в удельный период. Таким образом, «соединяя все сии Обстоятельства в общее соображение постановляется Коренным Законом Российскаго Государства что всякая мысль о федеративном для него Устройстве отвергается совершенно яко пагубнейший вред и величайшее Зло»⁵⁴.

Но и «федералистская» «Конституция» Никиты Муравьева не менее великодержавна, чем «унитаристская» «Русская Правда». «Державы», на которые делится будущий «Российский союз», не имеют права «заключить какой-либо союз, договор или трактаты не только с иностранными Государствами, но даже и с другою Державою Российскаго союза», «заключать мир или объявлять войну», «чеканить монету», «содержать в мирное время войско или вооруженных кораблей без позволения Верховнаго Народнаго Веча» и т.д.⁵⁵. Более того, Н.М. Дружинин справедливо отметил, что Муравьев, во-первых, «избегает назначать столицами крупные города, которые служили политическими центрами самостоятельных народностей: столицей Балтийской державы он делает не Ригу, а Великий Новгород, вместо Киева он назначает Харьков; Финляндия оказывается сосредоточенной вокруг Петербурга, Украина и Литва — разорванными на части, Кавказ — искусственно соединенным с южными губерниями», а во-вторых, его федерация состоит не из национальных автономий, а из «естественных хозяйственных комплексов», т.е. он руководствуется «не идеей самоопределения национальностей, а задачей свободного экономического развития государства»⁵⁶.

В области внешней политики декабристы после прихода к власти также собирались проводить последовательный великодержавный курс. Карди-

нально отказываясь от принципов Священного союза, они в противовес им выдвигали идею геополитического самодовления России, что нисколько не отрицало внешнеполитической активности. Напротив, «для твердаго установления Государственной Безопасности» и приобретений разного рода геополитических и геоэкономических выгод Пестель планировал присоединить к России Молдавию⁵⁷, причерноморский Кавказ⁵⁸, казахские

⁵⁷ Жители которой с жителями подвластной России Бессарабии «одно племя составляют между тем как двум различным Государствам принадлежат и по произведениям природы имеют большую необходимость во взаимных вспоможениях между тем как от Постановления границы Государства всякаго свободного сообщения лишены а также и потому что Прут составляет довольно длинную и весьма худую границу, что Карпатския Горы на Запад от Молдавии образовали бы отличную Государственную Межу, что разстояние от Дуная до Карпатских гор чрез Фокшаны будучи весьма короткое удобно бы означало границу и наконец что Турки, собрав Войско в Молдавии могут чрез Хотин миновав Бессарабию вдруг очутиться за Днестром в недрах России» (ВД, Т. 7. С. 124).

⁵⁸ Ибо «все опыты сделанные для превращения Горских народов в мирные и спокойные Соседы ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель. Сии Народы не пропускают ни малейшаго случая для нанесения России всевозможнаго вреда и одно только то остается средство для их усмирения чтобы совершенно их покорить; куда же не будет сие в полной мере исполнено нельзя ожидать ни тишины ни безопасности и будет в тех странах вечная существовать война. На щет же приморской части Турции принадлежащей надлежит в особенности заметить что нет возможности окончательно усмирить хищные Горские Народы Кавказские пока будут они иметь средство чрез Анапу и всю вообще приморскую часть лежащую получать от Турок Военные Припасы и все средства к беспрестанной войне» (Там же).

⁵⁴ ВД, Т. 7. С. 127.

⁵⁵ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 316.

⁵⁶ Там же. С. 91.

(«киргиз-кайсацкие») степи в районе Аральского моря⁵⁹ и «часть Монголии, так, чтобы все течение Амура <...> принадлежало России»⁶⁰. «Далее же», подчеркивает Пестель, «отнюдь пределов не распространять». Впрочем, среди его планов было и создание буферного федеративного Царства Греческого, в состав которого, кроме собственно Греции, вошли бы земли современной Румынии, Болгарии, Македонии, Сербии, Боснии и Албании⁶¹. Рылеев и Д.Завалишин были энтузиастами расширения русских владений в Северной Америке (Пестель их эн-

⁵⁹ «Сии прекрасныя места изобилуя всеми произрастениями могли бы обратиться в отличную страну которая бы обогащала Россию многими произведеньями Природы и многими способами для самой выгоднейшей и Деятельнейшей Торговли, между тем как ныне сие все совершенно теряется от необузданности и невежества киргизов» (Там же. С. 124–125).

⁶⁰ «Сии места <...> большия бы доставили России выгоды и Преимущества для ея торговли а равно и для устройства флота на Восточном океане» (Там же. С. 125).

⁶¹ Подробнее см.: *Сыроечковский Б.С.* Балканская проблема в политических планах декабристов // *Очерки из истории движения декабристов.* М., 1954. О планах Пестеля насчет войны с Турцией для создания Царства Греческого, которая бы отвлекла общественное мнение на первых порах строительства нового государства, Герцен также сознательно умолчал (см.: *Эрлих С.Э.* Указ. соч. С. 133). Поджио надеялся, что после изгнания Турции с Балкан «торговля наша южная от упадка своего <...> перешла бы к самому цветущему положению, господствованием, ничем уже не затрудняемым, над торговлею всего Востока». О геополитике декабристов вообще см. слабую концептуально, но богатую фактическим материалом монографию О.В. Орлик «Декабристы и внешняя политика» (М., 1984) и краткие, но чрезвычайно содержательные рассуждения В.А. Цымбурского (*Цымбурский В.А.* Остров Россия. М., 2007. С. 475–478).

тузиазма не разделял и планировал отказаться даже от тех, которые уже имелись). Рылеев, «правитель дел» в Российско-Американской компании, в «Записке о недопущении иностранных купцов к занятию промыслами на территории, управлявшейся Российско-Американской компанией» (1824) отстаивал в правительственных кругах интересы русской торговли, поддерживал проект декабриста В.П. Романова об исследовании Аляски⁶². Завалишин писал из тюрьмы Николаю I: «Калифорния, поддавшаяся России и заселенная русскими, осталась бы навсегда в ее власти. Приобретение ее гаваней <...> позволяло содержать там наблюдательный флот, который бы доставлял России владычество над Тихим океаном и китайской торговлей <...> ограничило бы влияние Соединенных Штатов и Англии»⁶³.

Своего государственного патриотизма декабристы не утратили даже в тюрьмах и ссылке, большинство из них могло бы повторить слова Лунина: «Заклученный в казематах, десять лет

⁶² См.: *Орлик О.В.* Указ. соч. С. 217.

⁶³ ВД. Т. 3. М.–А., 1927. С. 228. Но, конечно, наибольшим размахом отмечены геополитические мечтания лидера ранней декабристской организации Орден русских рыцарей М.А. Дмитриева-Мамонова, среди прочего: «присоединение Венгрии, Сербии, всех славянских народов к России», «изгнание Турков из Европы и восстановление греческих республик под протекторатом России», «учреждение флота в Архипелаге и постановление возможных препятствий английской торговле в оном краю», «учреждение торговой компании для Китая, для Японии и Сибири», «построение гавани при устье реки Амура», «Сочинение проекта *выгодной* войны против Персии и вторжения в Индию» и даже «присоединение Норвегии» (Из писем и показаний... С. 145–147). При очевидной фантазийности (и даже бредовости) некоторых пунктов, в других поразительна преобладающая с более поздними внешнеполитическими проектами декабристов.

не переставал я размышлять о выгодах родины»⁶⁴. Они, по меткому выражению П.А. Вяземского, как бы «увекочились и окостенели в 14 декабря»⁶⁵ и продолжали воспринимать события политической жизни не с точки зрения репрессированных диссидентов, а все с той же точки зрения хозяев государства Российского, пусть покамест и отстраненных от его управления (или же с точки зрения правящей партии, временно перешедшей в оппозицию). Тот же Лунин⁶⁶ в 1840 г., резко критикуя правление Николая I, делает тем не менее одобрительную оговорку по поводу его внешней политики 1820–1830-х годов, которую явно предпочитает курсу его старшего брата: «Внешняя политика образует единственную светлую точку, на которой отдыхает разум, уставший находить во мраке одни лишь злоупотребления и ошибки. Император Николай, в отличие от своего предшественника, избегая вмешиваться в дела, непосредственно не касающиеся России, почти всегда диктует свою волю в случаях, прямо до нее относящихся»⁶⁷. В частности, Михаил Сергеевич приветствует действия России на Кавказе. В письме к сестре (1838) он осуждает ее нежелание согласиться с мыслью о службе там ее старшего сына: «Южная граница наша составляет самый занимательный вопрос настоящей

политики. <...> Это была мысль Адашева и Сильвестра. <...> Каждый шаг на север принуждал нас входить в сношения с державами европейскими. Каждый шаг на юг вынуждает входить в сношения с нами. В смысле политическом взятие Ахалциха важнее взятия Парижа. <...> Служба на Кавказе представляет твоему сыну случай изучать военное искусство во многих его отраслях и принять действительное участие в вопросе важного достоинства для будущей судьбы его отечества»⁶⁸.

События на Кавказе привлекали к себя жадное внимание писателя-романтика А.А. Бестужева (Марлинского), писавшего из Якутска брату Павлу — участнику боевых действий с турками (1828) — прямо-таки с кровожадным упоением: «Итак, с долин Армении, на которых опиралась радуга завета, — вы понесли заветные знамена победы в пределы Турции, и уже вихорь-богатырь ваш сорвал месяц с Карсу и Ахалциха! <...> Ты, как мне пишут, резался на улицах Карса. Меня зависть берет, когда я, глотая чад вместо порохового дыма, воображаю ваши подвиги. Хоть бы из-за угла поглядеть! <...> Не могли участвовать ни делом, ни словом в битвах с неверными, сделай одолжение, сверни хоть из этого листка пару боевых патронов и пусти их за меня к неприятелю. Бьюсь об заклад, что они вцепятся в самую правую верную бороду удалых байрактаров»⁶⁹. Вскоре, однако, мечты Александра Александровича сбылись: в 1829 г. по его прошению он был переведен рядовым на Кавказ, участвовал во множестве боев с горцами и погиб в одном из них в 1837 г. В 1840 г. добровольцем на Кавказ просился М.А. Фонвизин, но получил отказ⁷⁰.

⁶⁴ Лунин М.С. Указ. соч. С. 5.

⁶⁵ Декабристы. Летописи ГЛМ. Кн. 3. М., 1938. С. 497.

⁶⁶ «Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник, находящийся на поселении. <...> В Англии сказали: Лунин, член оппозиции. В самом деле таков мой политический характер» (Лунин М.С. Указ. соч. С. 6).

⁶⁷ Там же. С. 145. Одобрил ряд внешнеполитических акций Николая, в особенности «пренебрежение Священным союзом», и Н. Муравьев (см.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. I. М., 2008. С. 152).

⁶⁸ Лунин М.С. Указ. соч. С. 15.

⁶⁹ Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951. С. 533–534.

⁷⁰ См.: Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. I. Иркутск, 1979. С. 175.

Напомню, что окончательное завоевание Кавказа планировалось Пестелем в «Русской Правде», так что декабристы в данном случае мыслили совершенно в соответствии со своими программными установками. То же касается и присоединения земель вокруг Амура, произведенного Н.Н. Муравьевым-Амурским — покровителем ссыльных декабристов (на Кавказе им благоволили А.П. Ермолов и А.А. Вельяминов), горячо одобрявших его деятельность. В.И. Штейнгейль писал И.И. Пущину (1854): «На восточном тихом океане открывается сцена деятельности для России, с которой можно далеко идти. Меня радует перед отходом, что фантазия моей юности начинает сбываться»⁷¹. Г.С. Батеньков восхищался тем, что Муравьев-Амурский «изобрел для молодых людей небывалое поприще, они обновляют нам легенды о Ермаках и Кортесах и сами могут стать под какой-то мифический ореол»⁷². С.П. Трубецкой (1858): «Ник<олай> Ник<олаевич> достиг наконец своей цели, упрочил за нами левый берег Амура. <...> Исполать ему»⁷³. Важнейшим событием русской истории освоение Амура считал Завалишин⁷⁴. Присоединение Кавказа и освоение Амура приветствовал Н.В. Басаргин⁷⁵.

Европейская политика Николая I 1840–1850-х гг., во многом реанимировавшая худшие традиции Священного союза, у большинства декабристов вызывала осуждение. Тем не менее среди них находились пламенные патриоты, и

здесь готовые радоваться победам русского оружия. Скажем, В.А. Давыдов, пребывая в Красноярске, приветствовал подавление венгерской революции в 1849 г.: «Наш городок <...> вышел из обычной летаргии, чтобы отпраздновать победу наших войск и славное окончание войны. Мое сердце старого солдата дрогнуло при этих счастливых новостях, и я поспешил иллюминировать наше скромное жилище. Наш маленький Алеша был в восторге, видя фонарики, и хлопал в ладоши, крича: “Наша взяла”...»⁷⁶.

Естественно, что Крымская война с новой силой всколыхнула великодержавные чувства декабристов. Несмотря на крайне отрицательное отношение к николаевскому режиму того времени, они страстно переживали за ее исход. Некоторые (например, М.А. Назимов) безуспешно просились служить хотя бы в ополчение⁷⁷. Волконский писал И. Пущину, что он «хоть сейчас готов к Севастополю, лишь бы взяли»⁷⁸. Штейнгейль почти до самого конца войны не сомневался, что «венец будет блистателен для России»; «если мы подлинно “со Христом и за Христа!”», бояться <...> западных ренегатов нечего»; «умру в уверенности, что она должна исполнить высокое предназначение <...> Скорее думаю, что наступит черед для современного Карфагена» (т.е. Англии)⁷⁹. Преисполненный надежд А.Н. Муравьев («может быть мы услышим теперь, что зна-

⁷¹ Штейнгейль В.И. Указ. соч. С. 291. Штейнгейль еще в 1811 г. подавал проект об экспедиции для исследования Амура (Там же. С. 413).

⁷² Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1989. С. 364.

⁷³ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1987. С. 353.

⁷⁴ Русский вестник. 1884. № 2. С. 834.

⁷⁵ См.: Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 441–446.

⁷⁶ Давыдов В.А. Сочинения, письма. Иркутск, 2004. С. 310. В комментариях к данному пассажию говорится, что подобные же чувства по поводу победы над венграми испытывал Е.П. Оболенский и «другие декабристы» (Там же. С. 471).

⁷⁷ См.: Назимов М.А. Письма, статьи. Иркутск, 1985. С. 45.

⁷⁸ Письма С.Г. Волконского // Записки отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 24. М., 1961. С. 383.

⁷⁹ Штейнгейль В.И. Указ. соч. С. 286, 282–283, 321.

мена наши развеваются на Босфоре»)⁸⁰ сокрушался: «Если бы не мои глаза, я был бы, конечно, там, куда честь и любовь к Отечеству призывают каждого русского <...> ибо в Севастополе <...> находится ныне подлинное Отечество каждого истинного русского, — это оттуда нужно изгнать подлых агрессоров, этих безумцев, которые не знают во имя кого и чего проливают они свою кровь...»⁸¹. С.П. Трубецкой сообщает Батенькову (1855), что в Иркутске, где жили многие сосланные декабристы, «война и ожидание ее последствий всегда предметом разговоров, когда сходимся. Нетерпеливость выражается различным образом и каждый хотел бы изгнать неприятеля из Отечества по своему соображению <...> бывают самые сильные прения»⁸². Н.А. Бестужев писал Завалишину (1854): «Меня оживили добрые известия о славных делах наших моряков, но горизонт омрачается. Не знаю, удастся ли нам справиться с французами и англичанами вместе, но крепко бы хотелось, чтобы наши поколотили этих вероломных островитян за их подлую политику во всех частях света»⁸³. М.А. Бестужев впоследствии вспоминал о старшем брате: «Успехи и неудачи севастопольской осады его интересовали в высочайшей степени. В продолжение семнадцати долгих ночей его предсмертных страданий я сам, истомленный усталостью, едва понимая, что он мне говорил почти в бреде, — должен был употреблять все свои силы, чтобы успокоить его касательно бедной погибающей России. В промежутки страшной борьбы его

железной, крепкой натуры со смертью он меня спрашивал: — Скажи, нет ли чего утешительного?»⁸⁴. «Севастополь с ума и сердца не сходит», — признавался Пущин⁸⁵.

Поражение России и условия Парижского мира произвели на декабристов самое тягостное впечатление. «Постыдное пятно на величие и славу России» (Волконский)⁸⁶. «Ты уже знаешь, какой это мир! Едва ли после него можно будет, не для завоевания, но для возвращения уступленного, скоро приняться за меч, ибо ворота для нас закрыты со всех сторон. <...> Так сердце и разрывается! <...> видно, долго нам еще склонять голову свою перед иноземною гордынею! Жаль Карса, жаль пашлыков, которые пришлось отдать, — влияние России упадет на Востоке, как оно уже упало на Юге и Западе!» (А.Н. Муравьев — Н.Н. Муравьеву-Карскому)⁸⁷. «Как ни желаю замирения, но как-то не укладывается в голове и сердце, что будут кроить нашу землю. Что-то похожее на Тильзит и чуть ли не хуже» (Пущин)⁸⁸. «Камнем лежит на сердце событие, что мы лишились силы на Черном море — плода вековых трудов и огромных жертв» (Батеньков)⁸⁹.

Из тех материалов, которые мне удалось изучить, можно сделать вывод, что только один декабрист занимал в период Крымской войны четкую пораженческую позицию — А.Ф. Бриген. Он мотивировал ее двояко: идеологически, с позиции последовательного либерализма («нынешняя война — война двух начал <...> это война варварства и с цивилизацией»; варварство — режим Николая I, кредо которого: «на-

⁸⁰ Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 2. СПб., 2008. С. 244. В.М. Голицын, по свидетельству Н.Р. Цебрикова, в то время «думал непременно взять Константинополь» (Воспоминания и рассказы... Т. I. С. 304).

⁸¹ *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 341.

⁸² *Трубецкой С.П.* Указ. соч. С. 234.

⁸³ *Бестужев Н.А.* Статьи и письма. М., 1933. С. 269.

⁸⁴ Воспоминания Бестужевых. С. 289.

⁸⁵ *Пущин И.И.* Сочинения и письма. Т. 2. М., 1999. С. 124.

⁸⁶ *Волконский С.Г.* Записки. С. 363.

⁸⁷ Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 2. С. 259, 262.

⁸⁸ *Пущин И.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 142.

⁸⁹ *Батеньков Г.С.* Указ. соч. С. 361.

роды существуют для правительств»), и геополитически, с позиции крайнего изоляционизма: «<...> Европа <...> нам вколотит ума, которого мы сами иметь не хотим, и мы наконец будем вынуждены понять, что достоинство и благо внутри нас и что народ русский должен его искать в самом себе, а не пристраивать извне. Пора бы уже перестать морочить народ, без того уже оглупевший форменным православием да мыльными пузырями, называемым могуществом (чье?) и слава, тогда как два пятна: откуп и креп[остное] рабство срамит нашу Федору в глазах всего человечества. Крым и Польша не составляют отечества русского и, по моему мнению, не приносят пользы <...> И без этих наростов Россия может быть первостепенною державою и вместо того, чтобы быть ненавидима всеми, будет всеми уважаема...»⁹⁰. Но случай Бригена — классический пример того, что исключение лишь подтверждает правило.

Достаточно единодушно отреагировали оставшиеся в живых декабристы на польский мятеж 1863 года⁹¹.

⁹⁰ Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 329, 328. Не радовался Бриген и присоединению Амура: «<...>зачем? И без того велика Федора да дура» (Там же. С. 280).

⁹¹ На мятеж 1830 г., вожди которого провозгласили, что борются с николаевским режимом, а не с русским народом, и устроили панихиду по мученикам 14 декабря, последовала реакция менее однозначная. Была срединная, взвешенная позиция Лунина, о которой говорилось выше. Но были и крайние точки зрения. С одной стороны, А.Н. Муравьев писал: «Надобно же быть таким безмозглым и неблагодарным каковы поляки, чтобы сметь поднять знамя бунта против Руси непобедимой! Вот кстати пословица: *от жиру собака бесится!*» (Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 1. С. 255). С другой — известны приветственные стихи А.И. Одоевского «При известии о польской революции». Правда, Н.А. Котляревский сомневался, что

М. Муравьев-Апостол еще до начала восстания писал племяннику: «Ты говоришь, предоставить этих господ самим себе. Каким образом? наших милых соседей с какой стати усиливать в ущерб России? Взгляни на карту так называемого Царства Польского, ты увидишь, что оно не [имеет] никаких средств, чтобы жить собственной жизнью. Никто больше России не делал для Польши. Одно несчастное прошлое царствование могло до того ее озлобить, что весь свой гнев за порабощение она обращает против нас. <...> Русская кровь проливалась для завоевания несчастной Польши, нельзя же забыть это. Дай ей попасть в руки Пруссии или Австрии, поверь, что заговорится тогда о Литве и пр. Дело, быть может, еще больше осложнится предоставлением Царству управлять[ся] само собой, как знает»⁹². Назимов, возмущаясь «сумасбродством поляков», полагал, что они «вдались в пошлый обман» Наполеону III, но зато русские «получили урок, как следует управлять своими приобретениями»⁹³. А.Н. Муравьев всецело одобрял меры своего брата М.Н. Муравьева-Виленского, пресловутого «Вешателя» (между прочим, бывшего члена Союза спасения и Союза благоденствия, одного из главных авторов «Зеленой книги» последнего), по подавлению мятежа в Западном крае: «Брат Михаил действует славно, как истинно русский»; «распоряжения брата Михаила великолепны»; «брату Михаилу, по мнению моему, надобно поставить памятник, не за одно только усмирение юго-западной России, но за спасение Отечества. Подобными мерами, думаю, что восстановить можно бы и Царство

Одоевский — автор этого стихотворения (*Котляревский Н.А.* Декабристы. Кн. А.И. Одоевский и А.А. Бестужев-Марлинский. Их жизнь и литературная деятельность. СПб., 1907. С. 86).

⁹² *Муравьев-Апостол М.И.* Указ. соч. С. 87.

⁹³ *Назимов М.А.* Указ. соч. С. 135, 144.

Польское, т.е. обратить его в русские губернии, с русскими правителями»⁹⁴. Е.П. Оболенский предлагал в дальнейшем по отношению к полякам самые радикальные меры: «<...> если они не захотят слиться с нами в одну нераздельную семью, то мы должны поглотить их национальность и силу, и нашей численностью. <...> Неужели они должны исчезнуть с лица земли русской, — по весьма простой причине, — мы не можем в мире жить с ними? <...> Что же делать <...> самозащита есть одна из первых обязанностей всякого человека и гражданина»⁹⁵. Не трудно заметить, что в вышеприведенных цитатах господствует «антипестелевская» точка зрения на польский вопрос, высказываний сторонников иного взгляда обнаружить не удалось.

Поджио в своих письмах конца 1860-х гг. уделял большое внимание («мой конек») экономической политике России, проповедуя отказ от сырьевой модели развития и освобождение «от ига европейского, в смысле мануфактурного, промышленного его давления»: «Полноте торговать салом и пенькой — пора, пора дать самобытность России во всех отношениях; пора возвыситься до шелковых, шерстяных и бумажных тканей! Азия под боком, доставит вам и шелк, и хлопок, а шерсть ваша убивается австралийскою, и нечего ее посылать <...> за границу, а самим вырабатывать! <...> хочу <...> видеть Россию государством промышленным и потому независимым, самобытным <...> Сбережение по всем отраслям, направить капиталы на развитие производительных сил; создать промышленность и довести до того, чтобы мы могли выдержать соперничество, которое нас теснит и вышибает со всех рынков, где мы затрачиваем последнее наше золото; возвести земледелие на

степень науки для удешевления зерна; вот бегло отчасти наброшенные средства не то чтобы упрочить шаткость бедного нашего бумажного рубля, а чтобы осуществить великую цель независимости России от Европы в отношении ее превосходства в умственном и вещественном смысле»⁹⁶.

Наиболее поздние по времени из обнаруженных мной комментарии декабристов по поводу политики России принадлежат М. Муравьеву-Апостолу, успевшему одобрить войну за освобождение балканских славян в 1877–1878 гг.: «Кровь Христианская пролилась потоками, она искупила освобождение Славян от Турецкого ига. Славяне наши единственные союзники в Европе, мы не можем не заступиться за кровь пролитую братьями нашими <...> Я отказался от чтения французских газет, они осуждали Сербию, Черногорию за то, что объявили войну туркам. Чем это кончится, я уверен, как в 1812 г., что святое дело Свободы и Человечества восторжествует!»; «как наша Россия хороша умирительно своим заступничеством за угнетенных братьев!»; «наша молодец армия совершила Суворовский подвиг, зимой перешла Балканы»; «1877 год начинает новую историческую эпоху <...> Бог предоставил России разрешить наконец» «Восточный вопрос»⁹⁷.

Ксенофобия

Ксенофобия не составляет главного содержания национализма, более того, она — явление гораздо более обширное и к нему не сводимое; с другой стороны, теоретически возможен национализм без ксенофобии. Но, как правило, ксенофобия — один из неустрашимых элементов национализма, ибо утверждение *своего* на практике невозможно без отрицания *чужого*. Как и любая по-

⁹⁴ Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 2. С. 296–298.

⁹⁵ Декабристы. Материалы для характеристики. М., 1907. С. 96, 109.

⁹⁶ Поджио А.В. Указ. соч. С. 375, 387, 389, 399.

⁹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 249. Д. 2. Л. 15 об. — 16, 31 об., 71, 73–73 об.

литическая идеология, национализм базируется на шмиттовском различении *друга и врага*. Декабризм вполне подтверждает это правило.

На всех этапах развития декабристского движения, в подавляющем большинстве его программных документов обязательно присутствуют пункты, направленные против иностранцев вообще. Это, во-первых, было вызвано предпочтением, которое оказывал последним Александр I в противовес русским дворянам⁹⁸ и их заметным присутствием на ключевых постах в государственном аппарате и армии. По свидетельству (кстати,

⁹⁸ «До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским <...> на похвалы Веллингтона устройству русских войск император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат» (Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 10). «Русских оскорбляло явное предпочтение, оказываемое императором всем вообще иностранцам перед его подданными, к которым он не скрывал неуважения» (Фонвизин М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 182). «Главные места в государстве вверены иностранцам, не имеющим никакого права на доверие народное» (Лунин М.С. Указ. соч. С. 66). «Положение нас, русских, было довольно щекотливое в Вене во время конгресса. Наш император, при беспрестанных отличительных приветствиях ко всем иностранцам, не тот был к нам, и казалось нам, что он полагал, что мы в образовании светском отстали от европейского. Полный учтивости к каждому прапорщику, не носившему русского мундира, он крутенько с нами обходился, так что мы нехотя отказывались от приглашений дворцовых и высшего круга и более жили в среде соотечественников и вели жизнь шумную между собой и не обидную для народной гордости» (Волконский С.Г. Записки. С. 309). «Чтобы понравиться властелину, нужно было быть иностранцем или носить немецкую фамилию» (Муравьев А.М. Мой журнал // Воспоминания и рассказы... Т. I. С. 134).

весьма сочувственному) Ф.Ф. Вигеля, Н.И. Тургенев «в разговорах со мной сколько раз скорбел о том, что чужеземцы распоряжаются у нас как дома»⁹⁹. П.Г. Каховский незадолго до казни в письме Николаю I все еще осуждал «явное предпочтение, делаемое Правительством всем иностранцам без разбору <...> простительно надеяться, что у нас, конечно, нашлись бы русские заместить места государственные, которыми теперь обладают иностранцы. Очень натурально, что такое преобладание обижает честолюбие русских и народ теряет к Правительству доверенность»¹⁰⁰. Другой источник декабристской ксенофобии — опыт участия в войнах с наполеоновской Францией. А.Н. Муравьев на склоне дней вспоминал: «Ненависть к французам и к иностранцам вообще развилась во всей ее силе между русскими и оставила глубокие корни в современниках; многие из них, дожившие до ныне, ощущают какое-то от-

⁹⁹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Кн. 2. С. 820. В письме брату Сергею (авг. 1819) Николай Иванович, например, сетует на ситуацию в Министерстве иностранных дел: «Получить место в чужих краях по дипломатической службе <...> будет трудно. Большого не дадут, а остальные сделались, кажется, исключительно принадлежностью детей здешних докторов, аптекарей, акушеров. Странно, что теперешнее поколение медицинское в России непременно хочет оставить после себя поколение дипломатическое. Гр[аф] К[аподин] человек весьма благорасположенный, но кажется и он не понял еще необходимости иметь в дипломатической службе, в особенности при посольствах одних только русских. Это бы полезно было для службы, и вместе с тем споспешествовало образованию России. Питомцы германских эскулапов остаются для России чуждыми и без всякой практической пользы» (Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.—Л., 1936. С. 291—292).

¹⁰⁰ Цит. по: Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 20—21.

вращение к иностранцам, и особенно к французам, которое умеряется только усилием над самим собою, но при первом удобном случае проявляется в различных видах. Глубоки и сильны впечатления юности!»¹⁰¹.

Уже в проектах Ордена русских рыцарей, составленных М.А. Дмитриевым-Мамоновым, среди целей организации называются «лишение иноземцев всякого влияния на дела государственные» и «конечное падение, а если возможно, смерть иноземцев, государственные посты занимающих»¹⁰². По критериям, установленным Мамоновым, иноземцем «перестает почитаться <...> правнук иноземца, коего все предки, от прадеда до отца были греко-российского исповедания, служили престолу российскому и в подданстве пребывали, не отлучаясь от России»¹⁰³. Союз спасения также настаивал на необходимости «отстранения иноземцев от влияния в государстве»¹⁰⁴. «Зеленая книга» Союза благоденствия запрещает принимать в общество нехристиан и «иноземцев», если только те не оказали важной услуги России¹⁰⁵. Кроме того, одна из задач Союза состояла в том, чтобы «отвращать родителей от воспитания детей в чужих краях»¹⁰⁶. Устав Южного общества требует «не принимать в общество никого кроме русских или тех, которые по обстоятельствам совершенно привязались к русской земле»¹⁰⁷.

В «Русской Правде» иностранцам запрещается «иметь в России какое бы

то ни было Недвижимое Имущество», «пользоваться в России правами Политическими предоставляемыми одним только Российским Гражданам», «вступать в Государственную Службу или какую-нибудь отрасль правления и продолжать оную, исключая Министерства Просвещения»¹⁰⁸. В «Конституции» Никиты Муравьева «иностранец, не родившийся в России» имеет право «просить себе гражданства Российского» лишь прожив в ней «7 лет сряду» и «отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился». Быть избранным в местные законодательные органы страны он может только еще через 7 лет, а в центральные — через 9 лет. Иностранец же, не имеющий гражданства, «не может исполнять никакой общественной или военной должности в России, не имеет права служить рядовым в войске Российском и не может приобрести земель». Гражданство аннулируется навсегда в случае вступления «в подданство иностранного государства» и принятия «службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства», наконец, даже «если гражданин без согласия Веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титул или звание почетное, или приносящее прибыль от иностранного правления, Государя или народа». Кроме того, «никакое иностранное общество не может иметь в России подведомственных себе обществ или сотовариществ»¹⁰⁹. Н.М. Дружинин, комментируя эти пункты, отмечает, что запрет иностранцам занимать гражданские и военные должности, даже простыми рядовыми в армии, «не встречается ни в одной из существующих [во времена декабристов] либеральных конституций <...> В этом характерном дополне-

¹⁰¹ Декабристы. Новые материалы. С. 170.

¹⁰² Из писем и показаний... С. 147.

¹⁰³ Цит. по: *Лотман Ю.М.* Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист, общественный деятель // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 2. Таллинн, 1997. С. 290.

¹⁰⁴ ВД, Т. 3. С. 49.

¹⁰⁵ *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. С. 313.

¹⁰⁶ Там же. С. 275.

¹⁰⁷ Там же. С. 430.

¹⁰⁸ ВД, Т. 7. С. 149.

¹⁰⁹ *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 321, 322, 324, 329.

нии сказался резкий национализм Н. Муравьева...»¹¹⁰.

На фоне декабристской неприязни к иностранцам вообще ярко выделяется их почти повальная враждебность к немцам, точнее к «русским немцам» — немцам, находящимся на русской службе. Эта проблема весьма дотошно проанализирована в упоминавшейся выше статье К.Ю. Рогова, тем не менее на некоторых ее аспектах необходимо остановиться. Важно понять, что «немцеедство» декабристов не было этнофобией по кровному признаку, в противном случае невозможно объяснить присутствие в Тайном обществе Пестеля, Штейнгейля, братьев Кюхельбекеров и других этнических немцев (хотя, в общем, прав П.Н. Сви-стунов, указывая на «факт, что в списке членов его встречается так мало фамилий нерусских»)¹¹¹. Дело также не в конфессиональных противоречиях: Пестель и Кюхельбекеры были лютеранами¹¹². Водораздел между «хорошими» и «плохими» немцами проводился по критериям политического и культурного национализма: стремился ли тот или иной человек «германского происхождения» к ассимиляции среди русских, к членству в (становящейся) русской нации¹¹³ или же он ориентируется на влиятельную в верхах корпорацию своих единоплеменников, четко отделяющую себя от стержневого этноса Российской империи. Корпорация эта охотно служила самодержавию, гарантировавшему ее привилегии, и была для нее надежной опорой. Таким

образом, проблема «русских немцев» имела по преимуществу социально-политический характер: поддерживая «деспотическую власть» (которая, в свою очередь, поддерживала их в ущерб русским дворянам), они являли собой очевидных (и объективных) врагов национального государства, к которому стремились декабристы¹¹⁴. Характерный набор декабристских претензий к «русским немцам» содержится, например, в мемуарах В.С. Толстого¹¹⁵.

«Германофобия» царила среди участников преддекабристской Священной артели (братья А.Н., М.Н. и Н.Н. Муравьевы — по словам И.Д. Якушкина, «враги всякой немчизне»¹¹⁶; И.Г. Бурцов), «атмосфера ревнивого соперничества с «немцами»¹¹⁷ <...> ста-

¹¹⁴ См. интересное наблюдение М.Н. Покровского: «Когда вы просматриваете списки бойцов за “правое дело” против “бунта” декабристов, вас поражает изобилие остзейских фамилий: Бенкендорфы, Грюнвальды, Фредериксы, Каульбарсы мелькают на каждой странице» (*Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 265).

¹¹⁵ Они служат «не русскому отечеству, а фатерляндю или, еще вернее, источнику личных доходов, личного честолюбия, личных расчетов на обогащение и возвышение», отстаивают интересы «не русские, а императоров российских и царствующей династии»; «остзейские дворяне на коренной службе России всюду держатся совершенно особняком от природных русских и составляют своего рода братство, покровительствуя друг другу, и не без причины их обозначает глас народа названием “немцев”» (*Декабристы. Новые материалы.* С. 77, 78, 83).

¹¹⁶ *Якушкин И.Д.* Указ. соч. С. 11.

¹¹⁷ Бурцов в одном из писем 1816 г. пишет об обстановке в Генеральном штабе: «Чертежная наша хотя и состоит, как тебе известно, из самых лучших немцев, но все не то, что было в прежнее время; когда и язык, и обычай, и правила русские господствовали. Теперь находишь ты хороших офицеров; тогда видел отличных людей, искреннейших и друг другу преданных товарищей. Теперь, что

¹¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹¹ Воспоминания и рассказы... Т. II. С. 276.

¹¹² См. замечания К.Ю. Рогова о сочетании в культурном мире Пестеля и В. Кюхельбекера «идеологического русофильства» и «домашнее-лютеранского пласта» (*Рогов К.* Указ. соч. С. 119–120).

¹¹³ По мнению Свиштунова, Пестель «сердцем был вполне русским» (*Воспоминания и рассказы... Т. II.* С. 276).

новится <...> одним из основных сюжетов их службы в Генеральном штабе, на Кавказе и в других местах, периодически ставя некоторых из них на грань отставки <...> настоящий культ Ермолова и близость многих артельщиков к П.М. Волконскому, — известных противников “немецкой партии” в армейском руководстве, превращают эти настроения в нечто большее, чем в патриотическую экзальтацию молодых людей, и определяют <...> их положение и статус в армейской среде»¹¹⁸. Бурцов в 1815 г. объясняет отсрочку своего перехода из Генерального штаба в гусарский полк следующим образом: П. Волконский «сказал мне, <...> что нет его благословения, <...> что он старается усилить нас на будущий год 40 русскими свитскими офицерами, которые под нашими знаменами пойдут на штурм немецкой династии»¹¹⁹. Довольно характерно, что «пробным предложением» А.Н. Муравьева, с которого началась история Союза спасения, стало создание тайного общества «для противодействия немцам, находящимся на русской службе»¹²⁰.

Антинемецкие настроения сохранялись и на самых поздних этапах суще-

производится с поспешностью, есть действие зависти, соревнования: тогда работа текла от единодушия, пособия друг-другу; от общего порыва на один конец устремленного» (Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 1. С. 96).

¹¹⁸ *Рогов К.* Указ. соч. С. 109.

¹¹⁹ Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 1. С. 72. Думается, что под «немецкой династией» в данном случае имеются в виду все же не Романовы, а «немецкая партия» в армейском руководстве. Штатский Н.И. Тургенев также выражал неудовольствие немецким засильем в армии, например, в марте 1820 г. он раздраженно записывает в дневнике: «В два первые гвардейские полка определяют командирами двух дрянных немчуток, из которых один известен жестокостью» («Их вечен с вольностью союз». С. 316).

¹²⁰ *Якушкин И.Д.* Указ. соч. С. 11.

ствования декабристских организаций. Так, П.А. Вяземский свидетельствует, что причиной его отказа вступить в Северное общество был прежде всего «немецкий вопрос»: «Пропагандисты и вербовщики находили, между прочим, что я недостаточно ненавижу немцев, и заключили, что от меня проку ожидать нечего. Мне говорили после, что Якубович и Александр Бестужев были откомандированы в Москву, чтобы меня ощупать и испытать. Они у меня обедали. Разговор коснулся немцев в России. В продолжение споров я сказал наотрез, что не разделяю этих lieux communs [общих мест], которые в ходу у нас»¹²¹. Завалишин вспоминал, что незадолго до 14 декабря, при обсуждении «манифеста о перевороте» «были и такие», которые требовали в нем «выразиться резко и громко против немцев и даже требовать от них перемены фамилии на русскую. Замечательно, что из числа самых горячих защитников подобного мнения были именно обрусевшие немцы»¹²². Можно также вспомнить агитационную песню Рылеева и А. Бестужева «Царь наш немец русский / Носит мундир прусский». На юге немецкую тему использовал для пропаганды среди солдат рядовой Григорий Крайников, объясняя, что «все русские Офицеры, собираясь на маневрах согласились освободить и себя и нижних чинов от мучений начальников, кои по большей части все Немцы и презирают русских, что впредь Начальниками будут из российских помещиков»¹²³. П.И. Фаленберг на следствии дал показания, отдающие бредом, но видимо в искаженном виде отражающие остроту «немецкого вопроса» в декабристской среде: якобы «все немцы, замешанные в сем конституционном обществе, будут жертвы сего тайного общества» после того как

¹²¹ *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. С. 329.

¹²² *Завалишин Д.И.* Указ. соч. С. 240–241.

¹²³ ВД, Т. 5. С. 57.

они были бы «употреблены как машины для приведения в исполнение тайных замыслов»; на это Фаленбергу открыли глаза «Генерал Квартирмейстер Хоментовский» и «Штабс-Капитан Менд», сообщившие ему, «что эти конституционалисты хотели зарезать всех немцев, что и мне бы с Мендом было...»¹²⁴. Любопытны эти показания еще и тем, что Фаленберг явно хочет смягчить свою вину, акцентируя свою принадлежность к немцам, вкуче обреченных «конституционалистами» на геноцид¹²⁵.

Другой объект декабристской ксенофобии — поляки, что легко объясняется остротой польского вопроса, о которой подробно говорилось выше. Одной из причин возникновения Ордена русских рыцарей было стремление М.А. Дмитриева-Мамонова и М.Ф. Орлова противодействовать «восстановлению Польши»¹²⁶. «Русские рыцари»

¹²⁴ Там же. Т. 11. С. 395.

¹²⁵ «Немецедство» оставалось свойственно многим декабристам до конца дней. Скажем, в мемуарах М.А. Бестужева читаем о морском министре А.В. Моллере: «Немец Моллер, как и всякий немец, сосущий сок Руси <...> Моллер, как истинный немец, низошел до низости» (Воспоминания Бестужевых. С. 298–299). В.С. Толстой так аргументирует свою отставку из армии: «Во время управления Нейгарда внушенный своею нелюбовью к Немцам я вышел в отставку, так что не был свидетелем всех безумных, своеобразных, без законных мер введенных Немецким Авантюристом, в управление славным Кавказским корпусом и по Гражданской части Закавказья» (Российский Архив. Вып. VII. М., 1996. С. 234).

¹²⁶ Орлов вспоминал позднее: «Государь изволил отправиться в Вену, и вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда считал, что сие восстановление будет истинным несчастьем для России» (*Довнар-Запольский М.В.* Мемуары декабристов. С. 3). По мнению Якушкина, царь надеялся, заигрывая с Польшей, найти в ней «опору в случае сопротивления в России угнетениям,

планировали «конечное и всегдашнее истребление имени Польша и Королевства Польского и обращение всей Польши, как Прусской, так и Австрийской, в губернии Российские»¹²⁷. Дарование «конституции почитаемой за непримиримого врага России, побежденной и завоеванной Польше прежде, нежели она была дана победительнице ее, самой России»¹²⁸ только усилила резкую ревность к «сарматам», многие из которых сражались на стороне Наполеона. Орлов в письме П.А. Вяземскому возмущался даже тем, что Карамзин в своей «Истории» «дает Киеву польское происхождение <...> это не простительно в нынешних обстоятельствах, когда каждый россиянин должен с римским мужем заключать всякую речь свою сими словами: “Delenda est Carthago” [Карфаген должен быть разрушен]»¹²⁹. Н.Тургенев, надеявшийся на то, что вскоре конституция распространится и на Россию, тем не менее недоволен, что «сия благотворная вода течет к нам из источника нечистого — из Польши»¹³⁰. Лунин дрался на дуэли (за которую его исключили

угрожающим ей при учреждении военных поселений (ВД. Т. 3. С. 53).

¹²⁷ Из писем и показаний... С. 145.

¹²⁸ *Завалишин Д.И.* Указ. соч. С. 140. См. также у А.М. Муравьева: «Польша получила конституцию, а Россия в награду за свои героические усилия в 1812 г. получила — военные поселения!» (Воспоминания и рассказы... Т. I. С. 132). Весьма близкие чувства по этому поводу испытывали и самые крайние консерваторы: Ф.В. Ростопчин «приходил в негодование при мысли, что побежденный поляк будет иметь то, в чем отказано победившему русскому» (цит. по: *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 402–403).

¹²⁹ «Их вечен с вольностью союз». С. 307. Вяземский укорял Орлова за то, что он смотрит на поляков «глазами <...> ненависти предрассудительной» (Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1. Пг., 1921. С. 379).

¹³⁰ Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату... С. 258.

из гвардии) с поляком, оскорбительно отозвавшимся о России, и считал этот поединок единственным, где он был прав¹³¹. Дошло дело до дуэли с поляком и у Волконского, подчеркивавшего «народное начало» этой «распри»¹³². При слиянии Южного общества и Общества соединенных славян «южане» потребовали (правда, безуспешно) от последних исключить из своего состава всех поляков¹³³.

Полонофобия не исчезла у многих декабристов и в ссылке, где их товарищами по несчастью оказались повстанцы 1830 года. Конечно, общая участь сближала русских и поляков, но огонь «распри» продолжал тлеть. Тот же Волконский жаловался в письме И. Пущину (1855), что в доме С.П. Трубецкого «всегда нашествие сарматов, а у меня сердце больно к ним не лежит и боюсь взрыва моих убеждений. Пусть они высказывали явно свою вражду к нам, я бы сносил это, но из-за угла метать камнем — не снесу и не прощаю»¹³⁴. «Влиянию, научению поляков здешних» Волконский приписывал сепаратистские настроения в Сибири («борьба сибиряков против начала русского») ¹³⁵. Завалишин разоблачал стремление ссыльных поляков «вредить России, под предлогом вражды к правительству <...> Привлекая сочувствие русских либеральными идеями, они пустились извлекать себе выгоду даже из всех возможных административных злоупотреблений и сделали сознательными орудиями людей, наиболее угнетавших народ <...> они дошли до того, что один из них <...> стал делать и сбывать фальшивые ассигнации»¹³⁶. В.А. Давыдов и

его супруга А.И. Давыдова с удовлетворением пишут старшим детям про их маленького брата Ваню, что он уже «очень любит Россию», «только не жалуется Польши и поляков»¹³⁷. Пущина раздражали его соседи-поляки и, когда они получили амнистию, он был «больше рад за себя, нежели за них. Чувство дурное, но не умею его скрыть...»¹³⁸. Якушкин так описывал своих польских знакомых: «...преславные молодые люди, и я не знаю за ними никакого другого недостатка, как только то, что они поляки, но, к сожалению, недостаток этот немаловажный, и трудно им от него избавиться»¹³⁹.

События 1860-х гг. дали новый стимул для антипольских настроений оставшихся в живых декабристов. В.Ф. Раевский с раздражением писал Батенькову (1861): «...народ этот не знает сам, что делает <...> Оставь их на собственный произвол, и они друг друга вырежут <...> они даже не поймут своих выгод и всегда будут недовольны»¹⁴⁰. Для Е.П. Оболенского повстанцы 1863 г. — «это звери — не люди»¹⁴¹. «Поляки — враги» (Поджио)¹⁴². В качестве любопытного курьеза стоит также привести мнение М. Муравьева-Апостола по поводу гибели М.А. Милорадовича: «В России только поляк Каховский мог хладнокровно убить нашего героя, любимого солдатами»¹⁴³. Матвей Иванович

¹³⁷ Давыдов В.А. Указ. соч. С. 125. Чувства Вани понятны, ибо отец его то и дело восклицал: «Поляки, поляки! Бельмо они у нас на глазу» (Там же. С. 272).

¹³⁸ Пущин И.И. Указ. соч. Т. 1. С. 221.

¹³⁹ Декабристы. Новые материалы. С. 271.

¹⁴⁰ Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 446.

¹⁴¹ Декабристы. Материалы для характеристики. С. 89.

¹⁴² Поджио А.В. Указ. соч. С. 357.

¹⁴³ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. С. 615. Интересен также еще один (скорее всего мифологический) сюжет (но хроноло-

¹³¹ См.: Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С. 89.

¹³² Волконский С.Г. Записки. С. 352.

¹³³ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. С. 504.

¹³⁴ Письма С.Г. Волконского. С. 396.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Завалишин Д.И. Указ. соч. С. 482–483.

ошибался, Каховский не был поляком, но показательно желание списать неприятный для декабристов эпизод на недругов-«сарматов».

Завершением сюжетов о «немцеестве» и полонофобии декабристов может служить обобщающая цитата из Волконского: «от остзейцев, от ляхов нет радушного прислужения русскому делу»¹⁴⁴.

Другие этнонациональные фобии декабристов были более или менее локальны. Скажем, антисемитизм среди них не имел массового характера, ибо еврейский вопрос не приобрел еще в ту пору остроты, свойственной пореформенному времени. Правда, «русские рыцари» предполагали «переселение половины жидов из Польши в ненаселенные губернии России и обращение их в [православную] веру»¹⁴⁵. Пестель в «Русской Правде» уделяет евреям некоторое место, отмечая в качестве их главной особенности то, что они «неимоверно тесную связь между собою неизменно сохраняют, никогда друг друга не выдают ни в каких случаях и обстоятельствах и всегда готовы ко всему тому что собственно для их общества может быть выгодно или полезно», особенность эта вредная,

гически более ранний), рассказанный М.А. Фонвизиним в письме П.Н. Свистуну (1839) о некоем тайном обществе в армии, состоявшем из русских и поляков, где, в конце концов, «две национальности столкнулись враждебным образом, и, не сумев достичь взаимопонимания и действовать согласно, некоторые польские члены донесли о плане правительству» (Фонвизин М.А. Указ. соч. Т. 1. С. 168). Комментаторы данного издания пишут, что найти подтверждения этому рассказу не удалось. Впрочем, в контексте нашей темы это не важно, важно, что Фонвизин повествует об этом событии без всякого удивления, уверенный, что от поляков всего можно ожидать.

¹⁴⁴ Декабристы. Летописи ГЛМ. Кн. 3. С. 94.

¹⁴⁵ Из писем и показаний... С. 146.

ибо «дружная связь между ими то по следствие имеет что коль скоро они в какое нибудь место допущены, то неминуемо сделаются монополистами и Всех прочих вытеснят. Сие ясно видеть можем в тех губерниях где жительство свое они имеют. Вся торговля там в их руках и мало там крестьян, которые бы посредством долгов не в их власти состояли; от чего и разоряют они ужасным образом край, где жительствоют». Таким образом, «Евреи составляют в Государстве так сказать свое особенное совсем отдельное Государство и притом ныне в России пользуются большими правами нежели сами Християне. Хотя самих Евреев и нельзя винить ни в том что они сохраняют столь тесную между собою связь, ниже в том что пользуются столь большими правами коих даровало им прежнее Правительство, не менее того не может долее длиться таковой порядок вещей утвердивший неприязненное отношение Евреев к Христианам и поставивший их в положение противное общественному порядку в Государстве». Пестель предлагает два варианта решения еврейского вопроса (и оба, надо сказать, весьма туманные). «Первый состоит в совершенном изменении сего порядка. <...> Паче же всего надлежит иметь целью устранение вредного для Христиан влияния тесной связи Евреями между собою содержимой ими противу Христиан направляемой и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей. Для сего может Временное Верховное Правление ученых рабинов и умнейших Евреев созвать, выслушать их представления и потом меропринятия распорядить дабы вышеизъясненное зло прекращено было и таким порядком заменено который бы соответствовал в полной мере общим Коренным правилам имеющим служить основанием политическому зданию Российского Государства. Ежели Россия не выгоняет Евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к Христи-

янам. Российское Правительство хотя и оказывает всякому человеку защиту и Милость но однакоже прежде всего помышлять обязано о том чтобы никто не мог противиться Государственному Порядку, частному и общественному Благоденствию. *Второй* Способ зависит от особенных обстоятельств и особенного хода Внешних Дел и состоит в содействии Евреям к Учреждению особенного отдельного Государства, в какой либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить Сборный пункт для Еврейского Народа и дать несколько войска им в подкрепление. Ежели все русские и Польские Евреи соберутся на одно место то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу Людей ищущих отечество не трудно будет преодолеть все Препоны какия Турки могут им противопоставить и пройдя всю Европейскую Турцию перейти в Азиатскую и там заняв достаточныя места и Земли устроить особенное Еврейское Государство». Впрочем, добавляет Пестель, «сие исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и истинно-генияльной предприимчивости то и не может быть оно поставлено в непременную обязанность Временному Верховному Правлению и здесь упоминается только для того об нем чтобы намеку представить на все то что можно бы было сделать»¹⁴⁶. Н. Муравьев предлагал дать евреям гражданские права, но только в пределах черты оседлости, вопрос же о существовании последний должен был решаться общероссийским законодательным органом¹⁴⁷.

¹⁴⁶ ВД. Т. 7. С. 147–148. Любопытны настроения подчиненных Пестеля, солдат Вятского пехотного полка, «Русскую Правду», конечно, не читавших, но уверенных, что их полковник был намерен «окончательно» решить еврейский вопрос: уже после ареста Павла Ивановича «один рядовой говорил: «ежели бы был с нами Пестель, то мы бы всех евреев вырезали»» (*Клянская О.И.* Указ. соч. С. 182).

¹⁴⁷ *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 201.

У других декабристов развернутых комментариев по еврейскому вопросу практически не встречается. Изредка проходится по евреям Н. Тургенев¹⁴⁸, да М. Муравьев-Апостол в поздних письмах с неприязнью поминает «прекрещенного жида» Дизраэли¹⁴⁹.

Можно отметить также пренебрежительные высказывания декабристов по поводу тех или иных народов Азии, лежащие в русле типичного европоцентризма и «колониального дискурса». А. Бестужев, например, пишет в одном из писем с Кавказа о местных жителях, что они — «самые несносные, самые прозаические существа, какие только можно себе представить: чувственные, самонадеянные, ленивые до крайности, безгранично невежественные ханжи; это — конечный идеал нравственного и политиче-

¹⁴⁸ У него встречаются примеры антисемитизма как политического, так и бытового. «Я был того мнения о жидах, как и ты теперь; но с некоторого времени переменил его, в особенности, посмотрев на привилегированных жидов во Франкфурте и Пруссии. Они портят торговлю и вредят доброй промышленности христиан. В юных государствах, какова Россия, они никогда существовать не должны. Пример вреда их представляет Польша. В Германии все того мнения, чтобы нигде им не давать равных прав с другими гражданами; так думают там и либеральные люди и [реакционеры]. А там жиды лучше наших, и народ промышленнее нашего» (Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату... С. 225–226). «Я ехал вместе с двумя нездоровыми дамами. Я уступал им место, не курил для них. Удостоверившись, что они Жидовки, снисхождение мое пресекалось. Я сел как надобно и курил табак»; «в Пфальцбурге гости не были довольны ужином. Один из них, коего отвратительное лицо ясно показывало Израильское его происхождение, начал шуметь и бранить хозяина»; «та часть герцогства Варшавского, кот[орую] я проеждал, состоит в степях и в скверных деревнишках, населенных по большей части Жидами, этим гадким народом» (Дневник Н.И. Тургенева... С. 39, 40, 227).

¹⁴⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 249. Д. 2. Л. 72 об.

ского застоя»¹⁵⁰. С явным презрением о «полудиких народах» отзывался Лунин¹⁵¹. Практические выводы из такого дискурса известны. Пестель полагал, что нахождение плодородных земель в руках «народов полудиких» «никакой пользы не приносит», поэтому вполне оправдано их завоевание¹⁵². Более глобально видел бремя белого (русского) человека Н.В. Басаргин: Россия, «усваивая и распространяя успехи европейской цивилизации и правила учения внутри своего государства», должна «служить вместе с тем проводником этих правил и этой цивилизации для грубых непросвещенных народов Азии, смежных с ее границами и, следовательно, сделается некоторым образом преобразователем большей части азиатского материка. Для этого, конечно, ей случится, может быть, прибегать иногда к силе вещественной, к оружию и распространять свои владения, но таких завоеваний никто не поставит ей в вину потому, что они будут оправданы необходимостью и основаны на справедливости, на благе самих завоеванных стран»¹⁵³.

Политический национализм

И государственный патриотизм, и ксенофобия были вполне традицион-

ны для русской политической мысли XVIII — начала XIX в. (достаточно вспомнить в первом случае Карамзина, а во втором — Ростопчина), своеобразии декабристского национализма, его стержень состояли в другом — в новой для России модернистской демократической концепции нации, понимаемой как совокупность равноправных граждан, охватывающая весь этнос, и как единственный источник суверенитета. Таким образом, отвергались и монархическая («вотчинная») трактовка нации (как совокупности подданных самодержца, который и является источником суверенитета), и ее аристократический вариант (где под нацией понималась только социальная элита, в русских условиях — дворянство).

Пафос декабризма был направлен против самодержавного «обращения с нацией как с семейной собственностью»¹⁵⁴. «Для Русского больно не иметь нации и все заключить в одном Государе», — писал Каховский перед казнью Николаю I¹⁵⁵. Оба главных программных документа декабризма утверждают демократическое понимание нации. «Конституция» Н. Муравьева начинается с утверждения того, что «Русской народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства <...> Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя»¹⁵⁶. В пестелевской «Русской Правде» говорится: «Народ есть совокупность всех тех Людей, которые принадлежат к одному и тому же Государству, составляют Гражданское Общество имеющее целью своего существования, возможное Благоденствие Всех и каждого <...> А по сему Народ Российский не есть принадлежность или Собственность какаго либо лица

¹⁵⁰ Декабристы. Летописи ГЛМ. Кн. 3. С. 74.

¹⁵¹ Лунин М.С. Указ. соч. С. 140.

¹⁵² ВД, Т. 7. С. 145.

¹⁵³ Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 256–257. Ср. у Н.И. Тургенева: «Потребность в расширении движет цивилизацию вперед, побуждая ее вторгаться в пределы варварства, всеми средствами подрывать его, прибегая даже к такой ужасной мере, как война <...> Разве не следовало всем цивилизованным народам Европы приветствовать завоевания Франции в Африке <...> Разве все просвещенные правительства не должны были бы не только желать успеха, но и по возможности помогать действиям англичан в Китае и даже в Восточной Индии» (Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 373–374).

¹⁵⁴ Лунин М.С. Указ. соч. С. 137.

¹⁵⁵ Из писем и показаний. С. 30.

¹⁵⁶ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 321.

или Семейства. На против того Правительство есть принадлежность Народа и оно учреждено для Блага Народного а не Народ существует для Блага Правительства»¹⁵⁷. Нация равноправных граждан в декабристских проектах управляет сама собой посредством представительной демократии, через систему многоступенчатых выборов. Поэтому у Муравьева верховное законодательное собрание — «Народное Вече, составленное из мужей избранных народа Русского и представляя Его собою, приемлет наименование Его Величества»¹⁵⁸. На низовом же уровне основой национальной солидарности становится волостное самоуправление, его роль особенно подробно прописана у Пестеля: «Каждая Волость будет составлять в полном смысле Политическое Семейство в котором каждый Гражданин найдет не только Безопасность но и верное Пристанище, не только Охранение своей собственности но и дарование Необходимаго для Жития. <...> От такового порядка родится сильная связь между членами одной и той же Волости. Посредством Политического своего Семейства будет каждый Гражданин сильнее к целому составу Государства привержен и так сказать Прикован. Каждый будет видеть что он в Государстве находится для своего Блага, что Государство о Благоденствии каждого помышляет, каждый будет чувствовать что он подати платит и Повинности несет для цели ему близкой и для собственного своего Блага. На таком образе Мыслей будет основана Любовь к Отечеству сей источник всех Государственных Добродетелей, Сия Сильнейшая Подпора Существования и Благоденствия Царств»¹⁵⁹. Даже получить российское гражданство иностранец может только на волостном уровне.

Национальное единство невозможно без социальной и юридической од-

нородности нации. Крепостное право, деля русских на господ и рабов, тем самым раскалывало национально враждебные классы, поэтому требование его отмены, ключевое для декабристов, имело не только социально-уравнительное и либерально-гуманитарное, но и национально-государственное значение. В своем «Рассуждении о рабстве крестьян» (1821–1822) В.Ф. Раевский определяет крепостное право как «рыхлое основание» государства, при котором могущество последнего «может <...> скоро обратиться в ничтожество»¹⁶⁰. «В глазах Н. Муравьева, — подчеркивает Н.М. Дружинин, — крепостная Россия — страна господ и рабов — не могла воспитывать гражданские чувства; боевая доблесть и величие государства казались несовместимыми с существованием рабства»¹⁶¹. В декабристских проектах не только сами сословия, но и их названия заменяются «названием гражданина Русского» (в муравьевской «Конституции») ¹⁶² или «Российского гражданина» (в пестелевской «Русской Правде»). Пестель, исходя из принципиальной демократической установки, что «должны всегда Выгоды части или одного Нераздельнаго уступать Выгодам целаго: признавая целым Совокупность или Массу Народа», в качестве одного из важнейших аргументов в пользу уничтожения

¹⁶⁰ «Их вечен с вольностью союз». С. 215. Раевский акцентировал и другой ущерб от «рабства» — порчу национального характера. «Нельзя без содрогания смотреть на быстрый переход от невинности и простоты к закоснелости развращения нравов народа русского» (Там же. С. 214). Вернувшись из ссылки в Центральную Россию, он высказался о крепостном мужике еще более резко: «Хитрость, подлость, дерзость, наглость так и отражается на пьяном облике и в его рабских кривляньях и хватках» (Раевский В.Ф. Материалы... Т. 2. С. 436).

¹⁶¹ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 82.

¹⁶² Там же. С. 324.

¹⁵⁷ ВД, Т. 7. С. 116.

¹⁵⁸ Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 334.

¹⁵⁹ ВД, Т. 7. С. 187.

сословных различий (и недопущения господства «аристократии богатств») приводит следующий: «нарушают сии различия добрую между Гражданами связь разделяя их на несколько отделений имеющих совсем различные виды и выгоды а следовательно и образ Мыслей <...> добрая связь между Гражданами важна для благоденствия Государства <...> и точно также нарушается различие сословий, как и разнородством племен. Сословия тем еще пагубны, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам Народа выгоды дают в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для Государства пользы, что для пресыщения корысти нескольких Людей жестокою оказывают Несправедливость против наибольшей части Народа и что противны цели Государственного Существования состоящей не в пристрастии к малому числу, но велико возможно большем благоденствии многочисленнейшаго числа Людей в Государстве»¹⁶³.

Крестьянская реформа 1861 г. была воспринята дожившими до нее декабристами не только как акт социальной справедливости, но и как акт национального возрождения. «25 000 000 воскресают из мертвых, становятся живыми членами русского общества — воля, ум и деятельность их развиваются и обогащают родную землю обильными плодами просвещения, промышленности, торговли и неведомого еще могущества» (А.Н. Муравьев)¹⁶⁴. «Вообразите, что будет наш народ, когда ему возвратят гражданские права, несправедливо у него отнятые. Когда он будет на себя смотреть как на члена русского семейства» (М. Муравьев-Апостол)¹⁶⁵. Е.П. Оболенский мечтал о «великой в

будущности нашей матушке России, самобытно и стройно выплывающей ныне из окружающего ее мрака невежества и рабства — в среду светлую свободы и света. Да не затемнится ныне заря ее новой жизни чуждыми ее духу элементами, вносящими в ее жизнь начала смертоносные; да не заризится она ими — семенами вражды и антагонизма, но да отвергнет их, — и в союзе мира и любви да восторжествует над всем тем, что чуждо духу православному!»¹⁶⁶.

Нация декабристов — это, безусловно, *гражданская* нация. Но прежде всего — это *русская* гражданская нация, подразумевающая не только социально-юридическую ассимиляцию сословного деления к единому понятию русского (российского) гражданства, но и этническую ассимиляцию всех народов России к некоему единому стандарту русскости, *русификацию*. Русскость декабристами понимается не биологически (но и не конфессионально), а культурно-политически, ее главные составляющие — владение языком и следование законам. В «Конституции» Н. Муравьева говорится: «Через 20 лет по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи никто, не обучившийся русской грамоте не может быть признан гражданином»¹⁶⁷.

Более детально программа русификации разработана у Пестеля, четко формулирующего цель своей национальной политики: «Все племяна должны слиты быть в один Народ», «при всех мероприятиях Временнаго Вержховнаго Правления в отношении к различным Народам и племенам России населяющим безпрестанно Должно непременною целью иметь в виду чтобы составить из них всех только Один Народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так чтобы обитатели целаго пространства Российскаго

¹⁶³ ВД, Т. 7. С. 116.

¹⁶⁴ Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 2. С. 275.

¹⁶⁵ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 20. К. 12. Ед. хр. 32. Л. 2.

¹⁶⁶ Декабристы. Материалы для характеристики. С. 68.

¹⁶⁷ *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 322.

Государства все были Русские». В качестве средств для этого указываются: 1) «На целом пространстве Российскаго Государства» должен господствовать «один только язык российский: Все сношения тем самым чрезвычайным образом облегчатся; Понятия и образ мыслей сделаются однородные; Люди объясняющиеся на одном и том же языке теснейшую связь между собою возымеют и однообразные составлять будут один и тот же народ». 2) «Так как ныне существующее различие в названиях Народов и Племен, Россию населяющих всегда составлять будет из жителей Российскаго Государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимаго совершеннаго в России Единородства, то чтобы все сии различныя имена были уничтожены и везде в общее Название Русских во едино слиты». 3) «Чтобы одни и те же Законы, один и тот же образ Управления по всем частям России существовали и тем самым в Политическом и Гражданском отношениях вся Россия на целом своем пространстве бы являла вид Единородства, Единообразия и Единомыслия». В результате можно ожидать, что «все различные племена в России обретающиеся к общей пользе совершенно обрусееют и тем содействовать будут к возведению России на высшую степень Благоденствия, Величия и Могущества»¹⁶⁸.

Основа будущей нации — «коренной народ русский», куда Пестель включал великороссов, малороссов и белорусов. Аргумент лингвистический: «язык везде один и тот же: различны одни только наречия, а сии даже и в самых Великороссийских Губерниях не везде одинаковы, да и нету того большаго Народа, коего бы язык не имел различных наречий». Аргумент религиозный: «вера одна и таже Православная во всех сих Губерниях как и в Великороссийских, и хотя в некоторых ме-

стах Унияство еще исповедуется, но оно ничто иное есть как слабый остаток соблазна флорентийским собором предложенный, Иноземным насилием в несчастныя те времена введенный и ежедневно более и более изкореняющийся». Аргумент социальный: «гражданское Состояние в сих Губерниях совершенно одинаково с таковым в Великороссийских Губерниях ибо те же Сословия с теми же правами существуют». Наконец, аргумент исторический: украинские и белорусские земли «принадлежали России в старинныя времена и от оной в те злополучныя обстоятельства отторгнуты были когда междоусобия малых Князей Удельных Государство обезсилили и раздорами своими случай дали Иноземцу с Успехом их воевать. Присоединив оныя опять к своему Составу, возвратила себе Россия древнее свое Достояние тем более для нее близкое что Колыбелью Российскаго Государства могут быть почтены в Северной стороне Новгород с окружающими его Губерниями а в Южной стороне Киев с Губерниями Черниговскою, Киевскою, Полтавскою, Подольскою и Волынскою сим древнейшим средоточием Российскаго Государства». Следовательно, «никакого истиннаго различия не существует между разрядами Коренной Народ Руссии составляющими, и <...> малыя оттенки замеченныя должны быть слиты в одну общую форму»¹⁶⁹.

Что же касается «различных Племенах к Росии присоединенных», то их участь — отказаться от своих особенностей и слиться с «коренным народом русским». Финляндия должна лишиться своей автономии и перейти на русский язык. Перед цыганами поставлен выбор — или, приняв православию, распределиться по волостям, или покинуть Россию. Мусульманам запрещается многоженство. Кавказские народы делятся на два разряда — «мирные и буйные»: «первых оставить

¹⁶⁸ ВД, Т. 7. С. 149–150.¹⁶⁹ Там же. С. 138–139.

на их жилищах и дать им российское Правление и Устройство а Вторых Силою переселить во внутренность России раздробив их малыми количествами по всем русским Волостям». Кроме того, планировалось «завезти в Кавказской Земле Русския селения и сим русским переселенцам роздать все Земли отнятыя у прежних буйных жителей дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей Край в спокойную и благоустроенную область Русскую». Русифицируются иноземные колонисты. Полностью уничтожается разряд так называемых «подданных иностранцев», тех, кто «сами себя Иностранцами считают и <...> присягнули в Подданстве прежним Властелинам над Россиею, но не Россию за свое отечество признали» (остзейские немцы, поляки, живущие за пределами Польши, греки, армяне и т.д.). Они должны определиться — или стать «совершенно русскими» со всеми вытекающими отсюда последствиями, или перейти в разряд «совершенно иностранцев»¹⁷⁰. О решении польского и еврейского вопроса подробно говорилось выше.

Вернувшиеся из ссылки декабристы в большинстве своем остались верны русификаторскому духу «Русской Правды». Исключение, опять же подтверждающее правило, — барон А.Е. Розен, выступивший в своих «Записках декабриста» в защиту привилегий балтийских немцев, что вызвало бурный протест его товарищей. П.Н. Свистунов, специально (и подробно) разобравший его книгу, писал: «упорная защита средневековых сословных привилегий нашей балтийской окраины, равно и отчуждение (может быть, и несознательное) от великой русской семьи, изобличает в сочинителе чело- века, вовсе чуждого по духу обществу людей, прозванных декабристами»¹⁷¹.

М. Муравьев-Апостол: «эти записки суть взгляд Декабриста барона прибалтийского, в этом взгляде нет ничего родного, Русского»¹⁷². В том же духе высказался М.А. Бестужев¹⁷³. Для В.С. Толстого мемуары Розена стали поводом для яростных филиппик против «остзейцев»: «меченосцы и про[чие] рыцари насильственно, собственно для себя лично, силою и мечем поработили аборигенов, потомки их своекорыстия продолжали это насилие и поныне, но теперь, [видя], что много обстоятельств изменилось, они непрошено выдаются за представителей прибалтийских стран. Пускай сорвется маска, и тогда страна окажется латышей и эстов, а горсть потомков рыцарей окажется инородными, иностранными пришлецами, и прибалтийская окраина станет действительно Россиею! а бароны и пр[очее] остзейское дворянство всегда себе найдет блистательное положение при с.-петербургском дворе <...> Если баронам — чужеедный наплыв — не нравится русское законодательство, вводимое в прибалтийских губерниях, предоставьте им переселиться хотя бы в Пруссии[ю], куда они и так тяготеют, а за оппозицию карайте их по всей строгости законов, не взирая на придворный брутершафт»¹⁷⁴.

Именно как борьба за русское национальное государство воспринималось декабристами подавление польского мятежа 1863 г., ибо повстанцы претендовали на украинские и белорусские

¹⁷² ОПИ ГИМ Ф. 249. Д. 2. Л. 66–66 об.

¹⁷³ Воспоминания Бестужевых. С. 469.

¹⁷⁴ Декабристы. Новые материалы. С. 88–89, 80. Некоторые декабристы возмущались даже самим названием «Остзейский край», ибо он находился на востоке от Германии, а не от России. «Московские ведомости», «День» стоят за Россию, а между тем Прибалтийские губернии называют Остзейским краем, в угоду немцам, против которых они ратоборствуют» (*Муравьев-Апостол М.И.* Указ. соч. С. 89). См. ранее: *Лунин М.С.* Указ. соч. С. 25–26.

¹⁷⁰ Там же. С. 144–145, 148–149.

¹⁷¹ Воспоминания и рассказы... Т. II. С. 279.

земли, жители которых были включены еще Пестелем в состав «коренного народа русского» — «край богатый и кровию русский, в котором однако польский элемент получил сильное развитие <...> Этот чуждый элемент заглушил лучшие проявления нашего русского племени <...> Грустно и очень грустно видеть плоды этого угнетения и теперь начинать то, что должно было начаться за сто лет» (Оболенский)¹⁷⁵. «Одни только зверские неистовства инсургентов поправили там на время наши дела и восстановили связь с местным русским населением. Надо безотлагательно спешить воспользоваться этим нравственным переворотом в крае. Русская земля должна принять в этом живое, деятельное участие в помощь правительству. От одного уничтожения крепостной зависимости, при апатичности крестьянского населения и деятельности жидов нельзя ожидать скорого успеха в развитии этого населения, нужен свежий элемент великороссийский» (М.Назимов)¹⁷⁶. Волконский еще в 1860 году возмущался: «в Киеве мало встречаю русского элемента, как этот город ополячился, охоловился, а это мне не по убеждениям чисто русским...»¹⁷⁷.

Впрочем, противником политики русификации выступил в своей итоговой книге «Россия и русские» Н.Тургенев. Но, как известно, она была воспринята практически всеми дожившими до ее появления декабристами крайне негативно¹⁷⁸.

Подводя итоги рассмотрению политического национализма декабристов,

¹⁷⁵ Декабристы. Материалы для характеристики. С. 109, 106–107.

¹⁷⁶ Назимов М.А. Указ. соч. С. 145.

¹⁷⁷ Письма С.Г. Волконского. С. 400.

¹⁷⁸ Поджио в одном из поздних писем иронически проходит по поводу «обрусения посредством русской грамматики» на Украине (Поджио А.В. Указ. соч. С. 357). Но более развернутых комментариев на проблему русификации вообще мне у него не удалось найти.

следует отметить, при всех очевидных элементах заимствования из французской / «якобинской» (у Пестеля) и американской (у Н. Муравьева) моделей, не менее (или даже более) важна его ориентация на прусский либеральный национализм начала XIX в. (идеология и практика Тугендбунда, реформы Штейна и Гарденберга)¹⁷⁹. Декабристы выступали не от имени некоей социальной группы («третье сословие»), претендующей называться нацией, а от лица нации как целого («я называю народом всю вообще многолюдную Русь, включая все касты, кроме [придворной] тифозной камарильи» — В. Раевский¹⁸⁰). Кроме того, у них отчетливо звучит мотив национально-культурного возрождения, возвращения «к корням», национальной самобытности.

Культурный национализм

Декабризм в мировоззренческом плане представляет собой своеобразный гибрид Просвещения и Романтизма: с одной стороны — устойчивый, уверенный в себе (иногда до наивности) рационализм, с другой — принципиальный историзм, поиски общественного идеала в русском прошлом, склонность к эстетической архаике. Социально-политическая программа «первенцев русской свободы» была, несомненно, «западнической», но ее культурное оформление явно тяготело к «почвенничеству». В этом смысле декабризм — типичный представитель центрально- и восточно-европейского национализма, отличие его, пожалуй, только в том, что политика в данном случае шла не следующей стадией после «культурного возрождения», а, наоборот, предшествовала ей, и культурный национализм «отставал» от политического, был недостаточно разработан. Среди вождей Тайного обще-

¹⁷⁹ См.: Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 81; Рогов К. Указ. соч. С. 111–117.

¹⁸⁰ Раевский В.Ф. Материалы... Т. 2. С. 444.

ства имелись известные литераторы (Рылеев, А. Бестужев), но большинство все же составляли амбициозные «политики» из офицерской среды, чьи литературные, культурологические и исторические штудии носили случайный, дилетантский характер (что не отменяет значительности последних). Это скорее «декларации о намерениях», чем полноценное творчество. Кроме того, русская высокая культура к 1825 г. находилась еще в периоде становления и не могла предоставить достаточно материала для культурного национализма. Но все это вовсе не означает, что декабристы не придавали ему первостепенного значения.

Всерьез обдумывалась, например, языковая проблема. «Иноземцы, дабы господствовать над умами людей, — писал Н.И. Кутузов, — стараются возродить хладнокровие и само пренебрежение к отечественному наречию. Язык заключает в себе все то, что соединяет человека с обществом; самые малейшие его оттенки сильно говорят сердцу патриота и чужды рабу иноземному. <...> Народы для знаменитости и могущества должны заботиться о господстве языка природного во всех владениях своих, о всегдашнем употреблении его и совершенстве: совершенством языка познается величие народа»¹⁸¹. Декабристы негодовали на «изгнание родного языка из обществ», «совершенное охлаждение лучшей части общества к родному языку» (А. Бестужев)¹⁸², на господство французской речи в дворянской среде и активно пропагандировали переход к русскому как языку общения и переписки. Тот же Кутузов полагал, что учащиеся до 16 лет должны изучать только родной язык. М.Ф. Орлов писал княгине С.Г. Волконской о воспитании ее детей: «Пусть постигнут они глубину духа их родного языка! Пусть вся их переписка с Вами, с их отцом, с друзьями всегда будет на

русском языке! Именно приказывайте им это, и никогда не должно быть двух мнений в этом отношении. Возвращайте безжалостно все письма, где они примешают хотя бы одно иностранное слово»¹⁸³.

Некоторые декабристы, ориентировавшиеся на лингвистическую программу политически от них предельно далекого А.С. Шишкова, предлагали весьма масштабные проекты по очистке русского языка от иноземных заимствований. Ф.Н. Глинка, скажем, призывал «освободить язык наш, столь же сильный и величественный, как и народ русский, от нашествия иноплеменных наречий», «изгнать <...> все слова и обороты речей, заимствованные из чуждых наречий», и показывал, как можно заменить иностранные слова русскими на примере военной терминологии (вместо аванпоста — караул, вместо патруля — сторожевая цепь, вместо колонны — общий строй и т.д.)¹⁸⁴. В.К. Кюхельбекер надеялся «очистить русский язык от слов, заимствованных со времен Петра I» из латинского, французского и немецкого языков. Особенно раздражали Вильгельма Карловича германизмы («совершенно невыносимые варваризмы»): «Мы не теряем надежды, что, в конце концов, правительство примет меры, чтобы больше не оскорблять народного чувства *шлагбаумами, ордонанс-гаузами, обер-гофмаршалами* и т.п. словами, которые до сих пор искажают письменную речь, придают ей нечто от враждебной державы, оскорбляют национальную гордость и являются по справедливости предметом насмешек тех же иностранцев, у которых заимствованы эти варварские выражения»¹⁸⁵.

¹⁸³ Цит. по: Парсамов В.С. Национальная идея П.И. Пестеля. Забавно, что эти русофильские призывы писались Орловым по-французски.

¹⁸⁴ «Их вечен с вольностью союз». С. 185, 327, 187–188.

¹⁸⁵ Там же. С. 121.

¹⁸¹ «Их вечен с вольностью союз». С. 247.

¹⁸² Там же. С. 56, 57.

Планировал «русификаторскую» языковую реформу Пестель, «в результате которой все заимствованные слова были бы заменены словами со славянскими корнями»¹⁸⁶, под очевидным влиянием опыта того же Шишкова¹⁸⁷. Вот выборочный список пестелевских славянизмов применительно к военной области: армия — рать; корпус — ополчение; дивизия — войрод; батальон — сразин; артиллерия — воемет, бронемет; кавалерия — конница; иррегулярная — бесстройная; кирасиры — латники; арсенал — оружейня; рекрут — ратник; колонна — толпник; каре — всебронь; диспозиция — боевой указ; офицер — чиновник; пост — став; штаб — управа; штандарт — знамя¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Парсамов В.С. Указ. соч. Недавно О.И. Киянская обнаружила в фондах Военно-исторического архива список книг из тульчинской библиотеки Пестеля, которые отсутствуют в старом ее описании. Среди них имеются пять книг А.С. Шишкова: «Рассуждение о старом и новом слоге», «Прибавление» к нему, «Разговоры о словесности», «Прибавление» к ним, «Рассуждение о красноречии Священного Писания» (Там же).

¹⁸⁷ Там же. Любопытно, что «шишковизм» Павла Ивановича был наследственный. Его отец И.Б. Пестель (знакомый Шишкова) писал сыну: «Сообщи нечто такое, что доставит тебе удовольствие, как русскому, а никто не усомнится в том, что ты настоящий русский. Шишков (президент российской академии, тот самый, долг которого очищать российский язык от иностранных слов) сказал мне, что один русский крестьянин сообщил ему чисто русское слово (которое он никак не мог найти), которое выражает капитал. Этот крестьянин сказал о деньгах, которые он отдал под проценты: «Я деньги отдал в рост, но мне не только не платят ростовых денег, но и *истенника* не отдадут». Это слово *истенник* превосходно выражает слово капитал в этом смысле. Да здравствует русская нация!» (Там же).

¹⁸⁸ См. подробнее: Прокофьев Е.А. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953. С. 140.

Декабристы-литераторы выступали с красноречивыми призывами к созданию подлинно национальной русской литературы. А. Бестужев в 1825 г. задавался вопросом: «Когда же мы попадем в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски? <...> все образцовые дарования носят на себе отпечаток не только народности, но и века и места, где жили они, следовательно, подражать им рабски в других обстоятельствах — невозможно и неуместно»¹⁸⁹. В 1833 г. он развивает ту же тему на примере исторического романа: «где мне только исчислить все девственные ключи, которые таятся доселе в кряже русском! Стоит гению топнуть, и они брызнут, обильны, искрометны»¹⁹⁰. В. Кюхельбекер восклицал: «да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первую державою во вселенной <...> Станем надеяться, что наконец наши писатели <...> сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими». Источники для «истинно русской поэзии»: «вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные»¹⁹¹. Н. Кутузов указывал новой русской поэзии (и конкретно молодому Пушкину) как на образец на «Слово о полку Игореве»¹⁹².

В своей литературной практике декабристы пытались соответствовать выдвинутой ими теории, стремясь избразить через обращение к сюжетам национальной истории «дух народный». Можно назвать «Думы» Рылеева¹⁹³, «Прокопия Ляпунова» Кюхельбекера, «новгородские» повести Бестужева-

¹⁸⁹ «Их вечен с вольностью союз». С. 61–62.

¹⁹⁰ Там же. С. 104.

¹⁹¹ Там же. С. 132.

¹⁹² Там же. С. 193.

¹⁹³ В «Думах» «Рылеев стремился показать не зависящую от времени национальную и духовную цельность характера русского народа» (О'Мара П. Указ. соч. С. 185).

Марлинского, «Осаду Смоленска» и «Василько» А.И. Одоевского. Эти произведения не стали классикой первого ряда, их народность декларативна. Впрочем, есть исключение: две рылевские «думы» — «Иван Сусанин» и «Смерть Ермака», последняя стала народной песней.

Вообще же историческая тема — одна из центральных у декабристов. Это не удивительно, они жили в эпоху, когда история стала делом общественной и государственной важности, когда авторитет прошлого был признан первейшим аргументом для обоснования тех или иных актуальных социально-политических практик, а «изучение истории <...> приобрело смысл большой патриотической задачи, важного гражданского долга»¹⁹⁴. Деятели Тайного общества не только жадно читали исторические сочинения¹⁹⁵, но и стремились создать собственную концепцию отечественной истории, которая не могла не быть полемически заостренной против наиболее авторитетной в 1820-х гг. исторической концепции Н.М. Карамзина. Последняя «аргументом от истории» утверждала благодетельную неизбежность и неизбежность для России самодержавия, сводя русскую историю даже не к истории государственности, а к истории монархии. Декабристов не устраивала тенденция «выставлять

превосходство самодержавия и какую-то блаженную патриархальность, в которой неограниченный монарх, как нежный чадолюбивый отец, и дышит только одним желанием счастливить своих подданных»¹⁹⁶. Им, для обоснования своих социально-политических идеалов, нужно было противопоставить этой концепции принципиально другое, альтернативное представление о русском прошлом.

Во-первых, декабристы настаивали на том, что русская история — это история *народа*. Никита Муравьев так и начинает свою критическую статью о карамзинской «Истории», в пику ее «посылу» («история народа принадлежит царю»): «История принадлежит народам»¹⁹⁷. Движущая сила истории — «дух народный, без которого не совершается коренных переворотов»¹⁹⁸. Во-вторых, русская история — это история *свободного* народа, который в начале своего бытия управлялся демократически: «древние республики Новгород, Псков и Вятка наслаждались политической и гражданской свободой <...> и в других областях России народ стоял за права свои, когда им угрожала власть <...> общинные муниципальные учреждения и вольности были в древней России во всей силе, когда еще Западная Европа

¹⁹⁴ Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958. С. 51. Из более поздних работ об исторических взглядах декабристов см. содержательный раздел в книге: Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб., 2004. С. 246–262.

¹⁹⁵ В ссылке любимым чтением А.Одоевского были русские летописи. М. Муравьев-Апостол, Н. Бестужев, М. Фонвизин, Е. Оболенский неоднократно сообщают в письмах о том, что читают новинки исторической литературы (труды С.М. Соловьева, Д.А. Милютина и др.).

¹⁹⁶ Фонвизин М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 106–107. М.Ф. Орлов, впрочем, нападал на Карамзина и за недостаточный патриотизм, поскольку тот не стал доказывать славянское происхождение варварских племен, разрушивших Римскую империю, в чем был совершенно уверен Орлов: «Воображение мое, воспаленное священной любовью к отечеству, искало в истории Российской, начертанной российским гражданином, не торжества словесности <...> но родословную книгу нашего до сих пор для меня еще не понятного величия. Я надеялся найти в одной ключ всей европейской истории» («Их вечен с вольностью союз». С. 305).

¹⁹⁷ «Их вечен с вольностью союз». С. 278.

¹⁹⁸ Лунин М.С. Указ. соч. С. 64.

оставалась под гнетом феодализма»¹⁹⁹. Затем эта свобода была «похищена» московскими князьями, «обманом» присвоившими «себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому <...> Народ, сносивший терпеливо иго Батыя <...> сносил таким же образом и власть князей московских, подражавших во всем сим тиранам» (Н. Муравьев)²⁰⁰. Императорский период также оценивался весьма критично, за исключением деятельности Петра I, Екатерины II и «дней Александровых прекрасного начала». Впрочем, у некоторых декабристов и Петру предъявляется суровый счет²⁰¹. История поселемонгольской

¹⁹⁹ Фонвизин М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 106.

²⁰⁰ «Их вечен с вольностью союз». С. 285, 286.

²⁰¹ П. Каховский: «Петром I, убившим в отечестве нашем все национальное, убита и слабая свобода наша» (Из писем и показаний... С. 11). Лунин: «Петр не собирал Земской Думы, пренебрегая мнением своего народа и отстраняя его от непосредственного участия в своих делах» (Лунин М.С. Указ. соч. С. 77). Поджио: «Он, как вотчину точно любил Россию, но не терпел, не выносил и, что еще более, не уважал собственно русских <...> Нет, он не творитель, а подражатель и, конечно, могучий; но как подражатель полуобразованный и вместе полновластный, введенные им преобразования отзываются узким, ложным воззрением скороспелого государственного человека <...> его нововведения были и насильственные, и несвременны, и не народны. Не восстают ли теперь так гласно, так ожесточенно против так называемой немецкой интеллигенции, подавляющую русскую вконец? А кто же выдумал немцев, как не тот же Петр? <...> он подчинил не свободную, а раблепную церковь государству, не свободному, а раблепному! Таким образом, русское духовенство утратило навсегда право на приобретение возможности влияния на общество и осталось так же невежественно, как оно было и как сие и требовалось!» (Поджио А.В. Указ. соч. С. 84, 87–88, 90).

России — история борьбы народа за возвращение «похищенной свободы», включающая в себя и Земские соборы Московской Руси, и «кондиции» «верховников», и конституционные проекты Н.И. Панина и П.А. Палена, и, наконец, Тайное общество (наиболее подробно эта схема изложена в примечаниях к «Разбору донесения Тайной следственной комиссии...» Лунина и «Обозрении проявлений политической жизни в России» М. Фонвизина, написанных уже в ссылке, но, так или иначе, разделялась практически всеми декабристами и сформировалась уже к началу 1820-х гг.). «Думы» Рылеева пропагандировали декабристскую историческую концепцию в поэтической форме. По точному замечанию В.Г. Базанова, поэт стремился «выдать идеалы, за которые декабристы боролись, за идеалы общенародные, завещанные предками»²⁰². Даже вроде бы монархический «Иван Сусанин» несет в себе национал-демократический заряд: герой жертвует собой за «русское племя» и за *выборного* царя²⁰³.

Таким образом, декабризм претендовал быть не просто «почвенным», но *истинно* «почвенным» явлением русской жизни. Борьба за политическую свободу и демократию превращалась из подражания иноземцам в «возращение к корням»²⁰⁴. С.И. Муравьев-

²⁰² Цит. по: О'Мара П. Указ. соч. С. 189.

²⁰³ См.: Там же. С. 192.

²⁰⁴ Это, впрочем, не исключало ссылки на «позитивный» западный опыт строительства национальных государств. Например, тот же Н. Муравьев сравнивал Тайное общество с «союзом патриотов, которому Англия обязана Великой хартией» (Воспоминания и рассказы... Т. 1. С. 153). Лунин также припоминал Англию: «Русские превзошли англичан, отражая завоевателей от родной земли; и должны сравниться с ними утверждением законов конституционных и народной свободы» (Лунин М.С. Указ. соч. С. 66). С точки зрения декабристов здесь нет противоречия: содержательно политическая свобода и де-

Апостол в своем «Православном катехизисе» призывает «христолюбивое воинство российское» не *установить*, а именно *восстановить* правление народное в России»²⁰⁵. Н. Муравьев единственный способ «добывать свободы» видит в том, чтобы «утвердить постоянные правила или законы, как бывало в старину на Руси»²⁰⁶. Народно-вечевое прошлое Руси, по его мнению, опровергает «ни на чем не обоснованное мнение, что русский народ неспособен, подобно другим, сам распорядиться своими делами»²⁰⁷. Рылеев полагал, что «Россия и по древним воспоминаниям и по настоящей степени просвещения готова принять свободный образ правления»²⁰⁸. «История великого Новгорода» «утверждала в республиканском образе мыслей» Пестеля²⁰⁹. Естественно, что «преклонение перед вечевым Новгородом стало почти общим культом тайного общества. Даже Батеньков, который не был республиканцем, заезжая в Новгород по делам, вспоминал о Марфе Посаднице и Вадимовом месте»²¹⁰. Уже престарелый М. Муравьев-Апостол в письме 1860 г. по ходу самых что ни на

мократия едина для всех европейских народов, но у каждого из них она вырабатывается в своих национальных формах.

²⁰⁵ Из писем и показаний... С. 88.

²⁰⁶ «Их вечен с волею союз». С. 285.

²⁰⁷ Цит. по: Волк С.С. Указ. соч. С. 343.

²⁰⁸ Там же. С. 325.

²⁰⁹ Там же. С. 329.

²¹⁰ Там же. С. 327. Когда Пушкина сослали в Михайловское, сразу два декабриста отправили ему письма похожего содержания. Рылеев: «Ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы — настоящий край вдохновения, и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы». Волконский: «Соседство и воспоминание о великом Новгороде, о вечевом колоколе и об осаде Пскова будет для вас предметом пленительных занятий, а соотечественникам вашим — труд ваш — памятником славы предков и современника» (Там же).

есть злободневных рассуждений ссылается на опыт вечевой республики: «Бюрократическая регламентация доказала на опыте, что она никуда не годится. Пусть народу будет предоставлено хлопотать самому о своих делах <...> Изречение старинное: Великий Новгород Государь Наш, доказывает, что нашему народу не чужда мысль о народоуправстве»²¹¹.

«Восстановление свободы» поэтому мыслилось в национальных русских формах. По «Конституции» Н. Муравьева, «гражданские чины, заимствованные у Немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Рускаго»²¹². Зато появляются должности тысяцкого (глава уездной исполнительной власти), волостного старейшины, державного дьяка. Области, на которые делится государство, получают название «держав», законодательное собрание именуется Народным Вечем²¹³ (а его верхняя палата — Верховной Думой), вместо министерств учреждаются «приказы» и т.д. В первой редакции «Конституции» столицу предполагалось перенести в Нижний Новгород, переименованный в Славянск (в третьей редакции столица — Москва). В пестелевской «Русской Правде» практически то же самое: столица переносится в Нижний Новгород²¹⁴ (переименованный во Владимир,

²¹¹ НИОР РГБ. Ф. 20. К. 12. Ед. хр. 32. Л. 11 об. — 12. М. Фонвизин разъясняет смысл этого изречения так: «Часто упоминаемая в летописях поговорка: великий *Новгород, государь наш!* не есть фикция, а показывает ясно, что источник всякой власти находился тогда в народе» (Фонвизин М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 108).

²¹² Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 324.

²¹³ Уже в документах Ордена русских рыцарей предполагалась Сенат переименовать в «Народную Вечу» (так!), где председательствовать должны два посадника (Из писем и показаний... С. 150–153).

²¹⁴ Аргументация этого переноса разнообразна, «аргумент от истории» в ней тоже

Владимир же становится Клязмином), законодательная власть осуществляется Народным Вечем, исполнительная — Державной Думой, Петербург переименовывается в Петроград²¹⁵.

Некоторые декабристы придавали серьезное значение «восстановлению» национального быта или, как сказал бы К.Н. Леонтьев, национальной «эстетики жизни». М. Дмитриев-Мамонов публично расхаживал в красной рубахе, полукафтани, шароварах, носил бороду²¹⁶. В. Кюхельбекер мечтал, но не решался носить «русский костюм», ограничившись тем, что облачил в кафтан своего слугу²¹⁷. Рылеев хотел явиться на Сенатскую площадь в «русском платье». Можно вспомнить и о его «русских завтраках» с водкой и квашеной капустой, по поводу которых Н. Бестужев вспоминал «всегдашнюю наклонность» поэта — «налагать печать русизма на свою жизнь»²¹⁸. За-

отчетливо присутствует: «сей Город в середине России расположен»; «стоя на Волге и Оке он всех прочих удобнее для внутренней Торговли и для привоза всяких припасов в столь большом количестве для Столицы Необходимых»; «Макарьевская Ярмонка соединяет Европу с Азией в сухопутных торговых отношениях»; «освобождение России от ига иноплеменного чрез Минина и Пожарского из сего города изошло»; «все воспоминания о древности Нижегородской дышут свободой и прямою Любовью к Отечеству а не к тиранам Его» (ВД. Т. 7. С. 129).

²¹⁵ Уже члены Священной артели, «враги всякой немчизне» (братья А.Н., М.Н. и Н.Н. Муравьевы, И.Г. Бурцов) писали в своих письмах «Петроград», а не «Петербург» (инициатором этого был, похоже Михаил Муравьев, будущий граф Виленский). Среди них также был популярен «указ» царя Алексея Михайловича об изгнании немцев из России (См.: Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 1; *Муравьев А.Н.* Указ. соч. С. 73).

²¹⁶ См.: *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 322.

²¹⁷ *Довнар-Запольский М.В.* Идеалы декабристов. С. 281.

²¹⁸ Воспоминания Бестужевых. С. 53.

мечательно признание А. Бестужева на следствии, что «в преобразовании России <...> нас более всего прельщало русское платье и русское название чинов»²¹⁹.

Еще один важнейший элемент «национального возрождения» — историософия, миф о мировой миссии России не был разработан декабристами даже зачаточно. Отдельные высказывания на эту тему говорят только о том, что в миссию эту они свято верили и считали ее великой: «Если Провидение составило такую империю как Россия, то, конечно, с высокой целью» (Штейнгейль)²²⁰. Большинство их связывало ее со славянской идеей: «Я все надеюсь, что не с гнилого Запада явится заря, а с Востока, то есть от соединения славянских племен. Это будет прочнее всех вспышек и потом реакций, отдаляющих жестоко само дело. У меня это *idée fixe*, и я все подвожу к этому подготовлению» (И. Пущин)²²¹. Поджио, также склонный к панславизму, замахивался на большее — «тылом стать к Европе, грудью к Азии и образовать наконец из России первенствующую *шестую* часть света»²²². В. Кюхельбекер признавался, что чуть ли не самой главной причиной его вступления в Тайное общество стала боязнь за то, что русский народ не осуществит своего великого призвания: «взирая на

²¹⁹ ВД. Т. 1. С. 444. «Во многом прокламируемые декабристами идеалы оставались на уровне романтической мифологизации прошлого. Но в ряде случаев они составили органичную ступень в процессе дальнейшего движения общественной мысли по пути укрепления почвеннических тенденций» (*Стенник Ю.В.* Указ. соч. С. 262).

²²⁰ *Штейнгейль В.И.* Указ. соч. С. 343.

²²¹ *Пущин И.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 61. Панславистскими настроениями пронизана поэзия А. Одоевского, под некоторыми его стихотворениями «охотно подписался бы любой из членов кружка Хомякова» (*Котляревский Н.А.* Указ. соч. С. 86).

²²² *Поджио А.В.* Указ. соч. С. 387.

блистательные качества, которыми Бог одарил народ русский, — народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец, по радушию, мягкосердечию, остроумию и непамятозлобию, ему пред всеми свойственными, я душою скорбел, что все это подавляется, вянет и, быть может, опадет, не принеся никакого плода в нравственном мире»²²³.

Декабризм в истории русского национализма

На риторический вопрос М.Н. Покровского, многие ли декабристы были чужды русскому национализму, можно достаточно определенно ответить: очень и очень немногие. Наверное, барона А.Е. Розена, выступавшего в защиту привилегий балтийских немцев, трудно причислить к русским националистам; скорее всего (хотя это и требует специального рассмотрения) патриотизм поляка А.О. Корниловича носил традиционно-имперский характер. Отступает от канонов декабристского национализма Н. Тургенев в поздней книге «Россия и русские» (при том, что в 1820-х гг. он эти каноны принимал, да и в «России...» националистический концепт все-таки присутствует). Весьма своеобразен и не типичен национализм Завалишина и Поджою (но это все-таки именно национализм). Остальные же декабристы, оставившие после себя литературное или эпистолярное наследие, доступное автору этой работы, не могут быть иначе квалифицированы как *классические европейские националисты*. И что еще более важно, главные идейно-политические документы декабризма — «Конституция» Н. Муравьева и (в еще большей мере) «Русская Правда» Пестеля — это *программы построения национального государства*.

²²³ Цит. по: *Добнар-Запольский М.В.* Идеалы декабристов. С. 280–281.

Национализм декабристов был либерально-демократическим, выдвигающим в качестве обязательного условия русского национализма кардинальные реформы социального и политического строя Российской империи: прежде всего, отмену крепостного права и ограничение (конституционное или «нравственное») или ликвидацию самодержавия. Среди членов Тайного общества существовали серьезные разногласия, там можно найти и радикальных республиканцев, и консервативных монархистов, но во всяком случае на этих пунктах (в разных интерпретациях) сходились все.

Важно отметить, что декабристский национализм был отнюдь не маргинальным явлением в среде элиты русского дворянства. А. Бестужев с полным основанием говорил на следствии: «едва ли не треть русского дворянства мыслила подобно нам, хотя была нас осторожнее»²²⁴. О декабристских симпатиях Пушкина, Грибоедова, Боратынского хорошо известно, так же как о том, что «первенцы русской свободы» считали «своими» А.П. Ермолова, Н.С. Мордвинова, М.М. Сперанского (их планировалось включить в состав Временного правительства). В.М. Бокова и О.И. Киянская превосходно показали, что Тайному обществу сочувствовал весьма обширный сектор имперского истеблишмента (даже близкие к самому «верху» П.М. Волконский и А.Ф. Орлов), многие из представителей которого (например, П.Д. Киселев) были знакомы с «Русской Правдой» и одобряли ее содержание²²⁵. Вряд ли случайным можно считать членство в Тайном обществе таких успешных в будущем бюрократов как М.Н. Муравьев и Я.Д. Ростовцев²²⁶ или представи-

²²⁴ ВД, Т. 1. С. 430.

²²⁵ «Киселев слушал отрывки из нее с глубоким удовольствием», — свидетельствует М. Муравьев-Апостол (ОПИ ГИМ. Ф. 249. Д. 2. Л. 32).

²²⁶ См. об обоих этих персонажах в дека-

телей младших поколений таких фамилий как Витгенштейны, Коновницыны, Раевские, Чернышевы... Этому не нужно удивляться, декабризм — идеология именно дворянская, напрямую вытекающая из интересов наиболее прогрессивной части «благородного сословия», которое собственно и инициировало русский национализм в своих социально-политических интересах²²⁷. Многочисленных «симпатизантов» декабризма оттолкнула от него вовсе не программа и даже не столько радикальные средства, предложенные для реализации последней (далеко не все члены Тайного общества были сторонниками вооруженного восстания), сколько его поражение, оплаченное кровью и репрессиями. Такой массовой «чистки» русское дворянство не знало никогда в «петербургский период» (даже в эпоху «бироновщины»). Следствием этой психополитической травмы стал поиск дворянской элитой иных путей развития России.

Декабризм, будучи одним из наиболее ярких проявлений русского национализма, «выпал» из его истории по вполне объективным причинам. Его вожди и участники были либо казнены, либо «изъяты из обращения» (Герцен) на тридцать лет. За это время сформировались другие версии националистической идеологии

бристском контексте содержательные статьи М.Д. Долбилова и П.В. Ильина (Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы...).

²²⁷ Подробнее об этом см. мою статью «Дворянство как идеолог и могильщик русского национализма» // Вопросы национализма. 2010. № 1. См. также старую, но совершенно замечательную, не утратившую своего научного значения работу А.Н. Шебунина «Из истории дворянских настроений 20-х гг. XIX века» (Борьба классов. 1924. № 1–2), в которой показано, что «экономическое положение дворянства и его настроение в 1825–6 гг. находит поразительное выражение в требованиях и чаяниях декабристов» (с. 73).

(славянофильство и западничество) вне прямой связи с «людьми 14 декабря», чьи программные документы были просто-напросто недоступны. Поднявший на щит декабристов в 1850-е гг. Герцен «присвоил» их себе как «предшественников» и вписал в качестве родоначальников в историю «русского освободительного движения», интерпретировав идеологию Тайного общества в духе собственных воззрений. Эта трактовка оказалась чрезвычайно влиятельной, тем более что «Русская Правда» впервые была издана только в начале XX века.

Между тем вернувшиеся из ссылки декабристы, первоначально Герцена высоко ценившие, вскоре, в 1863 г., оказались с ним по разные стороны баррикад, вместе с Катковым, похвалы которому нередки в их переписке²²⁸. Некоторые из них (Завалишин, Свистунов) стали литературными сотрудниками катковских изданий. Своих единомышленников «первенцы русской свободы» искали именно среди националистов новой формации. Сочувственные ссылки на М.П. Погодина находим, например, у Штейнгейля и Поджио²²⁹. С симпатией относились многие декабристы к славянофилам. Волконский 13 янв. 1857 г. писал И. Пущину из Москвы: «Я здесь довольно часто вижу некоторых славянофилов, странно, что люди умные, благонамеренные — [придают

²²⁸ Оболенский в 1864 г. за «желание честное и чистое отделить или, лучше сказать, освободить наш русский край от полонизма» готов был простить «множество его грехов» (Декабристы. Материалы для характеристики. С. 106). М. Бестужев в 1869 г., оговариваясь, что «сердце мое не влечет к нему», воздавал Каткову должное: «я уважаю его литературную деятельность и его заслугу в том, что в своей газете он ратует, хотя иногда и слишком яро, за интересы русские» (Воспоминания Бестужевых. С. 466).

²²⁹ См.: Штейнгейль В.И. Указ. соч. С. 321; Поджио А.В. Указ. соч. С. 313.

столько значения своему платью] (в оригинале фраза по-французски. — С.С.), но что они люди умные, благонамеренные, дельные, в том нет сомнения — и теплы они к емансипации и горячи к православию, а народность и православие — вот желаемая мною будущность России. При сем прилагаю тебе стихи Хомякова [«По прочтении псалма»] — по-моему, замечательные». В письме от 29 янв. 1857 г. тому же адресату Волконский снова возвращается к славянофильству, настаивая на том, что в нем «есть много хорошего — полезного»²³⁰. «Много идей бродят, много я слышу, много славянофильских рукописей ходят по рукам и много отрадного, патриотического высказывается»; «наш губернатор <...> славянофил по направлению и по образу воззрения. Не знаю, что он успеет сотворить в этом хорошем национальном духе», — с нескрываемым одобрением пишет в том же 1857 г. Оболенский²³¹, который позднее печатался в газете И.С. Аксакова «День». М. Муравьев-Апостол солидаризовался со славянофилами в оценке первого «философического письма» своего бывшего однополчанина П.Я. Чаадаева: «Человек, который участвовал в походе 1812 г., и который мог это написать, положительно сошел с ума. Понимаю негодование А.С. Хомякова, К.С. Аксакова и всякого искреннего русского»²³². В 1870-х гг. Матвей Иванович сделался горячим поклонником суворинского «Нового времени» и «Дневника писателя» Достоевского, в последнем он видел прямого наследника декабристов: когда Достоевский «пишет о нашей Красавице России, мне кажется, что слышу брата [Сергея] и Павла Ивановича Пестеля <...> «Русская Правда» когда-нибудь явит-

ся на Божий Свет. Какой славой озарится имя Пестеля!»²³³

Интересно, однако, что, если декабристы видели в позднейших националистах своих продолжателей и единомышленников, то последние не только не признавали связи с ними, но, напротив, старательно от нее отрещивались (тот же Достоевский). Люди другого поколения, воспитанные под жестким прессом николаевского режима, они уже не чувствовали государство «своим» и потому не могли совместить в себе, подобно «детям 1812 года», пафос борьбы за политическую свободу с национально-государственным патриотизмом. Славянофилы, Катков и Достоевский отказались от первого, Герцен — от второго. В обоих случаях государство приобрело трансцендентный, а не имманентный характер, только в первом случае оно либо обоготворялось (Катков), либо становилось закрытой в себе сферой, четко отделенной от общества (славянофилы); во втором же — делалось объектом ненависти и сопротивления. Западники же, сохранившие модернистский потенциал декабризма, почти совершенно не восприняли его культурный национализм.

Прославляемые славянофильско-почвенническими националистами 40–80-х гг. «рабы» добродетели «смирения», «самоотречения» и проч., ставшие морально-психологической компенсацией за унижение и бессилие дворянства и интеллигенции в николаевское царствование, никак не сочетались с декабристским этосом самостоятельного, деятельного гражданина, лично отвечающего за ход истории. Кроме того, те же самые обстоятельства николаевского тридцатилетия сформировали у возмужавшего в эту пору поколения культ (квази) теоретических схем, разного рода историософий, которым многие его представители (особенно это замет-

²³⁰ Декабристы. Летописи ГЛМ. Кн. 3. С. 111, 114.

²³¹ Там же. С. 222, 234.

²³² Мемуары декабристов. Южное общество. С. 185.

²³³ ОПИ ГИМ. Ф. 249. Д. 2. Л. 32.

но у славянофилов) последовательно подчиняли свою практическую деятельность. Декабристы же — практики по преимуществу, теории создавались ими на ходу, *ad hoc*. Можно видеть в этом «недостаток глубины», а можно, напротив, ценить прямой взгляд на вещи, не замутненный культурными мистификациями.

Так или иначе, но при всех противоречиях со славянофилами и Катковым декабристы выбрали их, как националисты националистов, а не Герцена, в мировоззрении которого националистический концепт тоже присутствовал²³⁴, но «забивался» абстрактно-гуманитарной риторикой.

В начале XX в., после издания «Русской Правды», русские националисты либерального толка из Всероссийского национального союза заинтересовались декабризмом, в их сочинениях (например, у П.И. Ковалевского) появились сочувственные ссылки на Пестеля. Но дальше настали времена,

для русского национализма не слишком благоприятные. В СССР, начиная с конца 1930-х гг., о национализме декабристов (как прямых предшественников большевиков) писать было не принято. Фрондирующие исследователи хрущевско-брежневских времен, вроде Н. Эйдельмана, и «оппозиционные» «мастера культуры» (Б. Окуджава, В. Мотыль с его фильмом «Звезда пленительного счастья») старательно лепили из них «шестидесятников». «Русская Партия» 60–80-х гг. полностью отдала декабристов на откуп либералам, предавшись культу славянофилов, Достоевского и Леонтьева.

Так что нет ничего удивительного в том, что только сегодня мы начинаем понимать уникальное место декабристов в истории русского национализма. Во-первых, они в своем мировоззрении органично соединили идею демократии и идею национальной самобытности. Во-вторых, они выступили как действенная, самостоятельная политическая сила во имя реализации своих идеалов. Собственно, таким и должен быть любой нормальный национализм.

²³⁴ См.: Малия М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010. С. 394–424.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЯ — НЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

К истории вопроса

Исправим имена, как завещал Конфуций

Что такое национал-демократия?

Самое краткое определение, по моему: это демократия для своих. Или демократия, ограниченная по национальному признаку.

Кто такие свои? А это как посмотреть. Поскольку демократия есть общественное устройство, то масштабом измерения является все общество в целом. А здесь подходы к определению «свой — чужой» бывают разные. Для одних свои — это только соплеменники, для других — только сограждане, для третьих — совокупность граждан и подданных, т.е. все население страны, для четвертых — население плюс равноправные с ним приезжие. Недоговоренности и путаница в данном вопросе часто отрицательно сказываются в политике¹.

Для национал-демократов в разной мере приемлемы первые два ответа, но не более того.

Однако неплохо бы для начала определиться с самим термином «демократия», ибо и она бывает очень разной: либеральной, консенсуальной, национальной и т.д. (Замечательно пошутил когда-то грузинский вор в законе Джаба Иоселиани, ставший в годы перестройки видным политиком в своей стране: «Демократия — это вам не лобио кушать!»)

На Западе, например, либеральная демократия, с ее акцентом на права личности и индивидуализм, обернулась в конце концов диктатурой различных меньшинств: социальных, сексуальных, религиозных, национальных и пр., которые правят бал и определяют правила поведения для всех большинств. Что, в конечном счете, представляется совершенно противоестественным, противоречащим самому понятию демократии как «власти народа», то есть — большинства.

Недалеко ушла от либеральной и консенсуальная демократия, требующая полного согласования требований всех общественных групп — классов, сословий, корпораций, этносов... Рекламируя себя как общество социальной гармонии, такая демократия на деле есть недостижимая утопия, чье существование либо нереально, либо эфемерно как минутный компромисс в условиях временного равновесия сил.

На этом фоне национальная демократия представляется меньшим из зол. Однако здесь необходимо попутно разобраться и с понятием нации. Потому что национальная демократия, в моем изложении, зиждется на таком понимании нации, которое сложилось в современной России у наиболее продвинутых юристов-цивилистов и этнополитиков². Чтобы избежать обиль-

¹ Примером дурного истолкования оппозиции «свой — чужой» являются думские законы о «соотечественниках».

² Подробному освещению термина «нация» посвящена, в частности, моя книга «Этнос и нация» (М.: Книжный мир, 2008), где все

ного цитирования, приведу только одно, но весьма авторитетное мнение петербургских ученых, обобщивших в специальной монографии наиболее актуальную и выверенную позицию³. Оль и Ромашов обоснованно пришли к выводу, что нация есть не только «сложная этносоциальная общность», но и «специфический коллективный субъект права», который «может выступать только как общественное образование с формально-юридически закрепленным статусом. При этом неотъемлемым ее свойством, позволяющим выступать в качестве самостоятельного субъекта межнациональных и национально-государственных отношений, регулируемых правом, является национальный суверенитет, обладание которым является основанием правосубъектности национального образования»⁴.

Очень ясно и понятно: есть суверенитет у этносоциальной общности — значит, перед нами нация. Нет такого суверенитета — значит, и статуса нации у данной общности нет.

Логично, четко и понятно и дальнейшее рассуждение. Вопрос: в чем и как проявляется национальный суверенитет? Ответ: «Государство является основной политико-правовой формой реализации нацией своей правосубъектности, и в этом смысле нация может рассматриваться как государствообразующий этнос»⁵. Таким образом, тож-

распространенные дефиниции подвергаются критическому анализу в целом и по частям.

³ Оль П.А., Ромашов Р.А. *Нация* (Генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002.

⁴ Оль П.А., Ромашов Р.А. Указ соч. С. 4.

⁵ Там же. С. 5. Это не только личная точка зрения авторов. Они указывают: «Большинство отечественных юристов придерживаются точки зрения, что государственный суверенитет — это неотъемлемый признак, качество, свойство любого государства: “нет суверенитета — нет государства”» (Там же. С. 59).

ество суверенитета и государственно-сти, а также государствообразующего этноса и нации представляется юридически безупречным. Что и требовалось доказать.

Итак: нация есть такая фаза развития этноса, в которой он обретает свой суверенитет, выражающийся в собственной государственности.

И — более краткое, но равнозначное определение: **нация — это государствообразующий этнос.** Из такого понимания я предложил бы исходить всем участникам националистического дискурса во всех последующих текстах, чтобы избежать ужасающего разногласия, неразберихи и наивной самодеятельности, которыми грешат даже т.н. корифеи национализма.

Исходя из приведенных дефиниций, легко продвинуться к пониманию смысла термина «**национал-демократия**»: **это демократия, действующая в рамках нации** (см. выше). Подчеркну еще и еще раз: *нация* в данном понимании есть *этнонация* и ничто иное.

Казалось бы, все просто, доступно и неопровержимо. Однако такое определение, хотя и безупречное по содержанию и смыслу, не является, увы, единственным. Чтобы облегчить читателю понимание предмета, дам кратчайший терминологический обзор.

Вспомним старое

Национал-демократия — давнее и вполне расхожее выражение у историков и политологов. Достаточно взять любой серьезный словарь почтенного возраста, чтобы в этом убедиться.

«Историческая энциклопедия», например, говорит: «Национальная демократия, государство национальной демократии, — одна из возможных форм политической и общественной организации стран, освободившихся от колониальной зависимости»⁶.

⁶ Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 10. С. 35.

«Философская энциклопедия» углубляет это понятие: «Национальной демократии государство — государство переходного характера, возникающее в процессе национально-освободительной революции в современную эпоху и опирающееся на классовый союз движущих сил этой революции; форма государственного развития стран, завоевавших политическую независимость в результате распада колониальной системы империализма, которая обеспечивает дальнейшее развертывание, углубление и доведение до конца национально-освободительной революции»⁷.

Не только общедоступные источники развивали указанную тему и термин еще тридцать с лишним лет тому назад в нашей стране. Философы и обществоведы того времени посвящали им даже специальные исследования, например: Б. Пономарев. О государстве национальной демократии («Коммунист», 1961, № 8), Д. Чесноков. О государстве национальной демократии («Политическое самообразование», 1961, № 6), А. Соболев. Национальная демократия — путь к социальному прогрессу («Путь к миру и социализму», 1963, № 2), Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС, М., 1965. С. 44–51) и т.п.

Нетрудно заметить, что вышеприведенные определения по большому счету не противоречат нашей националистической концепции национал-демократии: идеи русской национально-освободительной революции, разрыва с очевидно колониальной экзистенцией современной России, надклассового союза всех русских людей — все это однозначно входит в современную националистическую парадигму. Но есть и ряд существенных идеологических отличий.

Во-первых, политологи советско-

го периода полагали, естественно, что национальная демократия есть состояние, переходное... к *социалистической* общественной формации, но с этим трудно согласиться даже в теории, а уж историческая практика и вовсе полностью опровергла на сегодня такие предположения. Достаточно бросить даже беглый взгляд на примеры тех стран и общественных организаций, за которыми в науке закреплен термин национальной демократии, чтобы в этом убедиться: Национально-демократическая партия Польши (1897–1945), Национально-демократическая партия Чехословакии (1918–1934), Национально-демократическая партия Ирака (1946–1961), Национально-демократический фронт Сальвадора (1979). Можно также вспомнить про т. н. Национально-демократическую революцию в Алжире (1954–1962). Резюме — на ладони: победа национал-демократии нигде не привела к социализму, а победа социализма нигде не означала торжества национал-демократии.

Во-вторых, понимание нации в данных источниках отнюдь не совпадает с понятием этнонации, а скорее восходит к западному осмыслению понятия нации как государства, отраженному, в частности, в наименовании Организации Объединенных *Наций* (ООН), под которым на деле подразумевается организация объединенных *государств*. Но это вообще популярная аберрация, характерная для всех, кто поддается обаянию западного обществознания с его лексическим хаосом.

Сказанного достаточно, чтобы перейти к важному теоретическому моменту и разъяснить несовместимость общественных идеалов национал-демократии и социализма (в том числе национал-социализма).

Национализм против социализма

Что такое социализм?

В настоящее время Интернет забит самодеятельными попытками пере-

⁷ Философская энциклопедия: В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970. Т. 4. С. 8.

определить это понятие. Все они гроша ломаного не стоят, поскольку являются чистой воды умозрением. Единственный источник, который я готов считать авторитетным в данном вопросе, есть «Большая советская энциклопедия», в которой обобщен не только самым тщательным образом дистиллированный за семьдесят лет смысл понятия⁸, но и опыт единственного в мире чистого эксперимента по практическому воплощению социалистического идеала в жизнь. Чем дальше, тем больше мы понимаем, что никакого другого социализма миру увидеть уже не суждено, а значит, никакому другому определению социализма уже не грозит историческая верификация. Эксперимент кончился, и другого, судя по всему, не будет. Каким он был в СССР, таким социализм и останется навсегда в памяти человечества.

Итак, БСЭ: «Социализм — первая фаза коммунистической формации. Экономическую основу С. составляет общественная собственность на средства производства, политическую основу — власть трудящихся масс при руководящей роли рабочего класса во главе с марксистско-ленинской партией; С. — общественный строй, исключаящий эксплуатацию человека человеком и планомерно развивающийся в интересах повышения благосостояния народа и всестороннего развития каждого члена общества».

Я предлагаю читателям, не мудрствуя лукаво, руководствоваться именно данным определением, выверенным теорией и практикой единственного настоящего, бескомпромиссного, эта-

⁸ Напомню, что в течение долгих десятилетий «неправильное» понимание социализма в СССР, в том числе в научной среде, было чревато последствиями, опаснейшими не только для карьеры и репутации, но прямо-таки для свободы и жизни. Выверялись страха ради иудейска каждая буква, каждый знак! Таким образом, не доверять БСЭ нет никаких оснований.

лонного, хотя и экспериментального, социалистического государства. Все остальные терминологические потуги — не более чем безответственная болтовня и провокация, блуждание в трех соснах.

Но необходимо сделать важное разъяснение, хорошо понятное всем русскоязычным. Вроде бы на первый взгляд социализм предполагает демократию: власть масс. Однако тут же введено и ограничение: не просто масс (т.е. народа), а масс трудящихся. Под трудящимися же в нашей стране с конца XIX и до конца XX века традиционно понимались исключительно люди физического труда: рабочие и крестьяне. Собственно, СССР почти всю свою историю так себя и позиционировал — как первое в мире государство именно и только рабочих и крестьян. Трудовую интеллигенцию, долгое время щеголявшую в ранге некоей невразумительной «прослойки», в эту приличную компанию допустили только на излете Советской власти, весьма неохотно, а книжка добавилась к серпу и молоту в коммунистическую символику и вовсе после буржуазной революции 1991–1993 гг., стараниями Зюганова. Ну, а других классов и сословий в СССР не было и даже не предполагалось, поскольку развитие строя мыслилось в направлении к вовсе бесклассовому коммунистическому обществу.

Вот и получается, что социализм есть не что иное, как социал-демократия, то есть — **демократия, ограниченная по социальному признаку.** (Здесь не место рассуждениям о том, чем был реальный, он же «развитой», социализм на деле.)

Гарантией такого ограничения является основополагающий признак социализма: **общественная собственность на средства производства.** Ибо тем самым исключается даже самая возможность присутствия в составе народа частных собственников, предпринимателей (купцов и промышленников,

проще говоря), которых при социализме ни у кого язык не повернулся бы причислить к «трудящимся массам», единственно достойным властвовать. Их причисляли к эксплуататорам, что в значительной мере справедливо.

Но нация, которую недаром не хотели признавать столпы социалистического учения⁹ (Ленин, например, прямо говорил: нация-де — это буржуазные выдумки), — это не только рабочие и крестьяне. И даже если пристегнуть к ним интеллигенцию — это еще не нация.

Нация — это *все вместе* представители единого государствообразующего этноса, все классы и сословия. Причем — что очень важно! — все вместе, не то чтобы без разделения на эксплуататоров и эксплуатируемых, но через полное игнорирование данного разделения, как в 1613 году.

Как мы отлично знаем (мне приходилось об этом писать подробно)¹⁰, классовая солидарность не просто не сочетается с солидарностью национальной, но и антагонистически ей противостоит, противоречит. Поэтому сказанного уже достаточно, чтобы видеть со всей очевидностью: национал-демократия и социал-демократия (социализм) есть не просто очень разные, но взаимоисключающие вещи.

Но я предлагаю пойти в размышлениях дальше.

Национальная элита за демократию

У демократии любого толка есть, согласно никем не опровергнутому Аристотелю, два антагониста: автократия и олигархия. Оставим олигархию в стороне как традиционно несостоя-

тельный в России образ правления, никогда не поднимавшийся в своем значении выше временного паллиатива. Рассмотрим альтернативу «демократия — автократия» с точки зрения русского национализма.

Национализм, как известно, — есть феномен: действенная любовь к своему этносу и/или инстинкт самосохранения народа. Такова формула, выкристаллизованная современным русским движением, принятая и утвержденная на круглом столе с участием всех основных сил РНОД¹¹, который проходил 7 марта 2007 г. в московском Доме журналиста на тему «Что такое национализм. Определение национализма».

Однако, если перевести это понятие с языка инстинктов и аффектов, доступного всем слоям населения, на язык рассудка, теории, то мы обнаружим интересную вещь: теоретический национализм как мировоззрение есть прерогатива элиты. Более того, национализм есть своеобразный критерий, по которому можно безошибочно отделить подлинную национальную элиту от квазиэлиты. Возьмите представителя английской, немецкой, японской, китайской, еврейской и т.д. элиты — перед вами непременно окажется, соответственно, английский, немецкий, японский, китайский, еврейский националист. Самым естественным образом. И напротив: английская, немецкая, японская, китайская, еврейская и т.д. элита обязательно отторгнет, не примет к себе претендента, как бы ни

⁹ См. об этом: *Севастьянов А.Н.* Национализм против социализма // Русский строй: Сб. М.: Интеллект, 1997; *Его же.* Нужен ли русским национал-социализм? // Ты для нации — нация для тебя: Сб. М., 2002.

¹⁰ *Севастьянов Александр.* Диалектика социального и национального. К постановке вопроса // Вопросы национализма. 2010. № 1.

¹¹ Популярная аббревиатура: Русское национально-освободительное движение. Первоначально относилась к реальной организации, созданной в 1994 году А.М. Аратовым, но вскоре по причине ее бездействия, с одной стороны, и заметного подъема русского национализма по всей стране — с другой, преодолев первоначальные лексические рамки, а также неоднократные попытки присвоения со стороны различных структур, сегодня уверенно соотносится со всем русским движением в целом.

был он богат и знатен, если он не националист своей нации. Он останется изгоем.

Нужна ли национальной и националистической элите автократия (монарх, президент)? Ни в коей мере. Разве только на переходный период, как в России 1990-х годов. А в действительности, по большому счету, национальной элите нужна власть верхних классов (в основе ее пресловутый «союз ума и капитала»), как раз чтобы упразднить автократию, с одной стороны, а социализм — с другой. Естественная логика такова: если мы представители верхов — значит, мы республиканцы, на самый крайний случай — конституционные монархисты.

Почему умным и богатым нужна демократия, а не автократия? Потому что они сами не глупее автократора и не видят причин подчиняться его решениям. Тем более если автократор еще вчера был одним из них, таким же, что уж и вовсе нестерпимо.

Национальной элите нужна демократия, это самоочевидно, но — цензовая: по достатку, уму и национальности. Почему она должна быть цензовой?

Потому что, во-первых, управление не есть дело каждого; во-вторых, как показывает история, народ не может сам собой управлять, он нуждается в управлении со стороны профессионалов; в-третьих, стоит только допустить к управлению инородцев — и прости-прощай суверенитет нации, а с ним и суверенитет национальной элиты.

Демократия, однако, нужна не только элите, но и всей нации в целом. Потому что если простой народ вообще не будет допущен к власти, вообще будет лишен рычагов воздействия на нее, то дело кончится плохо: элита сожрет свой возлюбленный народ — и нации не будет. (Что, кстати, сейчас в автократической России и происходит.) Впрочем, верно и обратное: передай ВСЮ власть простому народу — он с азартом уничтожит свою

элику и останется, образно говоря, без головы, что мы, русские, испытали на себе в полной мере. Нужен баланс, сопрягающий классовые интересы, а это лучше всего обеспечивается разумным демократическим устройством.

Именно такой разновидностью цензовой и одновременно общенародной демократии является национал-демократия. Идеалом которой, на мой взгляд, является жестко этнократический республиканский Рим с его нетленной по совершенству формулой: «Сенат и народ правят Римом».

Следует напомнить, что Древний Рим был поистине правовым государством, в котором Закон стоял надо всем и вся¹². Законы издавал сенат, таким образом законодательная власть являлась наивысшей в республике, и осуществляла эту власть именно национальная элита того времени (минимальное число сенаторов в первоначальном варианте было 100 человек, а накануне падения республики это число достигало 900). Однако у сената в руках была сосредоточена отнюдь не вся полнота власти; ее ограничивали, во-первых, народные собрания (комиции), во-вторых — плебисцит, а в-третьих — народные трибуны, обладавшие правом вето. Таким образом, была достигнута максимально возможная классовая, а с ней — и национальная солидарность римлян.

При этом республиканская демократия Рима была в самом точном смысле национал-демократией, поскольку права римского гражданина почти до самого конца республики не распространялись даже (!) на всех прочих италиков, не говоря уж о галлах,

¹² Даже диктатуру Суллы сенат предварительно ввел специальным законом, без этого победоносный полководец не захотел присваивать соответствующие полномочия. И тот же Сулла снял их с себя за два года до смерти, желая остаться в памяти потомков человеком, восставшим, а не поправшим римское право.

иберах и других покоренных народах. А вот нарушение гениального баланса классовых интересов, консолидировавшего нацию, а также раздача италикам гражданских прав в ущерб строгой этнократии привели в итоге к гражданским войнам и последующей диктатуре Суллы, а за ней — к установлению режима императорской власти. А уж этот режим стал прологом к гибели Рима как такового. Сравнивая республиканский период правления в Риме с императорским, Александр Пушкин метко заметил: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен» («Лицинию»).

(Замечу в скобках, что первообразец демократии — Афины — также носил ярко выраженный национальный характер, ибо исключал из своего действия рабов, составлявших до 75% населения и являвшихся в основном представителями побежденных этносов и/или захваченных в плен инородцев¹³.)

Впрочем, на мой взгляд, к благородному древу древнеримского этнического республиканизма не мешало бы привить управленческий шедевр XX века: партократию. В России должна быть правящая партия, а именно партия русских националистов. Но по характеру правления стране следует все же быть республикой парламентского типа. О юридической попытке осуществить такую прививку (проекте новой Конституции русского государства) я расскажу в конце статьи.

Вот, вкратце, кому, зачем и почему нужна национал-демократия, а также почему она предпочтительнее национал-социализма.

У истоков русской национально-демократической идеи

Как формировался национал-демократический дискурс в современной России? Какими организациями пропагандировался и развивался?

Порой приходится с изумлением слышать о том, что-де актуальный русский национализм народился едва ли не пять лет назад. Не знаю, чем объяснить подобное заблуждение, разве что принципиальным и яростным нежеланием знать собственную историю. Моя задача — внести некоторую ясность в этот вопрос.

Впрочем, канву начальных событий наметил Валерий Сумин в предыдущем номере «Вопросов национализма»¹⁴. Он писал:

«Другим следствием публикации в “Независимой” статьи “Национал-капитализм” [Севастьянова] стало знакомство автора с Сергеем Васильевичем Городниковым, физиком из Грозного, который жил литературным творчеством, но увлекся политологией (в том же 1994 году вышла его брошюра “Историческое предназначение русского национализма”). Городников разыскал Севастьянова и предложил сформировать кружок единомышленников, куда поначалу входил математик, доцент химфака МГУ Вадим Александрович Колосов, а чуть позже присоединился Виктор Владимирович Давыдов, в то время директор газеты “Русская Правда”, учрежденной А.М. Аратовым.

Именно на этих встречах конца 1994 — начала 1995 года (не раньше, не позже) впервые примерялся и обкатывался новый для русского движения лозунг “национал-демократии”. Это отразилось в практически одновременном учреждении Колосовым — журнала “Национальная демократия” (№ 1 — июль–август 1995), Давыдовым — “Национальной газеты” (№ 1 подписан в печать 03.06.95) и выпуске Севастьяновым сборника своих статей под общим названием “Национал-демократия” (сдан в набор 09.01.96)».

¹⁴ Сумин Валерий. Документы национального единения. К истории современного русского движения // Вопросы национализма. 2010. № 1.

¹³ Валлон Анри. История рабства в античном мире. Смоленск, 2005.

В данной связи я как непосредственный участник событий вынужден уточнить исторические детали. Неприятная сторона моей миссии обусловлена тем, что национал-демократический дискурс как наиболее авангардный, привлекательный и многообещающий (Гегель недаром выдвигал принцип неодолимости нового), не успев родиться, уже не раз становился поводом для игры самолюбий и борьбы за приоритет, доходящей до несимпатичных распрей. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь, правду истории не спрячешь, взялся за повесть о национализме и националистах — приходится рассказать и об этом.

К примеру, в «Национальной газете» № 2 за 1999 год была опубликована беседа корреспондента Константина Морошкина с председателем Центрального комитета Русского солидаристского движения (РСД) Артуром Ястребовым под свежим названием «Есть такая партия!». Она начиналась так.

«К.М.: Артур Иванович, что собой представляет Русское Солидаристское Движение и когда оно было создано?»

А.Я.: Учредительный съезд межрегиональной общественной организации РСД прошел 29 мая 1998 года в МГУ. Это была точка отсчета в деятельности русского социально-национального движения нового типа, каким является РСД. Наше появление было сразу замечено «компетентными органами». Еще до первого съезда мы приняли активнейшее участие во всероссийской акции студенческого протеста 14 апреля и были там самой заметной политической силой. После этого нами открыто заинтересовались.

К.М.: К чему в общих чертах сводится ваша идеология?

А.Я.: Солидаризм является идеологией, последовательно воплощающий в себе идеи истинного национализма, истинной демократии и истинного социализма. Мы исходим из того, что одно без другого невозможно. Национализм, выдвигающий на первый

план нацию, исходящий из подчинения государства нуждам нации, возможен только при республиканском устройстве общества и государства.

К.М.: Речь идет о национальной демократии?

А.Я.: Да. Никакая другая попросту невозможна. Если люди объединяются на чисто материалистической основе, то всегда будет иметь место плутократия, олигархия, но не демократия. Мы видим это на примере современного «общества потребления» Запада. Общество прочно только тогда, когда в его основе лежит национальная общность. Как, например, в Японии. В то же время национальное государство наиболее устойчиво, если это республика, опирающаяся на национальное большинство, но и не притесняющая несправедливо национальные меньшинства. Империи и апартеиды в конечном счете обречены на разложение. Они неконкурентоспособны».

Сегодня можно смело резюмировать, что почин РСД не имел сколько-нибудь серьезного развития, и данная организация не стала лидером русского движения, «рассосавшись» сама собой. Но тогда ее появление встревожило некоторых «старослужащих» РНОД, и в скором времени я как главред «Националки» получил гневное «Заявление» от Национал-демократической партии, которое также опубликовал, сопроводив редакционной отповедью. В заявлении, в частности, говорилось:

«Национальная газета» № 2 (23) за 1999 г. поместила интервью с Председателем Центрального Комитета Русского Солидаристского Движения неким А.И. Ястребовым, в котором последний нагло и цинично объявил о своем первенстве и эксклюзивном праве на российской политической сцене на некоторые принципы и идеологемы национал-демократической доктрины <...>

Национал-демократическая партия заявляет:

Мы не потерпим наглого и циничного воровства нашей идеологии, веду-

щего к ее искажению и дискредитации как идеи и самого термина “национальная демократия”.

Все, кто желает развивать и претворять в жизнь национал-демократическую доктрину, могут и должны это делать в рамках Национал-демократической партии, где каждому предоставляется право высказывать и продвигать собственные идеи и где существует широкий плюрализм мнений <...>

Всякие попытки распространять и пропагандировать идеи национальной демократии и национальной реформации вне Национал-демократической партии будут пресекаться и подавляться всеми имеющимися в распоряжении партии средствами (а они у нее имеются)...» («Национальная газета». 1999. № 5).

Сегодня столь же смело можно подытожить, что и НДП не стала не только лидером, но и вообще хоть сколько-нибудь заметной силой в русском движении, что делает несколько комичным вышеприведенный текст. Но уже само ее название обязывает все же сказать несколько слов об этой партии.

Первая ласточка

Не слишком достоверных сведений и на этот счет имеется уже немало. В частности, сайт «Антикомпромат» небезызвестного грантоеда Владимира Прибыловского в предшествующих НДП числит некое Национал-демократическое социальное движение (НДСД), сообщая, что это-де «националистическая группа, существовавшая в 1995–97 гг. (Сергей Городников — лидер; Вадим Колосов, Виктор Давыдов, А. Лобков, Александр Севастьянов) <...> Группа подчеркивала свой «национал-капиталистический» характер. Первое упоминание о НДСД содержится в 1-м номере «Национальной газеты» за 1995 г. в статье С.В. Городникова «Наша миссия — Национальная Реформа», где упоминается «формирующееся политическое дви-

жение, Национально-демократическое социальное Движение России, которое сознает себя авангардным движением, единственным интеллектуально готовым проводить тотальную подготовку перерастания нашей буржуазной революции в революцию Национальную, в Национальную Реформу, — не признает никаких иных политических партий, считает их бессмысленными и исторически обреченными». Еще одно упоминание — в том же номере НацГ в статье В. Колосова «Демократия как способ выживания для нордических народов» («Есть такая партия! Это Национально-Демократическая Социальная партия. Эта партия стала центром, вокруг которого кристаллизуется русское национал-демократическое движение»).

Должен пояснить, что к подготовке первых четырех номеров «Националки», где своими, пока бесплотными, мечтами делились некоторые члены редакции, не имел никакого отношения автор этих строк, а к последующей работе газеты, возглавленной мною с 1997 года, не имели, в свою очередь, никакого отношения все названные фигуранты. Соответственно, не был я никогда участником ни НДСД, ни вполне мифической, существовавшей лишь в воображении энтузиаста НДСП. Не скрою, меня приглашали в НДП, но я отказался вступать, не видя у партии перспектив; не вступил в нее также ни В.А. Колосов, ни близкий по своим национал-капиталистическим воззрениям П.М. Хомяков. Между тем, если верить сайту Прибыловского, я побывал не только во всех названных структурах, но еще и в объединении «Золотой лев», якобы расщепившемся впоследствии на одноименный журнал (главред А.Н. Савельев), Лигу защиты национального достояния (председатель А.Н. Севастьянов) и вышеупомянутую НДП. Это тоже неправда.

Приведенные поправки сделаны мною не в порядке занимательной политической гельминтологии, как выра-

зился бы Валерий Соловей, а исключительно ради того, чтобы предостеречь читателя от чрезмерного доверия к трудам «всезнающих», но недобросовестных грантоедов, слыхавших звон...

Итак, об НДП, созданной в конце 1997 г. Сергеем Городниковым, Александром Лобковым и Александром Елисеевым и зарегистрированной в марте 1998 г. в Минюсте как региональная организация Москвы и Московской области (локомотивом регистрации НДП был Андрей Савельев).

Программа НДП, вполне доступная на соответствующем сайте, гласит: «Национал-демократическая партия — есть политическая организация, ведущая борьбу за становление русского национального среднего класса и русской постиндустриальной цивилизации. Необходимым условием для перехода к созиданию русской постиндустриальной цивилизации является развитие национального демократического самоуправления связанных с производительными силами средних слоев горожан, преобразование этих слоев в политический средний класс. Национальное демократическое самоуправление станет возможным только после политического управления процессами становления городского политического общества, то есть нации, осуществляемого национал-демократической партией посредством государственной власти национального государства» (<http://www.ndpart.ru/>).

Не ставя себе задачи критического анализа Программы, обращаю лишь внимание на странное, мягко говоря, трактование нации, не имеющей, по видимому, ничего общего с этнонацией. А также на усиленное мушкетирование темы среднего класса, унаследованное впоследствии программой НОРНА профессора Хомякова¹⁵. Имеет ли Программа НДП какое-либо отношение к

национал-демократическому дискурсу, пусть судят другие, но мой долг засвидетельствовать, что это программа самой первой формальной организации национал-демократического толка, к тому же поднимающая проблему создания национального государства.

Как можно узнать из аутентической справки «10 лет русской национал-демократической партии!», «регистрацию подготовила творческая работа по поиску политической идеологии русского национализма, которая началась после выхода в свет в 1994 году книги С. Городникова “Историческое предназначение русского национализма”. Для связи программных и концептуальных положений данной книги с текущей политической практикой и для налаживания соответствующей пропаганды несколькими единомышленниками была зарегистрирована и начала издаваться “Национальная газета”... Ее первый номер был подписан в печать 3 июня 1995 года. С того дня и пошел отсчет истории русской национал-демократии, которая была заявлена в программной статье С. Городникова и поддержана статьей В. Колосова <...> Главные теоретические и программные положения нового для России идейного и идеологического течения излагались в четырех номерах “Национальной газеты”. Газета привлекла ряд активных людей из молодежи и людей среднего возраста»¹⁶.

Здесь уместен комментарий. Разговор о том, какое содержание имели упомянутые начатки национал-демократического дискурса, у нас еще впереди. Пока же должен заметить объективно, что сперва его ростки были слабы и незаметны.

Первые два года после регистрации «Национальная газета» едва влачила существование¹⁷. Позже, в 1999 г., мне

¹⁶ <http://www.globpolitika.narod.ru/10-let-ndp.html>

¹⁷ В 1995–1996 гг. вышло всего четыре выпуска, формата А3 от 4 до 8 полос каж-

¹⁵ Подробную критику данной программы см.: серия статей Александра Севастьянова о НОРНЕ на сайте АПН.

пришлось писать в связи с попыткой пиратского выпуска «Националки» ее бывшими первопечатниками: «За те два года, пока газета была у них в руках (с июня 1995 по февраль 1997 Лобков был главным редактором, Городников — основным автором), они сумели подготовить и выпустить аж... четыре номера. Основной проблемой, не позволявшей делать это чаще, являлась катастрофическая нехватка материала: настолько, что они могли себе позволить занимать драгоценную газетную площадь беллетристической г-на Городникова в стиле “фэнтези”. Полный непрофессионализм и оторванность как от источников информации, так и от читателя неуклонно вели газету в бесславие»¹⁸. Понимая это, учредитель газеты Виктор Давыдов предложил мне возглавить работу редакции, что я и сделал.

Разумеется, попытка «бывших» выпустить пиратскую «Националку» провалилась, как и попытка Владимира Потанина зарегистрировать большую одноименную газету. После этого «облома» они стали выпускать мини-газету «Национальная республика» в качестве идейного рупора НДП (с 1999 по 2002 год выпущено 8 номеров, см. www.n-r.narod.ru).

О национально-демократических инициативах в РНОД

Все эти мелкие подробности «просрошего вглубь себя существованья»

дый, объявленным тиражом 25 000 экз. (реальный тираж не более 1000 экз.) В период 1997–2007 гг. реальный тираж поднимался до 12 000, а объем до 24 полос. Газету читали не только в Госдуме, в Совете Федерации, в министерствах и других высоких инстанциях, но, что гораздо важнее, в ста пятидесяти с лишним (судя по географии подписки и читательских писем) городах всего бывшего СССР, а также в дальнем зарубежье: Нью-Йорке, Париже и др.

¹⁸ *Севастьянов А.* Осторожно: подлог! // Национальная газета. 1999. № 5.

(Пасенюк) не так уж существенны. Но, во-первых, это какая-никакая, а история национальной демократии в нашей России. А во-вторых, уже в этой микроскопической субстанции можно разглядеть принципиальный конфликт, который имеет непреходящее значение как на микро-, так и на макроуровне общественной жизни. Что имеется в виду? Об этом вновь повествует уже цитированная справка НДП о самой себе:

«При обсуждении вопросов долгосрочных целей и способов борьбы произошел идейный раскол. Наибольшая часть наших молодых соратников были убежденными национал-социалистами и хотели видеть в русской национал-демократии вид обновленного немецкого нацизма. Мы же доказывали, что это тупиковый путь, и подлинная национал-демократия опирается на среду мелкой и средней буржуазии, которой в России пока нет, которая в России только-только зарождается. И мы должны стать ее передовым и перспективным идейным, а затем политическим авангардом... Мы боролись за осознанный поворот русского национализма к становлению в России современного капитализма с политическим господством среднего класса и отказывались мириться с представлениями о социализме в любой его форме, как не имеющем дальнейшей исторической перспективы течением политической мысли <...>

В это время [с 1999 по 2002 г.] снова обострилось идейное противоборство между сторонниками двух течений. С одной стороны, апологетов превращения русской национал-демократической партии почти в точную копию национал-демократической партии Германии, заявляющей о себе как о прямой наследнице национал-социалистической рабочей партии Германии. И с другой стороны, решительными последователями понимания национализма и демократии как политического отражения миропонимания

и интересов мелкой и средней буржуазии, а национал-демократической партии как партии русского национального среднего класса. После дефолта в августе 1998 года в обстановке резкого обострения кризиса режима либеральных воров и спекулянтов, когда активизировались народные патриоты и национал-патриоты с лозунгами возврата к социализму в том или ином виде, идейный раскол внутри НДП приобрел принципиальный характер, и в 2000 году молодая организация распалась на две <...>

Нам же, тем, кто сплотился вокруг газеты «Национальная Республика», удалось удержать и сохранить ядро товарищей, вести пропаганду и идейную борьбу за национальную демократию, как политическую диктатуру средних имущественных слоев русских собственников. Нам пришлось ждать, пока внутренний ход буржуазно-демократической революции в России не привел к появлению среды русской мелкой и средней буржуазии. И вот теперь ход истории доказал нашу правоту. Национал-социализм в России полностью потерял какое-нибудь значение, а национал-демократические настроения в последний год превращаются в главные среди русских националистов».

Очень важное признание.

Комментируя эти строки, я прежде всего должен вновь и вновь заострить внимание читателя на абсолютной реальности водораздела: национал-демократия и национал-социализм «есть вещи несовместные». Напомню, что в очередной раз этот факт проявился совсем недавно, при широком обсуждении «Семнадцати новых вопросов русскому националисту» Павла Данилина¹⁹. Можно смело предположить, что указанное расхождение

будет прогрессировать по мере углубления системного кризиса в России, внося раскол и даже взаимную вражду в русское движение. Чему каждый разумный националист должен противодействовать по мере сил.

К сожалению, я никак не могу согласиться с тем, что национал-социализм сдал позиции. Пожалуй, наоборот, пока что это мейнстрим, с каждым годом (по мере обнищания масс, роста безработицы, пауперизма, техногенных катастроф, социальной напряженности и т. п.) набирающий множество сторонников в низовых, социально дефективных стратах общества. Но это лишь одна сторона вопроса.

С другой стороны, я полностью разделяю тезис о заметном дрейфе всего русского движения в сторону национал-демократии. Причем вызван этот дрейф осознанием (наконец-то!) лидерами националистов необходимости идейно завоевать и перетянуть на свою сторону, причем в массовых масштабах, верхние общественные страты: интеллигенцию и предпринимателей, в первую очередь. Ибо будущее всецело зависит от них.

Эта важнейшая задача, решению которой я посвятил уже самые первые свои политические книги «Национал-капитализм» (1995) и «Национал-демократия» (1996), в последние годы становится общепризнанной. В качестве примеров, помимо вышеупомянутого РСД, можно привести такие факты:

1) попытку бывшего депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга Сергея Гуляева и заместителя председателя московского «Яблока» Алексея Навального создать в 2007 г. движение «Народ» (принимаящий участие в его создании Станислав Белковский провозгласил его «демократически-националистическим», но инициатива к настоящему времени заглохла);

2) декларацию о политической ориентации на национал-демократию, про-

¹⁹ См. об этом: *Севастьянов Александр*. Семнадцать мгновений истины, или Наш ответ Данилину // Наш современник. 2009. № 10.

звучавшую на 5-летнем юбилее Движения против нелегальной иммиграции из уст его лидера Александра Белова, которая для посвященных сулила перепрофилирование ДПНИ в партию соответствующего толка (инициатива была развита на печально знаменитой конференции 8 июня 2008 г. совместно с «Народом» и «Великой Россией», но так и не сбылась);

3) прошедшую летом 2008 г. партконференцию о возможном переименовании Национально-Державной партии России в Национально-демократическую партию России, с сохранением аббревиатуры (инициатива не сбылась);

4) довольно дружное выступление идеологов национально-демократического лагеря в ответ на вышеупомянутые вопросы Павла Данилина в 2009 году;

5) в последний год большую активность на национал-демократическом поле развивает беглый профессор Петр Хомяков через аффилированные с ним структуры: сайт Академии национальной победы (АНП) и сайт Национально-демократического альянса (НДА), о котором кто-то из заинтересованных лиц уже льстиво возвестил в Интернете: «Что-то существенное здесь [в РНОД] стало меняться лишь в последние годы, с возникновением национально-демократического движения, вдохновленного поэтом Алексеем Широпаевым». Смех и грех, право! Но кто знает, может, профаны и клонут на эту наживку...

Тенденция налицо. В «справке НДП» по данному поводу есть совершенно беспомощные и горькие, но и, увы, совершенно справедливые строки:

«На волне подъема данных настроений появились публицисты и некоторые политические деятели, которые ярко и талантливо убеждают всех, мол, национал-демократия в России только-только зарождается и пока не имеет идеологического и организационного выражения. Примером чему стали декларация группы “НАРОД” и претен-

дующие на программные положения заявления ДПНИ. К сожалению, все это проявление свойственного многим русским активистам от политики невежества!»

Да, это все так, бедолаги совершенно правы. Поймем же и простим обиду тех, кто, выйдя в путь одним из первых, был обогнан на этом пути более молодыми, шустрými и беззастенчивыми ходоками. Но... несмотря на то, что НДП так и осталась в истории карликовой партией, никогда не имевшей никакого влияния ни на развитие идеи национал-демократии в России, ни на процесс РНОД, мы не должны забыть об этой не сделавшей весны ласточке. Ведь нынешнее широкое обращение термина состоялось благодаря их почину и усилиям. Пусть НДП войдет в учебник истории русского народа...

Завершить рассказ о ней мне хочется знаменитыми строками:

Не говори с тоской: *их нет!*,
Но с благодарностью: *были!*

Что же касается других попыток конвертировать идею национал-демократии в политическую или квазиполитическую структуру, то здесь я позволю себе процитировать свой ответ НДП 1999 года, адресовав его на сей раз гораздо более широкому кругу:

«Никому не возбраняется сколько угодно восклицать: “Есть такая партия!” Но вынужден ответственно заявить: *исключительно права представлять русский народ и его интересы никто пока не заслужил*, как бы кому ни мечталось <...>

Будь я так же скромн и просвещен, как авторы послания, я бы заявил, пожалуй, что, сам будучи главным идеологом русской национал-демократии, не потерплю, чтобы мои идеи и доктрины “дискредитировались”, “растаскивались” и “профанировались”. Но я стараюсь не следовать дурным примерам <...>

Предложу добрый совет активистам любых партий.

Желание видеть свою организацию самой лучшей, стремление дать ей подбавляющую рекламу — вполне естественно. Но для этого в наше время мало подходят агрессивные приемы Кинг-Конга, гордо и воинственно бьющего себя в грудь с криком: «Я — лучший! Я — первый! Я — главный!». Это еще могло пройти лет пять назад где-нибудь в Урюпинске. Сегодня уровень аудитории выше подобных приемов.

Тем более бессмысленно расходовать для достижения приоритета сразу «все имеющиеся в распоряжении партии средства». Достаточно всего лишь одного: *интеллектуального и морального превосходства*. Если оно есть, конечно»²⁰.

Мне кажется, этот совет не утратил актуальности.

Инкунабулы русской национал-демократии

Но что же в ранний период РНОД понимали под национал-демократией? Какие идеи изначально вкладывались в это понятие? Представление об этом дают три источника (прямо как у классиков!): публикации С. Городникова, В. Колосова и А. Севастьянова.

1. Городников

Хотя та же НДП заявила как-то, что национал-демократическое движение у нас началось в 1993 году, но, насколько мне известно, никаких манифестов, заявлений и тому подобных печатных, публичных агитационно-пропагандистских документов, серьезно и осмысленно предлагающих или развивающих концепцию русской национал-демократии, в том году не выходило. Написанный же Городниковым летом того года текст «Историческое предназначение русского

национализма»²¹ никакой национал-демократической теории не содержит. Там речь идет в основном о пользе капитализма, его созидательной силе, о необходимости капиталистической модернизации экономики России и националистической модернизации ее политики, о внутренней нерасторжимой связи этих необходимостей, о неизбежности национальной революции, стоящей в России на очереди после революции буржуазной:

«Чем сложнее был уровень мирового производства, тем обостреннее вставали проблемы качества народа, личности, соответствия культуры нации требованиям промышленного производства, промышленного прогресса, требованиям конкурентоспособности. В этом и заключается причина неизбежности установления диктатуры промышленного интереса как интереса государственного с периодом доминирования радикально националистической идеологии, расового и национального превосходства, исключительности. Без такого периода диктата национализма во внутренней политике поднять качество общества на требуемый мировым производством уровень оказывается невозможным. Вся мировая практика доказала это. Поэтому буржуазные преобразования в России не могут быть завершенными, не приведут к выходу из тупика до тех пор, пока буржуазная революция не перерастет в революцию национальную, начальный этап которой и есть диктатура радикального национализма. Более того, чем позже в историческом аспекте происходила буржуазная революция, чем выше при этом был уровень мировых производства и технологий, тем более жестким и жестоко требовательным должен был оказаться режим радикального национализма для подготовки прорыва нации в лидеры

²⁰ Севастьянов А. О камнях из стеклянного дома, или Урок китайского // Национальная газета. 1999. № 5.

²¹ Городников Сергей. Историческое предназначение русского национализма. М.: Русское слово, 1994.

общественной, социальной, государственной дисциплины и самодисциплины, которая немыслима, невозможна без обостренного национального самосознания, без национальной общественной самоорганизации»²².

(Ограничусь данной цитатой, хотя те же мысли неоднократно прописываются и аргументируются в брошюре. Отмечу только, что по мнению Городникова, «в России предстоящий режим национального спасения будет круче, нежели были режимы национал-социализма в Германии или шовинистического милитаризма в Японии. Это неизбежно, ибо государство исторически великое погибнуть не может!»²³.)

Читателю понятно, почему, как только в «Независимой газете» появилась моя статья «Национал-капитализм», где я требовал расстаться с колониальным капитализмом и установить диктатуру национального капитала, Городников усмотрел во мне единомышленника и постарался разыскать. Ведь мы, не сговариваясь, сделали важный и верный, хотя и шокирующий тогдашнее общество вывод.

Далее, Городников критикует наследие феодализма в экономике и политике бывшего СССР (да и вообще в мире) и предсказывает России националистической великую роль всемирного освободителя от этого наследия:

«Именно азиатско-кавказский культурно-психологический феодализм, в какие бы внешние одежды он ни рядился, разваливает экономику России, не дает развиваться ее промышленности, долгие десятилетия, веками мешает развиваться нормальной торговле в азиатском направлении. Именно феодализм стал ближайшим союзником коммерческого интереса у нас, не позволяет углублять буржуазные реформы, демократию, способствует инфляции, экономическому хаосу и развалу. Демократические процессы, реформы

остановить уже невозможно, но их провалы, провалы неизбежные извратят всю систему общественных, экономических отношений России, обострят все противоречия до такой степени, что приход к власти русского радикального, воинственного национализма станет единственным политическим выходом из исторического тупика, и по этой причине, при тонкой и умной дипломатии, здравомыслящий и активной, будет поддержан большинством политических ответственно мыслящих сил в цивилизованном мире. Если только не станет по глупости правительственных сил угрозой для их жизненных интересов.

Русский национализм призван разрушить и выместить в историческое небытие феодализм и дофеодалное варварство на огромной части материковой Евразии, тем самым толкнуть весь евроазиатский континент к качественно новому витку прогресса. В этом и только в этом будет его историческое оправдание с позиций внешних сил мировой цивилизации, более того, историческое предназначение и величие. После периода русского радикального национализма у власти в России, после окончательного подрыва позиций феодализма и остатков варварства в Евразии все человечество выйдет в новую эпоху своего развития, и прогресс пойдет невиданными еще темпами»²⁴.

О национал-демократии в брошюре нет ни слова, и самый термин этот не употребляется. Надо напомнить, что в первой половине 1990-х годов понятие «демократия» для национал-патриота было крайне скомпрометировано: нестерпимо резало слух, отдавало гайдари-чубайсовской мерзостью, смердело ельцинизмом. Тем не менее Городников прозорливо ставил целью, например, «вырваться к демократии и процветанию», «упрочение экономики и демократии». Он верно излагал до-

²² Указ. соч. С. 13.

²³ Там же.

²⁴ Указ. соч. С. 15.

статочно общеизвестные истины: «Да, Россия без рыночно организованной экономики погибнет. Да, рыночная экономика не может работать без демократии, и чем разумнее структурирование демократия, тем энергичнее работает рынок» и смело постулировал: «Демократия же нужна России как воздух, лишь она способна раскрепостить физические и духовные, моральные силы русского народа, поставить под его контроль деяния власти, заставить ее бояться в первую очередь собственный народ, а не внешние силы, и потому активно защищать в первую очередь наши национальные интересы».

Таким образом, Городников, трубадур национального промышленного капитала, восходил шаг за шагом к концепции диктатуры этого самого капитала, которая, как ни парадоксально, должна была обеспечивать демократию и сама обеспечивалась демократией! Такова была логика его «основополагающей» работы:

«Создание собственно жизнеспособной нации в условиях интеграции в мировую экономику и будет важнейшей внутривнутриполитической задачей русского национализма, когда он придет к власти. И не следует бояться, стыдиться этого русским патриотам. История не знает ни одной великой нации, интегрирующей созидательной нации, которая бы не прошла через ту или иную государственно-политическую форму крайнего национализма, фашизма. Ни одной! Хотелось бы напомнить, что концентрационные лагеря за колючей проволокой изобрела и создала великая Британская демократия, в самый расцвет этой демократии, во время англо-бурской войны. Можно было бы упомянуть и первый известный автору пример применения демократией принципа чистоты крови, согласно Плутарху имевший место в Древней Греции, в Афинах, в самый расцвет афинской демократии, когда напуганные социальной дестабилизацией общественно-

политической жизни афиняне большинством голосов приняли закон, согласно которому каждый, кто не мог представить доказательств, что является гражданином Афин в третьем поколении по обеим линиям, лишался прав гражданства. На основании этого закона почти треть афинян была лишена этих прав и продана в рабство. Подобные примеры можно приводить и приводить»²⁵.

Как видим, здесь Городников весьма близко подходит к идее национальной демократии, хотя и не формулирует ее. В статье «Наша миссия — Национальная Реформация» в первом выпуске «Национальной газеты» (статья трактуется им как рубежная) он также избегает разъяснений на сей счет. Мы не только не узнаем от него, что такое национал-демократия, но и получаем довольно туманные понятия о некоей «капиталистической нации», которую должна создать национальная реформация. Суммируя свои взгляды, Городников пишет здесь весьма общо:

«Пока Россия не пройдет через режим авторитарной диктатуры русского национализма, задачей которого будет проведение Национальной Реформации, создания русской нации как особо организованного и эгоцентричного общества с качественно новой этикой, культурой, социальной психологией, — пока Россия не пройдет через этот исторически обусловленный этап, кризис будет углубляться, инфляция нарастать, а политическая база нынешнего режима устойчиво сужаться».

И заканчивает характерным парадоксом:

«Позже Россия вернется к парламентаризму, но сейчас стране нужна не парламентская демократия, а только и только демократия национальная, нужна военно-политическая диктатура национальной демократии».

Как видим, весьма решительные призывы несколько не разъясняют

²⁵ Указ. соч. С. 44.

читателю, что же это за зверь такой: национальная демократия. Возможно, именно непрописанность опорного понятия Городниковым и привела к тому, что его рецепт остался не востребован, а болезни нашего общества только усугубились.

Попутно замечу, что третий автор, убежденно разрабатывавший в те же годы параллельно с Городниковым и Севастьяновым идеи национал-капитализма (он это называл «национал-прогрессизмом» и «национализмом без социализма»), был профессор Петр Михайлович Хомяков, о чем, впрочем, подробнее уже написал Валерий Сумин. Сегодня Хомяков не случайно встал на позиции национальной демократии. Это не только политический расчет, но и закономерный итог развития, который выпал всем нам.

2. Севастьянов

Здесь пора автору, объективности ради, представить и свой скромный вклад в развитие дискурса.

Переход на позиции национал-демократии для меня так же, как и для Городникова, был обусловлен ясным осознанием неизбежности и спасительной необходимости национал-капитализма. Этот термин впервые появился в моей статье «Русские и капитализм», написанной в 1991 году и опубликованной в журнале «Дон» (1992. № 3–4).

В те времена я, как и многие, косо смотрел на ту демократию, которую принес с собой ельцинский режим, и писал, что российская интеллигенция оказалась расколота «на две четко очерченные группы: интеллектуалов-“демократов” и “патриотов”». И стремился стать над схваткой: «Причина же их идейной несостоятельности, на мой взгляд, бросается в глаза: интеллектуалы-“демократы” слишком явно не хватает патриотизма, а “патриотам” — интеллекта, то есть знаний и ясного, немистифицированного ума».

Обосновывая закономерность повторного утверждения капитализма в России, я уточнял границы идейного водораздела: «Постольку, поскольку “демократы” выступают за частную собственность, за капиталистическое развитие, я — с ними. Но постольку, поскольку они против русских национальных приоритетов — я против “демократов”. И напротив: все, что говорят “патриоты” о наших национальных бедах и потерях, о необходимости возродиться с новыми силами к новой жизни, — принимаю всей душой. Но когда под видом “новой жизни” они пытаются всучить народу ветошь — то ли “православие, самодержавие, народность”, то ли “социализм” — киплю негодованием на этих слепых поводырях».

Почему я столь непримиримо относился к социализму, в коем возрос? Именно поэтому: «Социализм — интернационалистичен. Это мы испытали на своей шкуре. Но и интернационализм — социалистичен, то есть самоубийствен: это предстоит испытать странам христианской демократии» (как в воду смотрел). Именно связка «социализм—интернационализм» оказалась в прицеле моей критики, что характерно.

Я понимал, что нужно найти и проложить средний путь, который примирил бы русский патриотизм (тогда я пользовался таким эвфемизмом, «национализм» утвердился позднее) с ценностями безальтернативного капиталистического варианта развития России. В итоге родилась формула: «Каждый, кто сегодня мечтает о возрождении России как великой страны и русских как великого народа, должен сегодня умом и всей душой принять, а всеми силами — проводить в жизнь ясный и здоровый лозунг: НАЦИОНАЛ-КАПИТАЛИЗМ».

В качестве механизма я предлагал «союз ума и капитала», то есть создание Союза русских промышленников и торговцев, опираясь на капиталы ко-

торого Русская национальная партия «поведет борьбу за русские приоритеты политическими средствами».

Спустя два года, 11 октября 1994 г., отшлифовав и развив высказанные в этой ранней статье идеи, я выступил со страниц «Независимой» — главной газеты всей российской интеллигенции — со скандальной статьей «Национал-капитализм», заглавный термин которой с тех самых пор пошел гулять по стране. И процесс синтеза национал-демократической парадигмы начался.

Как видит читатель, в ранних работах, написанных нами до 1995 г., тема национал-демократии еще не звучала. Но силою вещей восхождение к ней было неизбежно, поскольку единственный строй, при котором национал-капитализм может благоденствовать (и в то же время единственный строй, существование которого обеспечено исключительно национал-капитализмом) есть именно и только национал-демократия.

Впрочем, я шел к национально-демократическим убеждениям не только через пропаганду национал-капитализма, но еще и через свои многолетние изыскания по истории интеллигенции. Неудивительно поэтому, что самое первое развернутое и аргументированное манифестирование национал-демократии было сделано именно мною и именно на конференции «Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.)», проведенной в Омском государственном университете 29 ноября 1995 г. Мой доклад назывался «Интеллигенция, вперед!». В нем я апеллировал к аудитории, которую считал наиболее прогрессивной и политически продуктивной («Интеллигенция — новый лидер общества, новый класс-гегемон. Не считаться с ним, причем в первую очередь с ним, нельзя»), и ставил задачу:

«Новое объективное положение интеллигенции влечет за собой изменение традиционного политического поведе-

ния интеллигенции, ставит перед ней новые политические задачи. В первую очередь, таких задач две:

1. выработка классового сознания интеллигенции;

2. формирование классового сознания у интеллигентских масс».

Я недвусмысленно постулировал:

«Буржуазно-демократическая революция, провалившаяся в России в начале века и состоявшаяся на наших глазах под видом “перестройки” и последующих событий, — есть дело рук интеллигенции, результат реализации ее классовых надежд, инстинктов и стремлений. Это была в прямом смысле слова первая в мире интеллигентская революция, реванш интеллигенции за поражение в революции и Гражданской войне 1917–1921 годов».

А далее все логически вытекало одно из другого:

«Вот контуры общеинтеллигентской идеологии, которые я хотел бы предложить для осмысления и обсуждения.

На первом месте — два аспекта идеологии:

а) социально-политический.

б) национально-политический.

Если говорить о социально-политическом идеале интеллигенции, наиболее соответствующем ее интересам, то это, несомненно, буржуазная демократия... Потому, что буржуазная демократия есть со всех точек зрения оптимальная среда обитания интеллигенции. В чем причина этого?

Во-первых, для интеллигенции демократические свободы — слова, печати, собраний и т.д. — это *условие sine qua non* ее нормального, полноценного существования и функционирования. Как верно писал еще К. Каутский, оружие интеллигента — «это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы». Надо ли

говорить о том, что фундаментом для демократических свобод может быть только многообразие форм собственности? Это ясно и самоочевидно.

Во-вторых, возможность открыть свое частное дело — педагогическое, врачебное, издательское и т. д. — это важный и для многих интеллигентов желанный путь реализации своего творческого и энергичного потенциала. Это прямой путь к материальной независимости, а от нее и к независимости духовной...

В-третьих. Многообразие форм собственности создает тот рынок, на котором интеллигент может продать свою голову, свои знания, свой труд по максимальной цене. Он получает свободу маневра. Когда-то Ленин едко издевался над интеллигенцией, которая ищет только, кому бы продаться, писал о зависимости интеллигента от “золотого мешка”. Чем заменила эту зависимость КПСС? Зависимостью во сто раз более подлой и унижительной — зависимостью от партийного функционера. В развитом буржуазно-демократическом обществе, где действуют многообразные частные, общественные и государственные институты, у интеллигента нет и не может быть столь унижительной и однозначной зависимости.

В-четвертых. Все перечисленные выше позитивные для интеллигента моменты, присущие буржуазной демократии, предоставляют оптимальные возможности для самореализации. Но этого мало. Уже и сама эта адекватная и свободная самореализация выводит интеллигента на иной общественный уровень, дает ему иной статус, превращает его из скромного и зависимого служащего — в жреца, в брахмана. Из объекта политики он становится ее важнейшим субъектом. Многократно возрастает как эффективность его труда, так и его вес в обществе.

Наконец, *в-пятых*, интеллигент просто не может не видеть, не пони-

мать экономических преимуществ капитализма.

Сказанного достаточно, чтобы сформулировать два основополагающих принципа интеллигентской социально-политической идеологии:

- 1) капитализм,
- 2) демократия.

Тут меня могут прервать и спросить: “Г-н Севастьянов, зачем вы ломитесь в открытую дверь? Выгляньте в окно: тут вам и капитализм, тут вам и демократия”.

Да, капитализм. Но не тот. Да, демократия. Но не та. И нашему капитализму, и нашей демократии не хватает одного: национальных приоритетов. *Российских и русских приоритетов.*

Мы могли бы иметь национальный капитализм, подобный тому, который существует в Японии, в Германии, тому, который строят сегодня Китай и Вьетнам. Вместо этого мы получили колониальный капитализм и таковую же демократию. (Каков базис, такова и надстройка.)

Что касается базиса, тут достаточно взглянуть на структуру экспорта-импорта и на курс рубля — и все вопросы отпадут. Но и надстройка хороша: посмотрите, что свобода слова и печати принесла на страницы газет, на волны эфира, на экраны телевизоров и кино! Идет тотальная война против наших национальных интересов и идеалов, идет безудержная пропаганда несвоих форм и норм жизни.

Нет, такого капитализма и такой демократии нам не надо!

Поэтому я позволю себе трансформировать обозначенные выше лозунги в новые, соответствующие нашей ситуации:

- 1) национал-капитализм,
- 2) национал-демократия».

Вот, собственно, и все. Слово сказано — и сказано кому следовало.

Правда, я честно признавался:

«Не могу подробнее сейчас расшифровать и термин “национал-демократия”. Думаю, что многие из

присутствующих и сами бы охотно приняли участие в такой расшифровке. Этой теме посвящены некоторые мои последние статьи, я продолжаю над ней работать. Могу пока лишь заметить, что необходимость ограничения, в интересах нации, некоторых демократических установлений бросается в глаза. Это касается, например, свободы печати и информации в той части, в которой от безграничной свободы терпит ущерб душевное, духовное и физическое здоровье общества. Пропаганда насилия, гомосексуализма, наркотиков, порнографии должны быть запрещены. Как мне кажется, должны быть внесены изменения и в избирательное право. Следует увеличить возрастной ценз избирателей: до 25 лет человек, как правило, еще слишком незрел, чтобы определять пути развития государства (в древних Афинах, этой колыбели демократии, право голоса имели только свободные мужчины старше 30 лет). Не следует избирать граждан, не имеющих детей, — это понятно. И, безусловно, должны быть лишены избирательного права представители наций, имеющих собственную государственность за пределами России: пусть едут в свою Грузию, Курдистан, Туркмению или Азербайджан и решают там судьбу своей, а не нашей страны».

То есть, несмотря на то что национал-демократическая доктрина в России еще ни в коей мере не была разработана, в моем выступлении уже четко была заявлена установка на ограничение демократических прав и свобод по национальному принципу. *Quod erat demonstrandum...* Если добавить к этому присущий моим работам яркий антисоциалистический пафос, то можно без ложной скромности сказать, что твердые основы упомянутой доктрины были тем самым заложены.

Омское выступление вошло как передовая статья в мой сборник «Национал-демократия» (1996) и стало достоянием широкой публики.

3. Колосов

Справедливость требует решения вопроса о приоритете: кто же первым не просто вякнул почти наугад «Даешь национал-демократию!», но попытался хотя бы чуть-чуть внести ясность в это понятие.

Человеком, на моей памяти осуществившим такую попытку, был Вадим Александрович Колосов, создавший всероссийский историко-культурный и общественно-политический журнал «Национальная демократия» (№ 1 — июль-август 1995, вышло всего два номера). В выходных данных указывалось: «Орган русского национально-демократического движения. Учредитель — главный редактор Вадим Колосов. Редакционный комитет: Аналитический центр “Национальная демократия”». На обложке красовалось «знамя Святослава» со львом и девиз «Наше время пришло!». Тираж значился 10 000 экз. (объявленная цифра раз в пятьдесят превышала реальную). «Основные темы номера: Гражданское общество в России — путь к Русскому Национальному Государству. Глобальный исторический процесс и истоки Русской Традиции: Мегалитическая цивилизация — Венецы — Крестьянская религия». Сразу замечу: независимо от заявки, перед нами — почти моножурнал, в котором абсолютно все определялось не мифическим «редакционным комитетом», а исключительно волей самого Колосова. Который, кстати, в обоих вышедших номерах охотно печатал меня, не входившего ни в РНДД, ни в комитет, но не печатал члена того и другого Городникова, считая его изрядным бредотворцем.

К моменту выхода первого номера мы все в большей или меньшей степени уже прониклись идеалом национальной демократии, но именно Колосов первым попробовал изложить этот идеал на бумаге в передовой статье. Получилось вот что:

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ — ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ

Наш журнал является рупором русского национально-демократического движения — политической силы, которая поставила своей целью управление процессом формирования русской нации. На страницах этого журнала будут представлены все фрагменты идеологии будущего: от конкретных политических проектов до эзотерики. Мы осознаем, что поставленная цель неизбежно приводит нас к глобальным (и даже эсхатологическим) проблемам. Ведь русская нация (если она сложится) будет претендовать только на такое положение в мире, которое обеспечит ей глобальное управление и планирование в очень широких (из соображений легальности не будем уточнять, каких) масштабах. Так что в нашем журнале будет представлена и историософия, и геополитика, и символика, и антропология.

Для нашей страны сейчас заканчивается целая эпоха — псевдоимперский период развития. После трех веков жизни в интернационалистической империи русские вдруг оказались в новой реальности — в мононациональном государстве, государстве, состоящем из русских почти на 9/10. Это — великая удача! Немного найдется народов в мире, достигших такого. Удача состоит в том, что мы получили объективные условия для перехода в новое состояние: мы можем из народа превратиться в нацию. Все наши нынешние неудачи, беды и унижения — пустяки по сравнению с этой великой целью, ибо эта цель — новый шаг эволюции общества, по значимости равный переходу к оседлой жизни или созданию городской цивилизации. По сравнению с народом нация представляет собой качественно более высокоорганизованный организм (как многоклеточное существо по сравнению с колонией простейших)...

Мы живем в мононациональном государстве (русских — 87%), но мы

живем не в русском национальном государстве. Смотрите, как интересно получается: русских в Эстонии и Латвии более трети населения, в Казахстане русских больше, чем казахов, однако Эстония, Латвия и Казахстан — это национальные государства эстонцев, латышей и казахов. Нам нужно брать пример с этих прогрессивных народов! Первым шагом в деле создания нации должно стать строительство национального государства русских. Это дело будет тем оселком, на котором будут оттачиваться русский национализм, корпоративность, взаимная поддержка и самоидентификация. Отметим однако, что главная цель — создание нации, а не государства...

Правые нас часто спрашивают: «Какие же вы националисты, если стоите за демократическое общественное устройство?» Отвечаем: в современном мире только демократия может стать тем фильтром, который остановит вторжение южан во все сферы общественной жизни! Современная демократия требует от членов общества высокой степени цивилизованности и опыта городской жизни, которые есть у русских и отсутствуют у неруси. Правильно организованное демократическое общество — идеальная система для систематического подъема вверх индивидуумов со сложными моделями поведения и опускания вниз примитивов. Неприязнь к демократии — признак полного непонимания происходящих процессов» (с. 1).

Сегодня, по прошествии полутора десятка лет, имея опыт множества дискуссий, не могу не восхититься глубиной мысли, дальновидности и точности формулировок ученого-математика. И нельзя не пожалеть, что университетские власти поставили перед ним ультиматум, заставивший отказать от политической будущности.

Конечно, к сказанному им можно многое добавить (и это, разумеется, было сделано за пятнадцать-то лет).

Но вот убавлять я бы сегодня не стал ничего, а это дорогого стоит.

Итак, констатирую: безусловно, приоритетная заявка на основополагающие национал-демократического дискурса в России осуществлена Вадимом Колосовым летом 1995 года.

Резюме

Подведем итог: что же такое национал-демократия по-русски?

В области идеологии это учение, противостоящее, с одной стороны, национал-социализму, а с другой — автократизму независимо от вида автократии (монархия, президентская республика и т. д.) с позиций этнократического республиканизма.

В области политики это такое государственное устройство, которое допускает все формы собственности на средства производства (но не на природные ресурсы), признает разделение властей при главенстве власти законодательной, имеет республиканскую форму правления, соблюдает основные права и свободы не только гражданина, но и нации (государствообразующего народа), однако гражданство при этом принадлежит только корен-

ным народам страны и приобретает по праву рождения, как в Германии, Израиле и др.

В области экономики национал-демократия базируется на национал-капитализме и является его высшей функцией и одновременно высшей санкцией.

Главный документ современного русского национально-демократического движения, разъясняющий все эти вещи до последней тонкости, — это проект Конституции России, разработанный Лигой защиты национального достоинства в 1997 г. и с тех пор неоднократно опубликованный и обсуждавшийся. Ибо он коротко и ясно, в понятных всем четких и недвусмысленных юридических формулировках разъясняет любому желающему суть Русского национально-демократического государства. Этим документом увенчался первый период развития национал-демократического дискурса, зародившийся при описанных выше обстоятельствах. Приложением к нему служит пакет разработок, касающихся построения русского национального государства.

Но об этом проекте подробнее будет рассказано в свое время.

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

С любой силой на земле и даже с самим чертом я готов объединиться ради возрождения Германии, но только не с силой глупости.

Макс Вебер

Прошлый год оказался продуктивным для националистического сегмента интеллектуального пространства России. Во-первых, усилиями многих теоретиков и медиа-активистов были достигнуты определенные, пусть и скромные, успехи в деле политической реабилитации самого понятия русского национализма как идеологии демократического большинства. В этом смысле в нашей стране продолжается процесс «национализации» общественно-политического дискурса, активно усилившийся после известных событий в Кондопоге, где — как и во многих других городах и весях — возник поразительный на первый взгляд феномен отчуждения национального (народа) и политического (государства).

Речь идет о случаях, когда относительно небольшая, но активно и даже агрессивно действующая группа, причём этнически и фенотипически отличная от большинства населения, смогла захватить контроль над социальным пространством, открыто терроризируя местных обитателей. И все это, естественно, при попустительстве коррумпированных властей. Ведь, как удачно

выразился Виталий Третьяков, хотя каждый отдельно взятый российский чиновник — пламенный патриот России, на первом месте для него всегда стоят его личные интересы. Стоит ли говорить, что ключевым в этой истории является не стремление этнических группировок контролировать рынки и даже хозяйственные отрасли целых регионов, а сама возможность этого социально-онтологического рейдерства — ввиду отсутствия у абсолютного, но атомизированного большинства эффективных механизмов защиты собственных интересов, даже в такой стратегически важной сфере, как безопасность. По сути, это означает только одно — речь идет об отсутствии государства в современном смысле, способного действовать в интересах большинства, т.е. об отсутствии демократического государства. На этом догоббсовском фоне само существование в каком-либо городе учреждений с вывесками «милиция», «администрация» и т.п. ничего не меняет с точки зрения институциональной теории демократии. В этом смысле последние модернизационные инициативы президента Медведева могут интерпретироваться как попытка высшей власти дать ответ в т.ч. и на этот массовый демократический запрос — ввиду полной нефункциональности коррумпированного госаппарата в центре и на местах.

Интеллектуальное осмысление необходимости демократии как важнейшего

принципа организации русской жизни как раз и стало заметным трендом теоретической дискуссии в националистической среде. В то же время также примечательно почти полное отсутствие интереса к данной проблематике среди либеральной публики, пытающейся скорее дискредитировать демократический поворот русского национализма посредством подмены понятий, например, при помощи страшилок вроде этнизации русского дискурса.

Однако подобное «молчание ягнят» со стороны представителей русской либеральной мысли лишь подчеркивает всю актуальность, т.е. нерешенность задач объединения дела русской свободы с делом национальным и государственным, поскольку в России так и не случилось гегелевского «примирения» (*Versöhnung*) власти/собственности с народными представлениями о справедливости и социальной ответственности. Остается лишь надеется, что нынешнему поколению российских политических и интеллектуальных элит либерального толка удастся совершить национальный и социальный поворот до того, как они вновь окажутся на обочине истории.

В этом смысле не только русским либералам, но и русским националистам может оказаться бесполезным знакомство с таким феноменом европейской политической истории, как немецкий национал-либерализм.

Национализм плюс

За последнее время в мире и у нас было написано множество работ, посвященных истории понятия «национализм» и различным аспектам этого важнейшего маркера политического дискурса современности. При всех различиях в подходах и деталях, общим для большинства исследований является утверждение об амбивалентном характере этого явления общественного сознания эпохи Модерна. С одной стороны, их авторами, безусловно, признается взаимосвязь национализма

с республиканизмом, либерализмом и патриотизмом буржуазных демократий Европы и Америки с их представлением о массовой гражданской «нации патриотов», наделенных неотчуждаемыми правами и свободами. С другой стороны, очевидно, что национализм невозможно однозначно вывести ни из какой-либо политико-правовой идеологии, ни из характера правления, ни из любви к конституции, ведь формы конституции и правления, как и сами политические доктрины, не есть нечто, заранее предназначенное для конкретного народа. Всему этому как бы всегда предшествует «собственно любовь к отечеству», о которой, согласно Канту, «мы можем говорить только тогда, когда она направлена на соединенную коллективность народа, которую мы рассматриваем в качестве племени, а себя — в качестве его членов» («Метафизика нравов»)¹. Или, говоря словами

¹ Так что, как показал в своей работе «Универсализм прав человека и патриотизм» современный немецкий философ Манфред Ридель, в спорах «просвещенного космополитизма» с «национализмом» (якобы относящимся ко вчерашним традициям национального государства) первый напрасно ссылается на кантовский универсализм прав человека. В этом смысле «кенигсбергский затворник» никак не разделяет часто приписываемый ему абстрактно-универсалистский подход вульгарного Просвещения: у Канта любовь к своему народу и своей стране не противопоставляется космополитизму, но они вполне согласуются друг с другом как различные проявления любви к человечеству. То есть, вопреки распространенному заблуждению, кантовский «универсализм» не исключает патриотического чувства, которое он не сводит к конституции государств: принцип универсального права человечества (*jus cosmopoliticum*) реализуется через гражданское участие в конкретном государстве как политическом сообществе. Более того, существующие морально обоснованные чувства одновременно являются (потенциально) универсальными и (фактически) направленными на свой народ.

современного российского исследователя А.И. Миллера, «национализм, таким образом, не стоит в одном ряду с идеологиями типа либеральной или социалистической». На это указывает уже сама совместимость национализма с основными идеологическими доктринами современности, в виде, например, национал-коммунизма или национал-либерализма. Ральф Даррендорф на примере немецкой истории перечисляет примеры подобной политической валентности национализма как рамочной перспективы: «В имперской Германии были национал-националисты, как Трейчке, национал-социалисты, как Шмоллер, национал-либералы, как Вебер». На попытку национал-либералов и конкретно Макса Вебера соединить ценности индивидуальной свободы как важнейшего результата и фактора европейского Модерна с национальным как онтологическим горизонтом социального действия мы и попытаемся обратить внимание читателя в данном материале.

В целом здесь будет полезно сравнить данную ситуацию «национал-плюрализма» во Втором Германском рейхе с нашей, когда понятие «национализм» в значительной мере оказалось политически застолблено разношерстной группой «идеологических виртуозов» (М. Вебер) определенного разлива — то есть немногочисленными маргиналами, эдакими профессиональными любителями России до абсурда. Сегодня эта заметно увеличившаяся публика (различного толка «национал-державники», зоологические националисты, советские сталинисты, православные монархисты и проч.), переживает свой ренессанс, инспирированный в т.ч. рядом «русских» культурно-политических инициатив окол властных группировок. В результате подобного отождествления националистического с обскурантистским всем смысловой ряд *русский* — *национальный* — *национализм* оказался в серьезной степени дискредитирован

в глазах широкой публики сторонниками инфантильно-упрощенной версии прошлого и будущего России, не говоря уже о ее настоящем. Хотя, как показывает история понятий, нашим «нормальным», т.е. политическим националистам не стоит расстраиваться раньше времени — главное, чтобы у нас как можно скорее появился национализм в «подлинном», позитивном (нешовинистическом) значении идеологии большинства, и тогда это понятие будет тут же реабилитировано. Правда, здесь возможен и иной вариант: если спор за понятие будет иметь сомнительный исход, то после подобного периода семантической неясности может устареть первоначальное, а не новое словоупотребление. По Квентину Скиннеру, это будет означать серьезный идеологический провал, поскольку такие перемены указывают на утрату понятием его прежней оценочной силы. Так, закрепление за словом «националист» его нынешнего значения («красно-коричневый», шовинист, «жидоед») может значительно сократить сферу его применения, зарезервировав за ним узкую идентификационную функцию, что будет означать крах карьеры этого базового политического понятия эпохи Модерна.

Так что многим русским националистам — вместо того чтобы противопоставлять патриотизм и космополитизм, державность и демократию, Православие и Современность — стоит прислушаться к старику Канту и прекратить свои мракобесные, и самое главное — антигосударственные, антинародные, антирусские камлания по поводу «суеверной бюрократии», восстановления монархии, православной автаркии и т.п., поскольку, как показывает печальный исторический опыт нашего народа, за всей этой игрой в новый Иерусалим или новую Византию обычно маячит банальная Туркмения...

Краткая история вопроса

Говоря о генезисе немецкого национал-либерализма, обычно вспоминают последствия Венского конгресса, оставившего нереализованными национальные чаяния немцев, разбуженные в ходе т.н. «освободительных войн» против наполеоновской Франции. Парадоксальным, на первый взгляд, образом требование национального единства Германии сочеталось с борьбой за буржуазные права и свободы, введенные в некоторых германских княжествах под влиянием идей именно Французской революции. Многие из этих либерально-демократических завоеваний были впоследствии ограничены «Карлсбадскими постановлениями» Германского союза в августе 1819 г. в рамках политики реставрации². Двойные требования — демократизации и объединения страны — составляли ядро политической программы либеральной и радикальной частей политического спектра Германии предмартовского периода. В ходе мартовской революции 1848 г. оба главных требования немецкого национал-либерализма нашли свое выражение в разработанной Франкфуртским национальным собранием «конституции Паульскирхе», гарантировавшей буржуазные права человека и соучастие народа в управлении государством. Поражение революции и успехи Бисмарка при малогерманском решении вопроса германского объединения привели к сближению национально ориентированных либералов с Пруссией³, где и возник-

ла в 1861 г. Германская прогрессивная партия, из которой позже (1867) и образовалась Национально-либеральная партия (НЛП).

Помимо общелиберальных требований создания правового государства на основе конституции НЛП ориентировалась на защиту интересов крупной буржуазии в рамках политики национального объединения после Кенигграца. Созданная бывшими лидерами прогрессистов Хансом фон Унру и Эдуардом Ласкером новая политическая сила некоторое время даже являлась ведущей политической силой Второго рейха, просуществовав до 1918 г. Наряду с т.н. имперскими консерваторами национал-либералы стали главной опорой Бисмарка — например, в 70-е гг. XIX в. партия имела большинство мест в рейхстаге. Именно благодаря поддержке национал-либералов были реализованы многие внутри- и внешнеполитические планы Бисмарка, — и это при том, что НЛП никогда не отличалась большим количеством членов. Подобную структурную слабость партия компенсировала тесным взаимодействием с организациями, представлявшими интересы серьезных социальных групп, например, такими, как Центральный союз немецких промышленников (предшественник нынешнего Федерального союза немецких промышленников, крупнейшего объединения), а также националистический и империалистический Пангерманский союз. Подобные партнеры партии в свою очередь оказывали серьезное влияние на ее политику, вплоть до противоречий с собственно либеральными принципами. Достаточно вспомнить эпизоды, при которых национал-либералы стали для Бисмарка инструментом создания большинства: Культуркампф, закон против социалистов, введение заградительных пошлин и др. В ряде случаев им пришлось наступать на горло собственной песне, что помимо внутреннего размежевания приводило к ослаблению

² Примечательно, что поводом к Карлсбадской конференции стало убийство политического агента русского правительства А. Коцебу радикально настроенным немецким студентом К. Зандом 23 марта 1819 г.

³ По меткому замечанию историка А. Патрушева, «с первыми победами прусского оружия еще недавно фрондировавшие вожди либералов открыто перешли к поддержке Бисмарка» (см.: *Патрушев А.И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 280).

собственно либеральной программы партии⁴.

Между тем политическая модернизация Второго Германского рейха, которой так отчаянно сопротивлялся «железный канцлер», привела к переносу давления широких социальных слоев и групп, возникавшего в социально-экономической сфере, в сферу политическую. В институциональном плане это привело к возникновению устойчивых клиентел, а не просто сторонников того или иного мировоззрения. В этом смысле германский политический либерализм, наряду с социал-демократией, также из идейного движения превратился в партийную структуру с широкой социальной базой. Впрочем, это его достоинство со временем превратилось в серьезный недостаток ввиду быстрой поляризации интересов внутри базового электората (протестантские средние слои). Попытки примирить интересы крупных промышленников и мелких предпринимателей, университетских профессоров и школьных учителей, не говоря уже об аграриях, были обречены на провал как в НЛП, так и других либеральных структурах и их фракциях⁵. Так что все время сво-

его существования многочисленные политические организации национал-либералов были заняты непрекращающейся внутренней борьбой за определение партийного приоритета: нации в отношении свободы или же, напротив, национального в отношении либерального. Поэтому для них были характерны частые конфликты между различными фракциями и расколы (1880, 1887). Практически любой серьезный вопрос грозил партии размежеванием левого и правого флангов. Следствием выхода групп и фракций, не согласных с тесным сотрудничеством НЛП с консервативными и реакционными силами, стала угроза утраты ею своего политического профиля как силы, объединяющей национальные ценности с завоеваниями буржуазного либерализма. В результате идеологического мезальянса с правыми партия постоянно теряла голоса, набрав на последних предвоенных выборах 1912 г. в рейхстаг лишь 13,6%. В это время партия — под влиянием милитаристских организаций типа Союза в поддержку германского флота (*Deutscher Flottenverein*) — поддерживала агрессивную военную и колониальную политику, а во время начавшейся мировой войны выступала за неограниченную подводную войну⁶.

⁴ Так, в 1884 году руководство НЛП заявило, что оно «полностью поддерживает усилия имперского правительства, направленные на улучшение положения трудящихся классов. <...> Самым важным долгом государства мы считаем установление порядка и правовых норм, <...> и поэтому считаем совершенно необходимым продление закона о социалистах» (цит. по: *Матвеева А.Г.* Германская империя 1871–1914. М., 2002. С. 36). Стоит ли говорить, что подобными заявлениями партия окончательно утратила собственный политический профиль объединения, организованного в либеральном духе ради борьбы за либеральные принципы, растворившись в проправительственном курсе консерваторов.

⁵ Ср. признание видного деятеля НЛП А. Хобрехта, писавшего в 1897 г.: «...соблюдение экономических интересов является для

нас скорее источником опасности, чем единства. Мы должны искать свою нишу в том, чтобы противоречащие друг другу экономические устремления пытаться примирить друг с другом и привести к какому-то единству. Мы не являемся представителями одного класса или социального слоя, тот тезис, что мы представляем интересы образованного среднего слоя, является ничем иным, как ораторским лозунгом» (см.: Там же. С. 90).

⁶ Что происходило в это время на либеральном фланге общественного мнения, хорошо демонстрируют съезды германских историков: по словам немецкого исследователя П. Шумана, начавшись как форма протеста ученых против вмешательства государства в дела нации, они за двадцать лет выродились в «конформистские съезды политических

Даже когда стало очевидно, что война проиграна, НЛП отказалась поддерживать мирную резолюцию рейхстага, подготовленную левыми и центристами.

После Ноябрьской революции НЛП распалась, и ее левое крыло объединилось с левым крылом Прогрессивной народной партии в Немецкую демократическую партию (*Deutsche Demokratische Partei*, сокр. *DDP*)⁷. НДП объединила в своих рядах таких тогдашних и будущих знаменитостей, как министр иностранных дел Веймарской республики Вальтер Ратенау, первый президент ФРГ Теодор Хойс, нобелевский лауреат писатель Томас Манн, философ Эрнст Кассирер, лауреат Нобелевской премии мира Людвиг Квидде, «отец» Веймарской конституции Гуго Пройс и др. Среди ее членов мы даже встречаем будущего «клиента» Нюрнбергского трибунала

националистов», а сами либеральные ученые — в «национал-либералов или немецких националистов» (цит. по: *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992. С. 20).

⁷ Правое крыло НЛП во главе с ее председателем Густавом Штреземаном, не сумев договориться с представителями левого крыла партии и прогрессистами об объединении в единую либеральную партию, образовало Немецкую народную партию (ННП), понимаемую как прямое продолжение НЛП. Камнем преткновения стало отношение правых либералов к республике и демократии, а также сама фигура их лидера, известного своими империалистическими взглядами. При этом ННП — как и НЛП кайзеровской эпохи — понимала себя прежде всего как *либеральная*, а не *демократическая* партия, для которой политика в интересах индивида была важнее защиты интересов большинства. Очевидно, что при подобном либерально-элитарном подходе под целевым электоратом понимались образованные и имущие, которых само их положение квалифицирует как тех, кто лучше понимает подлинные интересы общества и отдельных его членов.

Ялмара Шахта, имперского министра экономики и президента Рейхсбанка, по сути, одного из главных организаторов военной экономики нацистской Германии. Первым председателем партии стал теолог Фридрих Науман. Не без его влияния в рядах НДП оказался и выдающийся социолог Макс Вебер, о национал-либерализме которого у нас пойдет речь ниже.

Несмотря на столь «звездный» состав, новая партия сохранила все негативные черты, характерные для предшествующих политических объединений либералов: расплывчатость и даже конфликт целей, постоянные внутривнутрипартийные трения, частую смену руководства. Настоящей катастрофой для НДП стала проблема отношения к позорному для Германии Версальскому договору, одобренному рядом ее депутатов. Все это неизменно сказывалось на популярности НДП у избирателей: если в 1919 г. она была третьей по силе партией Веймарской республики, то уже через год умудрилась потерять половину своих избирателей. Как всегда, виной тому были перманентные дискуссии об абстрактных принципах и ценностях, часто очень далекие от практических проблем масс. В результате неистребимой склонности либералов к бесконечным дебатам за НДП закрепился малопривлекательный имидж сборища малопрактичных теоретиков, занятых в основном своим интеллектуальным междусобойчиком. Помимо имиджа клуба болтунов, партия также получила в общественном мнении устойчивую ассоциацию в качестве представителей крупного капитала, что в дальнейшем успешно использовали национал-социалисты, диффамируя ее как «*Judenpartei*». Несмотря на участие НДП во всех выборах в рейхстаг вплоть до прихода к власти Гитлера, одновременно с потерей голосов партия постоянно теряла членов, финансовую поддержку и симпатию печатных органов. Лучшее всего крах политического проекта выража-

ют цифры: если в январе 1919 г. партия собрала 18,5% голосов (75 мест в рейхстаге), то в мае 1928 г. — лишь около 5 процентов.

Макс Вебер как *spiritus rector* немецкого национал-либерализма⁸

Как уже говорилось, в соответствии с ключевой для Канта идеей мирового гражданства, человек как гражданин мира и земли, как истинный «космополит», чтобы «способствовать благу всего мира, должен иметь склонность в привязанности к своей стране». Более того, теоретик всемирного правопорядка борется с просветительской идеей всемирного братства людей: он даже называет знаком провидения то, что народы не сливаются в одно, а благодаря центробежным силам находятся в конфликте. При таком положении вещей национальное чувство и национальную гордость как факторы различения нации следует признать необходимыми, поскольку это суть естественные факторы разделения⁹.

⁸ Материалы данного раздела были частично опубликованы в работах: *Кильдюшов О.* [Рецензия на книгу:] Макс Вебер. Политические работы (1895–1919) // Критическая масса. 2003. № 3; *Кильдюшов О.* По следам наших выступлений, или Несколько замечаний по поводу одной «странной» дискуссии // Логос. 2007. № 1 (58). Раздел 2. С. 161–167.

⁹ Как показывает М. Ридель, Кант отличал их от таких искусственных факторов, как религиозный фанатизм, милитаристский дух, национал-шовинизм (когда «народ любит свою страну против других»). Последние скорее являются инструментами во внутри- и внешнеполитической борьбе за власть: «Разум дает нам закон, на основании которого инстинкты, поскольку они слепы и дирижируют животностью в нас, должны быть заменены максимами разума. Чтобы искоренить национальное ослепление, его должны заменить патриотизм и космополитизм». Чтобы убедиться в том, что в современной России кантовское политическое завещание так и не дошло до патриотического адресата, доста-

О влиянии философии Канта на мир идей Макса Вебера хорошо известно: уже в возрасте 13 лет он приступил к изучению кантовского наследия. Более того, он был не просто знаком с идеями баденских неокантианцев, но часто принимал их главу В. Виндельбанда в своем доме в Гейдельберге, бывшем своеобразным интеллектуальным клубом, а с Г. Риккертом вообще вместе учился в гимназии¹⁰. Вполне в духе кантовского подхода к проблеме соотношения индивидуальной свободы и лояльности к своей *мы*-группе находятся и национально окрашенные идеи либерала Макса Вебера, все политические тексты которого (включая публицистические интервенции в текущую политику), несмотря на всю их жанровую гетерогенность, были написаны, по словам жены ученого Марианны Вебер, «кровью из сердца страстного немца», для которого «величие его нации, особенность ее сущности и задачи представляли несомненную ценность каждый день его жизни». Вебер за свою не очень продолжительную жизнь оставил заметный след в истории духа, например, в обосновании социологии как научной дисциплины, в теории науки и проч. Давно настало время обратить более серьезное внимание на либеральный национализм Вебера как политиче-

точно бросить беглый взгляд на сочинения многих наших «ревнителей России». Беглый, поскольку используемые в них образы и фигуры речи из языка ненависти представляют собой настолько незатейливые конструкции, что вопрос содержания часто отходит на второй план. Так, для многих профессиональных «русских», с одной стороны, характерно довольно сумбурное «миропонимание», а с другой — самопонимание в качестве неких воинов Света в окружении Тьмы.

¹⁰ Подробнее о диалоге-споре Вебера с неокантианцами см. главу «М. Вебер и Г. Риккерт» в фундаментальном труде: *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998. С. 51–88.

ское следствие его интеллектуального проекта¹¹.

Вольфганг Моммзен, говоря о национализме Вебера, называет его адекватным выражением национализма самой эпохи, для которой был характерен симбиоз политического либерализма и национализма, трудно представимый сегодня. Сразу следует отметить, что противоречивость или даже сомнительность многих политических представлений и самой деятельности Вебера-политика до сих пор являются предметом острых споров. Так, на одном из социологических конгрессов крупнейшие «специалисты по Веберу» всерьез обсуждали связь веберовского пафоса харизматического лидерства, его собственных политических воззрений и той интеллектуальной среды, где теоретически «готовился» нацистский вождизм. Результаты дискуссии неутешительны: вопросов по-прежнему больше, чем ответов. Стал ли Вебер интеллектуальным пророком национал-социализма поневоле¹², был

¹¹ Следует заметить, что примат национального оставался характерным для взглядов ученого на протяжении всей его жизни. Даже в конце жизни, выступая на тему «Германия среди мировых европейских держав», Вебер отказывался от партийной перспективы на происходящее, объясняя это тем, что «политику я всегда рассматривал только с национальной точки зрения, не только внешнюю, но всякую политику вообще». На что следует комментарий Марианны Вебер: «следовательно, совершенно так же, как уже в молодости». Ср.: *Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера*. М., 2007. С. 476.

¹² Определенный интерес в этой связи представляет исследование К. Клингемана «Социология в Третьем рейхе». Особенно примечательно эссе «Макс Вебер в имперской социологии 1933–1945 гг.». Так, несмотря на тогдашнюю «несвоевременность» веберовского постулата о науке, свободной от ценностных суждений, сам Вебер, по Клингеману, продолжал оставаться авторитетом

ли он реформатором-стратегом или даже радикалом, выступающим в пользу «безусловно радикальной социальной демократизации»¹³ или же всю жизнь оставался национал-либералом, хотя часто и «в пограничной ситуации»? Наиболее адекватной представляется мысль о том, что однозначное позиционирование Вебера на политическом поле вряд ли уместно, если учитывать его «методическое» упрямство и глубокий скепсис по отношению к реальной политике и политикам после Бисмарка. Фигура Вебера не позволяет так просто присвоить себя ни одному общественно-политическому течению, даже несмотря на то, что он был одним из основателей либеральной НДП¹⁴.

для нацистских социологов. Причем это касалось не только университетских преподавателей, пытавшихся дистанцироваться от нацистского концепта науки, но и откровенных национал-социалистов и даже отдельных партийных вождей вроде Ханса Франка: *Klingemann Carsten. Max Weber in der Reichssoziologie 1933–1945 // Klingemann Carsten. Soziologie im Dritten Reich*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1996.

¹³ *Вебер Макс*. Политические работы (1895–1919). М.: Праксис, 2003. С. 345

¹⁴ Марианна Вебер таким образом выразила принципиальную амбивалентность политических взглядов своего великого супруга на рубеже веков: «Ему было бы нелегко войти в какую-либо из существующих партийных групп. Национально-социальное движение не могло серьезно браться в расчет. С левыми либералами он разделял демократические идеалы, но не находил у них атмосферы большого национально-политического пафоса — в этом отношении они были для него «обывателями». С национал-либералами он разделял индивидуалистические убеждения и отношение к промышленному капитализму как к необходимой для народного хозяйства организующей силе. Препятствием был недостаток у него социальных и демократических убеждений и социально-политического понимания. С консервативными и пангерманскими кругами его объединял национальный

Тем не менее его собственные представления о *Führerschaft* и «плебисцитарной вождистской демократии» постоянно провоцируют вопрос — явно не без влияния важного исследования В. Моммзена «Макс Вебер и немецкая политика», — как бы повел себя Вебер по отношению к Гитлеру и движению национал-социалистов¹⁵.

Стоит ли говорить, что его работы вряд ли представляли бы сегодня для нас какой-нибудь интерес, если бы помимо «крови сердца» национально мыслящего немца они не были написаны еще и «холодной головой глубокого мыслителя, чье внимание было непрестанно приковано к *необходимому* и *возможному* в немецкой политике». С этим вполне созвучно утверждение самого Вебера: «политику делают головой». (Однако, учитывая собственную страсть к политике, к которой «его душа была привязана», он добавляет: «но, разумеется, не только головой».) Еще более красноречиво вынесенное в эпиграф высказывание, сделанное незадолго до его смерти: «С любой силой на земле и даже с самим чертом я го-

пафос, однако они поддерживали экономическую политику аграриев за счет немцев, за счет соотечественников» (см.: *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 199).

¹⁵ Несмотря на всю сомнительность подобного мыслительного эксперимента, можно все же с уверенностью утверждать следующее: интеллектуальный и моральный габитус Вебера полностью исключал саму возможность поведения в духе его «ученика» Карла Шмитта и многих других интеллектуалов (как правого, так и левого толка), поставивших волю к познанию на службу воли к власти, причем часто вполне программно и совершенно открыто. Дело в том, что национализм Вебера был вовсе не идентичен национализму немецких консерваторов и реакционеров, поскольку он всегда подчеркивал, что гражданские права и свободы не только не могут быть принесены в жертву интересам нации, но и сами являются предпосылкой национального могущества вовне.

тов объединиться ради возрождения Германии, но только не с силой глупости».

Удивительным на первый взгляд образом личная жизнь классика также имеет прямое отношение к обсуждаемому предмету «национализм». Осенью 1893 г. Макс Вебер женится на Марианне Шнитгер. Эта дама из семьи промышленников являлась одной из ключевых фигур женского движения в тогдашней Германии. Впоследствии это обстоятельство часто приводило к серьезным заблуждениям относительно политических оценок как самого ученого, так и его супруги. Как пишет Гюнтер Рот в своем предисловии к биографии Вебера, написанной Марианной Вебер: «Ничто так не разделяет большую часть предыдущего немецкого женского движения от сегодняшнего феминизма, как национализм 1914 года». Это объясняется очень просто: тогда не существовало никакого автоматизма отождествления общественного движения женщин с левыми, и тем более с интернациональными взглядами.

Даже занимаясь острыми политическими темами, Вебер всегда пытался избегать «социализма с кафедры», столь свойственного ненавистным ему «литераторам». Его основной интерес заключался не в абстрактном гуманизме и либерализме *per se*, а в укреплении национальной государственности, которая невозможна без социальной и политической справедливости: «Мы занимаемся социальной политикой вовсе не для достижения человеческого счастья», — заявляет Вебер на Евангелическо-социальном (!) конгрессе в 1894 г. И повторяет год спустя в своей лекции «Национальное государство и народнохозяйственная политика», прочитанной при вступлении в должность профессора Фрайбургского университета: «Цель нашей социально-политической работы — не осчастливить мир, а привести нацию к социальному единению, нарушенному современным экономическим разви-

ем, во имя тяжелых боев будущего»¹⁶. Эта переполненная национальным пафосом речь, состоящая из аналитико-эмпирической, научно-теоретической и прагматико-политической частей, начинается с актуального тогда «польского» вопроса и достигает кульминации в государственно-политическом тезисе, суть которого состоит в том, что сильная внешняя политика (ставшая, по Веберу, одновременно вызовом и судьбой немецкой нации после 1871 г.) невозможна без внутренней демократизации Германии. Несмотря на весь национализм, здесь нельзя не заметить острую критику кайзеровской плутократии, ее деструктивной политической близорукости, ориентированной лишь на внешний эффект. Но в целом это *националистический манифест*, нацеленный на артикуляцию *теоретически фундированной* позиции в ситуации *политического противостояния*: «Меня побудили опубликовать эти соображения не одобрения, а протесты, которые они встретили у многих слушателей», — говорит он в предисловии к публикации речи¹⁷. Примерно в это же время впервые проявляется интерес Вебера к вопросу о политической компетенции рабочего класса и проблеме его интеграции в национальное тело¹⁸.

¹⁶ Вебер Макс. Политические работы. С. 37. Впрочем, и он иногда использует язык вполне возвышенный, если не сказать поэтический: «В этой смутной, полусознанной устремленности в даль скрыт момент примитивного идеализма. Кто не может расшифровать этого, тому неведомы чары свободы» (см.: Там же. С. 15).

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ По словам многолетнего друга Вебера Ф. Наумана, отношение богатых и образованных к положению трудящихся характеризовалось тем, что рабочее движение «более чем на целое поколение было почти потеряно» для германского либерализма» (*Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. С. 28).

Но еще до Фрайбургской речи, в 1892 г. он опубликовал первые результаты исследования положения немецкого сельского населения в восточных провинциях и причин его миграции в города. Эта работа была проведена по заказу уже упоминавшегося Евангелическо-социального конгресса, организацией либеральных теологов, с которой он сблизился благодаря своей матери. В своих выводах Вебер требует закрытия восточных границ рейха для поляков: здоровое соотношение различных групп населения, особенно на оказавшемся под угрозой востоке страны, являлось для него основополагающим условием любой народно-хозяйственной политики¹⁹. Стоит ли говорить, что сегодня, во времена всеобщей политкорректности, его прямое неприятие массового вторжения «иностранных сограждан» — именно таким понятием — противоречием-в-себе именуют иммигрантов в современной Германии — принесло бы ему репутацию ксенофоба и расиста. И лишь международная научная репутация «защищает» его от превращения в фигуру умолчания для т.н. прогрессивной либеральной общественности. Что не удивительно в свете высказываний следующего рода: «В первую очередь, я намереваюсь *на одном примере* наглядно показать ту роль, которую физические и психические расовые различия между национальностями играют в экономической борьбе за существование»²⁰.

Но идеологические игры и табу должны мало интересовать ученого, изучающего реальный мир. Поэтому, сравнивая различные параметры (сре-

¹⁹ Интересно, что сегодня эти его разработки практически недоступны для исследователей, хотя они вновь стали актуальны и содержат слишком убедительные аргументы против усиливающегося *Überfremdung* (засилья чужих) в форме бесконтрольного наплыва иммигрантов во многих частях современной Германии.

²⁰ Вебер Макс. Политические работы. С. 8.

ди которых также род занятий и этническое происхождение), Вебер делает следующий социологический вывод: «у поляков есть тенденция концентрироваться в самых нижних в экономическом и социальном отношении слоях населения»²¹. То есть, употребляя понятие раса не столько в естественнонаучном понимании (с точки зрения биологии или физической антропологии), сколько в «социологическом» (в значении определенных социальных характеристик), он рассматривает поляков в качестве обозначения определенной социальной группы, обладающей общими наследуемыми свойствами. Наблюдая национальную и социальную корреляцию, Вебер диагностирует лучшую приспособляемость поляков, причину которой он видит в низких требованиях к уровню жизни, — их продвижение на все новые территории обусловлено тем, что поляк может жить «на подножном корму, не *вопреки*, а *благодаря* низкому уровню своих житейских и духовных привычек». И неважно, возникших ли «от природы» или привитых в прошлом. Главное и самое тревожное другое: «Не всегда — как мы уже видели — отбор при свободной игре сил в отличие от того, что считают наши оптимисты, завершается в пользу экономически более развитой или более способной национальности. История человечества ведает победы малоразвитых типов человека, а также вымирание интеллектуальной и духовной элиты, когда человеческое общество, породившее такую элиту, утрачивает приспособляемость к собственным жизненным условиям, будь то в силу своей социальной организации или же расовых качеств»²².

Неудивительно, что и в Национально-социальном союзе Фридриха Наумана Вебер надеется объединить национальные и социальные идеи, с безусловным приматом национально-

го²³. Более того — с 1893 по 1899 год он являлся членом крайне националистического объединения Пангерманский союз (*Alldeutscher Verband*), среди членов которого было множество крупных деятелей науки, например отец геополитики Ф. Ратцель и биолог Э. Геккель. Кстати, примечательны причины его выхода из этой организации, проявившей свой антинациональный и реакционный характер: «пангерманцы» по соображениям экономической выгоды выступали за привлечение дешевой польской рабочей силы на востоке рейха²⁴. Вебер, как уже говорилось, отклонял это по принципиальным соображениям, опасаясь угрозы отчуждения и захвата в дальнейшем немецких областей (всего через 25 лет отторгнутых от Германии «версальскими умиротворителями» в пользу Польши). Для «экономических националистов» веберовского типа неприемлемо превращение экономики в самостоятельную сферу, находящуюся по ту сторону национальных интересов, поскольку существует лишь один масштаб ценностей — национальный...

Статьи и лекции о немецкой поли-

²³ В организации союза он также принимал определенное участие, даже выступив на учредительном съезде с критикой утопических надежд («болтовни пасторов») отвоевывать рабочих у социал-демократии. Для Вебера здесь было важнее то, что с помощью социального законодательства можно было попытаться создать предпосылки для усиления национальной идентификации рабочих.

²⁴ В своем заявлении о выходе из организации от 22 апреля 1899 г. Вебер прямо называет польский вопрос причиной своего выхода и сокрушается, что пангерманцы никогда не требовали выселения поляков с такой настойчивостью, с какой они выступали за депортацию чехов: «Денежные интересы аграрного капитала, представителями которого являются многочисленные консервативные члены Вашего союза, выше для него, чем жизненные интересы немецкого народа» (цит. по: *Вебер Марианна*. Указ. соч. С. 200).

²¹ Там же. С. 10.

²² Там же. С. 17–18.

тике сопровождают всю жизнь Макса Вебера с самого начала его интеллектуальной деятельности. Так, в годы Первой мировой войны его имя связано с кампанией против неограниченной подводной войны. В письмах и статье «Избирательное право и демократия в Германии» (1917) Вебер выступал в защиту прав возвращавшихся с фронта солдат, игнорировать которые безнаказанно нельзя «даже в политике», ведь и там существует «известный минимум чувства стыда и долга»²⁵. Однако в последние месяцы войны работы, посвященные политической тематике (прежде всего — послевоенному устройству Германии) появляются с особой интенсивностью. За несколько недель серия его статей в газете «Франкфуртер Цайтунг» превратилась в небольшого формата книгу «Парламент и правительство в новой Германии». Эти статьи не потеряли своей актуальности в Германии и после Второй мировой войны. В них, как и в ряде других работ, Вебер рассматривает вопросы демократизации и парламентаризации политической жизни, будущее федеративное и социальное устройство страны.

Несколько важных веберовских публикаций того времени были посвящены предстоящим мирным переговорам и вопросу об ответственности немцев за развязанную войну, вылившуюся в общеевропейскую катастрофу. С проблемой Версаля Вебер сталкивался не только за письменным столом, поскольку в качестве члена группы экспертов отправился туда в составе немецкой делегации. Еще до этой поездки, 3 февраля 1919 г. в Гейдельберге по инициативе принца Макса Баденского было основано «Общество правовой политики», объединившее таких выдающихся интеллектуалов, как Макс и Альфред Веберы, Эрнст Трельч, Луйо Брентано и др. Целью организации

было научное изучение вопроса о виновнике мировой войны, юридическое рассмотрение которого предполагалось провести в независимом международном суде. Естественно, подобная аналитическая деятельность Вебера и компании соединялась с критикой политики Антанты в отношении Германии и борьбой с распространяемой «ложью о виновнике войны». Так что великий ученый пытался действовать в Версале не только в интересах германского МИДа, но и представлял взгляды национально-ориентированной общественности побежденной страны.

В целом во время революционного карнавала²⁶, как он сам это называл,

²⁶ На пути в Париж Вебер навестил генерала Эриха Людендорфа, одного из главных кандидатов в военные преступники. Об их разговоре ученый так часто рассказывал, что друзья смогли впоследствии реконструировать ход беседы крупнейшего военного деятеля и выдающегося мыслителя. Не откажем себе в удовольствии привести здесь ее фрагмент.

Людендорф: Вот Вам Ваша прославленная демократия! В этом Виноваты Вы и «Франкфуртская газета»! *Что* стало теперь лучше?

Вебер: Неужели Вы думаете, что я считаю это свинство, которое мы теперь получили, *демократией*?

Людендорф: Если Вы так полагаете, мы можем, пожалуй, прийти к взаимопониманию.

Вебер: Но и прежнее свинство также не было монархией.

Людендорф: Что же вы тогда понимаете под демократией?

Вебер: В демократическом государстве народ избирает вождя, которому доверяет. Затем избранный говорит: «Теперь молчите и повинуйтесь». Народ и партии не должны вмешиваться.

Людендорф: Такая «демократия» может мне понравиться!

Вебер: Затем народ вершит суд — если вождь совершил ошибки — на виселицу его!..

Цит. по: *Вебер Марianne*. Указ. соч. С. 536.

взгляды Макса Вебера на политическое устройство Германии проделывают определенную эволюцию. Так, например, он стал выступать за республику с прямыми президентскими выборами вместо конституционной монархии, которая «не выполнила подобающей ей функции»²⁷. «Итоговой» в этом смысле, помимо брошюры «Будущая государственная форма Германии», можно считать и статью «Рейхспрезидент». Проблема политического лидерства, столь волновавшая Вебера-теоретика, нашла свое отражение в практической деятельности Вебера-политика. Главный вопрос состоит в том, при каких институциональных условиях возможна эффективная деятельность лидера. В свете позднейшей истории не просто (особенно немцам) использовать термин, которым свободно оперирует Вебер²⁸, тем не менее здесь речь идет о том, «чего бюрократия не может» в принципе: это новаторство, проявление инициативы, готовность и способность делать дело. Именно поэтому он поддержал тех, кто внес в Веймарскую конституцию статьи о прямом избрании рейхспрезидента и возможности правления путем внепарламентских чрезвычайных постановлений²⁹. Впоследствии на него пытались возложить

часть ответственности за то, каким образом президент-фельдмаршал Гинденбург использовал эту возможность в 1933 г. Помимо констатации очевидной несправедливости подобных обвинений, можно лишь добавить, что подлинной институциональной причиной нацистского «захвата власти» (*Machtergreifung*), как принято называть это событие на политкорректном немецком, явилось как раз отсутствие в Веймарской Германии полноценной президентской системы по американскому образцу или хотя бы парламентской демократии по-британски. В этом собственно и заключалась позиция Вебера в комитете по подготовке конституции, куда его пригласил подлинный отец Веймарской конституции Гуго Пройс.

Собственное участие Вебера в НДП разбилось о патологическую неспособность отказаться от собственных взглядов ради политического успеха. В комитете по подготовке конституции ему практически не удалось провести свои предложения, как, впрочем, и в руководящих органах своей партии. Свой выход из партии он обосновал следующим образом: «Политик должен находить компромиссы, ученый не вправе их прикрывать». Его попытка совершить невозможное, полностью отделив нейтральную науку от страстной политики, закончилась провалом. Но это вовсе не значит, что этот героический эксперимент была предпринят напрасно. Противоречие между холодным «расколдовывающим» анализом Вебера-ученого и предметом — т.е. тем, что было «страстью сердца» Вебера-политика — полностью отвечает веберовскому принципу научности. Научное исследование должно проблематизировать политические интересы и предпочтения самого исследователя и его класса. Не облегчать или научно легитимировать, а как раз наоборот, — опираясь на свои методы, поставить под вопрос собственную политическую вовлеченность. Лишь та-

²⁷ Вебер Макс. Политические работы. С. 345.

²⁸ Слова *лидер* (*вождь*) и *лидерство* (*вождизм*) принадлежат у Вебера к одним из наиболее употребимых — по-немецки соответственно *Führer* и *Führerschaft*.

²⁹ Вебер выступал за усиление института президента, но также и за мажоритарную избирательную систему по английскому образцу, чтобы, с одной стороны, повысить эффективность парламентского контроля над исполнительной властью, а с другой — предотвратить распыление политических сил (и способных политиков) и обеспечить парламентскую преемственность. Карл Ясперс даже затрагивал в этой связи тему возможной кандидатуры Вебера на пост рейхспрезидента.

ким образом можно усилить, с одной стороны, реалистичность и эффективность политического действия, а с другой — рефлексивность и ответственность личности, которая определяет и одновременно ограничивает «расколдовывание мира посредством науки».

Политическое наследие национал-либерализма

Как уже говорилось, после победы над Австрией в 1866 г. немецкий либерализм раскололся на два основных направления — левых либералов и национал-либералов, которые, по утверждению современного российского исследователя, «определяли развитие немецкого национализма впоследствии и тайно или открыто продолжают существовать в Германии до сих пор»³⁰. Несмотря на первоначальную поддержку Бисмарка в деле национального объединения, понимаемого как реальный путь достижения и единства, и свободы, немецкие национал-либералы постоянно сталкивались с базовым противоречием своих практических целей и политических идеалов. Этот перманентный конфликт возможного и желаемого можно свести к следующей дилемме: могут ли либералы, поддерживая авторитарную власть, добиться своих политических и социальных целей, или же они, по сути, становятся банальным инструментом в руках власти, при том, что именно первым приходится поступаться своими высокими принципами политической свободы и морали. Сам Бисмарк прекрасно понимал идейные муки немецких либералов, однако вовсе не собиравшись влезать в их шкуру. Более того, отвечая в рейхстаге в феврале 1881 г. на инвективы одного из лидеров, О. Рихтера, он довольно доходчиво выстроил для них ясную иерархию ценностей: «С самого начала я действовал, наверно, быстро и необдуманно, но когда у меня появилось время об этом подумать, я попытался ответить на этот вопрос:

что для моей родины, для моей прусской династии, а сегодня для германской нации является необходимым, целесообразным и правильным? Я никогда не был доктринером; все системы, по отношению к которым партии ощущали себя обособленными или наоборот объединенными, были для меня явлениями второго порядка, в первую очередь я думал о нации, ее позиции вовне, ее самостоятельности, которая позволила бы нашей нации свободно чувствовать себя в мире. Все, что может вытекать отсюда — т.е. либеральное, консервативное или реакционное содержание наших законов, — для меня вторично, как отделка построенного дома. Я поддерживаю те или иные партии только исходя из потребностей страны. <...> Если мы сначала построим прочный, защищенный снаружи и национально укрепленный дом, а потом вы меня спрашиваете, с большей или меньшей степенью либерализма мне этот дом обставить мебелью, то этот вопрос не вызывает у меня никаких затруднений — давайте свои предложения, у меня нет никакого собственного предвзятого мнения, если мой монарх их одобрит. Существуют времена, когда надо действовать диктаторскими методами, но здесь нет ничего постоянного. С созданием Германской империи и единой нации <...> я по-прежнему считаю национальную цель наиглавнейшей»³¹.

Быстрая плюрализация немецкого общества одновременно с его национализацией разрушила иллюзии того, что либералы могут стать выразителем всеобщих интересов. Более того, они стали заложниками собственных попыток стать самоназначенными представителями «буржуазных средних слоев», которые сами превратились в идеологему в условиях обострения социальных антагонизмов. В конце концов либералы выбрали для себя единственно возможную линию пове-

³⁰ Матвеева А.Г. Указ. соч. С. 36.

³¹ Там же. С. 42.

дения, отказавшись от какого-то бы то ни было последовательного курса. Подобный оппортунизм поневоле также не добавил им симпатий в стремительно меняющемся немецком обществе начала XX столетия...

Да и сама фигура ведущего либерального теоретика, основателя Национально-социального союза Фридриха Наумана, пытавшегося совместить принципы либерализма, национализма и социализма, являлась довольно амбивалентной, как и политический профиль любого либерала-националиста³². Будучи, с одной стороны, безусловно, либеральным политиком, он в то же время всегда оставался «вильгельминцем». Здесь имеется в виду не только то, что его политическая активность пришлась на царствование последнего германского кайзера. Само его политическое мышление во многих аспектах являлось продуктом эпохи Вильгельма II, например, в виде одобрения германского милитаризма с его активной колониальной и военно-морской политикой. Также в этой связи обычно указывают на его сочинение 1915 г. «Срединная Европа» («Mitteleuropa»), в котором он выступает за тесное экономическое и военное сотрудничество центрально-европейских стран под руководством Германии. И лишь после поражения страны в Первой мировой войне надежды Наумана на возрождение стали связываться с внутренними реформами, в т.ч. посредством политического образования³³.

³² Науман писал в 1906 г. о том, что «идея нации всегда и везде была либеральной, демократической идеей, она была идеей всего народа, державшего свою судьбу в собственных руках, идеей государства как организации всех для всех, а не как машины для использования массы в интересах большинства» (цит. по: Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. С. 28).

³³ Для этих целей он даже основал «Школу воспитания граждан государства».

Вебер также был убежден в том, что мировая экспансия Германии не только желательна, но обязательна в обстановке империалистического раздела мира. Его позицию от идей «взбесившихся пангермацев с их зоологическим национализмом» отличало то, что для обеспечения внутренней прочности страны он выступал за демократизацию социальных отношений в империи. Для него политика экспансии также являлась предпосылкой успешного развития народного хозяйства, однако она должна была быть увязана с институционализацией экономической и политической свободы.

Кстати, одной из причин падения НДП была партийная программа «социального капитализма», согласно которой трудящиеся и предприниматели должны взаимно признавать «долг, право, достижения и прибыль» для утверждения отношений солидарности между рабочими, служащими и работодателями. Очевидно, что подобные визионерские представления при растущей безработице и иных экономических трудностях, в т.ч. в результате Версальского договора, оказались абсолютно далеки от реальности.

Показательно, что после Второй мировой войны бывшие члены НДП активно участвовали в основании до сих пор существующей либеральной партии Свободных демократов (СвДП, нем. FDP), входящей сейчас в правящую коалицию с христианскими демократами (ХДС) в качестве младших партнеров. А ученик и последователь Ф. Наумана Теодор Хойс даже стал первым президентом ФРГ. Что касается самой СвДП, то в ней за последние десятилетия неоднократно предпринимались попытки возрождения национал-либеральной традиции. Так, например, в конце 70-х гг. А. фон Шталем и Х. Оксфортом было создано «Либеральное общество» с целью праволиберального обновления свободных демократов. Уже в 90-е тот же Шталь пытался усилить в партии

именно национально-либеральные акценты. В 1995 г. им было инициировано «Либеральное наступление» в СвДП, не приведшее ни к какому результату, помимо его ухода из политики.

В целом дух немецкого национализма давно выветрился из рядов главной либеральной партии Германии. На этом пути она прошла ряд этапов, включая громкие скандалы и чистки рядов. Здесь достаточно вспомнить т.н. «аферу Наумана», названную по имени Вернера Наумана, бывшего статс-секретаря в ведомстве доктора Геббельса, пытавшегося в 50-е годы захватить контроль именно над партией свободных демократов. Образовавшая вокруг него сеть бывших нацистских функционеров могла рассчитывать на успех именно потому, что в некоторых землях членами партии являлись носители консервативных и националистических взглядов. После исключения крайне правых многие национально ориентированные члены СвДП также покинули ее ряды. Это привело к усилению леволиберального курса партии. Последним национал-либералом в партийном руководстве можно считать Эрика Менде, возглавлявшего свободных демократов в 60-е годы: он не только не скрывал своих националистических взглядов, но и одним из первых начал вновь публично носить Рыцарский крест Железного креста, который он получил в последний год войны³⁴. Правое крыло еще более ослабло с приходом в 1968 г. нового главы партии, проевропейски настроенного Вальтера Шееля, который хотя и происходил из рядов национал-либералов, но вместе с Х.-Д. Геншером пытался модернизировать СвДП для участия в коалициях с крупными партиями. В результате идеологической

переориентации она приобрела более социальный и даже прогрессивный имидж. Во внешней политике партия, помимо общего для политической системы ФРГ курса «на поддержание евроатлантической солидарности» (как на политкорректном немецком именуется готовность и дальше признавать военно-политический протекторат США над Европой), партия пытается позиционировать себя как «партия Европы». Причем ее еврооптимизм простирается столь далеко, что гражданам страны не готовы его разделить. На первый взгляд, довольно экзотическое отчуждение от мнения народа для партии, традиционно поставляющей в правящие коалиции министров иностранных дел. Так, например, СвДП выступает за прием в члены ЕС Турции, что абсолютно неприемлемо для большинства немцев, которые на своем ежедневном опыте знают о «специфике» этого кандидата в европейцы.

Одним словом, сегодня национализм в любом виде является бранным словом для партийного уха нынешних немецких либералов. На этом фоне тем более странно, что близкий к партии свободных демократов фонд носит имя империалиста Фридриха Наумана (Friedrich-Naumann-Stiftung)...³⁵

Конечно, национализм, в латентном виде, присущ практически всем политическим партиям Германии (особен-

³⁴ В знак протеста против соучастия либералов в «Новой восточной политике» кабинета Вилли Брандта реваншист Менде в октябре 1970 года даже вышел из фракции СвДП, перейдя в ряды ХДС.

³⁵ В середине 90-х автор этих строк был участником мероприятия в рамках программы политического образования фонда им. Фридриха Наумана в Кенигсвинтере, что под Бонном. Тот светлый образ давшего имя фонду основателя НДП, что нарисовали тогда для неопитов либерализма свобододолюбивые просветители, во многом напоминал доброго дедушку Ленина из шедеврального опуса В.Д. Бонч-Бруевич «Ленин и дети». Примечательно, что в результате их «творческой» интерпретации даже наумановский экспансионистский концепт «Mitteleuropa» представлял в качестве визионерской антиципации им процессов евроинтеграции.

но что касается его экономического и культурного аспектов), но гораздо более последовательно национальные позиции отстаивают не либералы, а христианские демократы.

К перспективам русского национализма

Как уже говорилось, многие работы российских публицистов и исследователей последнего времени свидетельствуют о «демократическом повороте» среди, как минимум, части теоретиков националистической сцены³⁶. Конечно, было бы преждевременно говорить о том, что современный русский национализм вовсе не является таким, каким его пытаются представить идеологические конкуренты, — хтоническим, зоологически-ксенофобским, борющимся с «жидомасонами», «чурками» и т.д. Как и среди любого широкого движения, здесь хватает расистов, ксенофобов и антисемитов. Однако, как сказал бы товарищ Сталин, было бы идеологически неверно и политически недальновидно не замечать наметившуюся демократическую тенденцию хотя бы среди части националистического сегмента русского дискурсивного поля. Ибо, говоря словами С. Сергеева, «символ веры Макса Вебера (“нация и демократия”) как нельзя более к месту в нынешней России. Эта диада способна объединить людей самых разных убеждений и самого разного социального статуса. <...> Те же идейно-политические направления, которые предпочтут приоритет своих абстракт-

ных партийных схем (будь то вполне замшелое-консервативный либерализм, архаически-реакционный коммунизм или бесплотно-мечтательный монархизм) над “вопросами национальной важности”, перейдут в разряд маргинальных сект, не лишняя в “цветущей сложности” русской жизни, но не могущих определять основное течение последней»³⁷.

Все это дает надежду на то, что с националистической сцены исчезнет довольно распространенный и совершенно необоснованный автоматизм отождествления русского и антидемократического, патриотического и патриархального, государственного и деспотического. Иммануил Кант уже более двухсот лет назад выявил демократический характер современной любви к своему народу: «Деспотически правит тот, кто рассматривает государство как свою наследственную вотчину (*patrimonium*)», «патриотически, — кто видит в нем отечество, принадлежащее ему вместе со всеми гражданами», т.е. как страну, в которой все люди равны и каждый «при равенстве заслуг, до коих он себя может возвысить... обладает таким же достоинством, как всякий другой». Различные правления «отеческого» и «отечественного» (*imperium non paternale, sed patrioticum*), которое, по Канту, есть «единственно мыслимое для правоспособных людей также и в отношении благоволения властителя», должно оказаться вполне по силам интеллектуальным борцам за русское дело. Несмотря на все сложности объединения национального дела с делом свободы, на которые указывает опыт наших немецких коллег по «догоняющей модернизации».

³⁶ Здесь достаточно указать на само появление журнала «Вопросы национализма», наукообразное название которого также подтверждает подмеченную тенденцию «возвращения» русского национализма как важной интеллектуальной составляющей российского дискурсивного процесса.

³⁷ *Сергеев Сергей*. Пришествие нации? Книга статей. М., 2010. С. 217.

АЛЕКСАНДР РОДРИГЕС

НАЦИОНАЛИЗМ И ПУТИ ИСЛАМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Национализм на Востоке (и в мусульманском мире в частности), неразрывно связанный с формированием идеологии организованного национально-освободительного движения, стал общим явлением для политической мысли еще в колониальный период. Его развитие можно рассматривать как главное направление в общественной мысли народов Востока XX в. (особенно первой его половины). Европейская история и европейская политическая мысль вооружили национальных идеологов и лидеров теорией национализма и опытом ее применения.

Важнейшим элементом национализма, по мнению большинства теоретиков, является национальное самосознание, то есть сознание принадлежности человека к данной нации и взаимное признание этого факта всеми в ее рамках¹. На вопрос о том, что такое национализм, индонезийский лидер Сукарно (1901–1970) отвечал в 1926 г.: «Национализм — это убеждение, это сознание народом своей принадлежности к одной группе, одной нации, желающей жить вместе. Совершенно определенно, что национальное самосознание порождает чувство уверенности в себе, что абсолютно необходимо для успешной борьбы народа с существующими условиями»².

Национальное самосознание стало формой группового самосознания,

фиксирующего действительные или воображаемые специфические черты лингвоэтнической группы, для которой такое единство и общность исторической судьбы и интересов, а иногда также общность вероисповедания, выполняют объединительную функцию. При этом принадлежность к нации ставится выше племенной и классовой принадлежности, местного патриотизма; утверждается приоритет национальных связей над традиционными.

Восточно-феодальный, в том числе и мусульманский, патриотизм обычно уступал чувству принадлежности к иным обществам (племенной, клановой, религиозной и расовой). Национальная идея индустриального общества была призвана доминировать над ними. Как справедливо писал Г. Кон, «национализм — это продукт развития социальных и интеллектуальных факторов на определенном историческом этапе», и он был бы невозможен без идеи народного суверенитета, который обусловлен полным пересмотром отношений между правителем и подданными, классами, кастами³.

Национальное самосознание нового типа зародилось на почве новых социальных связей, которые стали пронизывать структуру традиционной солидарности. Социальные группы, как известно, движимы каждая своим интересом. Эти эгоистические интересы разделяют их. Но в некоторых обстоятельствах возникает общий интерес,

¹ См., напр.: *Gelner E. Nations and Nationalism. Ithaca-London, 1983.*

² *Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956. С. 39.*

³ *Kohn H. Ideas of Nationalism. N. Y., 1995. P. 6.*

который их объединяет. Национализм как идеология, политика и психология в национальном вопросе формировал реакцию населения колониальных и зависимых стран на «унижение и оскорбление», а также устремления и идеалы, стратегию и тактику, настроения общностей, формирующихся в нацию или начинающих осознавать себя нацией.

Протест против экономического и правового неравноправия в колониальных и зависимых странах оказался сильнее комплекса неполноценности, от которого страдала социально активная часть интеллигенции, и стимулировал осознание ею общенациональных интересов. По признанию арабского националиста Э. Атыи, он освободился от преклонения перед Западом не по зрелом размышлении, но «силой эмоциональной реакции, вызванной моим раненым чувством», когда слова «свобода», «равенство», «независимость» обрели для него реальный смысл⁴.

Нация оказалась в центре общественных интересов. Националисты исходили из того, что люди одной нации должны пользоваться равными правами и нести одни обязанности. И хотя националисты нередко расходились в понимании места и значения языка, культуры, вероисповедания, общности нации, которая как целое противопоставлялась любому противнику, равно подлинному или воображаемому, именно в ней они видели решающую силу и главное условие национального самоутверждения и освобождения.

Национальные идеологи считали, что вся нация заинтересована в свободном развитии и благоденствии. Социально-классовую дифференциацию общества они также считали помехой достижению национального единства. В своем подавляющем большинстве они не признавали наличия

классовых антагонизмов и проводили идею национальной солидарности и социального сотрудничества. Кемаль Ататюрк заявлял, что турецкий народ состоит лишь из трудящихся, если не считать аристократов и сановников султана⁵. В арабских странах, где 10% населения составляли христиане, с призывом к мусульманам и христианам совместно работать в интересах родины обращались египтянин Мустафа Камиль и сириец Абдаррахман аль-Кавакиби.

Националисты нередко мифологизировали национальное чувство, поднимая массы на борьбу за независимость. Символы и легенды — древние и вновь сотворенные — были призваны объединить народ, сформировать у него чувство принадлежности к особой группе. Египетский писатель-либерал Мухаммад Хайкал мечтал, чтобы фараонизм — концепция, согласно которой современные египтяне являются потомками древних египтян и наследниками древнеегипетской цивилизации, — стал как бы религией умиротворения всего человечества и, во всяком случае, школой для него⁶.

* * *

Характерна история арабского национализма. Он зародился в начале XX в. как идейное обоснование сплочения арабского населения восточных провинций Османской империи в борьбе против политического деспотизма, за демократические свободы, за равенство возможностей для арабов и турок.

Арабский национализм после Второй мировой войны, особенно в 1950–1960-е годы, стал важным институтом политической борьбы и на некоторое

⁵ Идеология национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока. 1917–1947. М. 1984. С. 69–70.

⁶ *Хайкал Мухаммад Хусейн. Аль-Иттиджалат аль-ватанийя фи-ль-адаб аль-мисрий аль-хадис*. Т. 2. Каир, 1956. С. 136.

⁴ Маджма аль-улюм фи амаль аль-аль-джамийя аль-ильмия ас-сурийя фи Бейрут. Бейрут, 1968. С. 148.

время превратился даже в господствующее течение политической мысли. Наличие общей империалистической опасности, израильский аннексионизм, стремление к объединению усилий для решения насущных проблем регионального и общееарабского значения — все это придавало большой вес арабскому национализму как концепции, могущей служить идеологическим обоснованием как реакционной, так и прогрессивной активности.

В конституционных документах большинства арабских стран говорится о принадлежности этих стран к единой арабской родине, а их населения — к арабской нации. И если в начале XX века выражения «арабские страны», «арабская нация» почти не употреблялись, то после Второй мировой войны они буквально заполнили периодику, публицистику и научные труды. Примером многочисленных восхвалений и преувеличений может служить высказывание автора ряда работ по арабскому национализму сирийца Зекки аль-Урсузи (1956 г.): «Арабы не только нация. Это — корень человечества»⁷. В нации стремятся видеть внеисторическую категорию, некую целостную социальную систему, в рамках которой возможно бесконфликтное сосуществование составляющих ее групп и мирное разрешение социальных противоречий.

Однако взгляды арабских националистов в вопросе о том, что такое нация, расходятся. Одни включают, другие не включают в формулу нации общность территории, религии, происхождения, интересов. По-разному определяются и ее основные компоненты. Обращает на себя внимание тот факт, что общность экономической жизни обычно игнорируется или подменяется понятием общего интереса или «общего блага». За рамки определения нации часто выводятся единство

происхождения и территория проживания.

Национализм был и остается непрелюбимой основой любого политического движения за арабское объединение, возглавлявшегося на разных этапах яркими национальными лидерами. Таким общепризнанным лидером был египетский президент Гамаль Абдель Насер, изложивший свои взгляды в брошюре «Философия революции», написанной в 1954 г. Цель арабского национализма, по мнению Насера, состоит в том, чтобы «объединить арабов, подобно сжатым в кулак пальцам, в борьбе против империализма, против врагов». Еще в 1958 г. он говорил об этом, подчеркивая, что форма единства — полная интеграция арабских стран в их борьбе за национальную независимость⁸.

Большой интерес, как наиболее разработанная, представляет так называемая «баасистская» доктрина национализма, на базе которой была создана Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), правящая по сей день в Сирии и находившаяся у власти в Ираке до свержения Саддама Хусейна. По словам одного из основателей партии Мишеля Афляка, арабская нация призвана выполнять вечную возложенную на нее миссию обновления человеческих ценностей. Арабы же призваны передавать миру свой бессмертный опыт. Высшая цель партийной политики состоит в образовании единого арабского государства⁹. Впрочем, неудачный опыт ОАР способствовал некоторому изменению позиции ПАСВ в пользу интеграции арабских стран на добровольных началах.

Национализм в арабских странах развивался в двух направлениях: на преимущественно арабо-исламской и преимущественно секуляристской основе. Кроме того, неравномерность экономического и социального раз-

⁸ Аль-Баляг. Каир. 28.11.1958.

⁹ Haim S. G. Frab Nationalism. An Antology. Los Angeler, 1962. P. 248.

вятия, неоднократность политических режимов и их идеологических ориентаций создают условия для формирования арабских наций в рамках отдельно взятых стран и прогрессирующей дифференциации националистического сознания.

* * *

Наряду с арабским национализмом и в его орбите в некоторых странах появились тенденции национального партикуляризма, отражающие чаяния отдельных арабских народов, имеющих свою «малую родину» в арабском мире, свою индивидуальность, свои региональные интересы.

Партикулярные тенденции в арабском национализме сильнее всего проявляются в области экономики и политики. Обнаруживаются они и в области культуры. В частности, на семинаре в Багдаде (1979 г.) по вопросу о роли воспитания в осуществлении идеи арабского единства председатель подготовительного комитета вынужден был констатировать, что «стратегия образования в арабских странах является региональной, страновой, а не национальной арабской»¹⁰.

В рамках подобных идеологий специального внимания заслуживает так называемый «алжирский национализм», идеология алжирской революции, представляющий собой партикуляристскую тенденцию в арабском национализме.

Ко времени алжирской революции 1954 г. идея независимости Алжира прочно овладела общественным сознанием. Алжирский национализм на арабо-мусульманской основе становится общей идеологической платформой, объединяющей различные силы в борьбе против французского колониализма. Позже, в 1956 г., в платформе Фронта национального освобождения (ФНО) цель восстания была определена как достижение независимости и воз-

рождения алжирского государства в форме демократической и социальной республики. Алжирцы-мусульмане противопоставляли себя французам-христианам, «которые 132 года их угнетали»¹¹. Впоследствии в независимом Алжире национализм стал идеологией укрепления суверенитета и развития определенной социалистической перспективы в политике и экономике.

Сочетание элементов исламизма и панарабизма характерно и для марокканского партикуляризма в интерпретации крупнейшей буржуазно-националистической партии «Истекляль» («Независимость»). Среди программных задач, сформированных на V партийном съезде в 1960 г. значится построение марокканского государства в рамках ислама и арабской цивилизации и защита независимости¹². Ислам, утверждает современный идеолог партии «Истекляль» Абд аль-Керим Галлаб, был отправной точкой развития арабской мысли — на базе арабского языка и арабского национального сознания¹³.

В некоторых странах получили распространение идеи регионального национализма, основанного на представлении о том, что арабский народ в данных государственных границах составляет особую нацию. Еще до Второй мировой войны в национальном движении в Тунисе столкнулись два течения. Приверженцы одного рассматривали тунисцев как часть арабо-мусульманского мира. Этому движению, получившему название «Старый Дестур», противостояли другие националисты, светские модернизаторы из движения «Новый Дестур», возглавляемого президентом страны Хабибом

¹¹ Траскунова А. Печать алжирской интеллигенции. М., 1979. С. 88.

¹² Ислам в истории народов Востока. М., 1981. С. 64.

¹³ Галлаб Абд аль-Керим. Аль-фикр аль-араби бейн аль-истекляль ва та'акад аз-зат. Ливан—Тунис, 1977. С. 16.

¹⁰ Аль Джумхурийя. Багдад. 28.10.1979.

Бургибой. Они критиковали старый арабский национализм и в основу идеологии и политики заложили программу «бургибизма», предусматривающую превращение Туниса в современное государство по французскому образцу прогрессивного развития. «Новый Декрет» одержал победу, но столкновения крайних мнений не прекращаются.

* * *

В некоторых странах национализм выступает под собственными знаменами, отвергнув идеи арабского национализма. Исключительное положение Ливана на перекрестке мировых торговых путей определило его место и роль в мировой экономике. Здесь сложилась сильная, преимущественно христианская торговая и финансовая буржуазия. Местные христиане-марониты, с давних пор находившиеся под покровительством западных держав, прежде всего Франции, отстаивали крайние формы ливанского национализма (партия Катаиб, Национальный блок и др.). По их мнению они, будучи потомками финикийцев, имеют случайную связь с арабами, ограниченную лишь языковой общностью¹⁴.

И, наконец, громко заявляет о себе египетский национализм. Выше говорилось об арабском национализме Насера со сверхидеей создания единого арабского сверхгосударства. Надо отметить, что это была не отвлеченная идея. Насер действительно предпринял попытку объединения с Сирией в рамках ОАЭ, рассматривались также проекты объединения с Ливией и Тунисом. Но существовал и особенно расцвел после смерти Насера египетский национализм, отстаивающий самобытность и исключительность египетской нации. Патриарх египетского национального либерализма Лютфи ас-Сейид еще в 1950-м году утверждал: «Мы египтяне и должны стоять на этом. У нас нет

другой родины, кроме Египта, кем бы мы ни были по происхождению — хиджазцами ли, сирийцами, черкесами или кем-либо еще»¹⁵.

В 1970-х годах версии египетской самобытности значительно усугубились. Так, культуролог Али Махмуд Лейла заявил, что «египетская культура есть результат синтеза культуры египтян времен фараонов, культуры коптов, арабской, османской и современной европейской культуры»¹⁶. Противопоставление египтян арабам, с которыми, по мнению подобных националистов, связь исчерпывается арабским языком, обычно сочетается с прославлением древнего Египта эпохи фараонов.

* * *

Особым и очень важным аспектом является крепнувшая с 1970-х годов связь (и в то же время противостояние) арабского национализма с мировым исламом, где бы последний ни проявлялся.

Период 1970-х годов был отмечен всплеском воинствующих исламистских движений в большинстве стран мусульманского мира. Их кульминацией стала победа в феврале 1979 года иранской революции, свергнувшей «безбожный» шахский режим и создавшей на его руинах Исламскую Республику, в основу внутренней и внешней политики которой положены заповеди, провозглашенные аятоллой Хомейни в начале десятилетия. Иранские события заставили коренным образом пересмотреть общее представление об исламе: то, что считалось консервативной и ретроградной религией, социальное и политическое влияние которой под натиском модернистских веяний близилось к закату, стало предметом всеобщего внимания, всевозможных чаяний и разного рода опасений. Само исламистское движение

¹⁵ Аль-Мусавар. Каир. 05.05.1950.

¹⁶ Аз-Затия аль-арабийя беина ль-вахда ва т-атанану. Тунис, 1978. С. 142.

ние, о существовании которого до этих пор мало кто подозревал, было приравнено к революции, контуры которой оставались неясны, но природа которой казалась столь же радикальной, сколь и антизападной.

Политизация ислама в течение этого десятилетия не сводилась лишь к иранской революции, хотя последняя и представляла собой самое яркое ее проявление. За пять лет до нее последствия октябрьской войны 1973 года, закрепив саудовское финансовое могущество, позволили ваххабитско-исламистскому течению, пуританскому и социально-консервативному, распространиться повсюду и утвердиться в качестве представителя ислама в мировом масштабе. Ныне его влияние менее заметно, чем влияние хомейнистского Ирана, однако оно глубже и дольше по времени. Это течение одержало верх над прогрессистским национализмом, победившим в 1960-е годы, и реорганизовало религиозное пространство, благоприятствуя деятельности ассоциаций и улемов, принадлежавших к этому направлению. Направив значительные финансовые потоки в исламскую сферу, оно приобрело немалое число сторонников. И хотя оно охотно противопоставляло добродетели исламской цивилизации испорченному Западу, Саудовская Аравия, где сосредоточены основные финансовые фонды течения, оставалась главным союзником США и Запада в противостоянии советскому блоку. Тот же 1979 год начался в Тегеране победой исламской революции под лозунгом «Долой Америку!», а закончился вторжением советских войск в Афганистан, повлекшим за собой широкомасштабное участие ЦРУ на стороне боевиков афганского джихада. Американская и саудовская помощь афганским моджахедам стала поступать в основном через Пакистан генерала Зия-уль-Хака.

Таким образом, исламистский феномен 1970-х годов трудно свести к революционному или антиимпериали-

стическому движению, привлечшему обездоленные массы благодаря ловкому использованию религиозных лозунгов. Но столь же невозможно свести его к простому антикоммунистическому американо-саудовскому альянсу. Чтобы оценить это явление во всей его полноте, необходимо проанализировать все разнообразные аспекты его бытования, установить связь между фазой его вызревания, исламистскими сетями, организациями, тенденциями и националистическими идеями, родившимися в этой среде (какими они были показаны выше), с одной стороны, и демографическими, культурными, экономическими и социальными сдвигами, характерными для этого десятилетия, — с другой.

В это десятилетие в большинстве стран мусульманского мира вступает в зрелый возраст первое поколение, родившееся после обретения независимости. Бои за освобождение от колониального гнета, придавшие легитимность националистическим правящим режимам, происходили не на их памяти. Это новое поколение будет находиться в изоляции от правящих элит: оно чрезвычайно многочисленно (результат демографического взрыва) и не может — в отличие от своих родителей и старших братьев — уповать на социальную интеграцию, а тем более на широчайшие перспективы социального роста, ставшие возможными благодаря обретению независимости, уходу колонизаторов и разделу их имущества. В период с 1955 по 1970 год прирост населения в мусульманских странах был очень велик (порядка 40–50%, в зависимости от страны). В 1975 году 60% жителей составляли те, кому еще не исполнилось и 24 лет; наблюдался массовый процесс урбанизации, росла грамотность населения (подробнее см.: Word Population Resource. N.Y., 1994). Мир ислама, который изначально был в основном сельским и управлялся немногочисленными городскими элитами, сохранявшими «монополию» на грамотность, ради-

кально преобразовывался с приходом этой массы молодежи, представлявшей первое поколение, осевшее в городах и умевшее читать и писать. Эти новички сталкивались со всевозможными вызовами, для ответа на которые знания, переданные им родителями — как правило, неграмотными, — оказывались малоприспособленными.

Культурная и социальная пропасть между двумя поколениями была велика как никогда за всю историю существования мира ислама. Но это поколение 1970-х годов плохо вписывалось в социальную структуру: урбанизируясь, молодежь чаще всего скапливалась в бедных кварталах на окраинах городов (примеры тому — трущобы Магриба, ашвайят Среднего Востока, турецкие геджеконд¹⁷ и т. д.). Кроме того, знания, полученные на родном языке благодаря системе всеобщего образования, побуждали их к изменению собственного социального статуса и положения в обществе. Их родители и предки лучше приспособлялись к выполнению своей неизменной социальной роли, так как в замкнутом деревенском мирке не знали ничего другого.

Перемены выражались прежде всего во всеобщем распространении в городах среднего, а затем — в меньшей степени — высшего образования. Оно не только открывало пассивный доступ к письменной культуре (умению читать газеты), но и давало возможность использовать ее на практике, позволяя выбирать источники информации, публично выражать свои взгляды, спорить и чувствовать себя в интеллектуальном плане на равной ноге с правившими националистическими элитами. Однако этот качественный скачок в культурной области не сопровождался ожидаемым социальным

прогрессом. Фрустрация порождала озлобление против элит, обвинявшихся в узурпации государства, в лишении молодежи, затратившей усилия на приобретение знаний, доступа к власти и богатству.

Таким образом, социальное и политическое недовольство находило выражение именно в культурной сфере, через отрицание националистической идеологии правивших режимов и подмену ее исламистской системой взглядов. Этот процесс зародился в студенческой среде: студенческие городки, в которых до конца 1970-х годов верховодили левацкие группировки, стали переходить под контроль исламистских движений. Последние начали распространять идеи таких крайних фундаменталистов-охранителей и радикалов, как Кутба, Маудуди и Хомейни, — идеи, которые прежде не находили массовой аудитории: не хватало достаточного количества недовольных, но при этом образованных, владевших современным национальным письменным языком последователей, способных понять и проникнуться этими радикальными теориями.

Исламистская интеллигенция зародилась именно в студенческой среде тех лет. Она не являла собой однородную социальную группу с четкими целями. Начав с культурного разрыва с национализмом, она превратила исламизм в борьбу за политическую гегемонию. Это позволило движению вербовать сторонников в самых разных слоях с различными классовыми интересами. Помимо ядра студенческих идеологов, две социальные группы оказались особенно восприимчивы к исламистской мобилизации: бедная городская молодежь — масса изгоев, порожденная демографическим взрывом и исходом сельского населения в города, и набожная буржуазия, то есть средние классы, лишенные доступа в сферу политики и экономически ущемленные военными и монархическими режимами. Эти две группы, хором требуя введения

¹⁷ Термин «ашвайят» обозначает «стихийные застройки», «геджеконду» — «построенный ночью», поскольку большинство этих жилищ возводится ночью, чтобы полиция не смогла воспрепятствовать началу работ.

шариата и создания исламского государства, имели о них весьма несхожее представление. Первые воспринимали их как социальную революцию, вторые же усматривали в них прежде всего возможность занять место правящих элит, не меняя при этом социальной иерархии. Эта двойственность лежит в основе современного исламистского движения. Суть идеологии, проповедовавшейся интеллигенцией, состояла в том, чтобы сгладить антагонизм между интересами двух основных социальных составляющих и направить их в единое социальное и политическое русло для достижения общей цели — завоевания власти.

Но скрывавшиеся за внешней цельностью исламистского дискурса противоречивые цели бедной городской молодежи и набожной буржуазии объясняли, почему в движении могли участвовать силы и группы интересов как правого, так и левого толка, будь то в рамках отдельной страны или в мировом масштабе. Массированная поддержка со стороны Саудовской Аравии и поощрение исламистской экспансии со стороны американцев вовсе не означали намерения привести к власти бедную городскую молодежь, для которой введение шариата ассоциировалось с социальной революцией. Поддерживая религиозную буржуазию, Эр-Рияд, как и Вашингтон, полагал, что она сумеет более эффективно нейтрализовать эти опасные классы с помощью религиозной лексики и символики, чем это смогли бы сделать националистические элиты, утратившие легитимность и взявшие на вооружение принуждение и репрессии¹⁸. Наоборот, поддержка, оказанная

Иранской коммунистической партией (Туде) и бывшим Советским Союзом революции в Иране, переход многих бывших марксистов во всем мусульманском мире на исламистские позиции, наконец, содействие французских коммунистических муниципалитетов исламистским молодежным организациям окраин зиждились на уверенности в том, что коль скоро за этим движением пошла «масса», то следовало подчеркивать его «прогрессивный» и народный характер, дабы превратить исламизм в антиимпериалистическое и антикапиталистическое движение, не допуская взятия его под контроль набожной буржуазией и нейтрализации его революционного потенциала.

Отмеченная социальная двойственность вообще присуща исламистским движениям — она даже составляет саму их суть — и объясняет их сосредоточение на моральных и культурных аспектах религии. Эти движения обретут широкую социальную базу и даже придут к власти, как в Иране, когда станут способны объединить бедную городскую молодежь и набожную буржуазию на основе идеологии, замешанной на религиозной морали и весьма схематичной социальной программе. Каждая составляющая исламистского движения может понять и интерпретировать программу по-своему благодаря полисемии, характерной для религиозной лексики.

Напротив, когда бедная городская молодежь и набожная буржуазия оказываются в разных лагерях, движение терпит поражение в борьбе за власть; идеологическая основа утрачивает свой объединительный характер: возникают многочисленные конкурирую-

¹⁸ Принято считать, что начало американской политики помощи консервативному исламу было положено при встрече президента Рузвельта и короля Ибн Сауда на борту крейсера «Куинси» в Красном море 14 февраля 1945 г. Встреча состоялась сразу же после Ялтинской конференции. Результатом встре-

чи стало оказание США полной поддержки саудовскому режиму взамен предоставления компании «АРАМКО» исключительного права на разработку нефтяных месторождений эль-Хасы. Подробнее: Islamic Activism an U.S. Foreign Policy. United States Institute of Peace, 1997.

щие исламистские дискурсы, взаимно исключают друг друга. Один из них, именуемый «радикальным», выражает специфические требования неимущей городской молодежи, другой, «умеренный», отражает взгляды религиозной буржуазии. В этой ситуации — алжирская гражданская война 1992–1998 годов представляет здесь крайний случай столкновений между «радикальной» ВИГ (Вооруженной исламской группой) и «умеренной» ИАС (Исламской армией спасения) — интеллигенция оказывается слишком слабой, чтобы выработать мобилизационную идеологию, способную сплотить обе составляющие движения. Подобная ситуация, как правило, позволяла правящим элитам надолго раскалывать его ряды, пользуясь склонностью части радикалов к терроризму, что пугало небогатую буржуазию: в случае неэффективности репрессивного аппарата государства она могла первой пасть жертвой социальной ярости беднейшей городской молодежи. В том же Алжире шантаж исламистских лидеров со стороны радикальных групп в 1994–1995 гг. был в этом плане весьма показателен. В Египте тот факт, что террор против туристов отрицательно сказался на доходах местных средних классов и простого люда, жившего за счет туристической индустрии, помог государству дискредитировать движение в целом — особенно после бойни в Луксоре осенью 1997 г. Многие мусульманские государства сумели воспользоваться этими расколами, чтобы перетянуть на сторону власти часть исламистской интеллигенции и религиозной буржуазии, идя на внешнюю исламизацию повседневной жизни, но сохраняя нетронутой социальную иерархию, как это было в Пакистане и Малайзии с конца 1970-х гг.

Появление исламистской интеллигенции — первое условие существования движения. Она заявила о себе с начала 1970-х годов в студенческих городках Египта, Малайзии и Паки-

стана, затем распространилась по всему мусульманскому миру, пользуясь связями и финансовым могуществом, которыми располагало ваххабитское течение после октябрьской войны 1973 года. В каждом из этих случаев она приходила на место национализма, подменяя его другими идеалами.

* * *

И арабский национализм, и исламизм стремились объединить различные социальные классы, первый — растворив их в великом «арабском единстве», второй — сплотив их в рамках виртуальной «общины правоверных». Однако национализм со временем раскололся на два антагонистических лагеря: «прогрессивный» (насеровский Египет, баасистские Сирия и Ирак) и «консервативный» (аравийские монархии и Иордания). Эта «арабская холодная война» превратила противостояние Израилю в единственный фактор объединения, но и по нему был нанесен жестокий удар поражением в шестидневной июньской войне 1967 года. Однако именно националисты-прогрессисты и прежде всего Насер — инициаторы войны и жертвы величайшего военного унижения — первыми испытали на себе его тяжелые последствия.

Показная отставка президента в день поражения (которую он, впрочем, сам же отменил и использовал как предлог для устранения своих тогдашних соперников) явилась знаковым событием: обещание будущей победы над сионистским государством утратило силу из-за катастрофы 1967 года. Психологическая травма, пережитая арабской интеллигенцией, заставила ее заняться пересмотром многих вопросов, связанных с религией и светскостью. Книга сирийского философа Садека Джалаля аль-Азма «Самокритика после поражения» являет собой один из ярких примеров настроений, бытовавших в ту пору в среде интеллигенции. Впоследствии исламисты и сто-

ронники Саудидов представят 1967 год как кару свыше за забвение религии. Проигранную войну 1967 года, на которой египетские солдаты шли в бой с кличем: «Земля! Воздух! Море!» — они противопоставят войне 1973 года, когда крики атакующих «Аллах Акбар!» должны были принести их оружию большой успех.

Какой бы ни была интерпретация событий тех лет, поражение в войне заложило мину под идеологический фундамент национализма; образовался вакуум, в который несколькими годами позже вторгнутся идеи исламизма Кутба, прежде имевшие хождение лишь в отдельных кружках «Братьев-мусульман», в тюрьмах и на каторге. В этой идеологической экспансии главная роль принадлежала египетскому студенчеству. Находясь в авангарде мятежной оппозиции власти, оно на первых порах выступало носителем идей левых социалистов, которые ратовали за возобновление военных действий против Израиля, приписывая поражение предательству генералов и корыстных сторонников военного режима. В феврале 1968 года студенты, поддержанные рабочими промышленного городка Хелуана, пригорода Каира, подняли мятеж. Осенью того же года по дельте Нила и Александрии прокатилась волна манифестаций, в которых приняли участие отдельные студенты, связанные с «Братьями-мусульманами». Возникновение левого идеологического полюса представляло главную опасность для насеровского режима. Оно поставило под сомнение его прогрессистскую легитимность. Тем более, что в тот момент дело Палестины, которое арабские государства использовали для обоснования националистической идеологии, начало ускользать из-под их контроля. С приходом в 1969 году Ясира Арафата к руководству ООП палестинские организации обрели самостоятельность.

Став вершителями собственной судьбы и символизируя арабское со-

противление Израилю после военного поражения арабских государств, палестинцы сделали — особенно в глазах студенчества — главными фигурами националистической мифологии, которую насеризму уже не удавалось использовать. Напряженность, возникшая между палестинскими формированиями и королем Хусейном, вылилась в сентябре 1970 года в кровопролитные столкновения (события «Черного сентября»), в которых палестинцы понесли самые тяжелые потери за всю свою новейшую историю. Уже не еврейское, а арабское государство было по новому авангарду арабского национализма. Это был дополнительный удар по нему в тот момент, когда кончина в том же месяце Насера лишила национализм его самой харизматической фигуры.

В том же 1970 году кризис национализма способствовал подъему левых движений, вдохновлявшихся палестинским сопротивлением и поддерживавшихся студенчеством. Студенческие демонстрации протеста находили отклик и в рабочей среде. Однако период расцвета оказался недолог. Государства, в том числе и те, что называли себя «прогрессивными», мобилизовали силы против угрозы, которую — с учетом веяний времени после событий 1968 года и «левацких» настроений, охвативших весь западный мир, — они считали очень серьезной. Кроме того, левые оказались неспособными утвердиться за пределами студенческого мирка, городской интеллигенции и немногочисленного «рабочего класса». Их радикальные тезисы пугали средние классы и оставались непонятными населению: левые использовали марксистские концепты и формулировки европейского происхождения, слишком далекие от окружавшей их действительности.

В успехе исламизма парадоксальным образом соединились страхи одних и рухнувшие надежды других. Правившие режимы, воспринимавшие исла-

мизм сквозь призму саудовского консерватизма, поощряли его, поскольку видели в нем силу, способную вытеснить левых с занимаемой ими территории студенческих городков. Некоторые молодые радикалы и левые интеллигенты, размышляя над причинами своих неудач в массах, меняли убеждения, принимая идеологию, которая, на их взгляд, была ближе к истине.

События палестинского «Черного сентября» в Аммане продемонстрировали взрывной характер народного недовольства, направлявшегося левыми силами против авторитарных режимов, вынужденных прибегать к военной силе для его подавления. Напротив, иорданские «Братья-мусульмане» поддерживали действия короля Хусейна во время этих событий. Другие арабские руководители усвоили урок. Это побудит преемника Насера, Садата, вставшего у власти в Египте после ареста просоветских насеристов в ходе «исправительной революции» 15 мая 1971 года, постепенно выпустить из тюрем всех узников совести из числа «Братьев-мусульман». Очень быстро студенческие городки стали их главной опорой. Следующий, 1972/73 учебный год был отмечен непрекращающимися волнениями и выступлениями студенчества за возобновление военных действий против Израиля. В результате студенческий вопрос перерос в главный вопрос внутренней политики. На политехническом факультете Каирского университета возникает первая исламистская организация. В сравнении с марксистскими кружками ее влияние оставалось пока невелико, но исламисты уже имели возможность заявить о своих претензиях и целях: они пользовались поддержкой секретных служб, хотя это и держалось в секрете от рядовых членов организации.

Поощряя исламистское движение, Садат отказался от введенных его предшественником монополии государства на идеологию и контроля за религиозными организациями. Там, где насеров-

ское государство вело за собой массы под лозунгами национализма и подавляло любую диссидентскую мысль, его преемник компенсировал доктринальную слабость своего режима предоставлением свободы самовыражения самостоятельным религиозным лидерам, дабы те нейтрализовывали левых. Эта относительная либерализация религиозной политики происходила в условиях, когда собственно политическая сфера оставалась под жестким контролем. В стране отсутствовала подлинная свобода печати, не было свободного хождения идей нигде, кроме мечетей, чем успешно пользовались исламисты. Происходившее в Египте было характерно и для других мусульманских стран, в частности Туниса, Алжира и Марокко.

* * *

Пути демократии на Востоке не менее противоречивы, чем развитие национализма. Разумеется, в процессе антиколониальных и антифеодальных движений, в ходе буржуазных революций на Востоке в целом и на мусульманском Востоке в частности, устанавливался республиканский строй, формировались парламенты и другие демократические институты. Республиканское правление существует в подавляющем большинстве стран мусульманского мира, но и большинство монархий являются, по крайней мере внешне, конституционными (как, например, Марокко), и везде власти заявляют об успехах демократии. (Правда, эти успехи не радуют большинство мусульманских народов, охотно внимающих проповедям отнюдь не демократических радикалов.) Даже в тех странах где монархическая власть ничем не ограничена (как, например, Королевство Саудовская Аравия), а повседневная жизнь населения пронизана многочисленными ограничениями и поставлена под контроль полиции нравов, заявляют, что конституцию заменяет Коран, а поэтому и само общество основано на справедливейших

и священных принципах. Вот почему для большинства населения мусульманских стран понятие демократии прежде всего связано с идеями и концепциями социальной справедливости.

После Второй мировой войны в условиях быстрой политизации массового сознания под прессом возрастающей социальной напряженности, ставшей постоянно действующим фактором в восточных обществах, декларации о стремлении к социальной справедливости стали непременным элементом тактики всех политических партий и лидеров. То ли в виде лозунга «справедливого общества» или «общества всеобщего благоденствия», то ли в виде призыва к воссозданию «государства ислама», то ли в форме программы «построения социализма в отдельно взятой стране».

Правители говорят о единстве нации и намерении повысить благосостояние народа, но и оппозиция заявляет, что борется за его интересы. И те и другие чаще всего видят решение проблемы бедности в превращении народа в «средний класс», для которого характерно разумное потребление и умеренный достаток, путем сокращения общественного неравенства через перераспределение богатства, ограничение произвола монополий и т.п. Все, и не только мелкобуржуазно-демократические концепции на Востоке, декларируют защиту мелкой и средней собственности. Каирская газета «Аль-Ахрам» (17.04.1954) писала: средний класс — это фактор стабильности, он состоит из граждан, обладающих некоторым достатком. Партия Неодестур провозгласила Тунис государством средних классов¹⁹.

В целом Восток предпочитает не замечать классовых противоречий, довольствуясь констатацией наличия бедных и богатых. Взгляды восточных идеологов с трудом поддаются типоло-

гизации, особенно когда нет возможности проследить, как они преломляются на практике. Всякая общая идея толкуется, а то и извращается так, как понимают ее защитники интересов разных социальных и политических сил.

Подходы к решению социальных проблем относятся к трем типам: парадигмы капитализма, парадигма социализма и парадигм — альтернативного — «особого», «третьего» пути развития. Характерно, что по-разному интерпретируемая демократия является непременным атрибутом всех трех разновидностей. Что касается социальной справедливости, то современные либералы понимают ее как функцию свободного предпринимательства и демократии; социалисты — как равенство людей по отношению к средствам производства, без чего невозможно никакая демократия; идеологи особого пути — по большей части как традиционный общественный идеал, перенесенный в современность.

Концепции буржуазно-демократического развития пришли на Восток с Запада в форме раннего либерализма. Они получили распространение в конце XIX — начале XX в., когда восточная общественность познакомилась с позитивизмом Дж. С. Милля, социологией Г. Спенсера. Но на Востоке для либерализма не было почвы. Даже во второй половине XX столетия здесь казалось невозможным регулирование социально-экономических отношений через механизм свободного рынка без государственного вмешательства. Современный капитализм в его западных «классических» формах оказался чуждым восточным обществам, несмотря на влияние мирового рыночного хозяйства.

Ценности буржуазного мира еще мало значат для жителя Востока. Идеи экономического либерализма отвечали духу времени, но не обстоятельствам места. Восточная мысль в XX в. стремилась адаптировать их к местным условиям. Восточный неолиберализм,

¹⁹ Ворончанкина Н.И. Культурные преобразования в современном Тунисе. М., 1978. С. 12.

который проявился в Японии, Турции, Малайзии и некоторых арабских странах, предполагает развитие экономики на базе современных достижений науки и техники в гражданском демократическом обществе. Здесь же предусматривается постоянное вмешательство государства как регулятора рыночной стихии с учетом специфики национального социоэкономического пространства. При этом одни понимают государственное вмешательство как поддержку государством частного сектора, другие — как гарантию доминирующего положения общественного. Первое означало, что ответственность за благополучие индивида ложится на него самого: он сам о себе должен позаботиться в рыночных условиях, второе — как бы предполагало консенсус между различными слоями населения с ориентацией на традицию, социальную защищенность в духе общинной солидарности.

Согласно такой концепции социальная справедливость должна вытекать из принципа равных возможностей, равноправия, демократических свобод, но практически социальная направленность политического курса в конечном счете определяется государством. И японских либералов, объявляющих себя консерваторами, и демократических социалистов типа египетского президента Садата и тунисского Бургибы, и пакистанского либерал-реформатора Бхутто — всех их объединяет ориентация на всестороннюю модернизацию общества и свободную личность.

В мусульманском мире парадигма буржуазной демократии принимала различные формы. Либерализм в Иране — исламизированную форму. Образованное в 1950-х годах общество «Ходжатие», а также ряд других организаций ставили перед собой цели, которые практически совпадали с устремлениями современной части иранской буржуазии. Они требовали либерализации общественной жизни, поощрения частной инициативы

и невмешательства государства в экономическую деятельность, некоторой демократизации политической сферы, ограничения влияния духовенства на политику, укрепления контактов с Западом²⁰.

Арабские демократы нередко даже апеллируют к исламу, чтобы доказать, как ни парадоксально, преимущество западных либерально-демократических программ и экономического либерализма. Характерна в этом отношении лекция Хасана Сааба (Ливан) «Ислам и современные социально-экономические проблемы», в которой гуманизм, свобода совести, мысли, право частной собственности, направленной на пользу обществу, и т.п. — все это выводится автором из шариата. А западные либерально-демократические режимы, по его мнению, не просто соответствуют, но и реализуют установления шариата и коранический принцип шура²¹. На состоявшемся в 1997 г. в мусульманском университете Аль-Азхар (Каир) конференции «Ислам и мировой экономический порядок» высказывалась мысль, что после провала марксистского эксперимента в России капитализм ныне развивается в направлении исламского порядка, для которого характерно признание частной собственности под народным контролем с учетом интересов общества²².

По существу, на неолиберальную модель рыночной экономики ориентированы и социал-демократические программы мусульманских стран. Все они предусматривают политический плюрализм, признают право частной собственности и право государства на вмешательство во все сферы жизни общества.

²⁰ *Дмитриев И. А.* Общество «ходжатие» как религиозно-политическая организация в Иране. Автореф. канд. дисс. М., 1972. С. 20.

²¹ *Аль-Азм Джалаль.* Накд аль-фикр ад-Дини. Бейрут, 1970. С. 49–50.

²² Аль-Ахрам. Каир. 21.02.1997.

* * *

Задачи демократического развития являлись также неотъемлемой частью фактически всех социалистических моделей, распространявшихся на Востоке. Социалистические идеи стали доминировать в общественной мысли Востока в 1960–1970-е годы. Социализм стал расхожим словом политического лексикона, заявления о приверженности социалистическому выбору стали неперенным элементом социальной демагогии. Социалистической фразеологии не чурались марокканский и иорданский монархи, и даже исламисты из арабской организации «Братьев-мусульман». Вообще социальные и экономические концепции на Востоке соотносились, как правило, с социализмом.

Проблема демократии и модернизации восточных обществ интегрирована в модели «социализма национального типа». Концепции этой модели имеют много общего в сущностном типе, но различаются между собой по соотношению характерных для них констант и приоритетам, которые эти константы получают. «Соотношения» и «приоритеты» зависят от специфики места и времени, от расстановки социально-классовых и политических сил. В разных концепциях прослеживается разное отношение к марксизму, к традициям, модернизации. В одних присутствует резко выраженный антикапитализм, в других — антикапиталистическая направленность проявляется слабо. В одних делается упор на необходимость государственного вмешательства и планирования в области экономики, в других на первый план выступают социальные предписания религиозных доктрин. Одни режимы этой социализации (в НДРГ, Сирии, Ираке, Тунисе) ограничивались констатацией, что социализм не противоречит исламу, другие (в Алжире, Ливии, Сомали) прямо отождествляли социализм с исламскими постулатами.

Идеологи правящей в Сирии и Ира-

ке Партии арабского социалистического возрождения толкуют арабский социализм как одну из трех целей арабского национализма: единство, свобода и социализм. Сущность «арабского социализма» заключается в демократии и социально-экономических преобразованиях с социалистической перспективой. Партийная программа провозглашает стремление к всеобщему равенству, ликвидации эксплуатации человека человеком, допускает национализацию собственности в общественных интересах за компенсацию при сохранении мелкой и средней частной собственности. Президент Ирака Саддам Хусейн заявлял: «Мы убеждены... что частная собственность будет сопровождать социализм вечно»²³.

На тех же, в общем, принципах зиждется «Демократический кооперативный социализм», который исповедовал Г. А. Насер. Его концепция изложена в Хартии национального действия (1962 г.), которая стала государственной идеологией. Общим знаменателем содержащихся в Хартии положений может служить формула: органическое единство демократии (политическая свобода) и социализма (экономическая свобода). Социализм, по Насеру, предполагает планирование экономики, направляемую демократию, развитие культуры, корни которой «в нашей цивилизации и религиозном наследии», опору не на класс или классы, а на все «трудовые (неэксплуататорские) силы народа»²⁴.

Еще одна концепция «социал-реформизма» в отличие от более радикального «социализма национального типа» не требует превращения государственного сектора в главный фактор экономического развития, допускает свободу рыночных отношений под государственным контролем, а достижение социальной справедливости считает возможным через постепен-

²³ Ас-Сияса. Багдад. 1980. № 124.

²⁴ Аль-Ахрам. Каир. 23.05.1962. Прилож. С. 3.

ные общедемократические преобразования.

В рамках социал-реформизма «конституционный реформизм» является доктриной туниской Социалистической дустуровской партии (СДП). Ее основатель и идеолог президент Хабиб Бургиба высшей целью доктрины объявил фундаментальную ценность «демократического гуманизма», заключающегося в развитии человеческой личности. «Для нас достоинство человека, — писал он, — главное... Мы отказываемся верить, что есть неисправимо плохие люди». В отличие от тех, кто считает, что богатство и бедность — от Бога, что собственность — это кража, Бургиба придерживался того мнения, что «богатство образуется путем накопления, за счет того, что его обладатель ограничивает свое потребление»²⁵.

Объявленный партией приоритет — повышение уровня жизни народа путем увеличения массы производимой продукции, ее рационального распределения и проведение политики «экономической демократии», исходя из принципа: «частная собственность должна быть подчинена общественным интересам». В законченном виде доктрина была сформулирована в 1962 г. и утверждена в 1964-м на VI съезде СДП как официальная доктрина. Того же типа теория «бенбаризма», выдвинутая на рубеже 1950-х и 1960-х годов марокканским политическим деятелем Мехди Бен Баркой, лидером Национального союза народных сил²⁶.

Египетский президент А. Садат лозунг «демократического социализма» противопоставил программе «арабского социализма» своего предшественника Г.А. Насера. «Садатский демократический социализм» декларировал приверженность плановой

экономике, принципу ведущей роли государственного сектора, справедливому распределению национального продукта, но все это в интересах развития капиталистического хозяйства. При этом вся разница между капитализмом и «демократическим социализмом» сводилась к тому, что капитализм якобы ограничивается сферой материального производства, а «демократический социализм» ориентирован на создание гуманного общества с гражданскими свободами, в котором соблюдается баланс между богатством и бедностью, властью и личностью.

Основные положения садатовского «демократического социализма» нашли отражение в Октябрьском документе (1974 г.), объявившем о начале нового этапа строительства современного государства в Египте — «государства веры и науки». Пафос документа заключался в отказе от жесткого государственного контроля за жизнью общества, как это было при Насере, и провозглашении социально ориентированной политики.

Турецкая социал-демократия является еще одной концепцией рассматриваемой модели в исламском ее приложении. В 1960 г. в декабрьском номере стамбульского журнала «Йон» («Направление») была опубликована «Платформа 150», подписанная представителями турецкой интеллигенции. В ней излагалась новая государственно-социалистическая и демократическая концепция. В частности, говорилось, что демократия и модернизация страны, которые были целью реформ Ататюрка, возможны лишь как результат быстрого экономического роста с выходом на уровень западных стран. Бедность — это главное препятствие развитию этой демократии, а потому все социальные группы должны проникнуться этой философией²⁷.

В модели (или парадигме «осо-

²⁵ Bourguba H. Discourse du President H. Bourguba. Tunis, 1957. P. 25.

²⁶ См.: Максименко В.И. Политические партии в переходном обществе. М., 1985. С. 45.

²⁷ The Turkish Garfook of International Relations. Istanbul. 1971. P. 108–109.

бого пути») также в изобилии присутствуют демократические лозунги. Идеологи «особого» или «третьего» пути пытаются найти альтернативу как капитализму, так и социализму. Они обещают «земной рай» в духе социальных установок религиозных доктрин; религиозно-философских учений, древних книг и национальных традиций. Различные концепции этой модели получили некоторое распространение на Филиппинах (М. Ректо), в Индии (среди последователей М. Ганди), Южной Кореи (Ким Учан) и в других обществах.

В мусульманском мире эта политическая идеология выразилась в концепции мусульманского социализма. Но все же, как правило, мусульманское сознание в идеологии перевешивает «третьемирское». И, наконец, в данном контексте, эта модель вряд ли может быть особым объектом рассмотрения, потому что под демократией практически всегда подразумевается некая древняя утопия: например, эра «Великого благоденствия» в конфуцианских концепциях или община времен Мухаммада и «праведных халифов» в мусульманских.

* * *

Выше упоминалось, что в мусульманском мире подавляющее большинство стран являются республиканскими, с устоявшимися демократическими институтами. Однако в политической идеологии демократия (как и национализм) является неким «брендом», «орнаментальным жанром», прикрывающими насущные интересы различных социально-политических и этнорелигиозных сил. Тем не менее тенденции к последующему развитию реальной демократии в мусульманском обществе присутствуют и при определенных условиях могут стать определяющими. В последние два-три десятилетия демократическим процессам, так же как и идеологии национализма, приходится взаимодействовать, а чаще противосто-

стоять процветающему в ряде стран исламу. Возможно, что именно в последние годы внутреннее развитие мусульманских обществ заставит их политические элиты делать выбор. Разумеется, это зависит от многочисленных факторов, которые формировались в ходе политических процессов последнего времени. Ослабевает ли исламизм? Четче ли определяются возможные пути мусульманской демократии? Трактовка рассматриваемых ниже политических процессов последних лет, а главное — их возможных последствий может быть неоднозначной.

Двадцать девятого сентября 1999 года, спустя несколько дней после того, как глава Судана генерал Омар аль-Башир отстранил от власти харизматического исламистского идеолога Хасана ат-Тураби — «серого кардинала» режима, пугала для США и консервативных арабских режимов, — лондонская арабская газета «Аль-Кодс аль-Араби» («Арабский Иерусалим») опубликовала передовицу одного из самых известных своих журналистов, Абдель Ваххаба аль-Эфенди. Суданец, учившийся в Англии, где он и проживает, автор апологетической, но добротной книги об исламизме у себя на родине, Эфенди дал своей статье заголовок, полный горечи и разочарования: «Суданский эксперимент и кризис современного исламского движения: уроки и значение». По мнению автора статьи, события в Судане явились звеном в длинной цепи поражений «исламского обновления» конца 1990-х годов, которые начались с Афганистана и включали в себя отстранение Анвара Ибрахиима — заместителя премьер-министра Малайзии, видного исламиста. Афганистан был самой большой победой движения в современную эпоху, отмечал автор (который, как истинный суннит, «забыл» об иранской революции), но впоследствии эта победа обернулась величайшей катастрофой. При всем различии ситуаций поражения

в Афганистане и Судане имели общие черты: оба лежали на совести самих исламистов и случились без вмешательства внешнего врага. В конце концов, рассуждал Эфенди, даже лучше, когда движение становится жертвой репрессий, как это случилось в Египте или Алжире, так как в этом случае оно приобретает венец мученичества. В тех же странах, где оно пришло к власти — Афганистане и Судане, — оно провалилось с первой попытки, не найдя способов преодоления внутренних конфликтов здоровым демократическим путем. Спектакль с участием активистов, которые, дорвавшись до власти, обвиняли и истребляли друг друга, был мучительно красноречив: он подрывал их моральный авторитет и «сводил на нет годы и целые столетия кампаний по распространению веры». Хуже того: «...их разногласия касались не вопросов религии, а славы и власти! Между тем предполагалось, что они, как истинные мусульмане, не станут придавать этим вещам особого значения, чтобы не вызвать раскол [фитна] в рядах верующих... Что же говорить, когда это обернулось разрушением страны, гибелью правозверных и отвратило людей от религии, исказив облик ислама и его последователей!» Автор сожалел, что, придя к власти, они забыли о демократии, хотя «Банна (основатель организации «Братья-мусульмане». — *А. Р.*) говорил, что парламентская демократия — это то, что ближе всего к исламу». «Если исламистам не удастся решить эту проблему, — заключал Эфенди, — они нанесут смертельный удар по надеждам на мусульманское обновление и ввергнут ислам в катастрофу. И это будет много хуже, чем все то, что ему причинили коммунистическое или секуляристское движения».

Меланхолия человека, «разочарованного в исламизме», представляет особый интерес, учитывая личность автора и позицию газеты, опубликовавшей его статью, — глашатая антис-

онизма, рупора радикального исламизма и арабского национализма. В своей сильно идеологизированной статье, рассчитанной на активистов движения, Эфенди указывал на три фактора, приведшие к провалу: крушение утопии, не выдержавшей испытание временем и властью; конфликт между различными составляющими движения, проблема демократии. Но там, где апологет видел лишь столкновение личностей, явно вырисовывался социальный антагонизм между набожными средними классами и неимущей городской молодежью. Когда Эфенди изображает демократию в роли ориентира исламистского движения со времен аль-Банна, здесь прослеживается стремление средних классов и части исламистской интеллигенции (к коей принадлежал сам автор) вступить в союз со светским гражданским обществом, чтобы выйти из той ловушки, в которую их завела исламистская политическая логика.

В другой стране, упоминавшейся Эфенди, — Малайзии, где вундеркинд местного исламизма Анвар Ибрахим был обвинен в гомосексуализме диктатором Махатхиром Мохаммедом, некогда вознесшим его на вершину славы, а потом втоптавшим в грязь, — сторонники жертвы оказались перед сходной дилеммой. В период своего триумфа они были самыми рьяными защитниками авторитарного режима, который привлекал их на службу, прикармливал и обогащал²⁸. Они не особенно заботились о демократии, поскольку следовали культуре «азиатских ценностей», исповедовавшемуся Махатхиром, — пародии на идеологию,

²⁸ Благодаря доступу к национальному богатству Малайзии — доходам от добычи углеводородного сырья и обложения предпринимателей китайского происхождения — исламисты из числа сторонников Анвара могли оказывать поддержку борьбе «единоразцев» во многих странах мира. Они снискали себе репутацию «умеренных» исламистов, не враждебных капитализму.

в которой провозглашается примат общины над личностью в Азии и отвлечение к свободе, этой проклятой «западной ценности». Между тем, устраивая демонстрации против Махатхира, именно среди демократов они встречали самых верных своих союзников. Об этом свидетельствовал, выйдя из тюремных застенков, друг Анвара, опороченного услужливой прессой, — Мунаввар Анис, известный исламист-интеллектуал, в прошлом большой специалист по разоблачению «западных заговоров». Вырванный из застенков мусульманского диктатора благодаря заступничеству западных же правозащитников, он подверг суду совести свои прежние взгляды, обильно цитируя при этом Томаса Джефферсона. Здесь тоже именно к светскому гражданскому обществу повернулись «разочарованные в исламизме» представители средних классов и интеллигенции, желая заключить с ним союз, который позволил бы им с наименьшими потерями вписаться в «рынок глобализации», открывшийся на заре третьего тысячелетия.

На протяжении 1990-х гг. сама демография, столь успешно «работавшая» на исламистскую идею двумя десятилетиями ранее, переполняя городские окраины молодежью — той, что встанет на ее защиту, — производила обратный эффект. Демографический взрыв сменился регулярным и стремительным падением рождаемости среди новоиспеченных горожан, столкнувшихся с неразрешимыми жилищными проблемами. Их жены, получившие возможность трудоустройства, были вынуждены ограничивать себя в желании иметь детей, подчиняясь требованиям городской жизни. Вопреки идеологии исламистских деятелей, видевших в детских колыбелях завтрашних воинов джихада, молодые супружеские пары, населявшие в 2000 г. крупные города мусульманского мира, руководствовались прежде всего заботами о собственном благосостоянии.

Эти соображения подразумевали снижение рождаемости, в результате чего на смену семьям с семью и более детьми (что еще двадцать лет назад было нормой) стали приходиться семьи с двумя—тремя детьми²⁹. В отличие от родителей, в большинстве своем родившихся в деревне и перенесших травму расставания с сельской средой, они родились уже в городе. Они принадлежали к той же письменной культуре, что и их отцы — первое грамотное в массе своей поколение, — в то время как отцов отделяла от дедов (неграмотных сельчан) культурная пропасть, способствовавшая культурному разрыву и проникновению радикальной исламистской идеологии. Дети «бородачей» уже не верили сказкам, которыми жило в 1970-е гг. прежнее поколение.

В Исламской Республике Иран, спустя два десятилетия после победы Хомейни в 1979 г., этот феномен проявился наиболее ярко. В двадцатую годовщину революции достигло возраста зрелости поколение, не знавшее времен шаха. Оно столкнулось с массовой безработицей, репрессивной моралью и косным социальным порядком. Всем управляли религиозные иерархи, исламские «фонды», контролировавшие экономику вместе с базарными торговцами, и прочие бенефицианты Исламской Республики, противившиеся любой реформе, подрывающей их власть. На парламентских выборах 18 февраля 2000 г. с большим отрывом победили кандидаты-реформаторы — несомненный признак того, что отныне общество уже не устраивает социальный и моральный порядки, унаследованные от Хомейни. Неясность путей перехода от эры исламизма к «постисламизму» напоминает дебаты вокруг «посткоммунизма» в бывших советских республиках. В обоих случаях, независимо от их исхода, сложившаяся ситуация свидетельствует об этическом крахе

²⁹ Chesnais J.S. La population du monde, enjeux et problèmes. P., 1997.

модели, переставшей быть утопией грядущего будущего. Это поражение выходит за рамки проблематики Ирана и шиизма в целом, но распространяется на исламистскую идеологию как таковую, в равной мере затрагивая и суннитский мир.

В упоминавшейся выше статье Эфенди автор сожалел о неспособности пришедших к власти суннитских исламистов претворить в жизнь те идеалы, к которым они призывали, находясь в оппозиции, и видел в движениях, подавленных государством, больше подлинности. Но и их итог едва ли можно назвать блестящим: они не смогли победить ни с помощью стратегии конфронтации, ни идя на сотрудничество с властью. В первом случае, иллюстрируемом прежде всего примерами Алжира и Египта, насилие в отношении государства, которое исповедовали и практиковали наиболее радикальные группировки, после многообещающего начала обернулось против самих же исполнителей. Насилие не подвигло население на восстание даже тогда, когда дело исламизма было популярно и побеждало у избирательных урн, как это было в Алжире. Напротив, пароксизм насилия, подстегнутого опытом джихада в Афганистане, оттолкнул население от идеологии, превратившейся в кровавый кошмар. Умеренные исламистские группировки, связанные с набожными средними классами, оказались в жалком положении, будучи неспособными сдержать эскалацию жестокости, жертвами которой они иногда становились сами. Они не смогли сыграть свою роль посредников и гарантов по отношению к государству и иностранным державам.

В 1992–1995 гг. США проявляли благосклонность к различным представителям исламистского течения, обосновавшимся на их территории или регулярно приглашавшимся американскими полуофициальными организациями в рамках массовой поддержки, оказывавшейся ЦРУ джихаду

в Афганистане. Эта операция позволила сформировать сеть оперативных связей среди исламистских деятелей, активистов и идеологов, которые могли бы стать для Вашингтона полноценными партнерами в случае их прихода к власти. Американские профессора опубликовали огромное количество сочинений, прославлявших «умеренных исламистов», в которых ученые мужи видели воплощение гражданского общества и вернейших сторонников рыночной экономики. Журналисты, разделявшие эти симпатии, готовили аудиторию к возможной победе исламистов в Алжире и Египте, что, по их мнению, сулило лишь выгоды для США. Напротив, другие заокеанские профессора, часто близкие к израильскому лобби, а также печатные органы того же направления пытались показать, что «умеренные» были не более чем улыбающейся маской терроризма и фанатизма — сущностными, на их взгляд, первоосновами исламистского движения в целом³⁰.

При всей интеллектуальной убогости этих дебатов речь шла о серьезных вопросах власти и влияния — о выборе курса американской политики в отношении исламистов. Одним из факторов, обусловивших к 1995 году поворот от «benign neglect» («доброжелательного невнимания») к ужесточению этой политики, послужило распространение терроризма исламистской окраски на американскую территорию. Теракт против Всемирного торгового центра, при всем тумане, до сих пор окутывающем это дело, был, по меньшей мере, ярким тому свидетельством. Пусть

³⁰ Об этих американских дебатах, в которых научная и интеллектуальная аргументация очень четко отражали политические и экономические интересы середины 1990-х годов, существует обширная литература. См.: *Ceu Pinto M. Political Islam and the United States. L., 1999; Gerges F. A. America and Political Islam: clash of cultures or clash Interest. Cambridge, 1999* и др.

и не столь явно, о произошедшем повороте говорит и судьба Анвара Хаддама, «главы парламентской делегации ИФС (Исламский фронт спасения) за рубежом», переметнувшегося в ВИГ (Вооруженная исламистская группа) и впоследствии убитого. Осевший в США в качестве официального лица, он представлял ИФС на конференции общины Сант Эгидио, проходившей в декабре 1994 года в Риме. В период, когда проходила эта конференция, Вашингтон еще разыгрывал тот сценарий урегулирования алжирского кризиса, в котором исламисты играли бы центральную роль. В 1995 году эскалация терроризма, отмеченная «войной против Франции», терактами на французской территории и массовыми убийствами в Алжире — при всей неясности вопроса о том, кто нес за них ответственность, — сделала невозможной ставку на исламистов за отсутствием ответственных партнеров с их стороны. Вашингтон похоронил свои надежды, и Анвар Хаддам оказался за решеткой под предлогом, связанным с соблюдением им порядка получения разрешения на пребывание в стране (та же уловка была применена в отношении египетского шейха Омара Абдель Рахмана)³¹.

Во второй половине 1990-х годов интеллектуалы-исламисты — по примеру Эфенди, Аниса, а также 40-летних «Братьев-мусульман», попытавшихся в 1995 году создать в Египте партию «Хизб аль-Васат», «умеренных» лидеров турецкой партии «Рефах», возглавивших после 1997 года партию «Фазилет», и многих других — начали замечать, что политическая идеология движения заводит их в тупик. Это проявлялось в различных формах: неконтролируемом (в Алжире и Египте) или неэффективном (в Палестине) насилии; захвате власти с последующим политическим и экономическим крахом страны (Судан и Афганистан);

межконфессиональной гражданской войне (Пакистан); прислуживании диктатуре и потере морального кредита (Малайзия при Махатхире и Индонезия при Сухарто); неспособности выполнять властные функции в составе правительственной коалиции (Турция и Иордания). К этому следовало бы добавить и провал иранского режима, не оправдавшего грандиозных надежд, порожденных революцией по всему мусульманскому миру.

Именно в свете всех этих поражений, возможно, и следует искать объяснение новой ориентации, выбранной теми нынешними и бывшими активистами исламистского движения, которые, говоря ныне о демократии и правах человека, ищут общий язык со светскими средними классами. В этих кругах забыли о радикальной идеологии в том виде, в каком она выражена у Кутба, Маудуди и Хомейни — от этих имен теперь отмежевываются. Здесь ужасаются «джихадистско-салафитскому» учению, созданному в лагерях Афганистана, и прославляют «демократическую сущность ислама». Сталкиваясь с авторитарными или полицейскими режимами, эти круги выступают в защиту свободы личности, борясь, рука об руку, со светскими демократами. Ношение платка в государственных учреждениях, где это запрещено, рассматривается уже не как соблюдение шариатской нормы, но как «суверенное право человека» (женщины), свободное волеизъявление личности, такое же, как и всякое другое³².

Об этих усилиях достаточно наглядно свидетельствует бюллетень «Ислам XXI», который имеет свою сеть интернет-сайтов³³, рассылает корреспонденцию по электронной почте и проводит колоквиумы. Базируясь в «Лондонистане» (так сами его обитатели называют мир беженцев,

³¹ Аль-Адаб. Бейрут. 18.12.1995.

³² См.: Politicing Hejab and denial of a basic Right // Islam XXI. L. 1999, July, № 17.

³³ См.: <http://islam21.org>.

журналистов, активистов и «зеленых финансистов», осевших в британской столице), он регулярно предоставляет слово — на арабском и английском языках — таким интеллектуалам, как тунисец Ганнуши, Эфенди и многим другим их коллегам от Магриба до Юго-Восточной Азии. В феврале 1999 года журнал предложил выработать «хартию для исламистов», выдвигавшую на первый план проблемы «гражданского общества, прав женщин, права на инакомыслие и необходимость просвещенной интерпретации религии». В передовице было выражено сожаление, что «за прошедшие десятилетия исламисты, как и другие политические деятели, ставили своей целью завоевание государственной власти. Опыт оказался слишком дорогостоящим и редко дававшим положительный результат. Более того, захват власти не решал проблем и мог явиться серьезной помехой для реализации исламистского проекта в целом»³⁴. В следующем выпуске бюллетеня статья под заголовком «Исламизм, плюрализм и гражданское общество» развивала эту тему, приводя в подкрепление цитаты из А. де Токвиля. Гражданское общество как средство противодействия деспотизму представлялось здесь в качестве панацеи от всех проблем современного мусульманского мира — в пику «ориенталистам, которые продолжали утверждать, что ислам и демократия несовместимы... и которых, по иронии судьбы, в этом поддерживало малочисленное, но крикливое меньшинство исламистских деятелей, заявлявших, что демократическим ценностям нет места в исламе»³⁵.

За пределами «Лондонистана» подобные взгляды разделяются многочисленными студенческими исламистскими группами и вышедшими из этой среды проповедниками Европы и США. Во франкоговорящем мире

видным сторонником этих идей является проживающий в Женеве харизматический оратор Тарик Рамадан, внук Хасана аль-Банна, основателя организации «Братья-мусульмане», и сын Саида Рамадана, осевшего в Женеве и являющегося главным «связным» международного движения, выросшего из «Братства». Отвергая всякую логику конфронтации с Западом, он видит в европейской демократии способ защиты от деспотизма, царящего в большинстве мусульманских стран, и призывает своих последователей в полную меру пользоваться правами, которые им предоставляет гражданство. Будучи швейцарским подданным, он стремится зарекомендовать себя как интеллектуал среди французской профессуры и в издательских кругах. Он является автором книги, вышедшей в одном из парижских католических изданий, предисловие к которой написано знаменитым журналистом Аленом Греша, главным редактором газеты «Le Mond diplomatique» — поборником идей третьемировой модели («тьер-мондизма» во Франции), выходящем из семьи коммунистов³⁶.

Заветное желание Тарика Рамадана — добиться, чтобы за исламистами признали право быть неотъемлемой частью демократического пейзажа. Он хочет придать легитимность их выступлениям, избавив их от любой ассоциации с радикальными группами или лицами, перешедшими к насилию, наподобие тех, кто в 1995 году участвовал в «войне против Франции» под началом «эмира» ВИГ Зитуни. Журналисты, представители духовенства и преподаватели, покоренные этим оратором, прекрасно владеющим приемами и риторикой своих собеседников, видят в нем представителя мусульманской молодежи Франции и Европы, обеспечивая ему доступ во властные

³⁴ Islam XXI. L. 1999, February, № 15.

³⁵ Islam XXI. L. 1999, April, № 16.

³⁶ *Ramadan T.* Aux sources du renouveau musulman: D'al-Afgani a Hassan al-Banna, un siecle de reformisme islamique. P., 1988.

инстанции. Другие, настроенные более скептически, задаются вопросом о его истинных намерениях и о смысле его посланий к молодежной аудитории. Наконец, третьи уверяют, что, какова бы ни была идеологическая подоплека его речей, он побуждает свою паству и своих последователей к большей социальной мобильности и «гражданской» интеграции, которые в конечном счете облегчат их аккультурацию во французском обществе и отвратят их от исламистских концепций. Так, несколько десятилетий тому назад дети иммигрантов из Южной и Восточной Европы, пролетарии и коммунисты, выйдя из-под контроля партии и профсоюзов и получив возможность социального роста, превратились во французских мелких буржуа, уже не связанных ни с марксизмом-ленинизмом, ни со странами происхождения своих родителей.

* * *

В масштабах всего мусульманского мира помимо ситуаций, описанных выше (превращение иранской утопии в религиозную легитимизацию подавления общества государством и усиление недовольства населения муллократией, банкротство в Судане, афганская катастрофа), оппозиционные исламистские движения переживают беспрецедентный моральный кризис. Их политический проект — который характеризовался большой неопределенностью и откладывал до наступления светлого будущего (если не до Страшного суда) четкое определение «исламского государства» и «соблюдение шариата» — уже можно оценить, имея в виду его промежуточный итог. Исламизм строил планы на будущее, но завяз в прошлом. Неконтролируемое насилие 1990-х годов, даже если оно и было, как подозревают многие, вызвано провокациями агентуры заинтересованных режимов, осталось у всех на памяти. По этой причине наиболее умеренная фракция

движения постоянно заявляет о своей приверженности демократии, чтобы отмежеваться от явления, омрачающего ее политическое будущее. Набожные средние классы, составляющие ее социальную базу, ищут новых союзов со своими светскими и даже христианскими — в поликонфессиональных странах — оппонентами. Так, в Ливане шиитская «Хизбаллах», изначально — террористическая группировка, готовая служить хомейнистскому Ирану, превратилась в массовое движение обездоленных, а затем стала воплощением ливанского национального сопротивления Израилю, снискав в этом качестве симпатии всех частей религиозного спектра страны³⁷.

Таким образом, возможно, что новые тенденции, осязательно проявившиеся в современном мусульманском мире, идут вразрез с устоявшимися схемами, которые либо усматривают в самой исламской доктрине помеху для любого утверждения демократии в тех странах, где ислам является господствующей религией, либо совершенно необоснованно наделяют ислам «исконно демократическим содержанием». Возможно, именно в русле этих тенденций происходит в наши дни становление мусульманской демократии. Ислам, как и любая другая религия, — это «экзистенция», которую сами мусульмане и мусульманки наполняют содержанием. Но они живут в мире, в котором стирание интеллектуальных границ, происходящее благодаря бурному развитию телекоммуникаций, разрушает крепости самобытности, которые пытается возводить исламистская идеология. Важным обстоятельством является то, что этой идеологии так и не удалось превратить современных мусульман в исламистских активистов, движимых исключительно императивами своей доктрины. Высвобождение из идеологических пут от-

³⁷ Yuber H. Herbolah: Born with a vengeance. L., 1997.

крывает перед мусульманами широкий простор для определения своей судьбы и эмансипации от догм. Это будет означать возвращение к великой традиции мусульманских обществ, исторически составлявшей их силу и заключавшейся в их чрезвычайной пластичности по отношению к изменениям окружающего мира. Именно эта традиция позволила им в эпоху своего величия на пространстве от Багдада до Андалусии сплавить воедино достижения персидской и греко-средиземноморской цивилизаций.

Сегодня большинством мусульманских обществ видят свое будущее в открытости внешнему миру и установлении демократии, альтернативы которой они уже не находят. У всех молодых жителей Алжира, Ирана и других стран есть хотя бы один родственник за границей. Они регулярно перезваниваются, смотрят передачи по спутниковым телеканалам и видят проносившийся мимо них с огромной скоростью экспресс современности — той, в которой живут Европа и США. Режим мулл, Исламский фронт спасения, суданский Исламский фронт, не говоря уже о движении Талибан, оставляют молодежь на перроне. Но этот марш в сторону демократии неизбежно столкнется с препятствием, причем отнюдь не религиозного характера: нужно, чтобы государства и правящие элиты в этих странах продемонстрировали ту же готовность к демократизации форм своего правления. Не следует забывать, что с конца 1960-х годов расцвету исламистской утопии способствовал репрессивный и авторитарный характер почти всех государств мусульманского мира, а не только моральный крах национализма и экономические неурядицы. В первые десятилетия исламисты с тем большей легкостью отвергали «безбожную» демократию, что режимы, которые сажали в тюрьмы, пытали и казнили своих оппонентов или обрекали их на изгнание, очень часто поднимали лозунги свободы, социализма и прогресса, превратив эти

понятия в маскарад. Идеалы исламизма представлялись тем более привлекательными, что его приверженцы верили, что Бог и Коран гарантируют их воплощение в реальной жизни, не позволив извращать эти идеалы и манипулировать ими деспотам — будь то полковники, короли или султаны. Однако моральный карт-бланш, который имело движение, желавшее покончить с политическим насилием и коррупцией, был в значительной степени исчерпан менее чем за тридцать лет, в течение которых в студенческих городках избивали левых, заставляли женщин носить платок, разворовывали «исламские» фонды, подвергали цензуре светские сочинения и терроризировали их авторов, убивали гражданских лиц и туристов. Активисты исламистского движения говорят в ответ о его позитивных социальных итогах, упоминая о своих достижениях в сфере благотворительности, о доступе к современной городской жизни, открывшейся для девушек из традиционной среды благодаря ношению платка, о милосердии исламской банковской системы и финансируемых ею гуманитарных организаций и т.д. Все это еще требует проверки, но независимо от результатов этой проверки моральный и политический итог 30-летней истории воинствующего исламизма по меньшей мере мало сообразуется с первоначальными надеждами. В ближайшем будущем преимущество будет на стороне правящих режимов, доказавших свою жизнестойкость в конфронтации с исламистским движением, которое сломлено военным насилием или поймано в ловушку кооптации во властные структуры. Неся груз этой ответственности, лидеры мусульманского мира находятся в как никогда более благоприятной для них ситуации. Им нужно действовать быстро. От их выбора будет зависеть, поднимется ли снова в той или иной форме знамя джихада, развернувшееся четверть века тому назад, или мусульманские народы сами проложат свой путь к демократии.

ЕЛЕНА ГАЛКИНА

ОТ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА К ИСЛАМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ: ИРАНСКИЙ ОПЫТ

«Национализм порождает нации, а вовсе не наоборот» — этот известный тезис Э. Геллнера¹ эффектен, но неверен. В реальности четко определить первичность и вторичность в данном случае невозможно; национализм формируется вместе с нацией и является ее неотъемлемой характеристикой. Но какие формы он будет приобретать: гражданско-правовую, «органическую» (этнокультурную), религиозную — это зависит от комплекса факторов, среди которых культурная традиция и ментальность играют далеко не ведущую роль. Особенно очевидно это в полиэтничных государствах, где нации проходят ту или иную стадию формирования и где фактически вместе с нацией появляется новый этнос.

Этот процесс может быть прерван с распадом государства, как случилось с советским народом, а может проходить через разные формы национализма, как происходило в Иране — стране с очень непростым этническим составом, которая за XX век несколько раз меняла политическую систему. Причем последний ее вариант настолько непонятен носителям культуры буржуазной демократии, что западные и российские аналитики порой кардинально ошибаются в прогнозах. Со стороны кажется, что эта тоталитарная теократия нежиз-

неспособна в современном технологичном и стремительно глобализирующемся мире — и должна скоро рухнуть. Но грандиозные внутренние кризисы, которые регулярно пророчат Исламской республике, почему-то не происходят, а борьба за власть между консерваторами и реформистами-«либералами» до сих пор не разрывает страну на части. ИРИ успешно выживает и набирает международный вес в очень сложных внешних условиях, когда немалая доля ресурсов и политической воли крупнейшей экономики мира направлена на дестабилизацию Ирана. Существует ли в этой стране нация и тем более демократия — даже эти вопросы не имеют очевидных ответов, не говоря уже о специфике становления этих исторических явлений.

* * *

На июль 2009 г. в Иране проживало 66 429 284 чел, из которых 51% составляют персы, 24% — азербайджанцы, 8% — гилянцы и мазендеранцы, 7% — курды, 3% — арабы, 2% — лурцы, 2% — белуджи, 2% — туркмены и 1% — остальные народы. При этом персоязычны, т.е. говорят на фарси и диалектах, лишь 58% населения, остальные используют тюркские языки, курдский, арабский, лурский и проч. Уже эта сводка вроде бы свидетельствует, что этнонационализм в Иране на любом уровне обречен быть антигосударственным движением, поскольку население очень полиэтнич-

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 132.

но и численность восьми этносов превышает 1 миллион человек. При этом Исламская республика — шиитское теократическое государство, в котором мусульмане составляют 98%, причем шиитами является 90% граждан, остальные — сунниты.

Национализм — дитя Нового времени, как индустриализация, нация и капитализм, без которых эта идеология никогда бы не появилась на свет. В Иране процесс кристаллизации националистических идей начался в XIX веке.

Это столетие стало для страны эпохой ускоряющегося сползания средневековой феодальной монархии в воронку экономической глобализации, чему услужливо помогали Британия и Франция, соревнуясь друг с другом за привилегию назвать в будущем Иран своим протекторатом или колонией. Так, уже в 1801 г. Фатх Али-шах подписал с английским правительством договор, по которому подданные короны получали право свободно селиться в иранских портах, ряд товаров освобождался от ввозных пошлин, а в случае нападения Наполеона на Индию Иран должен был послать свои войска в Афганистан. К 1841 г. эти небольшие преференции превратились в договор об экстерриториальности подданных империи и освобождении от внутренних иранских пошлин всех их товаров, а ввозная пошлина опустилась до 5%. Через несколько лет подобные права получили, в порядке политики лавирования и баланса сил, Франция, Австро-Венгрия, Голландия, а в 1856 г. аналогичный договор «о дружбе и торговле» был подписан с США. Россия получила подобные привилегии еще по Туркманчайскому мирному договору 1828 г.

Великие державы, прежде всего Англия, предоставляли правительству Каджаров субсидии и займы, оказывали поддержку в подавлении восстаний бабидов и получали взамен новые концессии, строили телеграф, во второй половине XIX в. организовали Шахиншахский («Имперский») банк Персии,

который взял под контроль монетный двор шаха, монополизировали с разрешения шаха судоходство на единственной в стране судоходной реке и запретили строить железные дороги.

Система государственного управления и армия пришли в упадок настолько, что к концу XIX в. созданный под руководством русских офицеров казачий полк был самой боеспособной частью иранской армии, а потом этот успешный опыт получил развитие: были приглашены австрийские, германские, итальянские, французские военные специалисты. Вскоре эффективные топ-менеджеры европейского происхождения появились на высоких должностях и в центральных органах власти. Естественно, данная картина не вызывала энтузиазма местного населения, тем паче что сопровождалась перераспределением в пользу «менеджеров» феодальной собственности, ростом налогов и разорением ремесленников из-за вторжения почти беспопытной иностранной фабричной продукции. Базис для национально-освободительной борьбы и нациостроительства к концу века был налицо.

Однако появление первых теоретических разработок на тему иранской идентичности произошло, когда Иран еще не пал до состояния полуколонии. Иранская интеллектуальная элита не была замкнута в себе и имела представление о том, что происходило в Европе в конце XVIII в., и об идеях, данные события предвещавших и сопровождавших, включая и французский гражданский, и немецкий «романтический» национализм. С опорой на средневековый патриотизм «Шахнаме» Фирдоуси и «Зафар-наме» Казвини горстка интеллектуалов (*фовшанфекран*), как правило, европейски образованных, начала разработку идей национального единства, суверенитета и собственно народа как субъекта политики (*шахрвандан*) взамен толпы-объекта (*райя*).

В европейских языках термин «нация» начал впервые использоваться в

близком к современному значению, как показывает Л. Гринфельд, в Англии XVI века и к концу XVIII — началу XIX века распространился по континентальной Европе². В персидском процесс превращения термина *меллат*³ в эквивалент европейской *нации* приходился на XIX век и проходил в два этапа: сначала к словосочетанию «мусульманская *меллат*» (*меллат-е мосалман*) добавилось слово *Иран* (*меллат-е мосалман-е Иран*), а потом религиозная составляющая отпала, оставив «иранскую нацию» (*меллат-е Иран*).

Во второй половине XIX в. в иранской печати уже употребляются термины «национальность» (*мелтийат*) и «националист» (*мелли*). Изменяется и значение слова «родина» (*ватан*), которое ранее употреблялось, как правило, для обозначения локального места рождения и проживания. Великий везир Амир Кабир, реформатор и просветитель, в период своей недолгой деятельности на высоком посту (1847–1851) пытавшийся ограничить западное вмешательство в дела страны, использовал термины «нация» и «родина» уже в их современном значении. В 1876 г. начался выпуск двуязычной газеты «Ватан» на персидском и французском, в передовице первого номера которой давалось определение патриотизма как высшей ценности⁴. В целом французская мысль оказывала большое влияние на первые тепличные ростки иранского национализма. Так, литератор Мошир ад-Дауля (1828–1881)

писал, что основы национального строительства предложены Францией: каждая нация (*меллат*) должна управляться людьми, к ней принадлежащими.

Во второй половине XIX в. в Иране начала активно развиваться периодическая печать и сеть образовательных учреждений западного типа: от миссионерских школ до Политехнического университета и Школы политических наук, где преподавались курсы отечественной истории. Во всех странах и регионах это один из основных факторов формирования националистических движений, позволяющий распространять и воспроизводить «изобретенные традиции»⁵. Примерно пятая часть курса истории была посвящена доисламскому периоду. Также начали публиковаться книги о парфянских (т.е. иранских) корнях правящей династии Каджаров, исследования о зороастризме, переиздавались труды Фирдоуси и Казвини⁶.

В этот период политического упадка и интеллектуального подъема появляются и первые идеологи иранского этнонационализма: литераторы и просветители Мирза Фатх Али Ахундзаде (1812–1878), Джалал ад-дин Мирза Каджар, один из младших сыновей Фатх Али-шаха, Мирза Ага Хан Кермани (1853–1896). Обеспокоенные упадком страны, они видели причины проблем в бесконтрольной и коррумпированной власти, в некомпетентности и несостоятельности правящих кругов, как светских, так и религиозных. Они считали любовь к нации и родине имманентно присущей каждому человеку, духовной потребностью, прославляли доисламскую державу и призывали очиститься от чужеродного налета, пришедшего вместе с исламом, включая арабские

² Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008.

³ Ранее употреблялся для обозначения религиозного сообщества, как правило, относившегося к мусульманам и *ахл ал-китаб* — народам Книги (в то время данное понятие распространялось не только на иудеев и христиан, как указано в Коране, но и на зороастрийцев, см.: Vajda G. Ahl al-Kitab // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 2004. Т. 1. P. 264).

⁴ Ashraf A. Iranian Identity // Encyclopædia Iranica. Vol. XIII. 2009. P. 523

⁵ Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge Univ. Press, 1983. P. 2–14.

⁶ Ashraf A. Op. cit. P. 524.

заимствования в языке⁷. При этом Ахундзаде, будучи выходцем из Азербайджана, всячески подчеркивал свое персидское происхождение и принадлежность к иранской нации (*меллат-е Иран*).

Все это определило идеологический фон Конституционной революции 1905–1911 гг., на котором иранская интеллигенция формулировала две ее основные цели: создание современного национального государства, которое способно отстоять свой суверенитет против западной экспансии, и формирование нации путем превращения толпы (*райя*) в сознательных и ответственных граждан, способных активно участвовать в политической жизни страны.

Идея *меллат-е Иран* объединяла все этнические и социальные группы страны, вне зависимости от религиозной принадлежности, этнического происхождения или социального статуса. Показателен повод к началу восстания. 12 декабря 1905 г. тегеранский генерал-губернатор приказал бить по пяткам нескольких купцов, которые не снизили цены на сахар, как он приказывал, между тем как купцы вообще не могли контролировать ценообразование, поскольку сахар в Персию поставляли иностранные компании⁸. И первыми на защиту купцов встали улама и базар — те силы, которые через семьдесят с лишним лет начнут новую революцию с очень схожей мотивацией.

Это было настоящее национально-освободительное — и националистическое движение, которое к лету 1906 г. охватило всю страну. Требовали огра-

ничения власти шаха, увольнения непопулярных министров и учреждения парламента.

И если волнения 1905 г. в Российской империи привели Николая II к паллиативу конституции — изданию знаменитого Манифеста 17 октября, то в Иране в 1906 г. в результате событий Машрутинской революции в сентябре был созван меджлис, а 30 декабря уже утверждена шахом первая конституция, которая существенно разрядила атмосферу в обществе, сохранила монархию и вплоть до 1979 г. была основным источником права Ирана.

Этот документ был выработан в целом на основе конституций Франции и Бельгии. Изначально в тексте, подготовленном светскими националистами, не было статьи, которая бы утверждала приоритет какой-либо религии, но традиционно сильное шиитское духовенство, кстати, активно участвовавшее в революции, пролоббировало поправки, которые провозгласили официальный статус шиизма джафаритского толка (статья 2 Конституции, а также Дополнения к Основному закону от 7 октября 1907 г., ст. 1–2), а «неверные» были поражены в правах — в той или иной мере, в зависимости от исповедуемого ими культа, но имели фиксированное представительство в меджлисе.

Что касается социально-политических итогов революции, то продвижение буржуазного парламентаризма шло тяжело. Династия Каджаров сохранилась, после двух разгонов меджлиса в 1911 г. на смену продвинутым либеральным этнонационалистам пришли консерваторы, экономические требования низших слоев выполнены не были, в то время как политические были ими обретены — провозглашено всеобщее избирательное право с имущественным цензом в 1000 туманов (ок. £200), за исключением женщин, иностранцев, лиц до 25 лет, военных и лиц с криминальным прошлым (ст. 2, 3 Избирательного закона 9 сентября 1906 г.). Выборы были непрямыми, двуступенчатыми

⁷ Cole J. Marking Boundaries, Marking Time: The Iranian Past and the Construction of the Self by Qajar Thinkers // *Iranian Studies* 29/1–2, 1996. P. 35–56; Kia M. Mirza Fath Ali Akhundzade and the Call for Modernization of Islamic World // *Middle Eastern Studies*. Vol. 31. No. 3 (Jul., 1995). P. 422–448.

⁸ Kiddie N.R. *Modern Iran: Roots and Results of Revolution*. Yale University Press, 2006. P. 67.

по куриальной системе, когда в каждой провинции избирали в следующей пропорции: 1) принцев и членов семьи Каджаров — 4, 2) богословов и студентов — 4, 3) купцов — 4, 4) землевладельцев и крестьян — 10, 5) представителей торгово-ремесленных гильдий — 10.

Но светские творцы конституционной монархии оказались не готовы к работе с массами избирателей, в отличие от богословов, которые много сделали для поддержки авторитета меджлиса, разъясняя легитимность новой власти и ее решений в мечетях.

Широко вмешиваться в политику и занимать антиправительственную позицию еще на ранних стадиях конституционного движения духовенству позволяла свойственная шиизму доктрина имамата, согласно которой верховное руководство государством должно осуществляться силами шиитских богословов и правоведов⁹. Помимо этого, духовенство было единственной частью иранской элиты, знавшей, что происходит на базаре и в деревне и имевшей непосредственные рычаги влияния на низы. Обладая таким огромным ресурсом, улама не возражали против предложенной светскими деятелями идеи конституционной монархии, если их влияние в обществе при новом строе как минимум сохранится, а в идеале усилится. Но поскольку революция победила под национальными лозунгами, духовенство должно было встроиться в этот дискурс, который напоминал о себе уже на каждом шагу: концепт национального (*мелли*) присутствовал в названии учрежденного новой властью Народного банка (*Банк-е мелли*), Народного парламента (*Маджлес-е шурайе мелли*), эпитетов *народных* героев. И религиозные лидеры сумели заслужить репутацию патриотов, поддерживая парламент и призывая к бойкоту иностранных товаров.

Консолидация общества происходила не только сверху, но и снизу: в ходе выборов 1906 г. в Тебризе, столице Иранского Азербайджана, возник первый *анджоман* (общество, комитет) для народного наблюдения за выборами в парламент. Но после проведения выборов местные власти не смогли закрыть стихийно созданную организацию — горожане с оружием в руках встали на защиту своего «меджлиса», и в 1907 г. анджоман уже фактически перехватил управление городом у официальных властей. Вскоре подобные анджоманы-муниципалитеты появились в большинстве городов, и меджлису ничего не оставалось, как признать анджоманы законными народными представительствами, хотя и ограничив их компетенцию хозяйственной сферой. Кроме того, в свои народные (*мелли*) анджоманы объединялись и люди одной профессии (это были прообразы профсоюзов), этноса, религиозной группы и т.п. Свои анджоманы организовывали все социальные группы — от принцев дома Каджаров до рабов. Естественно, в таких условиях начинается и оформление политических движений самого разного толка, вплоть до социал-демократов, и поднимаются сепаратистские настроения от Иранского Азербайджана до территорий племен.

Выпустив джинна народной инициативы, правительство Мохаммада Алишаха, задыхавшееся от финансовых проблем и сжимавшегося кольца давления великих держав, не смогло найти иных методов контроля над ней, чем роспуск меджлиса, казни и политические убийства. При этом опору в борьбе против общества шах нашел вне страны — у Англии и России. В результате 31 августа 1907 г. было подписано соглашение, которое разделяло Иран на британскую и российскую зоны влияния¹⁰. Далее шах осуществил государственный пере-

⁹ Keddie N. Religion and Irreligion in Early Iranian Nationalism // Comparative Studies in Society and History. IV, No. 3 (April 1962). P. 269.

¹⁰ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во лит. литературы, 1952. С. 386–389.

ворот — разгон парламента, который 23 июня 1908 г. был проведен Персидской казачьей бригадой, одним из основных рычагов российского влияния в стране; генерал-губернатором Тегерана был назначен командир бригады полковник Ляхов¹¹. После этого национальное сопротивление сместилось в Иранский Азербайджан, где началось Тебризское восстание 1908–1909 гг. Уже сама локализация очага борьбы с шахом и империализмом свидетельствует о том, что этнонационализм существенно уступил позиции, и под знаменами свободы и антиколониализма гораздо больше было перспектив у «гражданственных» дискурсов: патриотического социализма, объединявшего низы вне зависимости от этнической принадлежности, и национально-религиозной идеи исламского Ирана. Но в художественной культуре позднекаджарской эпохи, когда кабальные договоры с великими державами и Первая мировая война поставили страну на грань между полуколонией и колонией, развивается тема ностальгии по былому величию Персии, появляется множество исторических романов и пьес, прославляющих Ахеменидов и Сасанидов¹².

Опираясь на британскую помощь, каджарская монархия к началу 20-х годов сумела подавить антиправительственные выступления, проходившие тогда уже в большинстве провинций, но цена мнимого спокойствия была слишком высока. В результате реализации подписанного 9 августа 1919 г. соглашения «О британской помощи для содействия прогрессу и благополучию Персии» финансы Ирана и таможенные тарифы были реорганизо-

ваны и пересмотрены в пользу Англии, главным военным советником, а фактически главнокомандующим был назначен англичанин. De facto Иран становился британским протекторатом, что вызвало всеобщее возмущение. И если локальные очаги сопротивления в провинциях были купированы, то против похода на Тегеран полковника Реза-хана власти оказались бессильны. Отряд Реза-хана шел под лозунгом «правительства, которое не было бы игрушкой у иностранцев, и величие армии было бы знаменем его программы». 21 февраля 1921 г. столица сдалась без боя, и правительство было низложено. В 1923 г. молодой Султан Ахмад-шах, последний из династии Каджаров, был изгнан за границу, а через два года состоялось формальное свержение Каджаров.

* * *

12 декабря 1925 г. Реза-хан был провозглашен новым шахом. Так сын мелкого землевладельца из провинции Мазандаран стал основателем династии Пехлеви. К древней парфянской династии Карен-Пехлеви он не имел никакого отношения; решение принять это имя было первым камнем в фундаменте нового иранского национализма, который впервые стал официальной идеологией. Само слово *Пехлеви* возвращало иранцев к временам доисламского величия, к официальному языку и письменности империи Сасанидов

Начав укрепление центральной власти с жесткого разоружения и подчинения окраинных феодальных ханов и воинственных племен луров, белуджей, бахтиар и кашкайцев, Реза-шах решил сцементировать общество «органической» и светской национальной идентичностью, собственной диктатурой, культом личности, модернизацией и экономической политикой в интересах верхушки городской буржуазии и крупных землевладельцев, многие из которых получили свои угодья из рук шаха после конфискации их у ханов-

¹¹ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России // III Научные чтения памяти профессора В.И. Бовыкина. 31 января 2007. М.: МГУ, 2007. С. 9–10 // http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf

¹² Ashraf A. Iranian Identity. P. 525–526.

сепаратистов. Кочевые племена были принуждены к оседлости.

Демократическая традиция воспринималась шахом как опасная и разрушительная для иранского государства в принципе, ведущая к анархии и сепаратизму, тем более что сепаратисты часто выступали под социалистическими лозунгами. И Реза-шах сделал все возможное, чтобы светское демократическое движение не развилось в разветвленные структуры, способные координировать действия на территории всего государства. Так в Иране и не возникло влиятельной левой или либеральной организации.

Но не меньшее отторжение вызывало у Резы-шаха и духовенство, в период революции показавшее себя как серьезная политическая сила, способная легко манипулировать плебсом.

Шах начал борьбу с клерикалами за массовое сознание. Единственным возможным путем виделась ему идеологическая и социально-психологическая секуляризация с использованием мифов и образов западного типа. В декабре 1928 г. был издан указ, обязывающий всех, кроме лиц с богословским образованием, носить западную одежду, в том числе и обязательные шляпы для мужчин. Европейские шляпы с полями оскорбляли религиозные чувства мусульман, поскольку мешали касаться лбом земли во время молитвы¹³. Но еще более радикальным был указ от 7 января 1935 г. о запрете хиджаба в общественных местах (ранее такие меры были предприняты властями Турции и Египта). Школьным учительницам запрещалось входить в классы с покрытой головой.

Все это вызывало возмущение верующих, как и политика, направленная на «смещение полов»: открытие женщинам доступа на медицинские и юридические факультеты вузов, огромные штрафы для отелей, ресторанов, кинотеатров,

куда не допускались женщины. Врачи получили право исследовать человеческие тела, традиционное общественное поминовение имама Хусейна было законодательно ограничено одним днем (Ашура) вместо декады траура, в мечетях было предписано использовать стулья¹⁴. Ожидаемым результатом этой политики стала консолидация духовенства против шаха и начало антиправительственной агитации в мечетях¹⁵. В 1935 г. в одной из главных шиитских святынь — мечети Имама Резы в Мешхеде собралась толпа, обвинявшая правительство в ереси и коррупции. Местная полиция и армия отказывались входить в святыню, и лишь прибывшее из Иранского Азербайджана подкрепление решилось подавить мятеж¹⁶. Эта карательная акция знаменовала окончательный разрыв между шахом и шиитским духовенством. Ответом Резы-шаха на это восстание стал также запрет чадры и предписание всем поданным, вне зависимости от их благосостояния, обеспечить выход их жен на улицу без чадры.

В противовес шиизму Реза-шах попытался сконструировать нацию на основе этнонационализма по примеру германского. За развитием одного шах наблюдал с вниманием и симпатией, которые вскоре привели к тесному сотрудничеству с Берлином во всех отраслях от политики и экономики до науки и культуры. Широко финансировались совместные проекты иранских и европейских ученых по исследованию доисламского Ирана, империй Ахеменидов и Сасанидов, эпоса и классической литературы. Формируется геополитический концепт государства Ахеменидов как «империи ариев», в которой берет начало современный Иран. Причем разра-

¹⁴ Ibid.

¹⁵ *Rajaei F. Islamic Values and World View: Farhang Khomeyni on Man, the State and International Politics. Vol. XIII. N. Y.: University Press of America, 1983. P. 52.*

¹⁶ *Ervand A. Op. cit. P. 95.*

¹³ *Ervand A. A History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2008. P. 93–94.*

ботчиком данной идеи был не иранский, а немецкий исследователь — археолог и филолог Э.Э. Герцфельд. Итальянский исламовед А. Баусани весьма точно назвал эту идеологическую конструкцию «арийско-неоахеменидским национализмом»¹⁷.

В русле этой идеи в 1935 г. шах потребовал изменения в западных языках официального названия страны «Персия» на «Иран». Арийское происхождение иранцев было закреплено в учебниках.

Вынужденный поворот во время Второй мировой войны в сторону Англии и США не привнес существенных изменений в национальную идею. Новый шах (с 1941 г.) Мохаммад Реза Пехлеви в течение почти четырех десятилетий продолжал конструировать иранскую нацию на базе известного слогана «Бог, шах, отечество» (*кода — шах — михан*). Была развернута широкая кампания по очищению фарси от арабских и иных заимствований (во многом именно этим занималась созданная Резой-шахом Академия персидского языка)¹⁸.

Иранская идентичность быстро распространялась по провинциям вместе с ростом уровня грамотности, урбанизации и возможностей коммуникации. Не менее важным было формирование общеиранского рынка, расширение социальной группы образованных, относительно обеспеченных горожан. Довольно большая часть интеллигенции приняла концепцию двадцати пяти веков Персидской империи как базиса иранской идентичности.

Однако нетрудно заметить, что «пехлевийская триада» по сути не оставляла места для стержневой идеи любого национализма — *идеи суверенного национального государства*. Национализм

по существу своему демократичен и противоречит идее династической империи, потому что предполагает природное равенство людей одной нации, вне зависимости от социального происхождения, и безусловное право народа на политическое действие и власть.

В Иране же такое право имел лишь деспотический режим шаха, действовавший террористическими методами, в последние десятилетия перед свержением — с опорой на спецслужбу САВАК¹⁹ и широкую систему доносов, с американскими военными советниками, с жесткой цензурой в области литературы и искусства.

В 1957 г. авторитарная власть организует себе псевдодемократическую ширму в виде двухпартийной системы, где сами названия вновь созданных партий говорили о направленности государственной идеологии. Проправительственную «Меллион» («Националисты») возглавил премьер-министр Манучехр Экбал, а лояльно-оппозиционную «Мардом» («Народ») — Амир Асадолла Алам, аристократ, крупный землевладелец и старинный друг шаха²⁰. Одновременно, чтобы не допустить даже возможности превращения этой витрины в реальную политическую систему, в конституцию были внесены изменения, наделявшие шаха правом отлагательного вето, роспуска меджлиса и назначения премьер-министра.

Не лучшим образом у творцов официального национализма обстояли дела и с суверенитетом страны. Год от года политика Пехлеви становилась все более откровенно проамериканской. Борьба иранских предпринимателей и правительства Мохаммада Мосаддыка (1951–1953) за национализацию нефти-

¹⁷ Bausani A. The Persians; from the Earliest Days to the Twentieth Century. London: Elek, 1971. P. 46.

¹⁸ Algar H., Khan M. Akhundzada and the Proposed Reform of the Arabic Alphabet // Middle Eastern Studies 5/2, 1969. P. 116–130.

¹⁹ Аббревиатура от Саземан-е Эттелаат ва Амнийат-е Кешвар — Организация информации и национальной безопасности Ирана (1957–1979). Основной целью этой структуры была борьба с внутренней оппозицией.

²⁰ Kiddie N.R. Modern Iran. P. 140.

ной промышленности в 1940–1950-х гг. окончилась провалом и свержением премьера в результате государственного переворота, организованного ЦРУ²¹. И если до начала 1950-х гг. все операции с нефтью были под контролем Англо-иранской нефтяной компании, то в 1954 г. был образован Международный нефтяной консорциум, в котором участвовали 5 американских монополий — *Exxon Corporation*, *Chevron*, *Mobil Corporation*, *Gulf Oil Corporation*, *Texaco* (40% акций), Англо-иранская нефтяная компания (40%), *Royal Dutch/Shell* (10%) и *Compagnie Francaise de Petroles* (ныне — *Total*, 10%). Формально консорциум обязывался отдавать Ирану 50% прибыли, но в реальности доля не доходила и до 30%; руководство консорциума не допускало иранцев в совет директоров и не позволяло иранским аудиторам проводить проверки²².

В экономике последний шах проводил политику «открытых дверей», в основном в интересах США. В 1955 г. был принят закон «О привлечении иностранных инвестиций», согласно которому иностранный капитал на пять лет освобождался от налогов. В 1958 г. были отменены все ограничения на деятельность иностранных банков. Этот курс официальными идеологами был нетривиально назван «позитивным национализмом»²³.

С приходом к власти в США администрации Джона Кеннеди и «технократического» правительства Али Амини в Иране начинается серия реформ, названная ее творцами «белой революцией» (*энгелаб-е сефид*), «революцией

шаха и народа». Помощь «шаху и народу» в разработке и проведении реформ оказала Американская миссия экономического сотрудничества. Это была программа комплексной инновационной модернизации экономики и социума, официальной целью которой было превратить Иран к концу XX века в пятую индустриальную державу мира. Проводилась революция сверху за счет постоянно растущих нефтяных доходов и «безвозмездной» помощи США, поставлявших в Иран новейшую технику, технологии, товары и, конечно, вооружения.

Успехи модернизации производили на западных и советских исследователей грандиозное впечатление, и действительно, среднегодовой темп прироста ВВП вырос с 6,7% в 1960/61–1966/67 гг. до 10,8% в 1967/86–1976/77 гг. (2-е место в Азии после Японии), значение ВВП на душу населения в эти годы поднялось с \$200 до \$1000, в стране бурно развивалась высокотехнологичная перерабатывающая промышленность (прежде всего в области нефтехимии), была проведена аграрная реформа, которая привела к ликвидации полуфеодалного землевладения и превратила большинство крестьян в собственников²⁴. В 1975 г. силами немецкой *Kraftwerk Union AG* началось строительство АЭС в Бушере.

Идеологическую оболочку «белой революции» формировал сам шах, наполняя арийский неоахеменидский национализм новыми мифами и целями. В своей книге «К великой цивилизации» Мохаммад Реза-шах рисовал иранское общество будущего — общество социальной справедливости, непохожее на

²¹ См.: *Gasiorowski M.J., Byrne M. (eds). Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran.* Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 2004; *Kinzer S. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror.* N.Y.: John Wiley, 2003.

²² *Kinzer S. Op. cit.* P. 195–196.

²³ *Манушихри А.* Политическая система Ирана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. С. 167.

²⁴ Напр.: *Halliday F. Iran: dictatorship and Development.* N.Y.: Penguin, 1979. Chaps. 5ff.; *Looney R. The Economic Development of Iran.* N.Y., 1973; *Демин А.И.* Социально-экономические преобразования в иранской деревне (60-е — первая половина 70-х годов) // *Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования.* М.: Наука, 1977 и др.

западные социумы с овеществленными отношениями, демократическое, свободное, основанное на национальной культуре и традициях великой и древней цивилизации. Шах даже обещал уничтожить разросшийся бюрократический аппарат, а к процессу управления государством привлечь народ²⁵. Правда, трудно было понять, каким образом это общество будущего сочеталось с установлением однопартийной системы в 1975 г.

В концепции шаха ислам был частью современной исламской культуры, но иранская нация была явлением исключительным в сравнении с другими мусульманскими народами. В интервью от 19 сентября 1973 г. шах так обозначил место иранской нации в мире: «Мы восточный народ, но мы — арийцы... Мы азиатское арийское государство, и наш склад ума, наша философия близки умонастроению и философии европейских государств, и прежде всего Франции»²⁶. Символичной стала смена календаря: летосчисление отныне велось не от хиджры, а с основания Киrom Великим Персидского государства, слава и величие которого, по мнению официальной историографии, «начали возрождаться с начала “белой революции”»²⁷. Интересно, что центральным столпом иранской национальной исключительности объявлялась монархия, якобы несшая в себе заряд «национального духа» и «вечные ценности»²⁸.

²⁵ См.: *Mohammed Reza Pahlavi. Toward the great civilization.* London: Satrap Publishing, 1994.

²⁶ *Лукоянов А.К.* Исламизация в Иране (проблемы власти) // Мусульманские страны. Религия и политика (70–80-е годы). М.: Наука, 1991. С. 162.

²⁷ *Полонская Р.А., Вафа А.Х.* Восток: идеи и идеологии. М.: Наука, 1977. С. 62–64.

²⁸ *Дорошенко Е.А.* Эволюция исламских концепций в официальной идеологии Ирана (1963–1983) // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1986. С. 174.

Жизнь иранских крупных городов производила впечатление успешно вестернизированного общества. Была проведена реформа в области женского равноправия, Тегеран стал, по воспоминаниям очевидцев, одной из столиц мировой моды, где наряды девушек были смелее парижских, а религиозные чувства иранцев, казалось, заметно ослабли. Но всего за год-полтора экономического кризиса эта видимость благополучия рухнула, закончившись Исламской революцией 1979 г. И одной из основных причин этого стала как раз ущербная этнонационалистическая идеология, разработчики которой пытались применить западные клише к иранскому обществу, искренне полагая, что от Европы оно отличается только монархическими традициями. Поэтому основное воздействие эта идеология оказывала на социальную элиту — крупную буржуазию и интеллигенцию, новое поколение которой выросло изолированным от народа (так, из 175 тыс. студентов 70 тыс. училось за границей)²⁹. Но все остальные слои шах и его идеологи просто «забыли». Ремесленники и торговцы («базар»), крестьяне оказались почти исключительно под влиянием шиитского духовенства, с которым светские этнонационалисты безнадежно испортили отношения. Именно в эру Пехлеви в иранском обществе сформировался феномен сильно отделенных друг от друга «двух культур» — элитарной, почти полностью вестернизированной, и народной, крайне негативно относившейся к этим процессам и логично воспринимавшей шахский режим как компрадорский, продавший страну на закабаление Западу³⁰. Кроме того, около половины населения (этнические меньшинства) ощущали свою неполноценность и нажим иранизации: обучение велось только на персидском языке, людям внушали, что

²⁹ *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М.: ИБВ, 2005. С. 78.

³⁰ *Kiddie N.R.* Modern Iran. P. 170.

прежде всего они «истинные иранцы» и т.п.³¹. Причем никакого смысла быть «истинными иранцами» совершенно не было, потому как авторитарный режим не оставлял возможности для легального проявления народной политической инициативы.

* * *

Социальной базой революции, безусловно, был «базар», средняя и мелкая национальная буржуазия. Но руководящей ролью духовенства и установленной в результате «муллократии» революция обязана серии ошибок шаха в построении иранской нации на основе светского этнонационализма. Но удивительна не роль *улама* в ходе революции, а созданная ими система, которая демонстрирует поразительную устойчивость уже более тридцати лет и только крепнет, несмотря на постоянно сопровождающие ее прогнозы аналитиков о скором крушении.

Мусульманские идеологи, прежде всего Али Шариати (1933–1977), «Вольтер иранской революции», и лидер революции Рухолла Хомейни (1902(?)–1989), умело использовали недовольство населения и идейный голод, построив свою программу не только на антишахских и антизападных лозунгах, но на идеях реальной демократии под мудрым руководством избираемого благочестивого и просвещенного факиха, защитника прав обездоленных³².

Кроме того, руководство провозглашенной Исламской Республики Иран пошло принципиально иным путем, чем шах, и демонстративно отказалось от иранизации национальных меньшинств. Однако требования автономии в пределах Ирана со стороны курдов, туркмен, Бахтиаров и других с самого начала жестоко преследовались, вплоть до убийств и казней. Национализм в его светском варианте идеологи ИРИ счи-

тают вредным явлением, ссылаясь на то, что все мусульмане, вне зависимости от этнического происхождения, являются единой исламской общностью. Права меньшинств были признаны только по конфессиональному признаку (христиане, иудеи, зороастрийцы).

Однако достаточно быстро стало очевидным, что непризнание меньшинств чревато распадом страны, и *улама* заговорили о национальном единстве народов страны, по сути, о той же шахской «единой нации — государстве», только на конфессиональной основе³³. При этом Исламская республика сломала порочную практику запрета на региональные языки. Сейчас можно без проблем купить газеты, книги, музыкальные записи, фильмы на языках этнических меньшинств, функционируют радиостанции и телеканалы, на местных языках преподают в школах.

Политика ИРИ в отношении национальных меньшинств имеет многовекторный характер и фактически состоит из многих пластов. Как в стане иранской оппозиции, так и у некоторых внешних наблюдателей существует устойчивое представление об угнетении «нетитульных» этносов, которые фактически являются в современном Иране гражданами второго сорта. В частности, двойные стандарты Тегерана по отношению к национальным меньшинствам проявляются при выделении бюджетных средств: в 2002 г. бюджетные средства, выделяемые провинциям с персидским населением — Исфагану и Керману, вроде бы в 20 раз превышали финансирование Иранского Курдистана или азербайджанского Ардебилля с примерно таким же количеством населения.

Нельзя сказать, что проблемы этнических меньшинств сейчас полностью замалчиваются в иранских СМИ — с 1992 г. публичные обсуждения ведут-

³¹ Les Kurdes et le Kurdistan: la question nationale. Paris : Maspéro, 1978. P. 182–183.

³² Kiddie N.R. Modern Iran. P. 198–212.

³³ Жигалина О.И. Этнокультурная конфликтность в современном Иране // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 276.

ся в прессе, в медиа, на парламентских слушаниях. С сожалением констатируется существование неизжитых еще стереотипов «персидского шовинизма» по отношению к тюркским народам³⁴. В результате, несмотря на существование автономистских движений, явные признаки сепаратизма в них отсутствуют³⁵.

Но из этого не следует, что идея объединить население Ирана на персидской языковой основе ушла в прошлое.

После исламской революции фарси обрел официальный, зафиксированный в конституции статус единственного государственного языка (ст. 15). Особый статус, согласно ст. 16 конституции, имеет и арабский как язык Корана и исламских наук. Он предписывается как обязательный школьный предмет. В первые годы после революции властями предпринимались попытки насаждения арабского, но энтузиазма среди населения они не вызвали. Поэтому интеграция общества в «исламскую общину — единую нацию» ныне проходит на базе фарси, препятствуя национальному строительству азербайджанцев, туркмен, кудров, белуджей и других этносов (существенно, что большинство этих народов имеет свои национальные государства либо мощные национально-освободительные движения на территории соседних стран). Аятолла Хаменеи рассматривает фарси как одну из основ иранской нации в рамках исламского государства, второй сакральный язык, поскольку распространение ислама в Средней Азии и на Индостане проводилось силами персоязычных народов. Мысль о фарси как одном из официальных языков международных ислам-

ских организаций не раз высказывалась на разном уровне; в декабре 2001 г. на саммите Организации Исламской конференции в Тегеране подобное предложение озвучили тогдашний президент ИРИ Мохаммад Хатами и сам рахбар Хаменеи, но поддержки идея не получила. Зато в 2006 г. персидский был объявлен одним из языков Шанхайской организации сотрудничества, наряду с русским, китайским и английским, хотя Иран имеет в этой организации статус наблюдателя, а не полноправного члена³⁶.

Стали возрождаться и мотивы исторической памяти доисламской эпохи, которая сразу после революции отрицалась категорически и не подлежала изучению в школе. После смерти имама Хомейни этот запрет был снят, постепенно возвратились в культурную жизнь страны и отсылки к славному доисламскому прошлому, и «Шахнаме» Фирдоуси, и иранская мифология. Иранские исследователи трактуют зороастризм как первую монотеистическую религию, а малообразованные ремесленники и крестьяне цитируют «Шахнаме» наизусть и ссылаются на этот эпос в разговоре³⁷.

Кросс-культурное исследование, проводившееся в 2000–2001 гг. в Египте, Иордании и Иране, выявило, что население ИРИ, где этнический национализм не пропагандируется и на официальном уровне отрицается, где в основе идеологии лежит религиозная идентичность, а не гражданско-государственная, в отличие от Иордании, — это население демонстрирует гораздо более высокий уровень национальной самоидентификации и более низкий уровень религиозной, чем в двух других странах. 24% респондентов определили себя как «иранцев прежде

³⁴ См.: *Shaffer B. Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity.* Cambridge, Massachusetts, London: MIT Press, 2002. P. 77–114.

³⁵ *Tobidi N. Ethnicity and Religious Minority Politics in Iran* // *Contemporary Iran: Economy, Society, Politics* / Ed. Ali Gheissari. Oxford Univ. Press, 2009. P. 299–317.

³⁶ *Mesamed В.И.* Фарси как интегрирующий фактор в Исламской Республике Иран // Институт Ближнего Востока / <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/11-10-06b.htm>

³⁷ *Asbraf A.* Op. cit. P. 528.

всего», в то время как в Иордании этот показатель равнялся 14%, а в Египте — 10. Большинство жителей ИРИ гордится тем, что они иранцы, и чем ниже уровень образования, тем больше гордость и чувство национальной идентичности³⁸. То есть совершенно очевидно, что религиозный национализм намного дальше продвинулся по пути создания иранской нации, чем идеология светского национализма. И не последнюю роль в объединении общества сыграла политическая система ИРИ, в которой было осуществлено право нации на суверенитет (собственно декоратия), имманентно присущее любому национальному движению.

* * *

Со времен Исламской революции 1979 г. выборы органов государственной власти, в т.ч. и президента, там проходят регулярно. Президент не имеет права занимать свой пост более двух сроков по 4 года. Так, после двух сроков Мохаммада Хатами в 2005 г. был избран М. Ахмадинежад. Нынешний президентский срок Ахмадинежада, соответственно, для него последний.

Но президент не есть верховная власть ИРИ. Главой страны является рахбар — признанный религиозный правовед (факих), чья компетентность не вызывает сомнений. В 1989 г., после смерти отца революции имама Хомейни, на особом Совете экспертов, состоящем из 86 человек, рахбаром был избран аятолла Али Хаменеи, исполняющий эти обязанности и по сей день. А власть президента сильно ограничена полномочиями рахбара, который, кстати, является Главнокомандующим ВС ИРИ, и парламента.

В настоящее время официальная религия не изменилась по сравнению с конституцией 1906 г.; свободу в отправ-

лении обрядов имеют все мусульмане, а также зороастрийцы, иудеи и христиане, которые именно в таком порядке перечислены в действующей конституции как признанные религиозные меньшинства (ст. 12).

Сейчас политическая система Ирана базируется на конституции, принятой на референдуме 2–3 декабря 1979 г. с изменениями, введенными в 1989 г. после смерти аятоллы Хомейни, лидера исламской революции, и расширившими компетенцию главы государства — Лидера исламской революции (рахбара).

Исламская республика определяется в ст. 2 конституции Ирана как система правления, основанная на вере в единого Бога и установление Им законов шариата, в божественные откровения, Страшный суд, божественную справедливость и преемственность имамов³⁹ (имамат). Последняя идея является одной из основных догм шиизма и заключается в вере в двенадцать непогрешимых имамов, правивших в VII–IX вв., последний из которых таинственным образом исчез (был сокрыт) и должен возвратиться как Махди, мессия, пришествие которого уничтожит несправедливость на земле. В период великого отсутствия двенадцатого имама руководство уммой ИРИ возложено на факиха (знатока мусульманского права — фикха), который должен непременно обладать высокими моральными качествами. Высшей задачей факиха является ведение общества по предначертанному Аллахом пути к идеальному исламскому общественному устройству, где не будет неравенства. Эта концепция, сформулированная аятоллой Хомейни в 1971 г., носит название «вилайат-е факих» — правление факиха.

На законодательном уровне на руководство Ирана возложены обязанности по развитию моральных добродетелей общества, борьбе против разврата и

³⁸ Moaddel M., Azadarmaki T. The Worldviews of Islamic Publics: The Cases in Egypt, Iran, and Jordan // Comparative Sociology 1/3–4, 2002. P. 299–319.

³⁹ Имам в исламе — глава правоверных, руководитель уммы (общины мусульман).

«укреплению инициативы и духа исследования во всех областях науки, техники, культуры и ислама».

Логично предположить, что подобный клерикализм, тотальная идеология, ориентированная на основы верования, которые были заложены почти полтора тысячелетия назад, должны стать причиной искусственной стагнации общества и серьезных внутренних конфликтов. Такая опасность для Ирана существует, но она меньше, чем кажется стороннему западному наблюдателю, — в силу специфики религиозной и политико-правовой культуры шиизма. Эта ветвь ислама более открыта для реформации, чем суннитское направление. Выступая в качестве передатчика воли «сокрытого» имама, шиитские богословы свободнее интерпретируют Коран и хадисы.

В раннем Средневековье для ислама во всем мире была широко распространена практика иджтихада (араб. *усердие*), который заключался в самостоятельной интерпретации спорных вопросов на основе свободного толкования Корана и сунны. Право на иджтихад, разумеется, имели лишь признанные праведы и богословы, именовавшиеся муджтахидами. Но сунниты еще в IV в. хиджры (X в. по Р.Х.) пришли к выводу, что все правовые нормы с помощью иджтихада уже выведены, и суннитские факихи постановили, что «врата иджтихада» отныне закрыты. Сейчас среди мусульман-суннитов развивается движение за открытие этих врат, ибо нормы, утвержденные в средние века, явно противоречат современным реалиям и тормозят развитие общества.

В шиитской идеологии право на иджтихад существует и ныне, а звание муджтахида — высшее для иранского духовенства, и это закреплено законодательно. Кроме того, шииты всегда стремились к гармонии интеллектуального и сакрального знания, и толкование Корана осуществляется традиционно через символы и аллегории. Именно

эти особенности и позволили так органично развиваться конституционализму и парламентаризму в клерикальном обществе. Конституция и система представительной демократии, в понимании шиитов, только оформляют необходимое толкование шариата (божественного закона) в конкретных условиях.

Одним из основных терминов иранской конституции является народный суверенитет, понимаемый как власть народа над своей судьбой. В конституции приведено религиозно-философское обоснование незыблемости народовластия в Исламской республике: «Абсолютная власть над миром и человеком принадлежит Богу, который дал человеку власть над своей общественной жизнью. Никто не может отобрать у человека это Божественное право либо поставить его на службу интересов какого-то человека или группы людей. Народ осуществляет это право, данное Богом» (ст. 56). Суверенитет воплощается через классические три ветви власти — под контролем уммы Ирана и имама — лидера (рахбара).

Руководство всех ветвей власти, включая рахбара, является выборным и наделено функциями взаимного контроля. Эта система представительной демократии, которая сложилась после 1979 г., пока не дает серьезных сбоев и сохраняет высокий уровень общественного доверия к политической элите. Достигается это следующим образом.

В конституции установлены четкие требования к уровню компетенции и морально-идеологическим качествам кандидатов на руководящие должности. И чем выше должность, тем требования более жесткие.

Рахбар — глава государства, стоящий над всеми ветвями власти, с объемными полномочиями, среди которых — определение внешней и внутренней политики Ирана, контроль за следованием избранному политическому курсу, проведение плебисцита, верховное командование силовыми структурами, объявление войны и мира. Также рах-

бар может отстранить от должности главу исполнительной власти, президента, но не по собственной инициативе, а по заключению Верховного суда или Меджлиса исламского совета (парламента).

В ст. 5 и 109 указано, что претендент на должность рахбара должен быть факихом, справедливым и набожным, обладающим мировоззрением, четко соответствующим идеологии ИРИ, а также иметь способности к руководству страной. При наличии нескольких кандидатур, обладающих этими качествами, «предпочтение отдается тому, кто обладает более сильным богословским и политическим мировоззрением» (ст. 109). До 1989 г. эти качества-квалификации оценивались народом, но поправки в конституцию привнесли более устойчивый к манипуляциям общественным сознанием механизм.

Выборы рахбара являются многостепенными. Почетная обязанность избирать лидера нации возложена на Совет экспертов, причем самовыдвижение на этот пост невозможно. Совет экспертов, в свою очередь, избирается всенародным голосованием на 8-летний срок и состоит в настоящий момент из 86 религиозно-политических деятелей, имеющих звание муджтахидов и абсолютно лояльных идеям исламской революции. Совет экспертов собирается каждые 6 месяцев с целью обсудить качество деятельности рахбара и обновить список кандидатов на его замену.

В прерогативы Совета экспертов входит и смещение рахбара с поста, которое возможно в трех случаях: 1) он не в состоянии исполнять свои обязанности; 2) Совет приходит к выводу, что лидер нации утратил качества, необходимые для управления исламской республикой (см. ст. 5 и 109); 3) вскрывается, что рахбар до избрания не обладал этими качествами. Выяснением обстоятельств должна заниматься комиссия, которая назначается Советом экспертов. По результатам расследования созывается внеочередное заседание, и эксперты

коллективно принимают окончательное решение.

Рахбар не имеет права распускать Совет экспертов. Но опосредованные законные средства влияния на этот орган у него есть.

Член Совета экспертов может быть лишен своего статуса по решению другого органа — Совета стражей конституции, который проводит экспертизы правового и морального соответствия членов Совета экспертов их статусу. Также через одобрение стражей проходят все кандидаты на президентских и парламентских выборах. Иногда европейские аналитики именуют Совет стражей верхней палатой иранского парламента: законодательством стражи конституции не занимаются, однако могут наложить вето на законопроект или аннулировать любой закон как не соответствующий шариату и конституции. Совет состоит из 6 богословов, назначенных рахбаром, и 6 факихов, которые назначаются Меджлисом из числа специалистов, выдвинутых главой судебной власти. Отозвать рахбар может только тех членов, которых назначил сам. Таким образом, достигается относительная объективность решений Совета стражей.

При этом законодательство Ирана не относит рахбара, Совет экспертов и Совет стражей конституции к какой-либо из ветвей власти.

Законодательную власть осуществляет Меджлис исламского совета, который насчитывает сейчас 290 депутатов, избираемых на 4 года по мажоритарной системе. Официальные религиозные меньшинства: зороастрийцы, иудеи, армяне-христиане севера и юга страны, халдеи и ассирийцы (как единое меньшинство) — могут избрать по одному депутату.

К кандидатам в депутаты предъявляется масса требований, менее строгих, чем для членов Совета экспертов, но «дело» каждого кандидата все равно проходит через Совет стражей конституции, который проверяет их репута-

цию, степень преданности конституции и веры в основы исламской республики. Не могут стать депутатами меджлиса граждане, имевшие опыт работы министром или заместителем министра, послом, генерал-губернатором провинции, депутатом меджлиса прошлых созывов, членом городских или провинциальных советов. Эти ограничения призваны обеспечить ротацию политической элиты и затруднить процесс коррумпирования законодательной власти.

Законопроекты на рассмотрение меджлиса может вносить правительство или депутатская группа (не менее 15 подписей). После принятия закона меджлисом он должен пройти утверждение Совета стражей конституции и быть подписан президентом. Последняя процедура является формальностью: если президент отказывается подписать закон, через 5 дней председатель меджлиса все равно отправляет документ для публикации в официальной газете.

Но есть области законодательства, которые находятся вне компетенции меджлиса. Это касается законов о порядке комплектации Совета экспертов и Совета стражей конституции, изменения конституции, деятельности Ассамблеи по определению государственной целесообразности и Высшего совета национальной безопасности.

Ассамблея созывается в тех исключительных случаях, когда стражи конституции признают законопроекты меджлиса противоречащими шариату и конституции, а меджлис не согласен с этим решением (ст. 112). Кроме того, Ассамблея консультирует рахбара по общим вопросам внутренней и внешней политики и может принимать законы, которые приводятся в действие без участия законодательной власти. Состав этого учреждения определяется рахбаром.

Высший совет национальной безопасности под руководством президента занимается стратегией обеспечения обороноспособности и безопасности

страны. Постановления этого органа вступают в силу после утверждения их рахбаром. Состав Совета определен конституцией и включает руководителей трех ветвей власти, высших военных чиновников, министра иностранных дел, министра информации и двух лиц, назначенных рахбаром.

Президент Ирана — глава исполнительной власти и второе лицо после рахбара. В соответствии с логикой иранского законодательства, он также должен обладать определенным набором качеств и компетенций. Они закреплены в ст. 115 конституции: иранское происхождение, гражданство Ирана, распорядительность и организационные способности, достойная биография и набожность, религиозность, вера в основы Исламской Республики и принадлежность к официальной религии страны. Соответствие кандидатов эти требованиям проверяет Совет стражей конституции.

Президент избирается на всеобщих выборах абсолютным большинством голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Если ни один из кандидатов не набрал требуемого количества, проводится второй тур, как это и было на предпоследних выборах в июне 2005 г., когда во втором туре М. Ахмадинежад победил А.Х. Рафсанджани.

Возможности президента существенно ограничены меджлисом. После назначения министров президент обязан получить вотум доверия парламента и отвечает перед ним за действия сформированного им правительства. Он может отстранить министра от должности, но так же министру может вынести вотум недоверия меджлис, и президент обязан подчиниться. Не имеет права президент и наложить вето на закон, принятый парламентом.

Зато ответственность президента проработана очень подробно. Неприкосновенностью второе лицо государства не обладает, и дела по обвинению президента в обычных правонарушениях должны рассматриваться в общих

судах, но с непременным уведомлением меджлиса. Если своей деятельностью президент умышленно или «по неосторожности» наносит вред частному лицу либо народной собственности, он обязан возместить убытки.

Меджлис может принять решение о несоответствии президента занимаемой должности. Верховный суд может вынести заключение о нарушении главой исполнительной власти своих полномочий. После этого рахбар подписывает приказ о смещении президента с поста.

На местном уровне зависимость исполнительной власти от органов народного представительства выражена еще сильнее. Провинциальные, городские, сельские советы формируются также путем всеобщего голосования в регионе по мажоритарной системе. Они отвечают за избрание мэров, определяют стратегию экономического и социального развития округов, от которых они избраны, и полностью контролируют деятельность муниципалитетов. Но на этом деятельность местных советов не ограничивается. Они имеют право на подготовку и представление законопроектов, касающихся местного самоуправления, в Меджлис, и последний обязан рассматривать эти проекты.

Бросается в глаза отсутствие в Иране пропорциональной системы выборов, так характерной для большинства западных буржуазных демократий. Хотя политические партии в стране существуют и играют определенную роль. В Иране более 200 партий и политических организаций, которые имеют несколько необычный для европейца характер: большинство движений не имеют четкой организации, постоянных партийных структур и даже не регистрируют членство, что не мешает им существовать и сгруппироваться в три традиционных лагеря: консерваторов, реформаторов и центристов.

Описанная политическая система, закреплённая в законодательстве, отличается от самой демократической конституции в мире, Основного зако-

на СССР 1936 г., тем, что она работает. Естественно, не идеально. Но все выборы альтернативны, высшие чиновники регулярно лишаются своих кресел после вотума недоверия в парламенте.

Уровень жизни в Иране нельзя назвать высоким, велико социальное расслоение, но даже массовые протесты после выборов 2009 г., количество участников которых в разных источниках различается почти в десять раз⁴⁰, — это протесты образованной молодежи мегаполисов. Базар и деревня продолжают поддерживать существующий строй, да и степень радикальности оппозиции не стоит преувеличивать. Противоречия между общественными стратами, этническими и конфессиональными группами сглаживаются верой иранцев в то, что народ является единственным источником власти и может ее контролировать.

* * *

Есть ли в Иране сейчас нация? Ни персы, ни другие этносы Ирана не являлись ранее нациями. Но современная иранская полиэтничная нация уже более столетия формируется на персидской этнокультурной основе, и политическая система Исламской республики, ее идеология, как ни парадоксально, придали этому процессу новый импульс. И вряд ли в принципе в стране с низким уровнем образования и жизни населения вообще возможен гражданско-политический национализм без религиозной составляющей. Есть у этой системы перспективы дальнейшего развития, обретет ли иранская нация лингвистическое единство, — все это сейчас скорее зависит от внешних факторов, чем от внутренних.

⁴⁰ Fresh rally takes place in Tehran // BBC News. 18 June 2009 / http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/8104466.stm

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ

«ГДЕ БЫ ВЗЯТЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ?»

Константин Крылов: Глеб, журнал «Вопросы национализма» проводит экспертный опрос на тему «Совместимы ли русский национализм и демократия?» Что ты думаешь по этому поводу?

Глеб Павловский: Есть некая бессмысленность в формулировке вопроса, потому что, вообще говоря, европейская демократия возникает одновременно с национализмом и в его рамках. Национализм и демократия принадлежат к одной эпохе и, возможно, вместе с этой эпохой и сойдут, но пока, если мы говорим — демократия, имеется в виду национальная демократия. Беда с соседством этих двух слов в *русском* дискурсе. Потому что национализм у нас задается через тот или иной произвольный эталон. Кто-то берет национализм в имперском варианте стиля «рюс», с глупыми попытками «русифицировать» Финляндию и Польшу, кто-то еще более локальные явления — скажем, «русскую партию», публицистику журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» 70-х годов и т.д. А демократию поворачивают и вовсе не пойми как..

К.К. Вообще говоря, само слово «демократия» несколько раз перевернулось буквально у нас на глазах. Еще в 90-е говорили что «демократия — это когда есть свободные выборы», дальше вдруг пошли разговоры о том, что «демократия — это права меньшинств», потом на Украине снова возникла тема, что «демократия — это все-таки выборы», и т.д. Понятием «демократия» постоянно *вертят* — конечно,

в определенных границах, но тем не менее. Насколько я понимаю, многие там, «сверху», на это дело одно время сильно обижались: «Ну вот, как же так? Вы меняете определение. Мы вам там сделали, а вы говорите, что у нас опять этого нет? Обидно!» Лучше тогда брать демократию именно в классическом смысле, в котором она существовала, допустим, с XIX по конец XX века. Мы все-таки здесь, в России, не в XXI веке живем, по крайней мере, у меня есть большие сомнения на этот счет. Но тут возникает вопрос о совместимости *демократического* и *русского*.

Г.П. Хорошо, но ты взгляни на ту классику, что уже есть. Есть же такая вещь, как русская республиканская традиция. С XIX века, с декабристов она у нас именно русская, не импорт. *Русское республиканство* — это опыт примерно двухсот лет: он засвидетельствован классикой и жертвами, и он значителен для идентичности. Мне он показывает, как именно быть русским. Русская демократия обоснована внутри, в его составе. Собственное прошлое и опыт затрудняют воспринять итоги параллельной западной истории демократии. Правда, можно послать наше политическое прошлое «на ...», как неудавшееся. После этого ты обязан ампутировать все излишнее, на манер сионистов. Обдуманно искусственная операция. Представимая в эпоху национально-освободительного мейнстрима, и сионисты твердо ссылались на «право мейнстрима»: как так, у всех возникают национальные очаги, а у евреев нет! Евреи тоже имеют право на

национальное государство. Прошлое временно выводится из политики, и говорят — вот будет у нас государство, и там внутри него найдем место и для «великой истории»... Но у нас аналогия состояла бы в чем? Зачем нам отказать от *всей* нашей политической истории, от опыта мысли (рваного, правда), от декабристов с Герценом до Осипова и Марченко — зачем? Чтобы начать подводить некую придуманную «универсальную демократию» под некий русский вариант сионизма.

Тут надо сконструировать *одновременно* и русский национализм, и русскую демократию. Колоссальный проект, рискованный нырок. В совсем другую эпоху, с расслабленным, дважды увечным народом? Невозможно вообразить успех.

К.К. Ну, мы, в общем, сами не знаем, какая у нас эпоха. История — штука странная.

Г.П. Ну, у нас и все факты такие странные. Давай все же держаться фактов. Есть какой-никакой национальный очаг русских под названием Российская Федерация. Он увязан с этой странной конституционно-демократической идентичностью, которую надо отдельно разбирать — что она значит. В основном она значит — удостоверение страны — члена ООН, постоянного члена Совбеза ООН. И только в *этих* пределах она, собственно говоря, и актуальна. Внутри государства русские по-прежнему определяются советским термином «население государства». Не будем делать вид, что это не так. Внутри вот этого, несветского государства, русское — это *постсоветское*. Его еще иногда возвышают, выпрenne именуя «имперским», но уж точно оно не этническое. Нация ли это? Определяемая через ряд практик, давно не применимых на деле. Например заботу о «благих народов-братьев» — причем братьев этих никто давно не изучал и что у них делается, не знает. А еще занятия делами всего международного сообщества и т.д. (правда, от этого остались

только надутые щеки)... В общем, мы нация воспоминаний о другими кем-то прожитых жизнях. И другого, собирающего определения русских нет.

Поэтому ответ прост: *да, соединение русского национализма с демократией возможно, но только при упразднении нынешнего — российского. Которое задано Конституцией и нынешней политической практикой.*

К.К. И в этом я тоже с тобой, Глеб, полностью согласен...

Г.П. Но тогда спроси себя — а зачем? Ведь XX век учит, что русские могут практически все, а цена? По ходу легко потеряется один из этих элементов — демократия или русские. Или оба.

К.К. Если я правильно понял: да, можно, но это требует настолько серьезного пересмотра всего того, на чем стоит Российская Федерация нынешняя, что практически это означает появление другого государства, а это слишком дорого стоит.

Г.П. И *другого народа*, а это еще дороже.

К.К. Пусть даже и так. Я бы даже сказал, *это требует появления нации*, поскольку сейчас русские нацией не являются. То есть, условно говоря, есть притертые друг к другу части механизма, где ни одна из них не удовлетворена другой. Российское государство очень плохо относится к русским, даже хуже теперь, чем как к расходному материалу, скорее как к чему-то мешающему. Русские — в общем — государство тихо ненавидят, но сделать ничего не могут. Это устойчивая конструкция, она может существовать, пока русские не кончатся либо пока не кончится государство.

Г.П. Я не помню, когда бы русские любили свое государство.

К.К. Я думаю, что ни один народ, не ставший нацией, не только не может любить, но и не может хорошо относиться к государству. Например, те же немцы, пока не стали нацией, а были маленькими кучками людей в курфюршествах и их считали народом бестол-

ковым и бессмысленным, — так вот, эти немцы к государству относились очень нигилистически. Если почитать их писателей того времени, что они писали, то выяснится, что немецкая сатира очень напоминает русскую. А появление именно *национального* государства и нации как его основы очень сильно все меняет.

Г.П. Сравнение с немцами — это как раз к теме «не стало бы бабе хуже». Тема слишком банальна, потому что стать хуже может при любом, абсолютно любом сценарии. И мне трудно представить русскую стратегию, которая избавлена от этого риска. Этот страх питает и национальную «превентивную усталость».

К.К. Могу себе представить такой сценарий. Для меня совершенно очевидно, что принято решение по замене населения. То есть у русских есть выбор: *сдохнуть гарантированно* или *еще помучиться*.

Г.П. Ну ведь и реальный русский национализм не подарок. У него плохи дела именно с русскими. Едва русским начинают говорить о какой-то новой породе «русских», они ищут того, кто станет *определять* твою «русскость». Еще до всех благ, до всякой национальной демократии, все уже знают наверняка: стране явится Вася, который станет решать: ты русский или нет? Возникает призрак власти *кого-то*, что гонит волну недоверия и подозрений. Это что же выходит: русский — не то, что я о себе думал, это кто-то другой? Кто это вправе решать?

Я-то думал, что я *таков*, а оказывается, моя идентичность *не такова*. Это серьезная травма. А кому доверить работать с этой травмой — государству? Большинству? Ну уж нет!

К.К. Есть набор мифов, которые частично — русофобские, частично — антинационалистические. Придуманы они именно для того, на мой взгляд, чтобы держать так называемый интеллектуальный класс, а равно и начальство, в некоторой сплотке. Это именно

миф, например, вот эта картинка — Вася со штангенциркулем, который якобы будет определять «русскость».

Г.П. Ну, картинка возникала и в нашей истории в разное время. Возникла и в мягком варианте, при попытках «русификации» окраинных земель Империи, и после войны... Иногда «Васю» назначала власть, но часто «Васи» заявлялись инициативно, именно чтобы стать властью. О национальности тех, кто составлял послевоенные списки «космополитов», умолчим политкорректности ради.

К.К. Любопытно, что «Васи» появлялись как раз из той самой среды, которая этими страхами-то и одержима, поскольку очень хочет и любит, хотя бы мысленно, мерить черепа, определять идентичность, кого допускать или не допускать именно по этому критерию. Если посмотреть, где у нас сидят главные расисты, то мы их обнаружим именно среди либеральной интеллигенции. Другое дело, что у них расизм наоборот: без «букетика» кровей или без соответствующего происхождения тебя не принимают — ведь это есть, чего уж там?

Г.П. Для расиста анализ крови необязателен. Наша интеллигенция, будучи фальшиво «либеральна», несомненно зато расистски предрасположена. Она вечно озабочена вопросом — кто ей в стране мешает? Кто в народе лишний, кого надо подвинуть, чтобы ей было «щастье»? А ведь для успеха классического европейского прецедента, соединившего демократию и национализм, необходим некто третий — медиатор, невидимый, но крайне значимый — та самая национальная интеллигенция. Которая творит емкий образ нации, «инклюзивный», собирающий население в национальное большинство.

К.К. Ну да, ну да — «будители» и все такое. Вот чехи, например, и в частности Масарик. Россия все-таки уникальна тем, что ни в одной другой стране мира не существует такой яростно антинациональной интеллигенции, ко-

торая бы ненавидела коренное население, только в России такое есть.

Г.П. Это факт. Quasi-нация офисов расистски презирает «население» глубинки. *Но где бы взять национальную интеллигенцию?*

К.К. Сейчас так называемая национальная интеллигенция, к которой я себя могу, пожалуй, причислить, — это крохотный кусочек, вся остальная часть нашей интеллигенции настроена *понятно как*. Я с этим постоянно сталкиваюсь и хорошо это знаю. Да, действительно, это уникальная ситуация. По сути дела, наша интеллигенция рассматривает страну как колонию, население — как туземцев, себя — как обслугу неких колонизаторов. Которая время от времени с колонизаторами спорит, у них есть свои разборки, но это разборки между своими. С другой стороны, в той же Индии тоже было нечто похожее, но там национальная интеллигенция все-таки возникла. Нужен третий элемент — национальная интеллигенция, не одержимая вот этими мифами про «Васю» с черепомеркой.

Г.П. Здесь две стороны дела — выработка интеллигенцией национального проекта — и сохранение ею качества интеллигенции. Чтобы интеллигенция могла произвести национальный миф, она не должна быть сама им подрацки одержима, иначе она им не заразит. То есть интеллигенция должна быть, в строгом смысле слова, *ироничной* по отношению к самой себе и к собственной нации. Ирония — то, что позволяет избегать манипуляций. От нее, собственно, открытость, терпимость, широта русского романа... *Национальной русской интеллигенция была примерно до 80-х годов XIX века, и с хорошими шансами. И сбилась-то — на догматическом народничестве, вытеснившем национальный проект. Далее окончательно все сбилось, из-за вторжения инонациональных когорт империи. Те, решая свои нормальные национальные задачи, поменяли и про-*

ект, и кадры. Брала они напором, массовой — это же была первая массовая ротация кадров русской интеллигенции. Лексикон «исстрадавшегося народа» оказался выгоден для всех, кроме русских. Трескучая народническая моралистика еще раз обслужила чужие интересы, что и сегодня с ней происходит.

К.К. Ты хочешь сказать, что вот шел какой-то процесс, в котором участвовала русская интеллигенция, а дальше вломилась *интеллигенция из меньшинств*, которая была, с одной стороны, именно интеллигенцией — могла давать продукт, с другой стороны, была хорошо организована, лучше, чем русские, при этом шумна, криклива и владела техниками, которыми русская интеллигенция не владела, и довольно быстро всех «забила ногами»?

Г.П. Ну, положим, русские интеллигенты тоже не суслики. Начальника питерского УБОПа полковника Судейкина забивали полупудовыми ломками... Дело в интересах, тех самых... *Новообразованщина окраин была прямо связана с этническими общинами, с их важными интересами.* Входя в состав интеллигенции (а это было привилегированное имперское сословие), они не теряли связи со *своими*. Естественно, что *повестка национальная, русская повестка вытеснялась* — ведь «русских интересов» для русских как бы и нет! Так займемся польскими, займемся еврейскими, займемся грузинскими...

К.К. Помню, как раз в тот период, когда проходил этот процесс, Розанов писал: «Я очень боюсь жидов. Они всех мучают и скоро меня затопчут». Вот это ощущение, что *затопчут*, было, конечно, колоссальным и, кстати, затаптывали. Причем какими-то ничтожными, с нашей точки зрения, средствами, но затаптывали, потому что это было ново, а русские этого не умели. Например, проводить скоординированную информационную кампанию не умели абсолютно, а эти умели, причем легко.

Более того, даже небольшие ресурсы, которые они получали от своих — хотя бы одобрение, — работали очень сильно. Я сейчас смотрю на это дело и понимаю, что тут не столько тайный кагал, сколько то, что ты говоришь: владение техниками, связь, количество.

Г.П. Эта схема медиагегемонии разработана тоже чистыми русаками — Чернышевским и Катковым. Но отточена в боевое искусство позднее, к началу прошлого века. Захват «передового» дискурса, мейнстримного словаря, которому никак не возразишь, поскольку тебе отвечают твоими же фразами, но сведенными к четким формулам. «Вы, наследник Герцена и Гоголя, — и вы против национального самоопределения?..» И все, руки вверх!

К.К. Да, именно так и делали. Ну так мы до сих пор в этой ловушке и сидим.

Г.П. Я думаю, была и вторая, позднесоветская попытка — незаконченный второй шаг — создания нации повторно. И повторно нация не удалась. С моей точки зрения, проблема для русского национализма в том, что его проекты не справляются с вызовом русской сложности. А после ищет антирусские заговоры... под фонарем.

К.К. Понятно. А теперь такой вопрос. Тот русский национализм, пусть кривой-косой, идущий, условно говоря, от каких-нибудь славянофилов, которые, конечно, националистами не были, и до нынешних товарищей, которые себя так называют, — отличался всегда одним странным свойством. Чаще всего люди, которые себя позиционировали как русские националисты, были очень яростными критиками демократии. Почему везде эти вещи шли вместе, почему везде были лозунги национального освобождения и народовластия, которая всегда понималась как власть нации, а у нас как националист, так его заносит либо в монархизм, либо в сталинизм, либо в какие-то безумные мечтания? С чем это связано?

Г.П. Ядовитый Синявский как-то заметил по этому поводу, что «Вели-

ка Русь конечно, но вот бы еще Польшу, Польшу не отпустит». Этот соблазн — да, он был. Когда он это сказал, меня укололо, подумал: черт, прав — не хотелось «Польшу» отпустить. Действительно факт, что национализм постоянно оказывался как бы *не в той компании*.

Есть простые слабости националистов, например, литературный соблазн. Беллетристика традиционализма. Розанов и Струве от этого свободны, а Белов с Солоухиным — нет. Литературщина вместо политики.

Но важней всего имперский груз ошибок, несомненно. Ведь если ты хочешь русского государства, а тащишь в него земли от Бишкека до Варшавы, неизбежно возникнет конфликт интересов. Кого русифицировать — земли или себя? Трагично антинационален был уже разворот царя Александра на никчемные для нас Балканы, в идиотской войне 1877-го. Отсюда началось сорокалетнее скольжение российских МИДов «не туда», закончившееся в ж... Антанты. Ну надо же, и Сталина после Победы потянуло в то самое «не туда» — снова ему Константинополь, снова «теплые моря»... За три года старик-победитель разбазарил всю русскую soft power 1945-го, и самих победителей внутри страны рассорил «на национальном вопросе», и национальной политики близко никакой не дал. Сталин — яркий пример великого неудачника.

К.К. То есть ты думаешь — дело прежде всего в этом?

Г.П. Я не говорю, что *прежде всего* в этом, но эта беда точно есть: глядим на Россию, не видя ее, так как думаем про Кубу. Или про Амина в Кабуле. Я точно помню свое ощущение в 80-е годы: от меня режут по куску. Какого черта бы мне Остзейщина с Латгалией, эти предательские земли — ан нет... Каждый кусочек отрывали с болью. И знаешь, реально болело — ведь не можно нам согласиться на малую Россию, ну никак...

Дело даже не в территории — что-то из русской идентичности изымалось. Территория, «одна шестая» материализовала для нас безбрежный мир, большой русский космос. Глобус, а не только нацию среди наций. Если глобус ампутуют, ему ужасно не по себе, ведь из него космическая полнота вытекает.

А с другой стороны, эта глобальная идентичность — та еще зияющая дыра. В нее и врывалось все, что угодно, то война с Японией за Корею, то крейсер «Аврора». Или вот та же ненавистная мне война 1877 года. Когда Александр-Освободитель, никого недоосвободив и всех рассоривши, не сделав и не признав русских наций, кинулся на траханые Балканы за траханым Константинополем... Да вот беда — недостаточными, малыми силами, так как ждал вероятного удара в спину от своих «русачков», как говорил, и вынужденно рассредоточил армию по стране. Попутно сделав из «Народной воли» единственную русскую партию в России. Да и теперь иногда от собратьев слышу: эх, ничего-то мы у себя не делаем, неумехи мы, руки кирзовые — давайте хоть кого-то присоединим. Только культы после беловежских ампутаций зажили, протезы притерлись, и надо же — снова борьба за мир.

К.К. Это до сих пор есть: мы не нация, мы — больше. Все это, к сожалению, я регулярно слышу, читаю и т.д.

Г.П. Здесь зависть, зависть к евреям.

К.К. Абсолютно обоснованная, естественная. По-моему, зависть к евреям должна двигать любой народ, именно зависть как к народу, который занял верхнюю ступеньку в «пищевой пирамиде» народов. Естественно, это должен быть предмет зависти, ненависти и понимания, происходящего именно из зависти и ненависти.

Г.П. Я не про пищу, а про Завет. «Ах, почему не с нами?»

К.К. «Пищевая пирамида» интереснее, ибо Завет был и тогда, когда евреи

не были на ее верху, интересно только то, что они наверху, интересен «верх».

Г.П. Но вершину ты сперва возьми штурмом, а потом уже упивайся личной якобы «русскостью». Не пора ли догадаться, что мы — русские — страшно разные? *Мы по-разному русские!*

Почему не отважиться сказать: *пойдем несколькими колоннами, несколькими проектами, и кто первым «дойдет до нации»*, кого она признает, тот и прав. Но страшно, признайся, отпустить на волю брата своего — а вдруг он не вернется? А как тогда Я, а МЫ, а НАШИ — где?

Это «демон единства», единства, которое не возникло на прорыве к вершине, в братстве победивших, а заранее всем продиктовано. Мол, сначала установим единство, а там и двинемся... Куда? Там и поглядим... На борьбу за единство уходит время, ресурсы, оно сжирает русскую энергетику. Это тот же «Вася», только Вася анфас, центральный Вася: «Эй, ты куда, куда дернулся?.. А ну ступай сюда!».

К.К. Да, а при этом «Васе» кричат в ответ: «Нет, это ты иди сюда!» И дальше начинается выяснение отношений. Самое интересное, что то, что ты сейчас говоришь, имеет абсолютно практическое значение. В свое время, когда русские организации меня неоднократно спрашивали: зачем вы сделали свою маленькую, этот ваш РОД — вступайте, допустим, в ДПНИ. Я спросил: почему, зачем? У нас другая специализация. Товарищ настаивал: какая специализация? Нужно делать одну большую организацию. Причем, более того, ты понимаешь, что на эту одну — большую — ушли бы все силы, поскольку дальше начинается разборка внутри этого самого единства, которое «все сбивается, никак не собьется, квашня из теста лезет», так что ты прав по поводу «демона единства». А как только отказываешься от этой идеи — все начинает работать.

Г.П. Я думаю, что такие преткновения русских о русскость — тормоз из

главных. Нация неделима и вся целиком помещается в моем штабе. Но если мы — «уже нация», зачем копошиться? А те, кто копошатся снаружи, те идиоты или враги. Их специальные интересы не признаются, и ни о каких особых интересах, кроме подлых, речи не идет, святое же дело! Ну какая уж тут демократия.

К.К. Демократия в общем-то предполагает, что можно куда-то идти разными колоннами. Она предполагает, что возможно столкновение интересов внутри единства. Более того, единство возникает после этого столкновения, нужно сначала поссориться.

Г.П. Неглавными силами можно выйти на главный рубеж.

К.К. Кстати говоря, интересно, что у тебя пошли фронтовые метафоры, и это абсолютно логично. Демократия все-таки имеет отношение к войне и к военному искусству очень тесное. Это банально, но интересно, когда это проявляется: человек начинает говорить на эту тему, и у него сразу в голове возникают эти стрелочки, фронты и т.д. Я замечаю это практически за всеми, кто начинает на данную тему говорить. А вот когда «единство» и т.д., то тут совсем другая картинка: чего-то такого неподвижного, большого, которое медленно движется. И во главе обязательно оказывается — понятно кто. И тема «тот ли во главе?», которая не очень важна для демократии, потому что там глав много, «не тот», ну и черт с ним, — здесь оказывается крайне важной. Отсюда и латентный «монархизм».

Г.П. Эта разница стилей, очень говорящая о выборе — стратегический

или монархический принцип движения? В одном случае у тебя есть план, проект удара, направление и силы. Нужны ресурсы, которых еще надо добиться. Предстоит с минимальными потерями пройти враждебную местность, которую для этого надо изучить и знать. В другом — у тебя есть монарх — большая цаца. Цаца воплощает в себе «дух единства» и «символ движения», цацу не надо завоевывать — она уже тут, с тобой. И главное, цаца убеждена в своем равновеличии конечной цели. Монархический принцип организации, а у нас он еще и всегда пародиен, снимает заботу об успехе — монарх не движется, это его выдвигают, а он степенно выступает. Не роняя достоинства. Вместо трудного строительства союзов и коалиций центром забот оказывается некое лицо, и все препираются о лояльности и дистанции до него...

Но для монархизма важна традиция. Мы живем в дважды уничтоженной стране, среди порубленных в капусту «сословий» и «классов». Мы живем в государстве-проекте, где каждая административно-бюджетная единица считает себя бесценной, хотя является назначаемой. Где все имеют интересы, причем не прямые, раздвоенные, и еще прячут их, чтобы другие не догадались задеть... *Ничего традиционалистски «готового» на нашей земле не осталось. Зато проектно возможно все, чего душа просит — нация, демократия, или наоборот, авторитаризм... Однако все это кто-то должен будет наново проектировать, в русской версии.*

АЛЕКСАНДР ЕЛИСЕЕВ

РЕАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ «ВЕЛИКОЙ ЛЖИ»

Политики, бизнесмены и бюрократы

Критики демократии всегда подчеркивали ее имитационный характер. «Великая ложь нашего времени» — это определение Константина Победоносцева стало классическим для всех правых традиционалистов. Они совершенно справедливо указывают на то, что в демократических сообществах власть принадлежит не народу, а определенным **элитным группам**, которые успешно манипулируют общественным мнением.

Действительно, если брать **общенациональный** уровень, то никакой **реальной** демократии быть не может. Подавляющее большинство населения, которое не занимается политикой профессионально, находится в заведомо проигрышных условиях. Слесарь, тракторист, физик — все они не имеют возможности не то чтобы **заниматься**, но даже **интересоваться** политикой в течение хотя бы восьми часов в день. Понятно, что их знания и опыт не позволяют им полностью раскусить все то, что подносят сверху разномастные партийцы, публицисты и журналисты.

Существует такое выражение — «политический класс». Что ж, политики и в самом деле являются **неким классом**, который возвышается над другими социальными группами. Правда, не над всеми. Политикам нужно на что-то жить и вести политико-организационную работу. То есть им необходима денежка. И дают ее те, у кого она есть в огромном количестве, — капиталисты. Они-то и содержат многочисленный класс политиков.

Вот почему последние все-таки не совсем класс, но во многом — **прослойка**, обслуживающая интересы крупного капитала. Иными словами, речь идет о хорошо оплачиваемых **наемниках**, руководящих государством. Кстати сказать, в этом политики сближаются с бюрократами. Только последние находятся вне избирательного процесса, тогда как первые вынуждены соревноваться друг с другом, привлекая избирателей яркостью изложения определенных идей. При этом смысл этих идей волнует избирателя во вторую очередь, главное для него имидж — манеры, ораторское искусство, чистота биографии и другие второстепенные вещи.

В этой связи хочется немножко затронуть российскую действительность. Многие сегодня возмущаются эпохой наступившей «политической серости». Дескать, вот проводились еще совсем недавно теледебаты, во время которых политики долго и обильно спорили друг с другом. А сейчас — никакой тебе дискуссии, одна сплошная «генеральная линия». Ничуть не восхищаясь нынешними порядками, замечу, что недавно устранившиеся «дискуссии» в реальности были самыми настоящими **шоу**. Никакого серьезного и спокойного обсуждения серьезнейших вопросов политики там и в помине не было. А было театрализованное выяснюшки отношений между «немцовым» и «жириновским», которые услаждали массы, уставшие после работы.

По сути, демократические выборы — это и есть одно сплошное телешоу,

в ходе которого политики проявляют свои актерские и антрепренерские способности. Рулят же всем известно кто — «меценаты».

Впрочем, иногда политикам приходится в голову обойтись без поддержки бизнесменов. Тут можно вспомнить и большевиков, уничтоживших частный капитал, и нацистов, лишивших этот капитал прямого влияния на власть. Да и нынешняя РФ, с ее «равноудаленностью» от капиталистов-олигархов, примерно тоже из этой же оперы (только без великих злодейств и свершений). В этом случае политики перестают быть политиками и сами становятся олигархами. Им ведь надо спонсировать себя же, вот и приходится выполнять функцию коллективного капиталиста, сосредоточившего в своих руках огромные финансовые ресурсы. Более того, политическая олигархия вынуждена быть сугубо бюрократической, ибо ей нужна вся мощь управленческого аппарата. При капитализме буржуазная олигархия спонсирует политиков, но бюрократам велит жить на деньги избирателей (налоги). Тем самым она обеспечивает **равновесное** существование двух мощных групп, каждая из которых задействована в своей области. Политики принимают стратегические решения и смотрят за их исполнением, тогда как бюрократия пропускает эти решения по своим «рутинным» каналам.

В рамках такой системы политики никогда и не подумают присвоить себе бюрократический ресурс, ибо это немедленно лишит их спонсорской помощи. Но когда сама политократия становится своим же спонсором, то она неизбежно подчиняет себе бюрократию. Слишком уж разные получаются величины — никакого равновесия. (В РФ имеет место быть своя специфика. Здесь бюрократия сумела во времена «перестройка» избавиться от контроля партийцев-политиков, сделавшись основным субъектом власти. Причиной тому была длительная бюрокра-

тизация самой партийной верхушки, растянувшаяся на несколько десятков лет.) При этом олигархи из политиков получаются очень плохие. Если «нормальная», буржуазная олигархия сосредоточена на любимом деле — накоплении, то политическая олигархия вынуждена разрываться между тремя делами — накоплением, политикой и управлением. Отсюда и низкое качество власти.

Изнанка процветания

На это многие возразят: какая разница — кто руководит сообществом на самом деле. Главное, чтобы оно процветало. Вот, например, западные страны процветают, значит, и демократия себе оправдала на практике. Ложь-то — во благо.

Тут надо заметить, что западное процветание — вещь очень и очень неоднозначная. Да, высокий уровень жизни налицо — спорить с этим было бы нелепо. Однако нелепым было бы и не замечать издержек процветания. Возьмем хотя бы высокий процент лиц, страдающих различными психическими расстройствами, — тут Запад лидирует. К тому же стоит ли приписывать это пресловутое процветание его именно демократии? Западная экономика выросла не только на внедрении новейшей техники, но и на эксплуатации слаборазвитых стран — колоний и полуколоний. Без тамошних рынков сбыта и источников сырья никакого западного процветания не было бы и в помине. Но эта эксплуатация напрямую с демократией не связана, она есть проявление **имперской** политики, которую так не любят многие наши национал-демократы. (Правда, отрицая имперство, они имеют в виду в основном Российскую и Советскую империи. И надо сказать, что во многом эта критика справедлива. Перекосы имели место быть, особенно в советский период. Однако же нельзя забывать и о том, что имперская политика часто приносила прямую выгоду

Великороссии. Например, Средняя Азия была великолепным рынком сбыта для продукции, выпускаемой русской промышленностью.)

Однако в один не очень прекрасный момент Европа отказалась от имперского колониализма, уйдя из Азии и Африки. Одновременно она сделала ставку на ввоз оттуда дешевой рабочей силы. В результате сегодня европейское пространство размывается волнами миграций из «третьего мира», что грозит крушением всех западных ценностей. Но сие мало волнует крупный бизнес, который вывозит производства в этот самый третий мир и вообще все меньше связывает свою судьбу с «национальными государствами». (Это касается не только Европы, но и США.)

Как видим, процветание получается весьма проблемным. И судьбы западных демократий напрямую зависят от воли бизнес-элит с их интересами. Вчера этим элитам выгодно было **использовать** имперский национализм, сегодня — делать упор на глобализацию. Демократия же выполняет назначение ширмы, которая прикрывает игры элитариев.

Это и есть «великая ложь», на которую указывали критики демократии. И оправдать ее никак нельзя, ибо она может быть как на «благо», так и во вред. Очевидно же — солгали в одном, следовательно, солгут и в другом. Кто знает, что взбрдет в голову кучке элитариев, которая обладает **столь огромными** ресурсами? И в данном плане очень показателен пример Германии, в которой сама демократия была свернута в результате сговора **всех** элит. Общеизвестно, что Гитлер пришел к власти в результате поддержки крупного капитала, военной верхушки и правоконсервативных партий. Однако далеко не все знают, что его активно поддержала германская социал-демократия, казалось бы, никак не заинтересованная в победе нацизма. В январе 1933 года Гитлер стал канцлером, а 23 марта, при открытии

рейхстага, Социал-демократическая партия Германии **открыто и недвусмысленно** выступила в поддержку его правительства. Налицо был крупномасштабный сговор элит — от крайне правых до левых — с целью ликвидации демократии. Причем ликвидировали ее при соблюдении демократических процедур.

Сегодня какой-то похожий сговор может быть осуществлен и в общепланетарном масштабе. Капитал-то интернационализируется — и этот факт признается всеми. А следовательно, ему все меньше нужны «национальные государства». На место государств приходят ТНК, у которых сегодня есть даже и свои собственные, частные армии. И тут уже никакой демократии просто не остается места. Какая же может быть демократия в условиях крупной корпорации?

Демос и уровни его кратоса

Но где же выход? Может быть, нужно сделать так, чтобы политики были зависимы (в денежном отношении) от всех граждан, существуя только лишь на средства, поступающие от налогов? В теории это смотрится замечательно. А на практике получится вот что. Все равно ведь нужна будет какая-то структура, которая контролировала бы распределение средств. Сами граждане этим **напрямую** заниматься не могут. Тут надо обстоятельно во все вникать, а граждане в подавляющем большинстве почти все время тратят на свою работу и на свой отдых. Рулить в этих условиях будет контролирующая структура, избавленная от реального контроля. Вот вам и новая олигархия.

Как ни крути, а демократия, понимаемая как **общенациональная система**, в реальности может быть только властью **определенных групп**. А любая группа — это **всего лишь часть** нации. Поэтому она всегда и во всем будет вырывать в первую очередь свои частные интересы. И какие бы распрекрасные

люди ни были этой частью, они никогда не будут свободны от собственной социальной среды. Нет нации вообще, есть **совокупность разных социальных групп** — со своими собственными интересами. Они могут лишь **совпадать** с интересами нации, но, как показывает практика (та же история Запада), это совпадение имеет место быть до поры до времени. Рано или поздно, но ресурс, накопленный определенными элитными группами, непомерно усиливает саму группу — и выводит ее за пределы самой нации.

Между тем сама демократия возможна и даже необходима — но только лишь на **уровне конкретных социальных групп**. Демос вовсе не един — он, как уже было сказано выше, разделен на разные социальные группы — классовые, профессиональные, региональные и т.д. Следовательно, и демократия должна быть **раздельная**. Так, представители демоса из профессиональной среды слесарей должны иметь **кратос в пределах своего** социального пространства. А для этого им требуется своя, мощная корпорация, обладающая собственными СМИ и, самое главное, имеющая квоту в общенациональном парламенте. Без этого представительства слесари не будут иметь общенациональной трибуны, привлекающей к ним внимание властей и всей страны. Сегодня же (у нас и на Западе) представительство в парламенте имеют только партии, которые представляют собой профсоюзы политиков. Вот и нужно, чтобы их социально-профессиональная общность рассматривалась как всего лишь одна из многих.

Тогда, кстати, и произойдет подлинная **профессионализация** «политического класса». Сегодня его профессионализм основан на искусстве борьбы за власть (точнее — места в правительстве и парламенте) посредством апелляции к мнению непрофессионалов — из других социальных групп. То есть политики соревнуются друг с другом

опосредованно, изощряясь в том, как бы убедить людей неискушенных. А надо, чтобы они соревновались друг с другом **напрямую**, убеждая своих собратьев-профессионалов в правильности определенных политических проектов. И это будет посложнее, чем «пудрить мозги» слесарям и даже физикам. Иными словами, политики должны превратиться из **привилегированного класса** в **профессиональный союз**, имеющий свою квоту в парламенте. И нахождение там должно зависеть от умения убедить в своей правоте всех тех, кто **профессионально** занимается исследованием гуманитарно-политических вопросов, — ученых, публицистов, журналистов и т.д. Сами члены профсоюза должны решать, кто попадет в парламент.

То же и в отношении других профессиональных групп. Конечно, для этого требуется провести кардинальную реорганизацию нынешних профсоюзов, упразднив профсоюзную бюрократию и проведя, в рамках новых структур, широкие и свободные выборы снизу доверху. Вот это и будет подлинной и всеобщей демократизацией — на уровне социально-профессиональном.

Впрочем, есть и другой, не менее важный уровень — **региональный**. Здесь демократия тоже весьма уместна. Но только не в пределах нынешних областей (республик, краев), представляющих собой гигантские образования. Сегодня некоторые националисты ратуют за регионализм, понимая под ним усиление именно этих образований. А кое-кто даже подумывает о том, чтобы создать еще более крупные субъекты — на базе нескольких областей (проект «Залесье» и т.д.) На самом деле такая «регионализация» приведет к усилению **областной** бюрократии за счет **центральной** — и только лишь. Понятно же, что для управления такими крупными территориями требуется огромный управленческий ресурс.

В то же время демократия, как отмечали еще античные мыслители, успешна

лишь на **малых** пространствах. Яркий пример — община, где существовала власть схода. Поэтому реальная демократия на местах возможна лишь как демократия в пределах общины (волости), занимающей крайне незначительную территорию и насчитывающей несколько тысяч человек. Когда территория мала, то ею легче управлять. А когда все знают друг друга, то легче сотрудничать. Вот там можно уже будет говорить о **прямой власти народа** — со сходами, всеобщим вооружением и шерифами. Пятьдесят тысяч полностью самоуправляющихся общин — вот вам и настоящая, микро-региональная демократия. Что же до макрорегиональных образований, то они просто не нужны. Региональные союзы должны иметь **непосредственный** выход на власть, минуя бюрократических посредников.

Самодержавие и демократия

Тут самое время поставить вопрос о самой власти — какой она должна быть. Как очевидно, демократия означает в реальности власть олигархии, поэтому никакой демократии здесь быть не может. Любая олигархия (буржуазная, партийная, бюрократическая, аристократическая и т.д.) всегда будет препятствовать выражению воли всех социальных групп нации. В то же время сами эти группы в большинстве своем не способны обуздать олигархов, ведь им нужно думать прежде всего, как прокормить себя. И все попытки большинства выдвинуть борцов за «народное счастье» неизбежно приводят к тому, что эти борцы становятся отдельной от народа группой — со своими специфическими социальными интересами.

Вывод напрашивается сам собой — власть должна принадлежать **одному человеку**, имеющему на нее бесспорные, не подлежащие сомнению права (принадлежность к династии — с ее Божественным мандатом). Иными словами — необходимо самодержавие.

При нем, и только при нем демос сможет беспрепятственно и эффективно осуществлять свой собственный кратос — на профессиональном и региональном уровнях.

Почему-то считается, что самодержавие есть тирания. Между тем очевидно, что тирания требует наличия тщательного контроля над огромными массами людей. Понятно, что один человек такой контроль осуществлять не может. Для этого ему потребуется **многочисленная прослойка контролеров** (например, бюрократия). Но самодержавцу как раз очень невыгодно существование такой вот прослойки, ибо она неизбежно попытается подмять под себя самого самодержца, а то и попросту скинуть его. Вот почему самодержавие объективно заинтересовано в обуздании и даже ликвидации олигархии. И его интересы объективно совпадают с интересами социального большинства, которому также угрожают различные олигархии. История дает множество примеров такой спайки — вспомним хотя бы Ивана Грозного, который давил боярскую олигархию, апеллируя в то же самое время к посадскому люду. Характерно, что именно при Иване Грозном на Руси возникло мощнейшее местное самоуправление — с губными старостами и т.д. Показательно, что без выборных лиц волостели и воеводы не могли судить общинников и принимать какие-либо решения.

Выборные от общинников составляли особый орган — земскую избу, которая функционировала при земском старосте — выборном руководителе уезда. А выбирался он теми же крестьянами, а также населением городских общин. Последние сохраняли унаследованную от общин киевского периода организацию по сотням и десяткам. Горожане, жившие на государственных («черных») землях, составляли т.н. «черные сотни».

Земский староста и земская изба заведовали городским хозяйством, раз-

версткой земли. Они могли обсуждать дела крестьян и посадских людей, доводя свое мнение до воеводы или же до самой Москвы. Воевода не имел права вмешиваться в компетенцию органов земского (общинного) самоуправления.

По всему получается, что самодержавие и реальная («народная») демократия — это естественные и надежные союзники. (Можно также вспомнить и о европейских королях, которые выступали против своеволия местной знати в союзе с городскими общинами — «коммунами». Результатом этого союза стало предоставление коммунам практически полной самостоятельности.)

Конечно, история полна примеров того, как монархи превращались в заложников олигархии и проводников ее политики. При этом, что характерно, само самодержавие становилось фикцией. Так, к примеру, было в «век золотой Екатерины», когда вопрос о власти решался дворянской гвардией и когда всюду развернулся процесс работорговли русскими крестьянами. Что ж, из истории нужно извлекать полезные уроки, делая масштабные и даже радикальные выводы. **Самодержавию и народу не нужны никакие посредники** — бюрократические, капиталистические или аристократические. Бюрократию вообще нужно упразднить, сведя аппарат управления до уровня небольшой функциональной группы операторов, выполняющих необходимые технические функции. Автоматизация управления вкупе с информатизацией общества вполне позволяют перейти к модели «электронного чиновничества». Эти же процессы дают возможность поддерживать постоянный диалог между верховной властью и обществом (в лице профсоюзов и местных общин). Парламент при этом должен стать законосовещательным органом, представляющим все социально-профессиональные группы, а также ассоциации местных общин. Главной

его задачей будет взаимодействие этих групп и донесение их мнений до сведения верховной власти в лице самодержавца. Контролировать же самого правителя парламент не должен, ибо ни одна из групп не может выразить надгрупповой, общенациональный интерес. Это доступно только одному человеку, находящемуся над всеми группами. А ему вовсе не нужно утопать в рутине, его задача — **согласовывать интересы различных социальных групп, быстро и полновластно вторгаясь в наиболее проблемные области.**

Правительства при таком порядке вещей просто не будет — в общепринятом значении. У самодержавца должно быть свое собственное правительство, представляющее собой **команду его советников**. Они будут находиться у него на содержании, а он — выплачивать им жалованье, размер которого зависит от собственной оценки полезности советов. (Армия и спецслужбы находятся в личном распоряжении главы государства.)

Также необходимо ликвидировать крупный капитал, который всегда стремится **узурпировать** верховную власть. Вот только не нужно подменять капиталистов бюрократами, идя по пути тотального огосударствления экономики (хотя некоторые стратегические участки государство обязано контролировать). Есть третий, самый надежный путь — **обобществления собственности**. Необходимо всячески развивать кооперативный (артельный) сектор. Самый естественный порядок — когда средствами производства владеют все труженики определенного коллектива. (Вот, кстати, и еще одна демократия — **производственная, хозяйственная**.) К слову, сама артель позволяет достигать просто чудесных результатов. До революции это была высокоэффективная хозяйственную организацию, члены которой всегда получали огромный материальный стимул к хорошей работе — великолепные заработки. Они во много раз

превышали заработки наемных рабочих — и государственных, и частных. Общественная собственность отрицает присвоение прибавочной стоимости — одним лицом, частью хозяйственного коллектива или государством. Доходы распределяются между всеми его представителями, но не уравнительно, а, так сказать, иерархически, в соответствии с конкретным вкладом работника. Следовательно, заработок работника коллективного предприятия намного выше заработка наемника — к обычной заработной плате добавляется еще и часть предполагаемой прибавочной стоимости, благодаря чему и возникает мощный стимул к труду.

Дореволюционные артельные рабочие всегда выигрывали по сравнению с работниками частных и государственных предприятий. Например, зарплата ярославских строителей, артельно работавших в Петербурге,

составляла примерно 400–500 руб. в год (вторая половина XIX в.), тогда как работавшие по найму зарабатывали не более 80 руб. Подобная оплата труда способствовала значительному снижению себестоимости. Так, артель Нижнетурьинского завода поставляла казне ударные трубки по 38 коп. — ранее государство было вынуждено платить за них по рублю. Другая артель взяла подряд на 25 тыс. руб., за которой частные собственники просили 80 тыс. руб.

* * *

Итак, реальная демократия возможна только при самодержавии. Все остальное — это олигархические игрища и «великая ложь». Сегодня продолжать эти игрища смертельно опасно, ибо сама олигархия задумывается о тотальном господстве в планетарном масштабе.

Максим Брусиловский «Русская Правда» — живой организм»

В этом номере «ВН» публикуют один из важнейших документов русского национального движения последнего десятилетия — «Русскую Правду» (2006). Об истории создании этого текста редакция попросила рассказать одного из его создателей — М.А. Брусиловского.

— Максим Анатольевич, как родилась идея создания «Русской Правды»?

— Первый Марш 2005 года, тогда еще называвшийся Правым, произвел настолько ошеломляющее впечатление, что как организационная, так и идеологическая подготовка ко второму — уже Русскому Маршу 2006 года началась буквально через два-три месяца. Выпускались обращения и пресс-релизы, выверялись лозунги, в сложнейших условиях выкристаллизовывался актив участников маршей. Достаточно быстро стало ясно, что подавляющее большинство теоретических текстов, написанных впрок, абсолютно не соответствуют ни текущей ситуации, ни долгосрочному развитию всего процесса консолидации «русской части» политического спектра. Не хватало главного — программного документа, могущего не только быть озвученным на ближайшем марше, но при этом и задающего общее направление действий. Оргкомитетом Русского Марша было найдено решение простое, но вместе с тем неординарное: создать «Русскую Правду», сочетающую в себе сразу несколько элементов. Вписанную в исторический контекст

аналогичных идейно-практических конструкций от Ярослава Мудрого до «черного полковника» Пестеля. И при этом — современный и динамичный документ, во многом «сшитый на вырост», закладной камень формирующегося «нацбилдинга», о котором так много говорили националисты.

— Кто были авторы документа?

— Мне посчастливилось стать главным редактором «Русской Правды». Помимо меня, в ее составлении принял деятельное участие Владимир Тор. Свой вклад в разработку некоторых пунктов внес Павел Святенков. При подготовке окончательного документа были просмотрены многие тексты, как авторские, так и безымянные. Мы с Владимиром пытались суммировать многочисленные и разнородные пожелания, вычлняя нечто общее, являющееся консенсусным и приемлемым для большинства русского народа. Так что само понятие авторства в данном случае неуместно: слова в любом случае народные. Что вовсе не означает запрет на дальнейшее авторское творчество. Как раз наоборот — участие все новых людей в оттачивании формулировок — дело важное и нужное.

— Сколько вариантов «Русской Правды» принималось и в чем их принципиальные различия? Будут ли другие варианты?

— Первый вариант — непосредственно для самого Марша 2006 года. Вторым был мною презентован на съезде КРО. В нем некоторые пункты

поменяли свои места, отдельные формулировки видоизменены, то есть некоторая прокламационность риторики была заменена на более умеренную и подходящую именно для съезда. Кое-что было смягчено, что-то, наоборот, усилено. Но общий смысл остался неизменным. Надеюсь, останется и впредь.

— Были ли какие-либо принципиальные разногласия в ходе написания или принятия «Русской Правды»?

— Разногласия при написании мне удавалось сглаживать достаточно оперативно. Просто не хотелось, чтобы текст «дул в одну дуду», явно «подыгрывая» интересам какой-либо конкретной группы людей, это все же общерусский документ, призванный объединять, а не размежевывать. Целый ряд пунктов прошел «по кругу». То есть когда предложенная мною версия встречала слишком много возражений, она правилась в соответствии с пожеланиями очередного автора или «рецензента». Потом приходил следующий и правил дальше. Потом следующий. В какой-то момент формулировка почти вплотную подходила к первоначальной и фиксировалась — на этом «круг» замыкался.

— Помнится, А.Н. Севастьянов в своей статье «Да единомыслие исповедуем» дал очень негативную оценку первой версии этого документа, в частности по п. 6: «Единый русский народ составляют великороссы, белорусы и украинцы, а также потомки иных народностей, усвоившие русский язык, культуру, обычаи и традиции как свои родные и сознательно причисляющие себя к русскому народу», ссылаясь на «ответ современной науки: этничность определяется по крови» (докторская диссертация по истории сотрудника РАН В.Д. Соловья «Русская история: новое прочтение», где этот критерий всесторонне обоснован.). А какова последняя версия этого пункта?

— Шестой номер вообще несчастливый для многих политических документов, вспомним шестую статью Конституции СССР. В «съездовском» варианте критикуемый пассаж был вырезан, дабы не нарываться лишним раз на гневные тирады пусть и малочисленных оппонентов. Повторю — одной из важнейших задач считается нахождение консенсуса, а не продуцирование теоретических дискуссий. Спорные моменты будут улажены в дальнейшем — всему свое время.

— Является ли «Русская Правда» официальным документом для русских националистов?

— «Русская Правда» была принята на Русском Марше 2006 года. Причем в тяжелейших условиях. На подходе к месту митинга активистов Марша задерживали сотнями, всего в автозаки попало более полутора тысяч человек. Свежеотпечатанный тираж РП, который предполагалось раздать на митинге, также был арестован. И все же он был оглашен, или, скорее, уместнее использовать древнерусский вечевого термин — выкрикнут и принят собравшимися. Далее, как и предполагалось, документ пошел в народ. Впоследствии предполагалось, что «Русская Правда» станет одним из основополагающих документов партии «Великая Россия», не зарегистрированной, однако, Минюстом под совершенно надуманными предложениями. К Русскому Маршу 2009 года «Русская Правда» была несколько переформатирована Константином Крыловым и зачитана им на митинге. По-моему, это очень удачное развитие.

— Что такое Оргкомитет Русского Марша? Какова его роль в событиях, последовавших за первым РМ?

— Оргкомитет Русского Марша — это официальное представительство так называемой «Коалиции Русского Марша», организации, ставшей материальным фундаментом всех после-

дующих Русских Маршей. В 2006 г. в Оргкомитет входило более десятка различных организаций (основные — ДПНИ, РОД, РОНС, «Русский Порядок» и пр.), занимающихся самыми разными видами деятельности, от борьбы с нелегальными мигрантами до правозащиты. Впоследствии число участников сократилось, некоторые организации самоликвидировались, другие отошли от дел. Кого-то, как например «Славянский Союз», власти официально закрыли, подвергая всяческим репрессиям его членов. В настоящее время Оргкомитет Русского Марша находится в состоянии поиска новых форм функционирования. Как, впрочем, и все русское национальное движение, тяготея, впрочем, к легальным видам деятельности. Мне кажется, будет логично, если в будущем появи-

ся некая «русская партия», которая и переймет на себя все права и обязанности Оргкомитета, взяв за основу программы «Русскую Правду». Но до этого пока далеко.

— Как бы Вы сегодня оценили значение этого документа и каковы его задачи?

— «Русская Правда» — живой организм, способный расти и развиваться, инкорпорировать новейшие тенденции и запросы, вычеркивать уже пройденное. Ее части и элементы призваны разойтись по разным территориям России — как оставшимся, так и отпавшим, органично встроиться в будущие программы, послужить основой построения нового русского мира — одновременно смелого и прекрасного.

РУССКАЯ ПРАВДА

Хартия прав и свобод русского народа

1. Мы, русский народ — единственный источник суверенитета и легитимности власти в России.
2. Россия — историческая территория русского народа, данная нам Богом, обустроенная трудами наших предков, оплаченная их кровью, завещанная в веках нам и нашим потомкам.
3. Россия — единое и неделимое государство русского народа, призванное обеспечить права, свободы и национальные интересы единого русского народа.
4. Русский народ в России является государствообразующим.
5. Реализация прав и свобод русского народа как единого целого является необходимым условием успешного обеспечения прав и свобод каждого гражданина России. Права коренных народов России и национальных меньшинств гарантируются законом.
6. Единый русский народ составляют великороссы, белорусы и украинцы, а также потомки иных народностей, усвоившие русский язык, культуру, обычаи и традиции как свои родные и сознательно причисляющие себя к русскому народу. Любой русский, независимо от места своего проживания и формального гражданства, является неотъемлемой частью единого русского народа и имеет право гражданства России по рождению и факту лояльности русскому народу и России.
7. Разделение русского народа государственными границами является нетерпимым. Мирное воссоединение русских в единое целое со всеми землями, претельски отторгнутыми от России, — наше законное право.

8. Справедливость есть традиционный идеал русского народа. Права и обязанности, труд и вознаграждение, преступление и наказание, заслуги и общественное признание должны быть соразмерны.

9. Русский народ суверенно организует свою общественно-политическую жизнь, соизмеряясь со своими национальными традициями и собственными представлениями о свободе, долге, демократии, справедливости и порядке. Формы правления, государственного и территориального устройства России должны быть определены Народным Собором, созданным из представителей всех русских земель.

10. Земля, недра и природные богатства России являются неотъемлемой собственностью русского народа и должны использоваться в его интересах.

11. Российское государство защищает право собственности, полученной честным и законным путем. Присвоенное коррупционерами, мошенниками и их приспешниками должно быть возвращено законному владельцу — русскому народу.

12. Свобода совести и вероисповедания, уважительное отношение к добрым религиозным убеждениям человека — необходимое условие духовной жизни всего русского народа.

13. Россия является канонической территорией Русской Православной Церкви, которая духовно окормляет всех своих единоверцев, молится о благополучии России и спасении всего русского народа. Православная вера есть традиционная религия русских, живой источник нашей культуры.

14. Гражданское общество, самоуправление и независимый суд являются необходимыми составляющими для реализации прав и свобод русского народа.

15. Свобода партий и объединений, организованных русскими, в том числе и по этническому и религиозному признаку, не может быть ограничена.

16. Армия и флот — главные союзники России, гарантирующие территориальную целостность нашей страны. Защита Отечества есть общее дело всех граждан России.

17. Все взрослые дееспособные граждане имеют право на ношение личного оружия, соответствующим образом зарегистрированного.

18. Народное ополчение, являясь общим делом русского народа, есть наше неотъемлемое и постоянно действующее право. Народное ополчение призвано при необходимости брать на себя ответственность за судьбу государства русского народа.

19. Русофобия есть преступная идеология, отрицающая основополагающие права и свободы русского народа, несущая ответственность за не имеющий аналогов в истории геноцид русского народа. Проявление любой формы русофобии должно преследоваться по закону. Преступления против русского народа не имеют срока давности.

20. Отношения России с другими государствами и народами определяются исключительно исходя из национальных интересов русского народа.

21. Законы России имеют приоритет над любыми международными соглашениями. Суверенитет России неделим и не может быть делегирован иностранным, внешним по отношению к России институтам. Любые законы и распоряжения, противоречащие основополагающим правам, свободам и национальным интересам русского народа, являются ничтожными. Власть, бездействующая перед лицом враждебных посягательств на наши национальные интересы, утрачивает свою легитимность.

РУССКАЯ ПРАВДА

Хартия прав и свобод русского народа

1. Мы, русский народ — единственный источник суверенитета и легитимности власти в России.

2. Россия — историческая территория русского народа, данная нам Богом. Она обустроена трудами наших предков, оплачена их кровью и завещана нам и нашим потомкам.

3. Русские являются государствообразующим народом России — единого и неделимого государства, призванного обеспечить соблюдение прав, свобод и национальных интересов русского народа.

4. Соблюдение прав и свобод русского народа как единого целого является необходимым условием обеспечения прав и свобод каждого гражданина России. Русские оказывают покровительство, поддержку и защиту от дискриминации всем коренным народам России, готовым жить в мире и дружбе с Россией.

5. Любой русский, независимо от места своего проживания и формального гражданства, является неотъемлемой частью единого русского народа и имеет право гражданства России по рождению и факту лояльности русскому народу и России.

6. Разделение русского народа искусственными государственными границами является нетерпимым. Мирное воссоединение с Россией всех русских земель, предательски от нее отторгнутых, — наше законное право.

7. Справедливость — традиционный идеал русского народа. Права и обязанности, труд и вознаграждение, преступление и наказание, заслуги и общественное признание должны быть соразмерны.

8. Русский народ суверенно организует свою общественно-политическую жизнь, соизмеряясь со своими национальными традициями и собственными представлениями о свободе, достоинстве, долге, демократии и порядке.

9. Земля, недра и природные богатства России являются достоянием русского народа и должны использоваться исключительно в его интересах.

10. Российское государство призвано защищать право собственности, полученной честным и законным путем. Народные богатства, присвоенные мошенниками, должны быть возвращены законному владельцу — русскому народу.

11. Свобода совести и вероисповедания, уважительное отношение к религиозным убеждениям человека — необходимое условие как духовной, так и светской жизни всего русского общества.

12. Православие — традиционная религия русских, один из главных и естественных источников русской идентичности. Россия является канонической территорией Православной Церкви, которая духовно окормляет своих прихожан, молится о благополучии России и спасении всего русского народа.

13. Гражданское общество, самоуправление и независимый суд являются необходимыми условиями соблюдения прав и свобод русского народа.

14. Свобода партий и объединений, созданных русскими, в том числе и по этническому и религиозному признаку, не может быть ограничена.

15. Защита Отечества — общее дело всех без исключения граждан России. Защита чести офицера и достоинства солдата, материального благополучия военнослужащих и их семей должны быть гарантированы государством. Современные могучие армия, флот и стратегические ядерные силы — залог безопасного существования русского народа.

16. Характер отношения России с другими государствами и народами определяется исключительно с учетом их лояльности российскому государству и в соответствии с интересами русского народа.

17. Законы России имеют приоритет над любыми международными соглашениями. Суверенитет России неделим и не может быть делегирован иностранным, внешним по отношению к России институтам. Любые законы и распоряжения, противоречащие основополагающим правам, свободам и национальным интересам русского народа, являются недействительными.

18. Проявление русофобии — ненависти или презрения к русскому народу, его самосознанию, истории и традициям, а также отрицание прав и свобод русского народа, перечисленных в настоящем документе, — является преступлением против русского народа. Публичное выражение русофобии в любой форме должно караться по закону. Преступления против русского народа не имеют срока давности.

19. Право на самозащиту — неотъемлемое право русских. Все взрослые дееспособные граждане, при отсутствии судимости, имеют право на приобретение, хранение и ношение холодного и огнестрельного оружия, соответствующим образом зарегистрированного.

20. Власть, бездействующая перед лицом враждебных посягательств на наши национальные интересы, утрачивает свою легитимность. Русский народ имеет неотъемлемое и постоянно действующее право на самооборону и созыв народного ополчения, которое при необходимости может брать на себя ответственность за судьбу государства и русского народа.

21. Формы правления, государственного и территориального устройства России должны быть определены Народным Собором — представительным органом, включающим в себя делегатов от всех русских земель, органов местного самоуправления и социально-профессиональных корпораций.

ЕЛЕНА ЧУДИНОВА

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО КАК ЛИБЕРАЛЬНЫЙ МИФ

*Не расти двум колосьям в уровень,
не сравнивать крутых гор с пригорками,
не бывать на земле без боярщины!*
Гр. А.К. Толстой

*До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть.*
Анна Ахматова

Статья С. М. Сергеева «Дворянство как идеолог и могильщик русского национализма» (Вопросы национализма. № 1) окончательно укрепила мое решение высказаться на затронутую им тему. Тема витает в воздухе. Проф. А. М. Буровский также достаточно подробно развивает концепцию «двух народов»¹, да и уж, шила в мешке не утаишь, собственная моя кухня, говоря фигурально, лет пять как обулась в лапти² и, стоит мне произнести, например, «Иларион», снисходительно поправляет: «Ларион». Пора высказываться.

Оговорюсь сразу: мне тоже не доставляет ни малейшего удовольствия читать газетные объявления о продаже одних русских православных людей другими и сознавать, что от этих невестелых фактов из жизни нашей страны нас отделяют всего полторы с небольшим сотни лет. Радоваться тут впрямь нечему. Но я пытаюсь сейчас понять,

отчего излишне эмоциональное внимание ко всем этим газетным объявлениям о «продаже девки и комода» перекинулось из либерального лагеря (где ему самое место) в консервативный (где никакой пользы, кроме вреда, от него нет, о чем речь пойдет ниже).

Несколько лет назад, в статье «Демарш Верховенского»³, я описала, быть может, излишне зло и сатирически, свое столкновение на одной конференции с проф. А. Зубовым. Ни от злости, ни от сатиры, впрочем, не откажусь и сейчас. Мне по определению не может быть симпатична фигура преподавателя козыревского МГИМО, этой кузницы не только сегодняшней, но и **завтрашней** пораженческой политической «элиты».

Перескажу суть в двух словах. Профессор долго и красноречиво говорил о том, что Россия должна «каяться и каяться» в своих исторических винах, что 1917 год мы получили поделом и отнюдь не избыли обрушившимися на нас бедствиями XX века всего, что нам, по совести, причитается. Главной же виной, по причине коей нам надлежало врать на себе одежды, посыпать головы пеплом и ползать на брюхе перед более достойными странами, он назвал как раз крепостное право.

В связи с этим у меня возникло два вопроса, каковые я рискнула предложить вниманию сего ученого мужа.

Первый был таков: почему, например, англичане не должны «каяться» за си-

¹ Буровский Андрей. Наполеон — спаситель России. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

² Чудинова Галина. Как нам сбечь русский народ, или Русский фундаментализм как концепция возрождения русского народа. Пермь, 2009.

³ Чудинова Елена. Шуты у трона: Сб. статей. М.: Алгоритм, 2008.

стему работных домов времен Георгов? Настаиваю, более страшную, чем крепостное право, ибо ввергнутая в работный дом семья разделялась по определению, не говоря уже о том, что русский крепостной владел собственностью — домом, коровой, птицей, утварью etc. Работные дома, по сути, были видом тюрем, в которые сажали за преступления под названием «бедность».

Вторым же вопросом я просила уточнить, кого профессор Зубов призывает к покаянию за крепостное право? Подавляющее большинство наших соотечественников имеет в предках не крепостников, а крепостных. Потомки крепостных, что ли, должны каяться в том, что их прадеды были угнетаемы? Или каяться должны не все русские, но только дворяне? Но при этом не за своих отдельно взятых предков, а за всю Россию?

Как и следовало ожидать, я не получила на свои вопросы ни одного вразумительного ответа.

Словом, «Воплощенной укоризною / Ты стоял перед Отчизною / Либерал-идеалист». Очень не люблю такой укоризны. Я давно привыкла отвечать либералам, что если непредвзято (впрочем, непредвзятость в данном вопросе для либералов невысказана) обозреть с высоты птичьего полета XVIII и XIX века, то становится ясно, что наше злополучное крепостное право ничем особо не выбивается из общей жестокой картины. Только по прочтении романов популярнейшего Чарльза Диккенса английское общество впервые задумалось над бесчеловечной сутью работных домов (что не помешало последним просуществовать еще весьма долго). До литературного вмешательства великого писателя их воспринимали непререкаемой деталью пейзажа, умами правила кальвинистская максима: бедность — порок. Опять же мы почему-то не помним, что в ряде немецких земель крепостное право было отменено немногим раньше, чем в России.

Либералы могли бы сказать, что американцы (сей авангард борьбы за права человека) угнетали себе подобных дольше, нежели русские. Но либералы-то этого и не скажут, невзирая на то, что в их системе мировоззрения такой факт был бы безусловен. Но тут, уже не у них, а может статься, у С. Сергеева найдется контраргумент. Не либеральный, отнюдь, зато весомый. Вне отношения к расовым вопросам мы должны признать, что господство одной расы над другой — явление принципиально иного порядка, нежели господство одних людей над другими, кровно едиными. Причисление к «живым вещам» единоплеменников более нелепо, более дико, его не прикроешь теориями расового неравенства. С этим невозможно не согласиться. Однако в США или Бразилии все обстояло немножко иначе, чем мы привыкли думать.

В свое время меня очень позабавил бразильский сериал «Рабыня Изаура». О страданиях ну совсем белой и образованной девицы в рабстве. Название звучало в оригинале «Escrava Isaura». Только уже название было шулерским. Называться фильм должен был по-честному «Mucama Isaura», потому, что для белых и образованных девушек-рабынь существовал специальный термин. Из чего следует, что было таких весьма немало. Никого, решительно никого бы в действительности не взволновало, что-де ужас какой: такая образованная, а предмет купли-продажи. Положение многочисленных Изаур рассматривалось как норма: ну да, от господской дочки не отличишь, книжки-романсы-манеры-музичированье, а по социальному статусу — комнатная собачонка. Хорошо, если читает на ночь благодетельница-барыне, а помрет благодетельница — изволь на невольничий рынок или в гарем к сынку. Нормально. В романе «Вся королевская рать» Роберта Пена Уоррена описана омерзительная сцена продажи — в сексуальное рабство —

фактически белой девушки. В России по крайности девушек, выставленных на продажу, не раздевали насильно до гола при стечении народа. Итак, вывод прост: в других странах рабовладение распространялось не только на людей чужой расы, но зачастую и на людей своей (у кого какая капля примеси в крови — вопрос смехотворный). Почему же Россия должна «каяться-каяться и каяться», а США — не должны?

Да потому, что либеральный миф должен поддерживаться. Россия обязана быть страной-злодейкой в окружении белых и пушистых всех прочих. Это все совершенно понятно. Но каким же образом в консервативной среде крепостное право начинает восприниматься не просто как отрицательное, но как небывало, беспрецедентно отрицательное явление?

Немного терминологической ясности. Сергеев настаивает на том, что крепостное право в России было по сути не крепостным правом, а рабовладением. Логично, коль скоро он основывается на том, что крепостной прикреплен к земле, а раб — к владельцу. И все же согласиться не могу. Сергеевым не было проделано необходимого в данном случае разграничения на две разновеликие группы: на пахотных крестьян и на дворян. Дворян же — весьма незначительная часть несвободного крестьянства. Челядин спит где-нибудь в уголке господских палат, не ведет собственного хозяйства, а все его имущество — исключительно движимое, даже очень движимое: узелок-сундучок. Он и есть раб. И все ужасающие нас сегодня газетные объявления о продаже людей преимущественно относились как раз к этой весьма небольшой категории. Как и разлука семей. Без земли и без семьи продавали комнатных девушек, поваров, парикмахеров, лакеев, нянек, казачков. Подавляющее же большинство пахарей рождалось, рубило избу, женилось, старело и умирало в родных

краях и в кругу чад и домочадцев. Так что остановимся, пожалуй, на том, что ужасы чистого рабства затрагивали незначительное количество несвободных, а подавляющее их большинство мы все же должны считать именно крепостными.

Перекочевав на «исключительных» основаниях из либерального лагеря в консервативный, крепостное право предстало в следующем виде.

1. До Петра Великого был единый народ с единой речью и единой культурной традицией.

2. С XVIII столетия дворянство оформляется «народом внутри народа», отделяясь от основного населения иностранным языком и общеевропейской (космополитической, следовательно) культурой.

3. В таком виде оное дворянство начинает эгоистически преследовать не национальные, а узкосоциальные эгоистические цели.

Последнему положению немного противоречит стремительный выход России в ряд держав, определяющих судьбы всего человечества. Как же это мы столько достигли да с такою плохой элитой?

Однако по каждому из пунктов можно с оговорками согласиться. Имело место и первое, и второе, и третье, собственно, тоже. Поставь меня некий волшебник перед необходимостью выбрать себе в прошлом крестьянскую судьбу, я бы остановилась на XVII столетии: тоже, конечно, не без проблем, но куда как спокойнее.

Будучи ученицей В.Б. Кобриня, я в юности не слишком жаловала Петра Великого, памятуя о более гуманных и изысканных царевне Софье и Василии Голицыне: они пришли бы к тому же, но не путем резкой перестройки, а путем последовательных реформ. Все равно все дороги вели из Азии обратно в Европу, в семью христианских народов. Но было ли у России время идти по дороге долгой и мягкой? Мы слишком много потеря-

ли времени в постордынском изоляционизме. Деяния Петра оправданы ростом Российской Империи в блистательном XVIII столетии. (Хотя повторять за ним — никому не посоветуем, второй столь резкий рывок ни у кого больше не получится.) Граф А.К. Толстой и всерьез и в шутку писал: не виним Петра, виним Орду. Ухудшение положения и статуса крестьянства — одно из зол быстрого роста национального организма. Лучше бы его удалось избежать. Не избежали.

Действительно, первые царские попытки освободить крестьян (их принимала еще Великая Екатерина) разбиваются о сословные интересы дворянства. (А трон Империи еще шаток, им играет гвардия.) Но и Александр думает над тем, как собрать наломанные Петром дрова. Успешно подавив мятеж декабристов⁴, Николай укрепляет трон и оставляет сыну страну, где крестьян уже действительно можно освободить. (Пусть не на идеальных условиях.) Раньше не могло получиться, но не по дворянской вине. Вся страна была экономическим заложником великой ломки, слишком быстрого выхода из изоляционизма.

Но за это время обрастает правами купечество, исправно работают запущенные Петром социальные лифты. Вот уже и высшее образование делается доступным не только дворянам, вот уже появились «бедные студенты». Дворянство умножается посредством социальных лифтов. Дворянство можно выслужить — и его выслуживают. Ни в коей мере не являясь кастой, в ко-

торую нельзя проникнуть, оно остается естественным общественным авангардом.

Размышляя о нашем завтрашнем дне (я все же верю, что он есть — Господь не без милости), необходимо учитывать одну безусловную данность: **человечество не сумело изобрести в социальном плане ничего сверх трех форм: монархии, тоталитаризма и демократии.** С тоталитаризмом все понятно: «Все рабы и в рабстве равны» (Ф.М. Достоевский). Демократия признает единственное неравенство — имущественное. По сути, демократия — форма поклонения Златому Тельцу, тельцекратия. Принцип формирования элиты не по денежному мешку, а по родовой или личной выслуге — монархический. Лучшего нам в нашем несовершенном мире не дано ничего.

Российская империя, как подобает здоровому организму, стремительно выравнивалась к XX столетию. Превосходная система народного образования расширялась. (На полке у меня стоит сейчас учебник по истории, рекомендованный для прочтения в церковно-приходских школах. В наши бы наилучшие гимназии такой!) Не успели мы, конечно, многого.

«Мне бы еще десять лет без войны», — говорил святой Император-мученик. Нам их не дали. Но какой черный морок заставляет нас сейчас искать исторического «внутреннего врага» в русском народе?

Сергеев приводит цитату, которую придется повторить и мне. «В течение всего лишь трех месяцев после февральской революции в России были сожжены и разграблены все без исключения помещичьи усадьбы — вне зависимости от степени либерализма их хозяев и прогрессивности методов ведения хозяйства, на штыки были подняты сотни офицеров — многие из которых в ходе войны в подлинном смысле слова стали братьями по оружию мужикам в серых шинелях. И это слишком явно указывает: в перспекти-

⁴ Кстати, что меня немного шокировало в статье С.М. Сергеева: стоило ли приводить в качестве иллюстрации (иллюстрации чего бы то ни было) мнение П. Каховского? Убийцы героя войны, пусть немного интригана, но ведь великого военного героя. А в юных летах к тому же мародерствовал в Москве с Великой армией. Словом — хорош, что анфас, что в профиль. Ну и не наплевать ли нам, какое он, видите ли, мнение имел?

ве народного мнения российская элита представляла собой не просто иное сословие, а иной — чужой и враждебный народ. *Со своими так не поступают*» (Соловей В.Д. Русская история. Новое прочтение).

Сначала оговорюсь: в этих строках многое вызывает изрядное напряжение. У меня сейчас нет статистических данных о сожженных усадьбах, но мне ясно одно: «без исключения» в подобных случаях ну никогда не бывает. Просто не может быть, да и все. Что же до поднятых на штыки офицеров (к 1917 весьма значительная их часть имела крестьянское происхождение), то мы хорошо помним, кто поднимал их на штыки. У крестьян штыков нет. У них есть *вилы*. Это оговорка, но оговорка ключевая, это правда, всплывающая вопреки воззрениям автора.

Истребление цвета нации — русского офицерства — не на крестьянской совести. Что же до усадеб... Революция, подобно всякому другому гигантскому бедствию (вспомним хоть не очень давнее наводнение в Новом Орлеане), пробуждает к жизни самые дурные инстинкты. Мародерство, убийства, изнасилования — ну куда же без этого, если привычная реальность столь заманчиво и безнаказанно размыта. *Так поступают со своими*, и еще как поступают. Увы.

Не о коротком периоде опьянения революцией должна идти речь — а о Гражданской войне. И в ее ходе мы видим отчетливую тенденцию поддержки крестьянством белых. Только очень прошу, не надо приводить мне факты поддержки крестьянами красных. Я без того знаю, что они вполне представлены. Иначе, опять же, не могло быть — в ужасе той войны все было очень и очень не просто.

Но по логике Сергеева и Соловья тенденции перехода крестьянства на белую сторону просто неоткуда взяться. Вообще неоткуда. А она отчетливо прослеживается. Если угодно, я могу написать на эту тему отдель-

ную статью, с обильным привлечением фактов. А пока позволю себе немножко лирики: осенью 2008 года мои друзья из Военно-исторического братства во имя Архистратига Михаила пригласили меня на открытие скромного памятника воинам СЗА в селе Ополье, под Ямбургом. Теперь он стоит — а лежит под ним нижние чины, те самые «мужики в серых шинелях», о которых упоминает Соловей. Ну с чего б им героизировать, с чего? Геройствовали.

Объект моего писательского интереса — то, как смыкается дворянство с крестьянством при угрозе разрушения традиционного общества. Не стану останавливаться на хрестоматийных примерах войны 1812 года. (Хотя все же скажу, что обратных примеров было порядка на три меньше.) Но, посвящая немало времени истории шуанства, я сталкиваюсь с этим постоянно. Да, Ларошжаклен и Шаретт — аристократы, но сам-то Жан Шуан (Жан Коттеро), давший имя «аристократическому» движению, — не аристократ отнюдь. Так же, как Кадуваль и Стофле. Командиры шуанов избирались исключительно по личным качествам, и нередко можно было увидеть сценку: длинноволосый мужик в козьей куртке сердито распекает маркиза, не там устроившего засаду. Случалось и наоборот. Как-то оно идет вразрез с нынешней французской официальной идеологией, напирательной на то, сколь угнетены были французские крестьяне. Идеология лжет? О, нет.

Не могу не вспомнить и того, как Аркадий Гайдар-Голиков истреблял в Сибири крестьян целыми деревнями — за поддержку дворянско-крестьянского партизанского отряда Соловьева.

Примеры, когда крестьяне и дворяне встают плечом к плечу с оружием в руках, я могу приводить очень долго. Лучше зададимся вопросом — против кого они сплачиваются? Против третьего сословия? Ответ не исчерпывает вопроса. Во Франции — во многом

да (хотя опять же не понятно *почему*), но уж в России — однозначно нет. Более адекватным считается другой ответ (я сама нередко его даю): смычка происходит против врагов такой традиционной ценности, как религия. Ответ этот, конечно, верен, но и он не полон. Мне думается, что также вступает в свои права некий социальный инстинкт, подсознательное знание, что национальному организму нужна не революция, а эволюция. Инстинкт этот личностно альтруистичен, он заставляет забыть о распрах и не высчитывать сиюминутных собственных выгод. И ведь он безошибочен. Покорившись сразу, приняв ломку устоев, крестьянство, как французское, так и русское, ни на волос не облегчило бы того чудо-

вищного удара по генофонду, который нанес ему новый порядок.

Гражданская война не была братоубийственной. Это была не война крестьян с дворянами, а война русских с инородческим интернационалом.

Монархия не может существовать без дворянства, а русский народ не может существовать без монархии. Он сейчас погибает. И, словно нас мало истребляли, мы ищем «историческую вину» в лучшем из собственных словесий, только на основании того, что оно состояло из людей, а людям свойственно грешить и ошибаться, делиться на хороших и плохих.

Не понимаю. Отказываюсь понимать.

Сергей Сергеев

По поводу статьи Елены Чудиновой

Признаюсь, я принадлежу к давним поклонникам литературного и публицистического дара Елены Чудиновой. Поэтому для меня весьма лестно, что она откликнулась (хотя и критически) на мою статью о дворянстве. Приятно мне и то, что в отличие от других моих оппонентов-элитофилов (для которых что североамериканские негры, что русские крестьяне — одинаково презренны) автор «Мечети Парижской Богоматери» по поводу факта существования в России крепостного права искренне печалится (правда, дворянство она все равно величает «лучшим сословием»), что свидетельствует о нечуждости ей элитофильского социального расизма). Это настраивает на спокойную и уважительную дискуссию.

Другое дело, что спорить особенно не о чем, аргументация Елены Петровны мне представляется совершенно неубедительной и основанной главным образом на эмоциях (пусть и патриотических), а не на умозаключениях и фактах. Чего стоит филиппика

в адрес П. Г. Каховского, который якобы мародерствовал в Москве в 1812 г. (ему тогда было 15 лет, нигде таких сведений мне не попадалось, откуда их почерпнула Чудинова — загадка!) и которого нельзя цитировать, ибо он убил гр. М. А. Милорадовича. По такой логике из русской истории надо бы исключить героя Чесмы гр. А. Г. Орлова (одного из убийц Петра III) и героя Прейсиш-Эйлау гр. А. Л. Беннигсена (одного из убийц Павла I). Это, конечно, частность, но частность очень характерная для стиля моего уважаемого критика. Главное же в том, что заглавие ее статьи не слишком коррелируется с текстом последней. Да, крепостное право *используется* в качестве либерального мифа, но само оно — вполне очевидная, документированная историческая реальность, и Чудинова ничем не доказывает его мифологичность.

Неизбежные для апологетов дореволюционной России восклицания: «А на Западе и не такое было!» и ссылки на ужасы английско-диккенсовских

работных дома не делают ужасы крепостничества иллюзорными. У *них* было свое социальное зло, у *нас* — свое. Глупо выяснять, какое хуже. «Оба хуже». Но в контексте темы важно то, что англичане со своим злом справились успешно (кроме того, его масштабы были несравнимо меньшими; даже по тенденциозному Марксу получается, что пауперы в Британии XIX в. составляли не более 6% населения, в работных же домах находилась их меньшая часть), а мы со своим — справились плохо (при том, что это был центральный вопрос русской жизни первой половины того же столетия, даже перед реформой 1861 г. крепостных числилось почти 35%). В результате: английское нацистроительство победно завершилось, а русское — катастрофически и кроваво сорвалось. И вина за это прежде всего лежит на русской элите, костяком которой было дворянство. Не понимаю, что можно против этого возразить.

Неужели, то, что дворяне торговали только дворовыми людьми, а крестьянами нет? Даже если бы это было правдой, утешение слабое. Но это *неправда*. Удивительно, что Чудинова, историк по базовому образованию, моя однокашница (но более раннего выпуска) по истфаку МГПИ, с гордостью подчеркивающая, что она — ученица В.Б. Кобринина (я — ученик А.Г. Кузьмина), забыла то, что положено знать не только по вузовской, но и по школьной программе. В любом классическом курсе русской истории — В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, А.А. Корнилова — о помещичьей торговле *именно крестьянами* говорится четко и недвусмысленно. Елена Петровна цитирует гр. А.К. Толстого, А.А. Ахматову, но лучше бы она, ближе к теме, вспомнила хрестоматийные «Мертвые души»: Чичиков там покупает не мертвых дворовых, а мертвых крестьян. Ну и чтобы «закрыть вопрос», процитирую новейшее научное исследование, основанное на дотошном изучении законодательства Российской

империи: «Крестьяне и дворовые люди являлись <...> частью недвижимой собственности помещика <...> Помещик имел право продавать и покупать крестьян, закладывать их, переселять в другие имения. И хотя в начале XIX в. была запрещена продажа крепостных людей на ярмарках и торгах лично и без земли (де-факто это продолжало происходить, о чем есть многочисленные свидетельства. — С.С.), не разрешалось публиковать в газетах сведения о продаже крепостных, это не меняло существа дела. “Перекрепление” крестьян от одного владельца к другому совершалось на основании общих правил о переходе “частной собственности” лишь с соблюдением некоторых ограничений. <...> Перевод крестьян во двор или дворовых людей на пашню, изменение их повинностей зависит от усмотрения владельца» (Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. С. 571).

Странно читать, что во всех наших бедах виновата Орда (от стояния на Угре до Петра I прошло более двухсот лет), о том, что у Петра не было времени для более эволюционных реформ (да, шла Северная война, но кто ее затеял?). Видимо, не хватало времени и у Алексея Михайловича с Никоном, когда они затеяли церковную реформу; большевики и их подпевалы тоже любят ссылаться на нехватку времени для оправдания своих варфоломеевских ночей, — похоже, у правящей верхушки в России хроническая хроноболезнь...

Смешно и грустно читать о «превосходной системе образования» в императорской России. При Александре II доля государства в финансировании народного образования составляла 11%, только в 1914 г. удалось перейти к всеобщему начальному образованию, перед революцией лишь треть русского населения была грамотной. Чудинова, конечно, не помнит исполненную ревности к народному просвещению

резолуцию Александра III по поводу крестьянского юноши Ананьева: «Это-то и ужасно, мужик, а тоже лезет в гимназию». «Социальные лифты» империи социальную напряженность нимало не снижали, ибо ими могли воспользоваться лишь очень немногие, а положение оставшегося «внизу» подавляющего большинства уж слишком диссонировало с положением «верхов». Как-то даже неудобно объяснять, что солдаты, поднявшие на *штыки* своих офицеров в 1917 г. совсем недавно держали в руках *вилы*, что массовое дезертирство в том же году было главным образом обусловлено тем, что армия состояла в основном из крестьян, боявшихся опоздать домой к переделу земли.

Чудинова видит в совместной борьбе крестьян и дворян против большевиков что-то мистическое. Но этому есть очень простое объяснение. Сначала, получив от новой власти декреты о земле и мире, крестьяне ее поддерживали. Позже, испытав прелести продразверстки, стали ей сопротивляться. Но когда белые пытались восстанавливать старорежимные порядки, они снова переходили на сторону красных (см. хотя бы мощнейшую партизанскую войну сибирских крестьян против Колчака), те хотя бы землю, самовольно захваченную крестьянами во время «черного передела», не отнимали. Не будь «аграрного вопроса», так и не решенного элитой царской России, никакой «инородческий интернационал» не смог бы захватить в ней власть.

Елена Чудинова считает, что проблема крепостного права — это проблема «хороших и плохих» дворян. Я же думаю, что дело в «плохой» системе крепостничества, в которой даже «хорошие люди» (например, Пушкин, имевший в Михайловском крепостной гарем) оставались социально «плохими». Мой уважаемый оппонент (как и многие другие ностальгирующие по петербургской империи) полагает, что эта система была объективно-вынужденной гео-

политическими обстоятельствами. Я же подозреваю, что «геополитический аргумент» — отмазка для сословно-классового эгоизма «благородного сословия». Ни Семилетняя война, ни войны с республиканской и наполеоновской Францией, ни подавление Венгерской революции не были продиктованы геополитической необходимостью, их причиной явилась геополитическая *утопия* «похищения Европы» (В. А. Цымбурский), в осуществление которой вложили столько сил, средств и крови, что их с избытком хватило бы на нормальное обустройство постоянно истощаемой Центральной России.

Не то чтобы русская дореволюционная элита была «плохонькой», она дала России много выдающихся (и даже великих) людей, но как организатор нациостроительства она, к сожалению, оказалась недостаточно хороша, это факт. Самое ужасное, что нынешняя элита РФ, не имея никаких достоинств былого дворянства, воспроизводит в утрированном виде все его пороки (ну разве крепостничество пока отсутствует, но в нем просто сегодня нет нужды, а так бы непременно его учредили). Поэтому и есть смысл напомнить о том, *к чему* привела безответственность элиты *тогда*.

Я никого не призываю каяться, а лишь призываю трезво извлечь уроки из нашего прошлого, не приукрашенного и не романтизированного, как предпочитает его видеть эстетически идеализирующий глаз нашей талантливой писательницы. «Россия, которую мы потеряли» — это не потерянный рай, нам некуда возвращаться. Нам надо идти *вперед* — *к русскому национальному государству*, которого еще не было в нашем прошлом, но которое должно быть в нашем будущем. Надеюсь, что, несмотря на историографические разногласия, по проблемам актуальной современности у Елены Чудиновой со мной нет принципиальных противоречий.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М.: Изд-во журнала «Москва», 2008. — 162 с. (Пути русского имперского сознания).

Труд известного русского историка Ивана Дмитриевича Беляева (1810–1873; т. е. в июле этого года можно праздновать его 200-летие) «Судьбы земщины и выборного начала на Руси», несомненно, является сегодня актуальным произведением. Работа была написана по заказу Великой княгини Елены Павловны как исследование о началах, становлении, развитии земских представительских учреждений в России. Шел 1864 г., продолжалась эпоха «Великих реформ», разгорались споры и дебаты. Именно на это время приходится занятия Ивана Беляева данной темой. Автор имел огромный опыт работы с фактическим материалом, в частности с летописями и памятниками русской правовой мысли. Так, он исследовал архивные документы, состоя чиновником Архива старых дел, а с 1852 г. — адъюнктом по кафедре русского законодательства.

Идеи профессора Беляева по своему духу и направленности созвучны с духом славянофильства, и это не случайно: он был учеником М. П. Погодина, поддерживал взгляды И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина — идеологов русского славянофильства, апологетов общинного строя...

В этой работе историк рассматривает два властных начала: княжескую власть и власть выборную — вечевую и земскую. Он показывает самостоятельность выборных представительств относительно княжеской власти, но вместе с тем обращает внимание читателя как на взаимодействие, так и на «параллельность» существования этих начал, а зачастую и на открытую

конфронтацию между ними. Ученый исследует изменения, которые происходили с течением времени в структуре и организации земств, начиная с древнейшей эпохи первых русских князей до середины XIX в.

Через всю книгу незримо проходит мысль о том, что земская власть имела силу лишь тогда, когда ослабевала власть верховная, будь она властью княжеской или царской. Наглядным примером здесь являются усобицы и смуты, периоды междуцарствия, во времена которых власти предержавшей приходилось обращаться к народу. И наоборот, с укреплением вертикали власть отказывалась от защиты интересов своих «избирателей» в пользу интересов власти абстрактной, с гордым названием «государственная».

Беляев прослеживает изменения, которые произошли в положении русской земщины во времена владычества татар, акцентируя внимание на том факте, что она сумела избавиться от непосредственного их вмешательства во внутреннее устройство Руси. Ведь татары предприняли попытку переписать население Руси. Как известно, следствием этого стало народное восстание 1262 г., поднятое всей земщиной Северо-Восточной Руси без ведома князей, которые были вынуждены, защищая свои личные интересы, лавировать между Русью и Ордой.

Автор отдельно рассматривает развитие представительских органов в Новгороде Великом, где все управление держалось на выборных началах. Так, он пишет: «Выборы властей производились теми общинами, для которых выбирались власти, и каждая община управлялась теми властями, которых сама выбрала, и все выборы проводились не на определенный срок,

а насколько угодно будет обществу». Следовательно, княжеская власть утрачивала здесь то значение, которое она имела в соседнем Московском княжестве. Она оставалась здесь властью пришлой, не династической, так как князья не могли здесь укрепиться на престоле, стать государями, ибо в таком случае, по мнению автора, они становились бы сановниками, зависимыми от органов местного самоуправления.

Автор указывает на одно важное обстоятельство: «Единодержавие московских государей, начиная с великого князя Ивана III, не изменило зараз весь общественный строй на Руси... старое заменялось новым большею частью не по распоряжению верховной власти, не насилем, а естественным требованием жизни». То есть правители Руси усиливали единоличную власть для централизации государства. А для этого приходилось вести борьбу с боярской верхушкой, и, следовательно, нужна была поддержка со стороны *земства*.

И вот мы видим, как Иван IV в 1549 г. собирает Земский собор, на котором представлены выборные люди от всех сословий. Только с помощью земств, по мнению автора, царской власти удалось уничтожить все старые исторические права бояр как держателей земли Русской. А по прошествии времени подавить смуту и изгнать иностранных интервентов. Особенно им подчеркивается роль мер, принятых Иваном Грозным с целью реформирования и усиления земств после Земского собора 1549 г. В частности, речь идет об уставных грамотах, предоставляющих местным земствам право управляться выборными старостами, которые заменяли наместников, а также о составлении нового Судебника, ограждавшего земщины от своеволия наместников. Судебник запрещал царским чиновникам брать под стражу жителей города без ведома старост, а городским приказчикам давал ряд полномочий: защита жителей от притеснений наместников, контроль над торговлей (чтобы

она не происходила в ущерб городу), соблюдение порядка и мер при сборе податей, а также решение спорных вопросов в податных делах, наблюдение за имущественными делами и, наконец, контроль за приезжими людьми, прибывшими в общину.

На первый взгляд может показаться, что тема Земских соборов раскрыта не полностью и что автор уделил слишком мало места столь важному вопросу. Но объяснение этому вполне простое — у него существует отдельная работа под названием «Земские соборы на Руси». Иван Беляев замечает, что Земские соборы со временем начинают утрачивать то значение, какое они имели раньше, все больше и больше становясь опорой самодержавной власти.

Одну из глав книги автор посвящает судьбе земства в петровское время. По его мнению, Петр I, начиная реформы, допускал представителей областной земщины к делам администрации, но постепенно начал отстранять земцев от дел местного самоуправления, передав власть под надзор военного начальства: «Россия по закону находилась как бы в постоянном осадном положении у русской же армии». А это в свою очередь привело к разделению русского общества на поклонников и противников реформ. Не улучшилось состояние земских органов и после смерти Петра Великого, когда были сведены на нет все принципы самоуправления среди нижних слоев населения. Стоит ли говорить, что в таких условиях о выборном праве речи уже не шло. Иван Беляев пишет в этой связи: «...народ, выданный отделившимся от него высшим обществом на жертву администрации и отданный администрацией в крепость высшему обществу, потерял всякую возможность заявлять о своих нуждах и оборонять свои права законным порядком».

Российская империя волей-неволей вновь начала нуждаться в преобразовании, реформировании органов самоуправления. И попыткой такого ре-

формирования стал указ Екатерины Великой об учреждении Комиссии для составления проекта нового уложения. В результате деятельность комиссии принесла некоторые плоды. Все сословия, кроме духовенства, были призваны на основах выборного начала к делам местного суда и самоуправления. Но это была уже не старая земщина: новая система самоуправления была дифференцирована в себе, т. е. дворянское собрание было отделено от городского, не говоря уже о собраниях деревенских. Да и должности выборных были скорее престижными, чем действительными (например, должность предводителя дворянства), а реальная власть оставалась в руках губернской администрации. К тому же, как справедливо отмечает автор: «крепостное право, развившееся к тому времени до крайних пределов, лишало большую часть народа не только права голоса, но и не давало равно никаких общественных прав».

Как известно, такой порядок вещей просуществовал практически без изменений до второй половины XIX в. Сын своего времени, И. Д. Беляев рассматривал крестьянскую реформу 1861 г. как шаг к сближению между сословиями, как предвестницу великих перемен в общественном строе государства. Но еще более прогрессивной реформой, которая, по его мнению, могла бы сблизить сословия, должна была стать земская реформа 1864 г. И хотя, согласно Положению о губернских и уездных земствах, их роль сводилась более к хозяйственной, благотворительной и просветительской деятельности, автор искренне верит, что это должно стать чем-то большим — той силой, которая сплотит государство и утвердит в нем принципы народной демократии.

Насколько (не) сбылись чаяния русского профессора истории, пришлось увидеть уже его потомкам. Но сам Иван Беляев в конце данной работы выражает поразительный исторический оптимизм: «Какие бы неудачи на первых по-

рах ни встретили настоящий институт, но его вынесет сродство с древним историческим институтом земщины на Руси, это сродство поможет укорениться ему в русском народе и принести обильные плоды на благо русской земли... теперь чреда обществу правильно исполнить свои обязанности». Эти слова выдающегося историка не утратили своей актуальности и сегодня.

Вадим Момотов

Скрынченко Д. В. Минувшее и настоящее. Избранная публицистика / Пред., сост., подготовка текстов В. Б. Колмакова. Воронеж, 2009. — Ч. 1 [194 с.]; ч. 2 [192 с.].

Когда-то, в общем не так и давно, на территориях нынешних Украины и отчасти Белоруссии так же, как и сейчас, был силен национализм. Отличие от дня нынешнего состоит лишь в том, что национализм этот был русским (подчеркну, не великорусским, а русским, или лучше сказать, общерусским). Не случайно т. н. Черная сотня как политическая организация появилась не в Москве или Петербурге, а в Киеве. Давление сплоченных и энергичных инородцев, прежде всего поляков и евреев, к тому же исповедовавших религии, резко враждебные православия, стало основной причиной появления национализма имперской нации. Таким образом, проклятый и изруганный русский национализм был не только вторичным по отношению к русофобствующему шовинизму инородцев, но и плохо коррелировался с бурно растущим национализмом основных народов Европы.

Судьба самих русских националистов была горькой и даже трагической. Это демиург малороссийского партикуляризма Михаил Грушевский мог комфортно доживать свой век почетным советским академиком. Его современник и тезка, русский националист Михаил Меньшиков по приговору «пролетарского» суда был расстрелян на глазах собственных детей. Дмитрий

Васильевич Скрынченко сумел ускользнуть от свирепости чрезвычайек, но, согласно другой «славной» традиции отечественных интернационалистов, его просто «забыли». Однако слово, особенно печатное слово, обладает какой-то загадочной энергией и часто становится «шилом», которое невозможно утаить ни в каком «мешке».

В 2009 году воронежский историк В.Б. Колмаков опубликовал собранные им статьи Д.В. Скрынченко, снабдив их содержательным предисловием. Биография Скрынченко в изложении Колмакова сама по себе повод для любопытных, но отнюдь не радостных выводов. Очевидно, что теряющая политическую витальность имперская власть не только оставила без всякой поддержки своих защитников (а националисты того времени, за редким исключением, были защитниками монархии), но часто препятствовала их деятельности. Как-то единомышленник и коллега Скрынченко Василий Розанов отметил, что в России начала XX века быть в оппозиции означало быть верующим и монархистом. Драма Скрынченко-журналиста, чужого среди своих, перешла в трагедию Скрынченко-эмигранта, оказавшегося в Югославии, где он так и не стал своим среди чужих.

Собранные В.Б. Колмаковым тексты — это статьи для периодических изданий, что, конечно, во многом определило их стиль. Тут нет характерной для академического дискурса холодновато-объективистской отстраненности, отточенных определений, четко заявленной темы. Зато есть нечто не менее ценное, а именно: хирургически точное определение болезней нашего национального организма, ясный, без туманных фантазий, взгляд на происходящее и, наконец, живое, полное «горячей крови» ощущение нации как подлинной, нуждающейся в сохранении и защите ценности.

Национализм — основная мелодия работ Дмитрия Скрынченко, ясно уло-

вимая в пестроте газетных откликов на «вопросы времени». В опасном, полном «подводных камней» национальном вопросе Скрынченко предельно конкретен. Врагами России (в ее западных областях) он называет польские притязания, либеральное еврейство с его многоликим «интернационализмом» («жидовщина» в терминах автора), немецкое засилие и малороссийский партикуляризм. Последний Скрынченко считает «польско-австрийским изделием». В силу того, что польский и немецкий элементы были представлены прежде всего аристократией, еврейской буржуазией и интеллигенцией, а русскими оставались «поп да холоп», Дмитрий Васильевич выступал не только как националист, но и как демократ. Защита «подлых» сословий объективно становилась защитой православного русского начала, свято сбереженного народом, несмотря на века свирепых гонений. Для современного читателя польский вопрос потерял свою актуальность, перейдя в область исторического, страсти вокруг еврейского вопроса тоже несколько поутихли. Зато тема Украины обрела первостепенную важность.

Идейно и, если так можно выразиться, психологически Скрынченко связан со славянофильской доктриной. Девиз «Россия для русских» означал для него обретение русскими «исторического своего места» в государстве, утерянного «в течение последних 200 лет» (т.е. с Петра Великого). Таким образом, он, по-славянофильски, отказывал петербургской империи в статусе Русского государства. Однако, в отличие от большинства выродившихся идейных потомков Алексея Хомякова и Ивана Киреевского, Скрынченко ясно понял колоссальную опасность принципа культурной автономии, особенно когда дело касалось Малороссии. Используя лозунги культурной автономии, западнорусские сепаратисты, возросшие большей частью на австрийские кроны, могли практически

легально вести антиправительственную и антирусскую пропаганду. Целью и одновременно средством последней были попытки вытеснения Большой русской культуры с замещением ее глубоко провинциальным украинством. Напомню, что одной из первых акций радикальных украинских националистов было осквернение памятника Пушкину в Харькове.

Решительное отрицание принципа культурной автономии для Малороссии делает честь уму и пронизательности Скрынченко. К сожалению, он не нашел поддержки даже в среде «национально ориентированных» октябристов, из-за чего покинул ряды этой партии. Зато его единомышленником неожиданно оказался либерал и западник кадет Петр Струве. Резко выступал Дмитрий Васильевич против растущего у малороссов культа Тараса Шевченко. Ему был совершенно очевиден политический подтекст придания провинциальному стихотворцу ранга «регионального» гения. Теперь, после распада СССР, мы вынуждены пожинать плоды недальновидной политики петербургской бюрократии и завиральных экспериментов Советской власти.

Не могу не отметить текстов Скрынченко, посвященных великому иерарху Русской Церкви, митрополиту Антонию (Храповицкому). Прообраз Алеши Карамазова показан хорошо его знавшим публицистом, политиком — борцом за русское дело. Для Скрынченко, не видевшего ни малейшего противоречия между универсальной истиной христианства и ограниченной правдой национализма, деятельность владыки Антония представлялась образцом архиерейского служения.

Конечно, многочисленные, написанные хорошим языком статьи Д. В. Скрынченко касаются и многих других тем жизни России начала XX века, охватить которые совершенно невозможно в небольшом рецензионном тексте. Но, повторюсь, главное у Дмитрия Васильевича — тре-

вога и боль за судьбу великой русской нации. И, живя в немыслимо трагическую эпоху нашей истории, он не позволил отчаянию заслонить нечто большее — НАДЕЖДУ.

Александр Ефремов

ПОЗАВЧЕРА, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

Коцюбинский Д. А. Русский национализм начала XX века. М.: РОССПЭН, 1998. — 528 с.

Митрохин Н. А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 624 с.

Байгушев А. И. Русская партия внутри КПСС. М.: Алгоритм—Книга, 2005. — 592 с.

Книги изданы в разное время и касаются разных эпох: одна посвящена началу XX века, две другие — его концу. Две из них представляют собой научные исследования, третья — мемуары участника событий. Их, однако, негласно объединяет одна общая идея, один общий интерес. Русское движение дважды поднималось мощной волной накануне колоссальных исторических деформаций России — до революции и перед перестройкой. Но в обоих случаях потерпело полное поражение, крушение. Здесь есть что сравнить и над чем поразмыслить.

Книга Даниила Коцюбинского — переработка его докторской диссертации; она документальна, скрупулезна, хотя и не грешит симпатией к предмету изучения. Как патологоанатом, он вскрывает минувшее, чтобы найти причины летального исхода. И обнаруживает следующее.

Самые главные ошибки и упущения всегда коренятся в «проекте», то есть — в идеологии. Россия нуждается (тезис Коцюбинского) в национальной доктрине, «которая бы одновременно сочетала национально-традиционные и либерально-демократические начала», но регулярно проигрывает из-за ее отсутствия. Попытки создания такой доктрины русскими национали-

стами начала XX века оказались несостоятельны. Почему?

Проведя множество дебатов, они не смогли договориться о базовых смыслах. «Таких как: содержание понятий “нация”, “национализм”, “русский народ” и “русская государственность”; отношение к институтам политической, гражданской и религиозной свобод; отношение к русскому национальному характеру; оценка соотношения “западнических” и “почвеннических” традиций в национальной русской истории; отношение к европейскому социально-политическому опыту; позиция по вопросу о свободе предпринимательства; отношение к населяющим Россию инородцам, а также к путям и перспективе решения “инородческого вопроса” и многое другое».

Боже, как все это знакомо! Как, увы, современно!

Коцюбинский столь же верно вскрывает основное общее противоречие до-революционных националистов: нельзя исповедовать и проповедовать уваровскую триаду («православие — самодержавие — народность») и одновременно мечтать о Русском национальном государстве. Антиплеменной, всечеловеческий акцент православия, надплеменной характер имперского самодержавия не очень-то совместимы с сугубо племенной идеологией национализма.

Автор особо останавливается на анализе идейного багажа Всероссийского национального союза, представлявшего собой прогрессивную верхушку русского движения начала XX века, сознававшую необходимость тотальной модернизации России. При этом он находит два «фундаментальных изъяна» русского либерального национализма, которые, по его мнению, «существуют независимо от краткосрочной исторической конъюнктуры и делают принципиально невозможным оформление его в продуктивную и жизнеспособную политическую доктрину».

Это, во-первых, объективная невозможность вписать «западнически интер-

претированную русскую националистическую доктрину в многонациональный (“имперский”) общероссийский контекст».

А во-вторых — такая же невозможность «органично совместить традиционные национально-русские реалии с общеевропейскими социально-политическими ценностями».

Минувшее с выхода книги десятилетия развеяло эти опасения, которые уже не воспринимаются реальной угрозой. С одной стороны, отпала как возможность, так и необходимость вписывать что бы то ни было в «многонациональный (имперский) контекст» за его полным отсутствием. В отличие от империи Романовых и тем более от СССР, Россия сегодня по всем мировым стандартам является мононациональной страной, а русские — единственным государствообразующим народом, т. е. собственно нацией. С другой стороны, горький опыт прививки на русскую почву европейских ценностей принес нам разочарование скорее в тех «ценностях», нежели в нашей «почве». Не прививаются? И слава богу! Целее будем... Да и «традиционные реалии», как свидетельствуют опросы, успели к нашим дням трансформироваться порой до неузнаваемости.

Автор не коснулся таких важных аспектов поражения русских националистов начала XX века, как их социальная база и преимущества их противников. По этому поводу скажем коротко: в отличие от левых партий, в конце концов взявших власть, они не имели и не могли иметь опоры ни в мировом политическом контексте, ни в широких рабоче-крестьянских массах России, ни у прогрессивной интеллигенции как левого, так и правого толка. А сделанная ими ставка на правительство и царя не давала перспектив в условиях катаклизма.

В последние годы стали вспоминать о так называемой «русской партии», сложившейся в 1970–1980-е годы в недрах правящей КПСС и высших

номенклатурных кругах. О ней с различных позиций рассказывают книги Николая Митрохина (это его кандидатская диссертация) и Александра Байгушева, одного из центральных фигурантов этой «партии внутри партии».

Существовала она, разумеется, не явно, а в превращенном виде, прикрываясь «Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры» (ВООПИК, основано в 1966 г.). Во главе общества встали известные русские ученые, художники, писатели, музыканты — академики Б.А. Рыбаков, И.В. Петрянов-Соколов, П.Д. Корин, И.С. Глазунов, А.М. Леонов, В.Д. Иванов, В.А. Солоухин, В.Н. Иванов (он стал первым фактическим председателем Центрального совета ВООПИК) и архитектор-реставратор П.Д. Барановский. В мае 1968 г. в Новгороде прошла организованная ВООПИК конференция «Тысячелетние корни русской культуры», на которой выступили десятки видных деятелей русской культуры. После чего при ВООПИК была создана секция по комплексному изучению русской истории и культуры, получившая негласное название «Русский клуб».

По всей стране быстро возникла сеть русских клубов, ведших колоссальную работу по возрождению русского национального сознания посредством лекций и диспутов о русской культуре и истории. Шла и практическая работа по спасению шедевров русского зодчества и иных отечественных святынь, требовавших юридической защиты и реставрации.

Неполитическая по своему статусу, эта клубная сеть на деле мобилизовала русскую национально мыслящую интеллигенцию и вела, по сути, политическую пропаганду, направленную против космополитически-интернационалистического воспитания, против целенаправленного вытравливания русских духовных начал. Политическая проекция культурнической деятельности привела к тому, что в партийно-бюрократических и жур-

налистских сферах сложилось довольно влиятельное русское лобби. Как пишет Байгушев, РП имела в своем распоряжении мощный пропагандистский аппарат: «Огонек», «Литературную Россию», «Молодую гвардию», «Москву», «Наш современник», «Кубань», «Волгу», издательства «Современник», «Советская Россия», «Воениздат», а также такие массовые журналы, как «Роман-газета», «Театральная жизнь», «Пограничник» и многомиллионный журнал «Человек и закон».

Допустим, все это так. Но тогда тем более непонятен проигрыш РП. Куда улетела байгушевская «возрожденная из пепла, как птица Феникс, Русская Идея»? Зерна были посеяны: где урожай?!

Три миллиона членов Союза русского народа (не считая менее крупных русских организаций) перед Октябрем 1917-го... Пять миллионов членов ВООПИК накануне перестройки, многие миллионы читателей, сочувствующих...

И что? И ничего. Русским националистам, накопившим немалую массу и представлявшим, несомненно, значительную общественную силу, в обоих случаях не удалось овладеть политической ситуацией, не удалось взять власть и направить Россию по оптимальному пути развития, уберечь страну от катастрофы.

Почему? Рассматриваемые книги побуждают к проникновению в эту загадку.

Точку зрения Коцюбинского мы знаем. А книги Митрохина и Байгушева по-разному отвечают на этот вопрос.

Байгушев, активист РП, занимал серьезные посты, дружил с дочерью Брежнева, был вхож в самые высокие кабинеты и даже в дом генсека. Его «взгляд изнутри» ценен откровениями о мыслях, настроениях и борьбе внутри высшего звена советской власти. Об отношении разных фракций этой власти к русскому народу, русской идее. Он полагает, что внутренняя политика с брежневских времен строилась «на

соперничестве-противостоянии двух теневых партий внутри Большого дома и по всей стране. Влиятельной, якобы “прогрессивной”, “демократической”, а на деле просто прозападной, интеллигентской, условно говоря, “Иудейской партии внутри КПСС”. И противостоящей ей — сдерживающей ее, быстро усиливавшейся, якобы “консервативной”, “имперской”, а на деле чисто “туземной”, равнодушной к “интернационализму”, а напротив, державно-почвенной, имперско-государственной, “черносотенной”, условно говоря, “Русской партии внутри КПСС”».

Но, как говорится, дом, разделенный в себе, погибнет. Если прозападная партия сумела при всех внутренних несогласиях сохранить единство и в результате взять всю власть, то РП раскололась по двум направлениям.

Одно из них выразил Байгушев: мы должны «программно вернуться на отечественную патриотическую почву. К корням! К Наследию! К ценностям вечным, а не относительным». Ничего нового, авангардного не предлагалось.

Другое — Петр Палиевский, прозорливо считавший, что «стратегию и тактику надо менять на более либеральную и близкую интеллигенции. Надо проникать, вживаться», надо проводить более «широкую и чисто просветительскую линию, стараясь сделать “русские клубы” лакомым местом для самой рафинированной интеллигенции». Он был резко против привлечения официоза, партноменклатуры, считая, что даже одна одиозная фигура скомпрометирует все движение в глазах интеллигенции.

Сегодня ясно, что Палиевский был абсолютно, фатально прав. Но победила другая линия. Результат налицо.

«Если честно, то мы проиграли, — запоздало резюмирует Байгушев. — Мы сделали катастрофу сами — своими русскими руками». Однако причину катастрофы он, на мой взгляд, находит неверно: мы-де сами подспудно хотели падения советской власти. И еще: «Мы,

русские, — были чистоплюи. На этом и проиграли свою державу». Не в том кается товарищ. Ниже он скажет вернее: «Не знаю, простит ли нам когда наш тяжелейший грех молодое поколение, — но, привыкнув к тридцатилетнему стереотипу своего существования в роли теневого русского крыла внутри КПСС, мы, оказавшись перед новой реальностью, испугались самостоятельного политического плавания». И затем — еще вернее и жестче: «Это неизлечимый СПИД национал-большевизма, ввевшийся в наши души за полвека общей борьбы под его маской».

Еще ближе к истине подошел в своем научном исследовании к. и. н. Митрохин, хотя его и критикуют ветераны РП за неточности и искажения.

Митрохин отмечает тактические промахи РП: «ее активность в период с 1982 по 1991 г. была сосредоточена на захвате и укреплении позиций в литературной среде, несмотря на то, что период перестройки, особенно на раннем этапе, предоставил ее членам уникальные возможности для участия именно в политическом процессе принятия решений... ВООПИИК так и не стал ядром движения русских националистов. Он не смог ни транслировать этнонационалистические идеи своим региональным активистам, ни, тем более, стать полуполюгальной националистической партией».

Но были ошибки и стратегические, роковые. Руководящая и представительская верхушка РП, во-первых, оказалась связана по рукам патронажем советской власти, а во-вторых — привязана к коммунистической идеологии. От патронажа власти, положим, отказаться не было возможности: перервать пуповину было не по силам. Но идеология...

Секрет поражения РП, по Митрохину, в том, что она проиграла главную ставку эпохи — ставку на высоколобых. У РП не нашлось для них ни привлекательных идей и лозунгов, ни даже художественно привлекательной упаковки; либералы-космополиты казались

талантливее, интереснее, острее и современнее, они шли навстречу мечтам, интересам и вкусам интеллигенции.

Сочетание национализма с консерватизмом оказалось провальным. Старая истина — нельзя идти вперед с головой, повернутой назад — нашла новое подтверждение в неуспехе РП.

За свои стратегические и тактические ошибки подвижникам Русской идеи пришлось сурово расплатиться: после революции — жизнью, после перестройки — карьерой и судьбой.

А. С.

ПОМНИ, НЕ ЗАБЫВАЙ

Что значит быть русским сегодня? Сочинения старшеклассников — участников конкурса, проведенного в марте-июле 2003 года. М.: Московский гуманитарный университет, 2005. — 328 с.

Книга столь же уникальна сама по себе, как и история ее создания.

Изданная к очередному Всемирному Русскому Собору тиражом всего 1000 экземпляров, книга была преподнесена Патриарху Алексию II, который, прочтя ее, счел нужным поблагодарить ректора МосГУ Игоря Михайловича Ильинского теплым письмом от 4 марта 2005 года, в котором есть знаменательные слова:

«Много вокруг говорится о бездуховности молодого поколения россиян, его уходе в бизнес, в заботы о материальном достатке. Голос тех, кто поддерживает своими силами духовное единство народа, кто чувствует призвание служить Отечеству и Православию, кто не на словах, а на деле проявляет любовь к ближнему своему, милосердие, добродетельность, нередко заглушен, не слышен, не замечен. Тот, кто прочтет эту книгу, убедится, как значимы ценности патриотизма для молодых россиян. Отрадно сознавать, что думы о русском народе, вера в его высокую миссию и стремление служить Отечеству наполняют сердца и умы нашей молодежи. Выражаю надежду, что мысли юношества

о судьбах русского народа будут услышаны всеми, кому дорога Россия. Издание книги, что представила нашу молодежь думающей, совестливой, радующей о благе народа, — благородное дело. И да сопутствует организаторам издания и молодым авторам в деле этом помощь Божия!»

Не все, однако, отреагировали на русские юношеские думы так же радостно и позитивно, как Патриарх Московский и всея Руси.

«Расизм с доставкой на дом» — охарактеризовала эту инициативу газета «Московские новости». «Нацисты рвутся в систему образования!» — пресс-конференцией с таким названием разразилась руководитель фонда «Холокост» Алла Гербер.

Не прочитавшие ни одного из конкурсных сочинений, в глаза даже не видавшие их, эти деятели умудрились усмотреть в работах школьников и нацизм, и расизм, и фашизм, и вообще все самое скверное. Это тем более удивительно, что в 1996 г. аналогичный конкурс с названием «Что значит быть евреем сегодня?» провели к всеобщему удовлетворению еврейские организации. И это никого не смутило.

Какова же история этого необычного издания, вызвавшего столь протivoречивую читательскую реакцию?

В апреле 2003 г. в «Учительской газете» было объявлено, что ряд общественных организаций и государственных учреждений, среди которых Комитет по культуре и туризму Государственной Думы России, Федеральная русская национально-культурная автономия России, Русский клуб искусства и культуры, Русский интеллектуальный клуб, Лига защиты национального достоинства и «Национальная газета», а также Региональный общественный фонд содействия русской культуре «Русский Фонд» учредили конкурс на лучшее сочинение на тему «Что значит быть русским сегодня».

Высокий уровень поддержки (комитет Госдумы принимал специальное

решение) и репутация учредителей придали конкурсу необходимый уровень респектабельности.

Информационную поддержку конкурсу оказала «Литературная газета».

Призы были назначены «недетские»: 1-е место — 60 тыс. руб., 2-е — 30 тыс. руб., 3-е — 15 тыс. руб. По замыслу учредителей, этот фактор должен был заставить отнестись конкурсантов с максимальной серьезностью к заданию, а также активизировать широкий круг помощников и сочувствующих — от директоров школ и учителей до родителей, близких родственников, друзей и знакомых.

Конкурсную комиссию возглавил Александр Севастьянов, занимавший в то время пост сопредседателя Национально-Державной партии России.

К каким последствиям привела эта инициатива и какие выводы позволяет сделать этот социальный эксперимент?

Конкурса с такой темой не было в нашей стране, как бы она ни называлась, никогда прежде. Ни в царской России — тогда ответ считался как бы сам собою разумеющимся. Ни, тем более, в СССР — с его засилием официального интернационализма, с ожесточенным перековыванием русских, татар, грузин и всех прочих — в «советских».

Сверхзадача, которую ставили учредители конкурса, кристально ясна: в условиях тотальной денационализации русского народа, которой он подвергается уже столетиями (а особенно жестоко, изуверски и последовательно — в XX–XXI вв.), предложить молодому поколению русских людей задуматься: а кто мы, собственно, есть? И что это значит — «быть русским» в первую очередь для нас самих, но и для других тоже? И подключить к решению этих непростых задачек максимальное количество взрослых, которым давно не мешало бы подумать о своем национальном самостоянии.

Хотелось и прозондировать ситуацию: насколько вообще способна современная молодежь осмыслить и «поднять» проблему подобной «тяжести». Не безнадежное ли это дело — будировать в новом поколении национальный вопрос?

В ходе конкурса удалось вовлечь в работу над данной важнейшей темой весьма значительное количество юношей и девушек, и даже школьных коллективов. Учителя, родители, бабушки и дедушки, болеющие за своих детей, также активно включились в обсуждение животрепещущей проблемы. Всего в адрес комиссии поступило 601 сочинение из 60 регионов России, а также из Казахстана, Литвы, Молдавии и Украины. Работы приходили из множества городов, сел и деревень, названия которых были порой в диковинку, звучали таинственно и экзотически. Причем зачастую сочинения, присланные из самой что ни на есть глубинки, оказывались на удивление зрелыми, умными, благородными!

История уже запустила механизм нашего национального пробуждения, и это ярко отразилось в присланных работах. Несмотря на определенное засилие известных расхожих представлений («умом Россию не понять», «быть русским — значит быть патриотом, независимо от национального происхождения», «быть русским — значит быть православным», «быть русским — значит быть человеком русской культуры, мыслящим по-русски» и т. д.), комиссия убедилась: русские дети пробиваются к истинному и современному осознанию собственной национальной идентичности — важнейшему из определенных человеку в его жизни качеств.

Найти себя и быть собой — вот две самые важные жизненные задачи, стоящие перед каждым человеком. Участники конкурса решили по крайней мере одну из них...

Попутно, кстати, полностью развеялся миф о том, что-де «чистых русских в России не осталось», а те, что

остались, дефективны. По условиям конкурса, претенденты выслали вместе с работой — фотографию и свидетельство о рождении. И что же? Абсолютное большинство присланных на конкурс работ (а из лучших — практически все) написано молодыми людьми, оба родителя у которых — русские. Факт, имеющий серьезное социологическое значение.

Весь массив сочинений передан в Московский гуманитарный университет для проведения социологических анализов, в результатах чего могут быть заинтересованы многообразные российские инстанции вплоть до президента страны.

Редакция «Вопросов национализма» рассчитывает постепенно познакомить читателей с наиболее интересными работами.

Пока же, ввиду очевидной общественной значимости мероприятия, мы обращаемся к инициативным людям на местах с предложением проводить подобные конкурсы в регионах и даже отдельных городах. Для этого надо немного: собрать призовой фонд, найти достойных учредителей и прочитать статью из Гражданского кодекса, регламентирующую организацию конкурсов. Успехов, друзья!

А. С.

Семанов С. Н. Русские для России. М.: Алгоритм, 2010. — 464 с. (Двести лет вместе).

Новая книга известного русского историка и публициста, одного из лидеров «Русской Партии» 60–80-х гг. Сергея Николаевича Семанова представляет собой сборник его избранных статей за последнее двадцатилетие.

Семанов — один из немногих ветеранов русского национального движения, не оставшийся навсегда в стране шестидесятнически-семидесятнических грез, сохранивший живой и трезвый взгляд на вещи. Он не тоскует ни по самодержавию, ни по «советской цивилизации», не мечтает о «России–Евразии» или «Пятой империи». Он — убежден-

ный сторонник русского национального государства, создать которое способен только сам русский народ.

В одной из своих последних работ «Быть русским достойно есть» Семанов пишет: *«Воистину, никто не озабочен судьбой именно русского народа, “ни бог, ни царь и ни герой”, т. е. ни церковные иерархи, ни власть... ну, а героев у нас сегодня нет... Но до поры, ибо призрак Кондопоги бродит по России... Русский народ сам себя защитит, в чем напрасно сомневаются некоторые маловеры. У русских в России есть на то все права, и не только юридические и тем паче не пресловутые “права человека”, а те, которые основаны на высшей, надмирной правде и справедливости, ибо русские есть законные наследники державы».*

Тематика статей, вошедших в сборник, чрезвычайно разнообразна: от размышления о достаточных границах Русского государства — до сокрушительно-памфлетного разбора современного либерального литературного справочника. Значительную часть тома составляют весьма познавательные работы об истории «русско-еврейских разборок» (конек автора) и мемуарные очерки о людях и делах «Русской Партии».

Все хорошо в новой книге Сергея Николаевича, кроме одного — названия. Предполагаю, что оно придумано издательством. Ибо сам автор недвусмысленно поддерживает старый лозунг русских националистов. *«...Твердо и спокойно повторим подлинно общенародный клич: Россия для русских!»*

С. С.

Самоваров А. В. Нужно ли нам возвращаться в СССР? Русский проект. М.: Яуза-пресс, 2009. — 320 с.

Александр Самоваров, один из лучших публицистов современного русского национализма, собрал под одну обложку свои статьи, резко и темпераментно полемизирующие с «красными патриотами», сторонниками реставра-

ции СССР. Автор считает такую полемику актуальной, ибо *«с каждым годом растет процент тех, кто считает Советский Союз “потерянным раем”»*.

Нельзя не согласиться с тем, что любая ностальгия — по Российской империи или по Советскому Союзу — политически вредна для русского дела, ибо задает ему совершенно утопические и ненужные цели, но зато полезна российскому правящему режиму: *«Наивная вера в СССР и ненависть к демократии объективно могут сыграть жестокую шутку с нашим народом. На волне этой веры может установиться прямая диктатура номенклатуры, уже не обставленная какими-то демократическими процедурами и не имеющая вообще никаких обязательств перед народом»*. Поэтому книгу Александра Владимировича нельзя не признать весьма своевременной.

Порой Самоваров в полемическом задоре, что называется, «перегибает палку». Но читать его всегда интересно, ибо он мыслит самостоятельно, опираясь на свою почти звериную интуицию и наблюдательный «острый глазок». Не всегда умозаключения автора кажутся вполне обоснованными, но будем надеяться, что в главном самоваровская интуиция нас не подведет: *«Русский реванш неизбежен»*.

С. С.

Брандербергер Д. А. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб.: Академический проект, Изд-во ДНК, 2009. — 416 с.

Исследование американского историка может служить хорошим дополнением-противовесом книге А. В. Самоварова. Брандербергер подробно показывает, *чем русский национализм обязан сталинской эпохе*. Ведь именно тогда, впервые в истории России, русская классическая культура и русская история стала достояни-

ем массового сознания. Грубо говоря, Пушкин сделался русским национальным поэтом только в 1937 г., после пышного празднования его юбилея, а Александр Невский превратился в нашего общенародного героя только после всесоюзного проката одноименного фильма С. М. Эйзенштейна (1938). Не будь сталинского «национал-большевизма», включившего идеи русского патриотизма в официальную идеологию, вряд ли было бы возможно появление «Русской Партии» 60–80-х гг.

Разумеется, Сталин обратился к «русоцентризму» не потому, что он был тайным русским националистом, а потому, что этого требовало самосохранение коммунистического режима, и старался держать «русификацию» под жестким контролем. Но, как это часто бывает в истории, ее последствия оказались далеко не такими, какими они предполагались изначально: *«...в 1953 году русские гораздо более четко сознавали свою принадлежность к русской нации, чем до 1937 года. Усилия партийного руководства заручиться доверием народных масс с помощью избранных русских мифов, легенд и образов привели к тому, чего сталинские идеологи никак не ожидали, — к развитию у русских национального самосознания, абсолютно независимого от общепризнанных социалистических ценностей. Поэтому формирование чувства национальной идентичности, хотя и связанное с одной из самых мощных пропагандистских кампаний середины XX века, следует скорее рассматривать как незапланированный и даже случайный побочный продукт сталинского заигрывания с мобилизационным потенциалом русского прошлого»*.

Книга чрезвычайно информативна, основана на обширном архивном материале и отличается ясностью, тщательно продуманной концепцией. Обязательное чтение для всех профессионально изучающих историю русского национализма.

С. С.

АВТОРЫ НОМЕРА

Галкина Елена Сергеевна

историк, политолог, доктор исторических наук, автор ряда книг и статей по социальной антропологии, этнокультурной и политической истории кочевых народов, а также по проблемам современного социально-политического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Горянин Александр Борисович

(р. 1941), писатель, публицист, политолог. Автор книг: «Разрушение храма Христа Спасителя» (Лондон, 1988; под псевдонимом), «Мифы о России и дух нации» (2002), «Традиции свободы и собственности в России» (2007), «Оптимистическое россиеведение» (2008), «Преображение России» (2008). Соавтор учебника «Отечествоведение» (2004).

Елисеев Александр Владимирович

(р. 1972), историк, политолог, публицист, кандидат исторических наук. Главный редактор интернет-портала «Правая.ру». Автор книг «Социализм с русским лицом» (2006), «Правда о 37-ом» (2007), «Русские в СССР. Потерпевшие или победители?» (2010).

Кильдюшов Олег Васильевич

(р. 1972), философ, социолог, переводчик, публицист, ведущий аналитик издательской и консалтинговой группы «Праксис», обозреватель журнала «Сократ».

Павловский Глеб Олегович

(р. 1951), политолог, политтехнолог, директор Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала».

Родригес Александр Мануэльевич

(р. 1952), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории МПГУ. Историк, политолог, специалист в области политической и социокультурной истории арабских стран, теории и методологии изучения процесса модернизации восточных обществ, колониализма и постколониализма, мусульманских диаспор на Западе. Автор более 250 публикаций, в том числе монографий «Нефть и эволюция социальных структур аравийских монархий» (1989), «Ислам в судьбах Египетско-Аравийского субрегиона» (1995, в соавт. с С.А. Кириллиной), «Кувейт, Ирак и мировое сообщество в конце XX в.» (2005) и др., а также учебников по новой и новейшей истории стран Азии и Африки.

Саввин Димитрий Владимирович

(р. 1984), историк, публицист. Автор ряда статей по русской церковной истории и по современным проблемам политической и церковной жизни.

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Храмов Александр Валерьевич
(р. 1989), публицист, автор ряда статей, размещенных на российских интернет-сайтах (АПН.ру, Русский журнал, Портал-Кредо.ру и др.).

Чудинова Елена Петровна
писатель, публицист. Автор романа-антиутопии «Мечеть Парижской Богоматери. 2048» (2005), переведенного

на сербский, французский, турецкий, норвежский и английский языки, изданного в Сербии, Франции и Турции (пиратское издание). Автор историкомистических романов «Держатель Знака» (1993, 1994, 2006), «Ларец» (2003, 2004, 2006), «Лилея» (2006), описывающих переломные моменты отечественной и общеевропейской истории.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Тема номера: Этнонациональный конфликт

- Теория и структура этнонационального конфликта.
- Русские и поляки: народы разных времен и разных пространств.
- «Хозяева» против «наемников»: русско-немецкое противостояние в Российской империи.
- «Русское подполье» сегодня.
- Этноконфликт и русская правозащита.
- Кавказская война продолжается?
- Истоки хорватской сербофобии.
- «Образ врага» в израильско-палестинском конфликте.

SUMMARY

The second volume of «Issues of nationalism» begins with fragments of discussion «Russian nationalism: the theory and practice» took place in the State Duma of the Russian Federation.

The major part of articles of new volume is associated with its general issue, correlation of nationalism and democracy. Political scientists, sociologists and political publicists of different schools and sights answer an editor's question «are Russian nationalism and democracy compatible?».

Publicist Alexander Hramov in the article on the theory and prospects of liberal nationalism asserts that liberalism and nationalism don't contradict each other, and moreover the combination of nationalism and democracy is necessary today for Russia.

The large block of articles is devoted to an existence of national democracy on Russian ground. Historian Alexander Gorjanin investigates in detail functioning of protodemocratic institutes in the Kiev and the Moscow Russia. Publicist Dimitry Savvin point out a role of Old Belief in preservation and development of the Russian democratic tradition and presents it as a model of Russian civil society. Historian Sergey Sergeev proves that the Decembrist revolt movement was the most important, but lost link of development

of Russian nationalism. Political publicist Alexander Sevastyanov tells about genesis of national democratic ideology in Russia in 1990th.

The next group of articles devoted to the world experience of mutual relations of nationalism and democracy. Philosopher Oleg Kildjushov traces an evolution of German national-liberalism, specially concentrating on its key figure, Max Veber. Historians Alexander Rodriguez and Elena Galkina tell about metamorphoses of national democracy in the Islamic world.

Political scientist Gleb Pavlovsk expound his opinion on the daunting problems of Russian democracy and Russian nationalism.

Historian Alexander Yeliseyev criticises «formal» democracy from a perspective of monarchist corporativism.

The most important document of modern Russian nationalism, «The Russian Truth» with the comment of its editor Maxim Brusilovsky is also published in the new volume.

The novelist Elena Chudinova polemizes with Sergey Sergeev on the role of serfdom in Russian history, she insist that it's in fact a liberal myth.

One can also find reviews on new books concerned with problems of the nation and nationalism in the last section of volume, «Criticism and the bibliography».

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77 – 37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 11.06.2010.

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37. Телефоны: 651-84-29
8-964-551-49-52 (К. Крылов)
8-916-950-61-43 (С. Сергеев)